СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие **7**

1 часть. В поиске апейрона **17**

Глава 1. Рекруты 17
Глава 2. Крымская рекогносцировка 25
Глава 3. На свидание в Париж 48
Глава 4. Московские расклады 72

Часть 2. Евхаристия **115**

Глава 1. Префация 115
Глава 2. Sanctus 130
Глава 3. Who is Mr.Stalin 168
Глава 4. Сцепка 182
Раздел 1. Миры Элеоноры 182
Раздел 2. Миф о масонах и других марксистах 200
Раздел 3. Черчилль 233
Глава 5. Анамнесис 242
Глава 6. Выстрел Хемингуэя 258
Глава 7. Эпиклеза 277
Глава 8. Интерцессия 290
Раздел 1. Гомеостаз просфоры 290
Раздел 2. Причащение 304
Раздел 3. У нового мира 313

Часть 3. Пролог аврио **341**

Глава 1. Имманентность и энигмы 341
Глава 2. Пресечение греха 390
Глава 3. Катарсис 411

Приложения **442**

Группа крови — на рукаве,
мой порядковый номер — на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве, не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!
В. Цой. «Группа крови»

Человек познает себя в слабости и силе.
Человек ищет Бога, идет к нему и от него, замыкая круг.
Соединяет свет, грязь, самопознание, падение и божественное откровение.
Создает и находит причины, оправдания и смысл.
Человек убеждает себя в том, что Бог есть, и что Бога нет, делает эти убеждения равновеликими, взаимосключающими и взаимодополняющими.
Иногда поиски человека и государства совпадают.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Омега

«17.09.2012
Гурий, митрополит Симферопольский и Крымский

Резолюция Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Канцелярия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
119034, Москва, Чистый пер., д.5
тел. 201-23-40 № 4926
12 сентября 2012 г.
Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Филарету,
Митрополиту Минскому и Слуцкому,
Патриаршему Экзарху всея Беларуси,
Председателю Синодальной Богословской комиссии

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вашему Высокопреосвященству РЕЗОЛЮЦИЮ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем рапорте, составленном по результатам рассмотрения заключения комиссии по изучению богословских изысканий Софийского Добровольческого Корпуса Михаила Тверского:

«12. IX.2012 г.
1. Благодарю Синодальную Богословскую комиссию за проделанную работу.
2. Согласен с выводами, предложенными Президиумом Комиссии.

3. Прошу Председателя Комиссии довести до сведения руководства Софийского Добровольческого Корпуса Михаила Тверского содержание данного отчета.
4. Гурию, митрополиту Симферопольскому и Крымскому, выводы настоящего отчета принять к неукоснительному исполнению».

Евтихий,
Архиепископ Истринский,
викарий Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси.
25 сентября 2012 г.»

Опираясь на отделанное слоновой костью изголовье, он встает с роскошной двуспальной кровати, делает несколько глотков «Перье», затем плотно прижимая липучки съемных ремней, надевает скроенный по фигуре бронежилет телесного цвета с «жидкой» броней, поверх рясу, на нее торжественную голубую мантию, достает из сейфа тонкую серую папку с золотыми узорчатыми уголками по краям и выходит из номера «Метрополя». Забавно. Какая игра слов. Он, митрополит, живет в «Метрополе».

У входа встречает охранник, который проводит к припаркованному бронированному «Ауди», в котором он садится на самое безопасное заднее место за шофером. Охранник усаживается на переднем. Водитель поздоровавшись, включает «Пелену», и заводит машину.

— Владыка, куда едем?

— Новинский Пассаж.

Позднее утро по-осеннему прохладно и свежо. Удивительно, но в начале двенадцатого дня пробок почти нет. Для центра Москвы редкий случай. «Ауди» по Театральному проезду сворачивает на Лубянскую площадь. Пассажир немигающим взглядом смотрит сквозь знакомые здания и еще раз готовится к предстоящему разговору.

Проехав мимо еще одной неслучайной для него архитектуры Старой площади, автомобиль бодро мчит по Москворецкой и Кремлевской набережным и, сделав несколько поворотов, быстро проскакивает Воздвиженку и Новый Арбат. Тыльная сторона посольства США, почти приехали. Вот и Новинский бульвар. Машина по съезду поворачивает на Садовое кольцо и высаживает у торцевого входа в Пассаж. С другой стороны дороги скромно пристроился Дом Шаляпина, возле боковой стены которого в маленьком сквере под пышной кроной дерева по-барски расселся памятник певцу. Телохранитель деловито идет рядом. Пройдя вход в «Стейк-хаус», они подходят ко второму подъезду, где их уже встречают.

Один, высокий, лет сорока пяти, с редкими усиками, в слегка мятом немодном костюме офисного клерка. Второй, оживленный, в короткой коричневой кожаной куртке и джинсах. Пара чем-то неуловимо напоминает обмосквичевшегося Коровьева и схуднувшего Бегемота.

Первого он уже видел раньше, это начальник охраны того, к кому он направляется. Со вторым встретился впервые. Хозяином является человек, которого в последнее время стало принятым называть православным олигархом, хоть это словосочетание и возмущает его высокопреосвященство. Константин Милофеев.

Они направляются к входу. У стойки ресепшна редкоусый главный охранник Милофеева делает знак дежурной девушке и та открывает электронный замок турникета, несколько шагов, и вот они в лифте. Сопровождающие почтительно молчат. Он тоже.

На четвертом этаже за стеклянными дверями гостя ждет предупредительная секретарша. Провела, сопровождающие и его охранник остались за спиной. Митрополит отказался от кофе и, оставшись один, осмотрел зал. Это довольно большая прямоугольная комната с недоработанным замахом на русское барокко, стены которой

покрыты дорогими шелковыми обоями с квадратами белых узорчатых багетов и завешаны картинами в тяжелых золоченых рамах. Генералы русско-французской войны.

— Высокопреосвященнейший владыко, здравствуйте, — произнес зашедший в зал моложавый коренастый круглолицый мужчина с ровным заботливо начесанным левым пробором темно-каштановых волос, аккуратной купеческой бородкой, одетый в неброский серый костюм модного модельного дома, — рад Вас видеть. Думаю удобнее пройти в другое помещение.

Хозяин ведет митрополита в небольшую комнату, вход, в которую, до этого незаметный, был скрыт дверью, сливающийся с одной из стен со стороны рабочего стола хозяина, внизу которой белела электрическая розетка. Милофеев открыл дверь маленьким, похожим на брелок пультом.

Подойдя к открывшемуся проходу, святой отец понял, что видит узкую ступеньку, разделяющую дверь и стену зала, в котором он пока находился, от внутреннего пространства, где на расстоянии не более полуметра от стен располагалась еще одна входная дверь.

— Что это? — невольно спросил он.

— Это такой большой квадратный короб, размерами примерно четыре на пять метров и высотой где-то два с половиной, очень удобный для переговоров, — пояснил хозяин.

В зале, где короб располагается, откуда-то снизу и с боков раздавался звук нескольких громко работающих генераторов, но видно ничего не было.

— Воздушная подушка, при необходимости поднимает контейнер в воздух, не много, на полметра, но больше и не нужно, а генераторы одновременно выполняют функцию подавителей каналов съема информации, — продолжил Константин. — Как мощная аэротруба, — добавил он усмехнувшись.

— Зачем такие сложности?

— Это практически стопроцентная гарантия от любых видов прослушивания. Заодно излучатели глушат любые попытки звукозаписи. Можно спокойно пообщаться.

Вторая дверь в комнату короба была открыта, и, шагнув на ступеньку через обрамляющую проем двери рамку детектора, они вошли туда. Константин, отодвинул картину с князем Витгенштейном, опустил уже тумблер, а не кнопку пульта рядом с включателем света и дверь мягко захлопнулась. Внутри было абсолютно тихо. Два небольших бежевых кожаных кресла, невысокий, но массивный стол с прозрачной крышкой. Стены покрыты тонким шелковым узором, в центре потолка парил небольшой светильник, стилизованный под двуглавого орла. По диагонали напротив входной двери висело две небольшие иконы.

Больше в комнате ничего не было, как не было и каких-либо технических средств.

Хотя, присмотревшись, на узкой стене, сбоку от входа, митрополит увидел изящную мозаику из светлого и темно-красного янтаря. Она образовывала портрет Сталина. Сделав шаг, он понял, что изображение сменилось Черчиллем. Заинтересовавшись, он по слегка вибрирующему полу шагнул вправо и понял, что видит Рузвельта. Янтарный полипортрет — «переливалка».

Увиденное прямо относилось к теме разговора.

— Как интересно сделано. Инженеры нынешнего мира.

— Да. Они крайне далеки от моих личных симпатий. Но это напоминает о миссии и истоках, что важно. Тем более, конечно, все мы под земным покровом их выбора и решений.

— Мы под Божиим покровом, — возразил гость и оба сели на тяжелые кожаные кресла с низкой спинкой. На столике было три бутылки минеральной воды «Veen» и стаканы. Митрополит положил папку, которую он все это время крепко прижимал к животу, на стол, где она оказалась точно посередине по отношению к собеседнику.

— Мир, построенный ими, забыл Бога. Вспомнив при этом другие эманации Всевышнего, — сказал Милофеев.

— Зло, как отсутствие добра — это все же не в полной мере христианская концепция.

— По форме, но не сути.

— Мы не разделяем форму и суть. Как верно заметил святой Георгий, «Огонь есть порождение вещества, и поедает вещество, как и злых зло». Поэтому зло — лишь болезнь души, не знающей Бога и лишившейся естественной добродетели.

Олигарх налил себе воды, отпил, и прямо глядя в глаза собеседнику сказал, — Правильно ли я понимаю, что церковь готова поддержать наше стремление к восстановлению добродетели?

— Знаете, Константин. Церковь, как Вам хорошо известно, неотделима от добродетели. Важно лишь не впасть в грех гордыни, присваивая себе право самолично определять ее.

— Вы прекрасно знаете, что я ничего не определяю лично. Люди, которые делегировали мне возможность говорить от их имени, объединились с исключительно богоугодными целями, осознавая главенствующую роль Церкви…

— Перестаньте!, оборвал Владыко, Вы повторяете свою смиренную мантру регулярно. От этого она не становится истиной, даже несмотря на Вашу поддержку авторитетных церковных сановников!

— И все же?

— Держите! Но помните. Если у Вас не получится, Церковь от Вас отречется!

После ухода митрополита, в кабинет Милофеева вошли двое, ранее встречающих церковного сановника на входе в здание.

Весельчак в куртке, не спрашивая, уселся в кресло, усач замер, прижав руки по швам.

— Ну что парни. У нас есть разрешение. Завтра отправляетесь в Крым.

Альфа

Где-то под диафрагмой теплело. Молитва вела его сквозь клетку сознания к Богу. Погружение в волнующее ожидание напоминало нырок в глубину бездонного океана. Рывок за рывком, с постепенным мягким движением вперед и плавной, но сильной инерцией, сносящей назад и куда-то в сторону. С нарастающим ощущением давящей мощи воды и предвкушением бесконечности.

Не ждать. Не просить. Не надеяться. Не искать. Не узнавать. Не спрашивать. Даже не ощущать. Не анализировать и не думать, просто погружаться. Вот вот. Вот вот… Но ужас и восторг запретного ожидания смешиваются с напряженной тревожностью, сковывающей и зудящей, и опять обрывают этот звенящий полет. Он открывает и вновь закрывает глаза.

Он молился по методу Диадоха Фотикийского. На вдохе следовало мысленно произнести: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», а на выдохе «помилуй нас», выдерживая определенную продолжительность вдоха-выдоха, втягивая воздух верхней частью груди и выдыхая сквозь сжатые губы низом диафрагмы. В это время сидеть требовалось, склонив голову и плечи, и обратив взор на область сердца или пупок, что позволяло замедлить дыхание и сосредоточиться на определенном внутреннем центре. Для него таким давно являлась больная рука. Голова была опущена почти к коленям. И опять важно было не ликовать, не предвкушать, не тосковать, не каяться, не страдать и не испытывать вины.

В какой-то момент кровь тяжелым напором стала распирать череп так, что слух почти пропал, а шею было страшно повернуть, опасаясь, что при любом движении кожа на ней и голове треснет как папиросная бумага и оттуда хлынет содержимое.

Слова рвались сквозь плотно сжатые зубы. Подобно сильно направленному ветру они бились во рту, который невозможно было разомкнуть. Вдруг он почувствовал, как резким рывком струя слов пробила правую щеку, и он стал говорить щекой. Что он говорил? Он не знал. Теперь взмахом ресницы он перелистывал десяток миров со слившимися в разноцветный огненный поток светилами. Он видел молекулы, которыми наполнен муравей и этим же взглядом охватывал бесконечную ночь Вселенной.

Это была буря, счастье, восторг, рвущийся из груди навстречу непознаваемой мощи, блаженство, счастье и что-то еще за пределами слов и названий, каждая мысль становилась звездой, падающей на землю в звездопад, накатило ощущение познания мира, ясности чувств и мощи простора, доброты и нежности. Он как бы был обвит неким коконом, в котором одновременно бились ветер и жаркое пламя. Он не столько видел, сколько ощущал огромное зеркало от неба до земли, в котором он калейдоскопом распадался на мельчайшие частицы, и которое отражало его в мир. Сам же мир был чистой красотой, и он был ее частью и одновременно, обнимал эту красоту. Вдруг вдалеке он услышал звенящий детский голос, который произнес что-то, но слов он не слышал. И тогда он стал возвращаться.

Что ж. Сокровенная догма молитвы уплывает и опять возвращает в повседневность. Семинарские знания юности всегда помогут рационализировать ощущения, и это очень плохо. С другой стороны, после молитвы он всегда ощущал прилив сил и особую ясность ума.

Сталин молился в своей спальне. Это было то самое время, когда к нему не мог войти никто.

Мелкая холодная крошка предвкушающего утро лунного света сочилась из окна в уединенную комнату Юсуповского дворца, определенного для размещения советской делегации. Шел девятый день Ялтинской конференции.

При том, что спать он ложился обычно в специальном бункере при дворце, молиться он все же предпочитал в личном кабинете, чтобы чувствовать свет. Так свет вовне помогал разгораться свету сокровенному.

Начинался новый день. Выполняя его строгие инструкции, делалось все, чтобы с раннего утра щедро поить и кормить английскую и американскую делегацию. В таком состоянии думается веселее и тяжелее. Сам Сталин этому указанию не следовал.

Полежав минут пять на боку и постепенно вернувшись в более-менее нормальное состояние, он встал, вытер слезы голой рукой, потом холщовым полотенцем обтер мокрую голову, подмышки, шею, и грудь, поелозив по старой синей татуировке черепа, надел майку, на нее застегнул френч, расческой причесал волосы, опершись на пресс-папье из слоновой кости поднял трубку левой рукой, поморщился от застарелой боли в локте и ниже до пальцев, которая с семи лет, когда его сбил фаэтон, периодически преследовала его, и отрывисто сказал, «Можно!». Произнеся слово, он языком провел по волосам подросших усов. — «Надо будет подстричь».

В это время зашел помощник. В руке папка с документами.

— Товарищ Сталин, в приемной Чарльз Болен.

Болен был помощником и официальным переводчиком Рузвельта. Сталин помнил его, когда тот, будучи молодым сотрудником американского посольства, сопровождал посла США Джозефа Дэвиса. Парень создавал о себе неплохое впечатление. У органов госбезопасности был на него компромат с подставным адюльтером, который пока не использовали.

— Иосиф Виссарионович, в развитие Вашего вчерашнего разговора, что передать господину Рузвельту? Президент готов выслушать предложения.

— Передайте господину Президенту, что Советский Союз, понесший самые ужасные последствия мировой

войны, осознает свою ответственность перед миром и не сомневается во взаимности наших партнеров.

— Товарищ Сталин, как интерпретировать Ваши слова?

— Господин Президент меня поймет. Кстати я слышал, Президент является заядлым филателистом? Передайте ему подарок.

Сталин подошел к столу, выдвинул верхний ящик и достал конверт. В нем лежала марка. На ней мать обнимала бойца на фоне надписи «Будь героем!».

— Передайте от меня. Почти вся партия этих марок была уничтожена во время бомбежек Москвы. Эта вот осталась. До свиданья.

1 ЧАСТЬ. В ПОИСКЕ АПЕЙРОНА

Глава 1. Рекруты

1.

Сергей проснулся и в течение нескольких секунд пытался сориентироваться, где он. Вчера лег поздно, перед сном выпил с товарищем виски, да и частые перелеты, смена городов и обстановки давали о себе знать.

Нашарив боковой включатель, щелкнул по нему. В комнате зажегся свет, обнажая дешевые, с маслянисто блестящими пожелтевшими разводами обои в какой-то несимметричный потускневший рисунок и висящую по центру комнаты на проводе лампу в цоколе без плафона. Ну да. Почти дома. Ведомственная квартира департамента. Он не любил это убогое хранилище московских метров, но они с напарником числились его «содержателями», что требовало хотя бы иногда здесь появляться.

На часах пять двадцать утра. Проснулся на десять минут раньше. Обычно он вставал за пару минут до выставленного будильника, но напряжение ожидаемого дня заставило пробудиться раньше. У каждого человека есть возможность научить себя просыпаться в определенное время. В нас есть природный будильник, четко ориентирующийся по движениям Солнца и Луны, магнитным полям планеты. Постаравшись, за несколько месяцев можно привить себе навык вставать тогда когда тебе нужно.

У Сергея такой навык был. Опершись на шар слоновой кости одной из стоек изножья кровати, нелепый на фоне общего убожества комнаты, он снял лежащий на полу серебристый прямоугольник мобильника с за-

рядки и увидел «смску» от водителя, что тот на месте. Володя Мердерян спал в соседней комнате, отделенной от него небольшим, с квадратным линолеумным полом предбанником и двпшными, с матовыми стеклами по центру дверьми.

— Вова, вставай! Родина зовет!

— Опять зовет? Скажи ей, что я сплю.

— Вова, блин. Ускорься.

Разбудив товарища, сходил в ванную, приведя себя в порядок, одевшись, нагрел маленький электрический чайник и выпил растворимого кофе из одноразового пакетика.

Заспанный Владимир в темно-сером костюме, галстуке и зимнем плаще возился в обшарпанной прихожей, пытаясь почистить ботинки. По утрам он кофе не пил.

— Проснулся? Ты как?

— Нормально. Спать только хочется. Машина подъехала?

— Да. Водитель отписался. Пошли уже.

Вышли через пару минут, и закрыв потрепанную дерматиновую дверь с тремя хорошими замками, спустились с седьмого этажа на старом дребезжащем лифте, одна из стен которого была изрисована повторяющимися цифрами «2021». Любит у нас молодежь цифры.

У входа в обычный многоэтажный краснокирпичный московский дом их уже ждала темно-коричневая служебная «шкода» с не смытым до конца следом от наклейки «СтопХам». Сели в машину, Владимир на переднее сиденье возле водителя, Сергей на заднее. Водитель их знал и, не спрашивая, отправился по известному маршруту.

Небольшое четырехэтажное строение по московскому адресу, Никольский переулок 3 «А», окруженное подъездами различных подразделений Администрации Президента формально в структуру АП не входило. Что не мешало ему иметь наиболее строгий пропускной режим из всех прилегающих въездов и крыльев, а его сотрудникам беспрепятственно входить во все окружающие здания.

Департамент обратной управленческой связи при Президенте России, сокращаемый в служебных документах как ДОУС, являлся симбиозом очень небольшой, «тихой» спецслужбы и отдельных функций президентского аппарата. Решением Владимира Путина он был создан после его возвращения на президентский пост, когда выяснилось, что у штатных спецслужб и АП возникают свои конфликты, коалиции и схемы, а даваемые поручения зачастую отличаются крайне низким коэффициентом исполнимости и талантливым враньем в отчетах.

И тогда вспомнили о кибернетике. Бел лишней помпы и огласки при Президенте было создано подразделение, главной задачей которого определили объективный доклад о том, как выполняются указания Первого[1].

Таким образом, созданная бюрократическая разведка превратилась в «сторожа сторожей», изобличая и определяя, кто в этот раз наврал Президенту. В первую очередь это вызвало серьезную нервозность в ФСБ и в Совбезе, которые из конечных оперативных и административных надзирателей становились объектами контроля. И этот контроль значительно превышал традиционный прокурорский надзор, давно превратив-

1 Как гласила теория:
«Обратная связь в системах управления — это особая форма устойчивой внутренней связи между субъектом и объектом управления, которая носит информационный характер и является необходимым условием протекания процессов управления, а также имеет целью координацию управленческих действий.
Суть принципа обратной связи заключается в том, что любое отклонение системы от её естественного или заданного состояния является источником возникновения в субъекте управления нового движения, направленного на то, чтобы поддержать систему в её заданном состоянии. Обратная связь — это реакция получателя на сообщение.
С помощью обратной связи можно оценивать эффективность коммуникации и управленческого процесса».

шийся в профанацию, так как состоял всего из двух звеньев «департамент — Президент», что резко повышало его эффективность. Но право голоса в такой ситуации имеет только одно лицо, поэтому внешние признаки этого раздражения быстро были подавлены. Работники формально не имели административно-распорядительных полномочий, не являлись субъектами оперативной деятельности, а факт их существования вообще отрицался в официальной административной иерархии. На практике же отсутствие нормативных компетенций с лихвой компенсировалось близостью к первому лицу. Естественно новая структура не покрывала всю Россию, а являлась лишь ручным «карманным» аппаратом Президента, который он использовал по тем вопросам, которые сам считал важными.

Между тем служебная машина беспрепятственно въехала во двор, выглянувший сквозь расступившиеся здания. Пройдя дежурных первого уровня охраны, которым не пришлось предъявлять удостоверения ввиду давнего знакомства, они по очереди зашли в капсулу матового непроницаемого бронированного стекла, где, как говорили, тебя взвешивали, измеряли и просвечивали. Пропустив Сергея, дверь капсулы с зашедшим туда Владимиром долго не открывалась.

— Черт! — выругался майор в фсошной форме, протиснувшись в капсулу через заклинившуюся на середине движения дверь, наклонив свое лицо, исчерченное траншеями морщин и украшенное большим подвижным носом, гармонирующим с жирными щеками, к его плечу и окатив гнилостным дыханием. Придется опять вручную!

— Что случилось? — спросил Мердерян, постаравшись отстраниться от гнилозубого амбре майора.

— Да неделю уже коротит, а «контора» все заявку на ремонт никак не может обработать, вот и ждем ремонта.

— «Лучше бы зубы отремонтировал», — зло подумал Владимир, безуспешно пытаясь отодвинуть изогнутое матовое бронированное стекло.

Следующие пятнадцать минут дежурная смена открывала капсулу, возясь в нутре боковой панели в кабинке помдежа, отвечающего за ИТСО[2].

Пройдя небольшой холл, подошли к лифту, на котором поднялись на третий этаж. Блок руководства. При выходе из лифта в угловом застекленном шкафу бочонком выпирал мини-музей, в котором в несколько рядов располагались кубки побед в каких-то соревнованиях среди силовиков и подразделений Старой площади, несколько наградных грамот, некоторые из которых были написаны арабской вязью и иероглифами. Где департамент мог завоевать эти грамоты и кубки с учетом особой секретности его существования и отсутствия в официальных табелях, было совершенно непонятно. Ну, такой вот русский бюрократический колорит.

Пройдя по бордовой дорожке коридора, зашли в приемную, где поздоровались с секретарём. Вышедший из своего небольшого кабинета помощник руководителя в полковничьей форме тоже поприветствовал их и обещал доложить о прибытии.

Сели на кресла за небольшой столик, на котором лежало несколько выпусков журналов «Дилетант», «Вестник ГЛОНАСС» и «Пограничник». Посидели, почитали.

Вот помощник и приглашает войти.

В кабинете их встретил полноватый рыжеволосый весельчак в белой рубахе с расстегнутыми манжетами.

— Привет-привет, ребята! Как дела, как добрались? Как разместились?

Начальник говорил уверенным тоном, сопровождаемым характерной жестикуляцией. Так, доброжелательно-вальяжно, обманчиво терпеливо с легкой деловитой насмешкой и с резкими переходами в нарочитую давящую доминирующую агрессию, с позицией рассуждений как-бы со стороны и над ситуацией, рано или

2 Инженерно-технические средства охраны.

поздно начинало общаться все большое начальство, имеющее регулярный доступ к Президенту. Причем это подражание не всегда было осознанным. Сказывалась альфа-харизма Первого.

— Все отлично, Владимир Петрович. Вчера разместились в служебной квартире, все без происшествий, — ответил Сергей. Он прекрасно знал цену этой показной радушности и давно перестал воспринимать демонстрируемую заботу и интерес как что-то серьезное. Серьезным было лишь то, что чем сильнее забота, тем более проблемным будет дело, которое им поручат. А вот это уже важно. Шеф в этот раз очень заботлив.

— Кофе, чай, водичку?

— Кофе, — попросил Сергей. Много кофе не бывает. — Хотелось запить мерзкий вкус кофе из пакетика.

Владимир обошелся чаем.

Первый зам руководителя сел за стол и несколько минут, пока секретарь не занес напитки и вазочки с печеньем и конфетами, развлекал себя и подчиненных рассказами о том, как он замечательно слетал на выходные на рыбалку в Карелию. Развернув экран монитора компьютера, показал несколько фотографий с убедительными образцами пойманной рыбы.

Подчиненные не обманывались, терпеливо ожидая завершения прелюдии, что и произошло через несколько минут.

— Ну что ж, а теперь о делах. Что вам известно об обстановке в Крыму?

— В Крыму? — удивился Владимир. Ну, там же татары. Регулярно там у них какие-то разборки с местной властью. Вроде есть радикалы, по линии антитеррора к ним имеются вопросы. Ну, если брать вместе с Севастополем, то главной проблемой для нас является ситуация семнадцатого года. Окончание аренды для Черноморского флота. Единственная автономия Украины, особый правовой статус. Но особенно не занимались. Пару лет назад отдыхал с семьей там, в Алуште. Климат хороший,

сервис — совковый. Личных оперативных позиций пока нет. Есть необходимость проработать?

— Ты не торопись. Позиции зависят от диспозиции. У вас же есть украинские паспорта?

— Да. По команде еще года полтора назад сделали. Пока не пригодились.

— Всему свое время. Сегодня не пригодились, завтра пригодятся.

— В общем, история следующая. На Украине очередной Майдан. Телевизор смотрите, есть все основания полагать, что он может привести к государственному перевороту.

— Правда? — не удержался Сергей. — Честно говоря, не похоже. Там вроде власть наконец-то закрутила гайки и ситуация взята под контроль. И Запад вряд ли хочет потерять Янека. Он им родной и понятный. Какие-то гарантии ему уже дали.

— Не все так однозначно. Но сейчас речь не о майдане. Есть более серьезная тема. Нужно проработать тему Крыма.

— Присоединить к России? — пошутил Владимир.

— Ну да. Почти. Шутки шутками, но ситуация там разворачивается серьезная. И нам приходится действовать с учётом этого. В общем ситуация следующая. Крым имеет стратегическое значение для нас, и мимо процессов там мы пройти не можем. Темой поручено заниматься конторе, ну и подгрузили различных общественников. Ваша задача — присмотреть, как это задание выполняется. Материалы получите в Секретариате.

— Ясно. Мы туда вылетаем?

— Да. Сегодня у нас вторник? Тогда давайте, заказывайте билеты на пятницу, и в Крым. После ознакомления с документами доложите план работы. Потом я проведу дополнительный инструктаж.

— Есть.

— И вот еще. Там в эту тему активно суются церковники вместе с Милофеевым. Формально у них какое-то

разрешение есть. Во всяком случае, нет возражений. Но с учетом того, что попы ничего хорошего сделать не способны, присмотрите и за ними.

— А кто такой Милофеев?

— Есть такое парадоксальное понятие. Православный олигарх. Смысла в этой дефиниции нет, а вот практика есть. В документах об этом тоже есть немного. Остальное на словах.

2.

Когда сотрудники вышли из кабинета, его владелец зашел в дверь, расположенную в противоположном от входа в кабинет углу. Она вела в его личную комнату отдыха. В ней был небольшой коричневый кожаный диван, журнальный столик с прозрачной стеклянной крышкой, два кресла в одном стиле с диваном и столиком. В дальнем от двери углу находился небольшой компьютерный стол, рядом с ним сейф из двух секций с электронным замком. Это был именно сейф, а не железный ящик, с массивными стенами, жаростойкий, с песком между внешней и внутренней стенками. На столе был установлен компьютерный моноблок.

В полукресле за столом сидел невысокий худощавый и круглолицый твердой круглостью обтянутого кожей биллиардного шара мужчина. Он был очень коротко стрижен, одет в черный костюм и белую рубашку, но без галстука. Глубоко посаженные его глаза внимательно смотрели в монитор, хотя там ничего уже не происходило. Монитор показывал обстановку кабинета, из которого только что пришел его хозяин.

Владимир Петрович сел на кресло, взял из вазы на столе фисташку, очистил ее и бросил в рот.

— Что думаешь? — спросил он сидящего за монитором.

— Не уверен. Я посмотрел его личное дело. Можно согласиться с выводами по психике, но ты же понимаешь, насколько это все условно. Надо посмотреть в динамике.

— Я сам сомневаюсь. Но стоит все же попробовать.

— Давай так. Пусть он вместе с напарником начнет, а там, по ходу дела, определимся.

— Договорились. Тогда пусть вылетают, в движении все будет яснее. Счастливые люди, хоть отдохнут под крымским солнцем от московской серости.

Глава 2. Крымская рекогносцировка

1.

14 февраля 2014 года, воскресенье.

Погода в Крыму в эти дни была на удивление неудачной, серой, холодной и промозглой. При входе в гостиницу «Украина» Мердеряна вновь встретил солидный дворецкий с тяжелым взглядом и надменными жестами, вполне бы адекватный пяти звездам, а не заявленным трем. Холл и общая отделка тоже отличались внешней помпезностью на фоне внутренних недоделок в маленьких стандартных одноместных номерах. Зато центр города. Номера на третьем этаже, лифта нет.

Здесь они уже почти две недели. Дни насыщенные. Сама обстановка очень динамичная, что отражается на действиях и событиях.

Володя зашел к горничной, забрал вещи, которые три дня назад сдавал в химчистку, отнес в номер, из тайничка за панелью выключателя взял немного денег, сходил в туалет, закрыл дверь на ключ с тяжелым деревянным тубусом и отправился к выходу.

Рядом с гостиницей, справа от входа практически окно в окно располагался клуб, из которого по ночам гремела музыка, а на пятачке перед ним вяло бродили проститутки.

В день их прибытия обстановка в городе была вполне обычной и мало что предвещало надвигающуюся бурю. Наиболее значимыми событиями была приостановка деятельности местного аэропорта и Керченского паро-

ма из-за снежной бури, в связи с чем пришлось на сутки перенести вылет. В остальном обыватели не особенно ощущали изменений.

Но атмосфера накалялась каждый день все сильнее.

В центре уже регулярно шли стычки между местным «Евромайданом» и пророссийскими силами, многие из которых действовали под брендом «Стоп Майдан». Также среди националистов зрело недовольство запретом партии «Свобода», которое принял 27-го января местный парламент.

«Стоп майдановцы» регулярно проводили на площади Ленина флэш-мобы. Все ждали 17 февраля, потому что в этот день долен был вступить в силу общеукраинский закон от 2-го февраля «Об устранении негативных последствий и недопущении преследования и наказания лиц в связи с событиями, которые имели место во время проведения мирных собраний», на основании которого Киев должен был быть очищен от Майдана.

Все, затаив дыхания ждали, что будет дальше.

2.

Владимир шел на встречу с Сергеем Ковальским, который вместе со своим отцом были лидерами местного «Евромайдана». Тот считал Мердеряна представителем либеральной российской оппозиции, имеющей надежные связи с Западом, поэтому тянулся к нему за поддержкой и советом. За несколько дней между ними установился устойчивый психологический контакт. Этот крикливый, нервный и довольно инфантильный человек верил в то, что вот-вот наступит светлое европейское завтра, и попытки пророссийских ретроградов этому помешать вызывали у него возмущение и искреннюю ненависть.

Специфика работы департамента заключалась в том, чтобы видеть результаты работы ответственных за вопрос российских ведомств. В ряде случаев это наиболее

эффективно можно было сделать, находясь в среде, на которую направлена и деятельность объектов контроля. Как в этот раз.

Устроившись за стойкой небольшого уютного бара с бокалом «Крушовицы», «евромайдановец» уже ждал его. Мужчина средних лет с мясистым лицом, дисгармонирующим с тонкой длинной шеей и неспортивным рыхлым телом, в потертых серых джинсах и растянутом свитере создавал довольно неприятное впечатление. «Начинаем считать «собственно говоря» — подумал Владимир.

— Приветствую, друг мой. Через три дня в Украине будет переломный день, — начал он без прелюдий, устраиваясь на высоком стуле за стойкой.

Украинский патриот нервно кивнул и торопливо отхлебнул, глядя поверх стакана взглядом пьяного подростка.

— Здравствуйте. Да, собственно говоря, скоро все решится. Есть, конечно, надежда на то, что Запад нас не бросит. Как Вы думаете, Петр?

Ковальский знал Мердеряна под именем Петра, чему соответствовали его документы прикрытия. Один из уважаемых и непримиримых российских либералов, звонивший по поводу условного Петра в Киев, откуда пришла информация и Ковальскому, представил его надежным борцом с путинским режимом из команды Ходорковского. Поэтому его воспринимали с необходимым пиететом.

— Конечно. Ведь Запад четко осознает свои интересы в этом регионе и не питает иллюзий по поводу России. Встречался вчера с лидерами «Меджелиса». Татары уверяют, что их сил достаточно, чтобы не допустить серьезных пророссийских процессов. Справятся?

— Как вам сказать? Собственно говоря, татары у нас активные. Но у них свои интересы. Собственно говоря, они не столько за Украину, сколько за Турцию. Хотя сейчас наши интересы совпали, но не понятно, надолго ли.

Они от нас держатся особняком, собственно говоря, считают себя самостоятельной силой. Дело все в том, что они уже многое упустили. Как и мы, собственно говоря. Для нас же особенно важна консолидация. С начала месяца мы, собственно говоря, создаем систему коллективной защиты наших сторонников, и кое-что у нас, собственно говоря, получается, но проблем еще много. Массовости, собственно говоря, не хватает. Многие боятся или просто в апатии, хоть собственно говоря, и разделяют наши взгляды.

— Но Вы же не можете сами здесь, без поддержки противостоять такому напору, если, конечно, не использовать внешней поддержки и внутреннюю коррупционность местных чиновников.

— Ооо, коррупция, собственно говоря, это одна из главных причин того что народ, собственно говоря, восстал! Я вот до сих пор не могу понять, как чиновники, собственно говоря, так воруя, ведут при этом с людьми, как будто они совершают подвиг, собственно говоря, приходя в свои кабинеты!

— А это вопрос самоидентификации. Вот смотрите. Если, допустим, один человек другому должен деньги. И вдруг должник, не отдавая долг, потерял ту же, или большую, даже не важно, какую, сумму, а его кредитор эти деньги нашел, но не говорит должнику, что нашел, а тот не знает. Ведь, чаще всего, если моральные качества позволяют, должник не перестанет требовать свои деньги оттого, что фактически их уже получил. Для человека чаще всего, важна взаимность знания, и порочных вещей это касается даже в большей степени, чем возвышенных.

Если чиновник получает маленькую зарплату, но перебивается взятками, то в своей риторике он не перестает жарко и с возмущением жаловаться на жизнь. И в таком случае необходимость некоей дымовой завесы, которая бы позволяла утаить незаконные доходы,

занимает вторичное место. Пока о скрытой прибыли никто не знает, она не учитывается не только в общении с другими, но и в собственной оценке удовлетворенности делом или в самоидентификации. И крупный взяточник с маленькой зарплатой будет, наслаждаясь деньгами, в глубине души чувствовать себя несчастным из-за того, что он работает на работе с низким довольствием.

— Ну да, наверное, Вы правы. Знаете, Петр. У меня есть один знакомый. Он американец, очень хорошо помогает нам. Собственно говоря, сторонник наших ценностей естественно. Не хотите с ним поговорить?

— Можно, а когда?

— Можно и сейчас, я как раз иду к нему на встречу, собственно говоря, после разговора с Вами. Могу послать смс что буду не один, тем более, собственно говоря, я уже говорил с ним о Вас.

— Давайте.

Ковальский достал из кармана старенькую модель «нокии» и долго щелкая кнопками, писал смс. После этого, удовлетворенно вздохнув, спрятал телефон.

— Пойдемте? Тут, собственно говоря, недалеко.

Мердерян расплатился по счету обоих. По легенде деньги у него были, что и формировало дополнительный уважительный контекст, заметно отличающийся от обычной прижимистости борцов с режимом. Он был посланником солидных людей.

Они находились в центре, в удобном для довольно быстрого движения месте. Куда идем?

— Да здесь пару минут, собственно говоря, идти. В сквер Шполянской.

— Не понял. Это где?

— Это нынешний сквер Высоцкого. Просто не люблю этого имперско-азиатского

певца, собственно говоря, российских волков, мне нравится старое название.

— Понял. Ну, это рядом.

Они не торопясь спустились по Суворовскому спуску, и зашли в небольшой уютный сквер. Погода, как и все последние дни, была довольно теплой, но туманной, дождливой и сырой. На одной из лавочек их ждал мужчина среднего возраста, рослый, крепкий, с узким вытянутым лицом и зачесанными назад темными волосами.

Поздоровались, Ковальский представил их друг другу:

— Джеффри Лубби, наш, собственно говоря, сторонник глава проекта «Диверсификация и поддержка туристического сектора Крыма». Петр Гадин, наш российский друг, живое доказательство того, что и в России есть, собственно говоря, нормальные люди.

— Здравствуйте Пьетр. Отшень приятно. Владьимир мнье много о Вас говорил. Я с огромный уважением отношусь к Вашей деятельност, Вы бесстрашный человьек, делат то, что Вы делает в такой стране, как Россия!

Несмотря на громкий, ломанный, резкий и очень узнаваемый американский акцент, Джефри располагал к себе. Улыбка не сходила с лица, а раскованное и, одновременно, очень доверительное и интимное к собеседнику поведение вызывало симпатию.

— Спасибо, Джефф, если Вы позволите так себя называть. Думаю, мы делаем общее дело. Издыхающая империя в компании с прогнившим режимом Януковича пытается беззубым ртом укусить и удержать молодую цветущую Украину, но шансов у нее нет.

— Да, мы все на сторона прогресса. На самый дельe я здес не один, — продолжил американец. — В Ялте, и еще ньесколких местах есть еще мои коллеги из сэшеай, которые тоже являются друзями Украины и Крыма. Мы очэн хотелы бы помощь, и у нас есть на эту тему план. У нас есть информация, что Януковичь и его власти спрьятали в Крым похищенные у народа Укрэйн

ценности, и мы хотелы бы новой демократической власти помочь их найти. Резервный Межигорье. Нам нужна поддержка людей, познающ хорошо местный окрестности, имеющий авторитет и силовой ресурс, чтобы пророссийск активист не помьешалы нам.

— Конечно! — оживился Ковальский. Собственно говоря, понятно, что в Межигорье остались только крохи, собственно говоря. Мы сделаем все что нужно!

— А можьно заручиться поддержкой российской общественность, чтобы не допускат провокацию путинск армии и спецслужбы против нас? — обратился американец к Мердеряну. — Они явно тут присутствует, судья по дурманенный местный населения и по явно неместный активистам!

Тот согласно кивнул.

— Думаю да. Можно сделать так, чтобы кто-то из наших демократов был с Вами. Проблема только со временем. Пока прилетят, пока закроют все домашние дела. Есть небольшой кризис мобильности. Ну и, честно говоря, одно дело посидеть во имя ценностей в «обезьяннике» в Москве после Триумфальной площади. И совсем другое — получить железным прутом в голову от местных неадекватов. Все же понимают, что законы сейчас тут не действуют.

— Ну да. Это так… Скажите, а у Вас как со времень? Со слоф Владимира я знай, что у Вас уже быть подобный опыт в Белоруссий, поэтому очэнь рассчитываю на помосч. Вы настоящий боэтц за дэмократию! Это можьно устроит?

Владимир ждал подобного вопроса. Он задумался и нехотя сказал:

— Можно конечно. Но я не большой любитель прогулок по природе. В детстве укусил энцефалитный клещ, я чуть не умер. С того времени остерегаюсь.

— Мы обэспечим Вам полнейший безопасност! Поездки в основном на автомобил! Никто вас в джунглю не

тащит. Просто сделать на камеру заявлений, если будет обострение и быт рядом!

— Ну, хорошо, — нехотя сказал Владимир. — Я проконсультируюсь со своим руководством. Но думаю это возможно.

Они пожали друг другу руки. Разговор был закончен.

3.

Примерно в это же время Сергей проводил встречу с главой Крыма Могилевым.

В отличие от Владимира, легенда Сергея позволяла сохранить ему свое родное имя, что в череде предыдущих заданий было почти роскошью. Тот считал его доверенным представителем высокого градуса «Ордена Святого Станислава» — одной из популярных среди украинской элиты масонских лож. Руководитель ее украинской ячейки Павел Вялов имел крымские корни и был в близких отношениях с Могилевым.

Могилев, переживающий несоответствие сущности нормального украинского милиционера с абсолютно криминальным мировосприятием, которого воля случая, однако, втолкнула в политическую сферу, тянулся к мистицизму.

Вообще, в склонности украинской власти к масонству сполна проявился кризис украинской идентичности. Понимая, что в их руках оказались огромные материальные, территориальные, людские, геополитические ресурсы, и, ощущая полнейшую пропасть с размахом своих владений и личностной провинциальной сущностью, властители Украины стремились к чему-то тайному и загадочному.

Естественно такая склонность не могла не породить ответного желания людей предприимчивых подобное желание реализовать. Не бесплатно естественно. Это была настоящая ярмарка тщеславия, где главным товаром предлагались стеклянные бусы и консервные банки

выдохшегося тайного общества, создающего иллюзию сопричастности к мировой закулисе. В этом смысле украинский князек ничем не отличался от обвешанного золотыми орденами размерами с тарелку и именующего себя очередным «Королем — Императором Вселенной и Властителем Солнца». Пафос и флер масонства сполна удовлетворял эту тягу, а ведро ярких бранзулеток и красочные обряды визуализировали процесс. Наиболее громим и бессмысленно-смешным в череде попыток украинской элиты встроиться в тайные смыслы масонских мистерий стало демонстративно — кичливое вынесение на самую крупную купюру страны в 500 гривен изображения одного из основных масонских символов, «Пламенеющей Дельты» — «глаза в треугольнике», с соблюдением всех мелких масонских деталей. Были, конечно, и многие другие попытки. У украинцев обычные для местечковых элит искания наслаивались на сентиментально-агрессивную, народно — эзотерическую ментальность малороссов.

Помощник Главы уже ждал при входе в правительственное здание и беспрепятственно провел в нужный кабинет.

— Здравствуйте Сергей.

— Добрый день, Анатолий Владимирович. Павел Иванович звонил, привет Вам передавал. — Сергей протянул «дощечкой» ладонь, отведя большой палец, а за ним мизинец вниз от безымянного, после чего согнул его внутрь ладони влево на тридцать градусов. Могилев неумело, но, все же справившись с задачей, продемонстрировал ответное рукопожатие, скомпенсировав, однако, это крепостью захвата, что было одним из необходимых условий.

— Спасибо, и ему тоже. Сергей, присаживайтесь.

— Благодарю. Наши общие друзья выражают озабоченность тем, как разворачивается ситуация.

— Ох, Сергей Сергей. Ситуация очень сложная. В любой момент она может выйти из-под контроля. Ставки высоки.

— А каковы эти ставки, Анатолий Владимирович?

— Ну, вот смотрите. Сейчас давление на Януковича огромное. Уже понятно, что нам придётся принимать новую Конституцию. И в ней нужно будет соблюсти баланс всех сил. Западным областям гарантировать европейский вектор. А восточным — возможно и в какой-то усеченной форме федерализацию с определенными ограничениями.

— Но ведь Вы сами поддерживаете пророссийские движения? И контакты с Москвой?

— Мне приходится это делать. Под гарантии того, что они не будут забирать Крым в Россию. А такие опасения, честно скажу, есть. Но мы стараемся не доводить ситуацию до такого радикализма. С одной стороны, мы не против российских организаций. С другой — приходится выстраивать общение с Меджелисом, проевропейскими и радикальными организациями.

— Это сложный баланс.

— Вы даже не представляете, насколько сложный! Сергей, я очень рассчитываю на поддержку организации. Не может столь могущественная организация, как наша, не вмешаться в такие фундаментальные процессы! У нас же есть влияние во всех странах, которые вовлечены в эту историю! И у европейцев, и у русских, и у американцев! Надо срочно принять меры по нормализации обстановки!

Вообще прогнозы пессимистические. Мне силовики докладывали материалы о том, что для дестабилизации обстановки пророссийские радикалы могут имитировать захват администраций, а ответственность за это возложить на татар. Я еще четвертого февраля выступил по этому вопросу на Президиуме местной Рады, чтобы профилактировать ситуацию. Но между нами, татары и вправду на это способны, если русофилы перейдут к решительным действиям. Тут еще и Турция поддержит.

И очень хорошо, что удалось добиться отмены запрета партии «Свобода» со стороны парламента. Вы же знаете, запретный плод сладок. Так что мы только получили бы дополнительное напряжение.

С крымской Радой у нас очень сложно. Много сепаратистов. СБУ начало даже несколько уголовных производств, со мной согласовывали, привлекли Ваню Стойко в качестве заявителя. Надеюсь, чекисты справятся с этим гнойником.

Хотя в целом, у нас ситуация намного стабильнее, чем в Севастополе. Там уже и машины жгут политическим активистам, и избивают. С другой стороны, теракты там якобы против военнослужащих Черноморского флота готовят, было на днях заявление администрации. Хотя я думаю, что флот сам накручивает ситуацию, но все возможно в такое время. У нас все более-менее, тьфу тьфу тьфу, чтоб не сглазить.

Другая проблема — эти народные дружины, которые сейчас начали создавать. Мы до сих пор не можем обеспечить полноценный контроль над ними, а это явный антигосударственный фактор.

Кстати, меня очень беспокоит конституционная реформа. Нам важно обеспечить достойное представление Крыма в конституционной комиссии, потому что потом что-то изменить будет сложно. С другой стороны, для нас это шанс расширить экономические полномочия полуострова. А вот это уже большая и хорошая перспектива.

Вы, Сергей, не забывайте, что у нас в этом году шестидесятилетие вхождения Крыма в Украину. Президент подписал Указ. Вот он, можете посмотреть.

Могилев протянул Сергею документ, густо исписанный резолюциями. Тот бегло рассмотрел его.

И не указ, а распоряжение. Номер 73/2014.

«Учитывая историческое и политическое значение вхождения Крыма в состав Украины, с целью консо-

лидации украинского общества постановляю Кабинету министров Украины безотлагательно разработать совместно с Советом министров АР Крым и при участии Национальной академии наук Украины и утвердить план мероприятий по празднованию в 2014 году 60-й годовщины вхождения Крыма в состав Украины, предусмотрев, в частности:

— проведение в Автономной Республике Крым торжеств по случаю этой памятной даты;

— организацию тематических мероприятий в учебных заведениях и учреждениях культуры, воинских частях;

— проведение научных конференций и круглых столов;

— публикацию научных трудов, сборников документов и материалов о событиях, связанных с вхождением Крыма в состав Украины;

— организацию и проведение тематических документальных и художественных выставок;

— чеканку и введение в обращение в установленном порядке юбилейной монеты в ознаменование 60-й годовщины вхождения Крыма в состав Украины».

— Ясно. Будете праздновать?

— Нам надо подчеркнуть украинский вектор Крыма. Постараемся перебить праздничной атмосферой эту общую нервозность. Знаете, конец зимы. Все устали. Все болеют, у нас же эпидемия ОРВИ и гриппа, видите, все чихают, в соплях ходят. Нужно хоть немного позитива.

— Понятно. Анатолий Владимирович, помните прошлогодний осенний бал Ордена в Пуще Водице? Когда Леонид Кравчук в своем выступлении сказал, что, к сожалению, без кризисов в Украине невозможно развитие?

— А Вы тоже там были? Я Вас не помню. Мне тогда как раз вручили Офицерский Крест.

— Разве Вы забыли принципы Ордена? Не всегда нужно быть, но всегда нужно знать. Я думаю, Вы помните то, как судьба Украины неразрывно связана с нашей организацией?

— Мне объясняли, и у меня нет никаких сомнений в этом. Однако мне кажется, что деятельность Ордена столь глобальна, что он может просто не заметить трагедию Крыма или судьбу очередного правительства. Меня это очень беспокоит.

— Ну что Вы. Со времен Богдана Хмельницкого братья заботливо укладывали кирпичи украинского государства, как и положено каменщикам, рукотворно создавая его. Мы помним и Котляревского и Гулака-Артемоского и многих других, не говоря уже о Тарасе Шевченко, Кулише и Костомарове. Вопреки имперской мифологии, даже слово Украина имеет масонское происхождение. Вспомните Ивана Франко и его стихотворение «Каменярі»!

— Я понимаю, что государственность Украины выстрадана, в первую очередь Орденом. Эта та ценность, жертвовать которой мы не имеем права.

— Совершенно верно. Я про это и говорю. Наши братья в свое время взяли за основу летопись 1187-го года, где говорилось: «Князь Глебъ умре и по нему вся Оукраина постонаша». И вот мы взяли это слово «Оукраина» в качестве названия идеальной страны на землях тогдашней российской Малороссии. Наша Украина заместила Новороссию, а потом и переросла ее!

Кстати, Вы знаете, что примерно так же мы создали слово «Америка», что роднит Украину и эту великую страну? У тамплиеров, которые были первыми масонами, прекрасная и неведомая страна на Востоке, являющаяся обителью мудрости и истины, называлась Мерика. И когда Колумб открыл новый континент, он был назван «А-Мерика», то есть земля напротив Мерики. Ну а байка, что Новый Свет получил название в честь итальянца Виспучи — это дымка для непосвященных. Потому что именно Виспучи получил прозвище Америго в честь новой земли, а не наоборот!

Ведь именно как духовное образование новой земли масоны создавали свою Украину, которая потом воплотилась в нашем государстве. Еще Мишель Нострадамус в шестнадцатом веке предсказал, что на берегах Борисфена, а это наш Днепр, будет установлен новый порядок. И мы уверены в особой миссии Украины в вопросе достижения наших целей!

Сейчас мы многое делаем заново. Начиная с кропотливой работы брата Джулиано ди Бернарда, вдохнувшего новую жизнь в украинское масонство в девяносто втором. Это его несомненная заслуга, несмотря на последующие метания. Правда, нам понадобилось время, чтобы встать на ноги. И вынужденный период подчинения румынской ложе тоже был необходим.

Благодаря тому, что Ди Бернардо являлся специальным уполномоченным двоюродного брата королевы Великобритании принца Майкла Кентского, который, как Вам известно, Великий Магистр британских братьев, пользующийся огромным авторитетом, мы достигли многого.

Кстати. Тогда у нас случилось стратегическое пересечение с русскими братьями. Дело в том, что бабушкой принца Майкла являлась внучка российского императора Николая Первого великая княгиня Ольга Константиновна, тётя Николая Второго. И именно по той причине принц Кентский вполне обоснованно считает себя вправе претендовать на российскую корону. Знаете, он в девяносто девятом году был в России, где ему оказали великий прием! Потому что наши интересы в объединении всех братьев в один гармоничный мир!

— Ну, мне кажется это маловероятно — английский принц на российском троне, — осторожно сказал Могилев, благодарный возможности отвлечься от тягостных забот в высокие благородные материи.

— Вы правы. Но как всегда все непросто. Принц — непререкаемый авторитет для масонов. И своих пятерых

племянников он ввел в Орден, но при этом воспитал с огромным уважением к близкому к ним по крови роду Романовых. Ведь принц увлечен православием, по одной из линий его род восходит к греческой царской династии. Он говорит по-русски. Майкл уверен, что у племянников есть русская царская перспектива, тем более что он делает все для координации масонов на территории бывшего СССР. Как Вы понимаете, и у нас есть связь с ним. В России под его протекторатом тоже существует особая ложа «Юпитер», в которую входят высшие руководители страны и наиболее влиятельные люди. Это позволяет выровнять наши недоразумения с русскими.

— Каковы же наши перспективы?

— Нам важно преодолеть математическую детерминированность нашего распада, рассчитанную, к сожалению, братьями. Великий Архитектор, создавая условия для проблемы, создает и условия для ее решения. Еще Эвклид в своих «Началах» заложил основы правил, остающихся неизменными и в устройстве государства. И мы обязаны разомкнуть ту порочную цепь событий, смыкающихся в бесконечную спираль, что приводит к безостановочным проблемам нашей страны. Тогда будут решены и вопросы Крыма, а мы начнем путь к единой цивилизационной семье. Но для этого необходимо подходить к ситуации системно, видеть вопросы в комплексе, как завещал нам Гермес Трисмегист в «Изумрудной скрижали»

— Сергей, я, к сожалению, уже слишком стар для математики.

— Математика — это просто слово из школьной программы, которое пробуждает в нас нерадивого ученика. Ведь, например, основоположник математики Пифагор создал отдельное философское направление, позволяющее людям познать себя, которое как раз и базируется на математике и геометрических фигурах. Именно ему наше братство обязано началом познания тайн фигур и цифр, которые Великий Геометр положил в основу Вселенной.

— Это все очень глубоко и важно, но почему Украина постоянно находится на грани кризиса, революции и уничтожения?!

— Знаете, брат Анатолий. Я позволю себе напомнить, как Вас принимали мастером. Как Вы лежали в гробу, а братья поднимали Вас из него к новой жизни во время священного обряда посвящения. Помните?

— Конечно, помню. Ммм, только постоянно забываю имена ребят, по которым принята процедура. Как же их… что-то типа адмирала.

— Ничего страшного, так бывает. Есть такое понятие, шперрунг. Это интеллектуальная запинка, когда вроде-бы все знаешь, но вспомнить не можешь. Как говорится, крутится на языке. С Вашей-то загруженностью это неудивительно.

— Это да, конечно, но все равно неудобно. Все-таки один из главных вопросов жизни.

— Ничего страшного, тогда я просто напомню и историю, которая лежит в основе обряда. Про Адомирана, Хирама Абифа, архитектора Великого Храма Соломона. Адомиран разделил всех своих работников на учеников, подмастерье и мастеров. Именно так, как сейчас устроены все наши ложи. И работники говорили тайное слово, которое им сообщил Хирам каждому, и в зависимости от слова отличалась их награда. Каждому было свое слово. Три его подмастерья, напомню их имена — Ювеллум, Ювелло, Ювелла, решили разузнать это слово, на основании которых вознаграждались мастера. Подкараулили архитектора и потребовали его поделиться знанием. Тот разозлился и заявил, что слово они узнают, когда придет время, и не раньше.

Ювелло ударил Хирама тяжелым ломом и попал по плечу. Второй ударил острым циркулем в грудь, а третий убил его молотком. Они закопали своего хозяина, но царь Соломон послал людей, и те нашли и извлекли к свету великого мастера.

В наших обрядах посвящения мы воспроизводим эту сцену. Вас поднимали из гроба к новой просветленной жизни. Шпага на плече символизировала удар ломом, а укол циркулем в грудь — соответствующий удар от Ювелло.

Я напоминаю это, чтобы провести очевидную для меня аналогию. Лишь находясь на грани смерти можно восстать к новой жизни. Потому и Украина погружается в один кризис за другим, ожидая символической смерти или ее грани, чтобы возродиться в новой сияющей мощи.

И кстати. Вы помните, насколько большое значение имеет цифра семь. Поэтому мне кажется, что ее присутствие в дате семнадцатого февраля — это хороший знак.

— Все в руках Великого архитектора. Остается лишь надеяться.

— Да. Но у нас есть знание, благодаря которому мы многое можем.

Сергей долго вращался в масонской тусовке, поэтому нес этот велеречивый бред, практически не задумываясь, тем более что уровень критического восприятия таких вещей у украинских чинуш, в более материальных вопросах проявляющих фантастическую пронырливость и подозрительность, был по-детски неадекватным.

— Но мы не должны повторять ошибки прошлого! — продолжал вещать Сергей. — Не допускать самоедства столетней давности. Когда брат Скоропадский свергнул брата Грушевского, потом брат Петлюра сверг брата Скоропадского. В итоге наши враги уничтожили столь тяжело завоеванную государственность, разбив эту хрустальную чашу! Мы должны извлечь эти уроки!

— Вы совершенно правы, Сергей — тяжело вздохнул Могилев. — Здесь особенно возмущает, когда мы так много делаем для людей, для их блага, а нас упрекают черт знает в чем.

— Против Ордена давно ведется работа врагами прогрессивного пути развития человечества. Подлецы придумывают байки и демонизируют нас. Но истина везде найдет дорогу. И церковь на нашей стороне, несмотря на формализм официальных оценок. Вы же знаете, что в нашем ордене даже секретарь Киевской метрополии протоирей Виталий Косовский? Ведь это он представляет нам киевские храмы для обрядов.

— Да, я слышал об этом.

— А ведь он — лишь один из многих. Просто об этом было публично объявлено. Множество других влиятельных остаются в тени, помогая нам.

— Так вот и я о том же. При нашем могуществе, почему нельзя успокоить ситуацию? Сергей, пожалуйста, приложите усилия!

— Я доведу свою позицию и видение вопроса. Но конечные решения не за мной. У меня есть предел компетенции. Мы все обязаны смиренно подчиняться решениям организации.

— Я все понимаю. И все равно. Большое спасибо.

Обменявшись тайным рукопожатием, они расстались.

Ну что ж. Обстановку и ее оценку руководителем Крыма он себе обрисовал, взамен поделившись классическими масонскими байками.

Сергей вышел на улицу, размышляя о хронической инфантильности человечества. Он давно заметил, что крайне незначительное количество взрослых людей можно в полной мере назвать взрослыми как таковыми. По его умозрительным подсчетам, не более пяти процентов. И вообще, что есть критерий взрослости? Возраст? Физические параметры? Социальное положение? Зрелость размышлений? Жизненный опыт? Или все-таки определённое мировоззрение?

По мнению Сергея, это то состояние, которое, главным образом, характеризуется склонностью к рациональному сопоставлению фактов и принятию решений

на основе определённой суммы составляющих, часть из которых является интуитивными. Идя по коридору крымского правительства, он сейчас пытался вновь сформулировать эти критерии, объясняя себе, что только что имел разговор с очередным ребенком.

Однако здесь была не только инфантильность.

Масонская тема для него всегда лакмусовым тестом на зрелость и самооценку. Слабый человек всегда ищет причины, оправдания и одновременно поддержку в любых формах оккультного и мистицизма.

Но люди, оказавшиеся допущенными к власти или ресурсам, начинают считать себя особенными исключениями. Зачастую невозможно признать, что доступ к этим ресурсам был получен благодаря случайности, родственным обстоятельствам, и никакой личной твоей заслуги в этом нет. Либо наоборот, были проявлены все самые худшие человеческие качества, когда подлость, предательство, ложь и непорядочность стали залогом такого успеха. Главным самооправданием, вытесняющим объективную самооценку, становится причастность к большому, важному и непонятному для «массы» движению или делу.

Хотя причастности к традиционному оккультизму недостаточно. Ибо, например, верить в Иисуса, Будду или Магомета — это значит разделить свою особенную веру особенного, не такого как все человека с «массой». Нет, конечно, это недопустимо. У тебя и твоего класса должен быть особый Бог, Бог для элиты, Бог избранных. Иисус же является Богом общего употребления.

И, конечно, греют мысли об особой сакральности власти и денег. Которые приняли тебя не по воле случая и твоих низменных качеств пронырливого подлеца, а ввиду особой конституции твоих личных качеств. Но нужны сторонние подтверждения этой сакральности. Ими, конечно же, становятся псевдотайные организации со своим «особым» знанием про особого Бога для богатых и влиятельных.

4.

Вечером Сергей и Петр, он же Владимир встретились возле памятника святителю Луке, расположенном недалеко от гостиницы. Прогулялись по городу, обменявшись результатами прошедшего дня и просто болтали. Владимир курил, Сергей просто гулял по сторонам.

— Как дома дела? — Володя всегда был внимателен к семье Трофимова.

— Да все вроде в порядке. С деньгами не очень, но Глеб обещал мою зарплату завести. Правда еще позавчера обещал и все никак не доедет.

— Лучше бы «О» попросил.

— Да я бы и рад, но его куда-то на Донбасс послали. Толи в Луганск, толи Донецк. Он там под «крышей» работает. Типа на взаимодействии.

— Точно, из головы вылетело. Кстати, я так и не понял, зачем. Там конечно неспокойно, но сейчас на Украине везде неспокойно. Если у нас есть еще где-то региональные интересы, то почему не в Одессу? Европейская ось через Приднестровье с проходящим там газопроводом в Румынию и на Балканы наиболее стратегически важна.

— Не знаю. Может, какой-то план еще есть.

— Посмотрим. Кто же сейчас скажет.

— В общем да, посмотрим. Хотя да, там тоже движухи интересные идут. С одной стороны, вотчина нынешней украинской элиты, с другой — там тоже мощные пророссийские процессы. Ну ладно, «О» справится, он парень хваткий. Плохо только что сам.

— Ну, если здесь разгребёмся, может, кем-то из нас усилят.

— Посмотрим. Сначала, ты прав, здесь нужно разобраться. Ладно, «О» с хорошей легендой там, он сейчас на полноценном «нелегале», так что более-менее защищен.

— Но Глеб, это не «О», к сожалению. Слушай, это ведь ты Глеба в контору привел?

— Ну да. И привел, он хорошо проявил себя в «конторе» по одному большому делу, я был поручителем в отношении него, и довольно долго по карьере тащил.

— Знаешь, Серега, есть такая шутка. Чем кошки отличаются от собак. Не слышал?

— Нет. Рассказывай.

— В общем, собака смотрит на хозяина и думает: «Хозяин меня кормит, гуляет со мной, лечит, заботится и гладит. Наверное, хозяин Бог!». А кошка смотрит на хозяина и думает: «Хозяин меня кормит, гуляет со мной, лечит, заботится и гладит. Наверное, я Бог!». Вот Глеб из категории кошек. Сколько ему не сделай, спасибо не услышишь. Я смотрю на твою с ним дружбу и удивляюсь. Ты же знаешь мнение коллектива о нем. Он самовлюбленный, довольно непорядочный, когда ему выгодно и неблагодарный тип. Живет по принципу, мол, все кому должен, прощаю.

— Володя, оставь Глеба в покое. У всех есть свои недостатки. Тут важнее учитывать достоинства и что перекрывает другое. Я понимаю, что он тебе не нравится, но мало ли кто кому не нравится, мы все со своими странностями, но он мой товарищ, поэтому перестань. Захочешь обосновать ему претензии, говори ему лично.

— Ну ладно, чего ты завелся? Просто высказал свое мнение. Тут другое. Слушай, есть проблема, — и Владимир пересказал встречу с американцем.

— Так, а в чем проблема?

— Понимаешь. Я ведь действительно под либеральной легендой работал по проекту два года назад. Ты тогда в «оборонке» сидел, а я там в разработке с Глебом был.

— Ну?

— Проблема в том, что я этого не рассказывал Ковальскому. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Сергей после некоторого раздумья. Но Ковальский же замкнут на Киев. Он мог тебя

через своих пробить. Ты же личность по либеральной тематике не меняешь?

— Нет. История должна быть устойчивой и долговременной, тем более у меня серьезных проколов не было. Могли, конечно. Но дело в том, что я этого Ковальского долго качал. Он полный дебил, или я не разбираюсь в людях. Если бы ему хоть что-то было обо мне известно, он обязательно козырнул бы этим. А ничего не было. Он мне в рот смотрит, как Богу, и постоянно трещит без умолку со своим кретинским «собственно говоря». Вода у него в заднице не держится.

— Тогда это признак. Нужно крутануть тему и посмотреть на дальнейшую реакцию. У меня есть тут на контакте пару человек надежных, проработаем «американоса» — сказал Сергей, доставая из кармана пальто один из простых черных мобильных телефонов, вставляя в него батарею, сим-карту и включив его.

— В смысле?

— Надо его на бытовуху спровоцировать. Пусть попадет в милицию, еще лучше — в газеты. Если твои сомнения верны, то это резко понизит его возможности, ну и проявится что-то. Ты же знаешь — огласка для разведчика хуже смерти. И параллельно оперативно соберем инфу про компанию очередных западных бессребреников.

Из СМИ:

Воскресенье, 16 февраля 2014, ***07:28*** *| Симферополь*

Крымские правоохранители устанавливают обстоятельства избиения в Симферополе гражданина США Джеффри Лубби, возглавляющего проект «Диверсификация и поддержка туристического сектора Крыма», который финансируется Евросоюзом.

Об этом сообщает сектор связей с общественностью Главного управления МВД в Крыму.

В субботу около 06-00 в милицию по спецлинии «102» позвонил мужчина, представившийся гражданином иностранного государства и сообщил о том, что возле одного из баров в центре Симферополя у него возникла конфликтная ситуация с неизвестным ему человеком, в результате которой ему были причинены телесные повреждения.

«Данное сообщение было зафиксировано в журнале единого учета, по указанному адресу немедленно выехала следственно-оперативная группа. Гражданин был опрошен. Он пояснил, что телесные повреждения ему были причинены незнакомым человеком в ходе распития спиртного в баре. Ему была оказана медицинская помощь», — рассказали в ССО.

В настоящее время по данному факту открыто уголовное производство по признакам состава преступления, предусмотренного ст.296 Уголовного кодекса Украины (хулиганство), санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет.

В рамках открытого уголовного производства устанавливаются обстоятельства происшедшего, в том числе и причина возникновения конфликта, добавили в ССО.

В свою очередь, как рассказал сам пострадавший на своей странице в социальной сети Facebook, его избили только за то, что он находился в компании друзей, поддерживающих Евромайдан.

«Это то, что с вами будет, если вы будете стоять с другом в Симферополе, который, когда его спросили, заявил, что поддерживает Евромайдан. Ганьба. Стыдно!», — подписал свою фотографию Лубби, на которой видно гематомы и следы крови на его лице.

По информации Лубби, с его друзьями все в порядке.

«Но я горжусь ими за то, что они выражают свои взгляды, не применяя насилия! Они не фашисты, просто мирные люди, которые никого не беспокоят. Выводы де-

лайте сами, пожалуйста. Украина нуждается в вас», — написал он на своей странице.

Семнадцатого их срочно отозвали в Москву.

Глава 3. На свидание в Париж

1.

Семнадцатого его срочно пригласили к руководителю.

Сухой подтянутый светловолосый мужчина сорока лет терпеливо ждал в приёмной. Глеб Максимов отказался от предложения чая и неподвижно, по-ученически ровно, сидел в кресле для посетителей.

Кресло было неудобным, слишком низким, из-за чего сидящие в нем посетители снизу вверх смотрели на стоящих. Оно находилось у стены, высоко над ним висели настенные часы, почему-то в форме большой ракушки. Рядом с креслом развалилась большая кадка с высоким цветком, край одного из широких толстых листьев которого Максимов сосредоточенно крутил большим и указательным пальцами левой руки, пока сидевший напротив секретарь что-то деловито печатал в компьютере.

Через время его пригласили.

— Ну как ты, Глебушка? Выглядишь хорошо, как всегда пример настоящего мужчины! — начальник знал слабости своих подчиненных. В числе прочего ему было понятно завышенное самомнение Глеба, для которого персональное внимание старших было крайне важным.

— Все хорошо. Решал семейные вопросы. Сейчас «под крышей» станкостроительного предприятия, большой госзаказ по «военной приемке» прорабатываем. Занимаюсь рутиной, взаимодействую с ДВКР[3]. Но по команде готов к выполнению задачи.

Максимову нравилось позиционировать себя бравым служакой со своим непререкаемым кодексом чести и готовностью в любой момент выполнить любой приказ. Это

3 Департамент военной контрразведки ФСБ РФ

было и так и не так, у Максимова имелась склонность к позерству и тому, чтобы при случае «тянуть одеяло на себя». На этой почве он не всегда чистоплотно взаимодействовал с коллегами, из-за чего в коллективе был не любим. Однако и положительных качеств в нем было немало.

— Глеб, история следующая. Занимаемся Украиной. Там развивается очень плохая история. По сути, американцы и европейцы перебивают наши попытки создать Евразийский и Таможенный союзы. Ситуация у Первого на контроле как приоритетная, естественно есть поручения и у нас. Думаю, ты знаешь, что ребята вылетели в Крым. А у тебя более пикантное поручение.

— Я готов.

— Это хорошо. Но оно не простое. Встреча с дамой!

— Не понял? — насторожился Глеб. — У меня семья. Все дамы у меня дома.

— И не просто с дамой, а свидание в Париже! Встреча в Париже — есть ли что-либо более романтическое?! — Владимир Петрович откровенно посмеивался над акцептованным сотрудником.

— Можно уточнить, о чем речь?

Глеб был человеком семейным и по своему очень домашним, несмотря на некоторый флер мачо, хоть и не был счастлив в браке. Свою нынешнюю супругу Алину он побаивался, и меньше всего хотел проблем с ней. Это был второй брак, где он почти нашел свое мещанское счастье, отблесками которого дорожил, устав от домашних дрязг прошлого. Вторая жена появилась в его жизни не столько по его, сколько по ее выбору. Алина была работником предприятия, под «крышей» которого Глеб трудился в должности одного из заместителей руководителя. Максимов был ее начальником и последним шансом обустроить семейную жизнь. Девушка имела за плечами бурную и разгульную молодость и всячески стремилась смыть грехи прошлого браком с успешным мужчиной. Она сама начала за ним ухаживать, а он,

осторожный и аккуратный в службе, будучи измотанным ссорами с первой супругой, просто не устоял.

Уводила Алина Глеба из семьи классически, через объявление беременности. Когда выяснилось, что беременность мнимая, а сама девушка по медицинским причинам не может иметь детей, Максимов уже жил с ней, крепко сидя под ее каблуком. Теперь она лечилась от своих медицинских проблем, которые, конечно же, были прямым итогом сексуальной неразборчивости прошлого, в наглую объясняя это мужу бытовыми и генетическими причинами. Глеб безропотно принял необходимость ЭКО, но, однако же, с радостью теперь хватался за любую командировку, позволяющую чуть-чуть побыть вне диктата новой жены. Та тоже не возражала. Она не любила и не хотела детей, но прекрасно понимала, что ребенок является единственной стопроцентной гарантией того, что Глеб однажды не уйдет от нее.

— Да не напрягайся. Даме шестьдесят пять. Но зато она настоящая звезда! Уж полночь близится, а Германа, в смысле Глеба, все нет, — хохотнул шеф.

Глеб понял, что у Петровича очередной приступ чиновничьего остроумия. Это остроумие особого порядка, когда начальник искренне считает кабинетную искрометность своих шуток не имеющей равных на фоне демонстрации разноплановости могучего интеллекта руководителя и смирения подчиненного.

Отхохмив, несостоявшийся резидент «Камеди Клаба» стал объяснять.

— Есть одна бабка («Чего ж бабка, если шефу шел шестьдесят второй», — подумал Глеб). В самом деле, звезда. Был когда-то такой голливудский кинохит с молодым Джоном Траволтой. «Бриолин». Мюзикл, очень популярный. Она там в главной роли снималась. И еще в каких-то голливудских фильмах. Но вообще она довольно известная певица мирового уровня. Дама об-

ратилась к «сварщикам»[4], что у нее есть важная информация по теме Крыма. Ну, как обратилась. Где-то на каком-то приеме поделилась с русским дипломатом, что она знает что-то важное… Вроде ерунда полная, но «сварка» включила это в доклад Первому. Просто как эпизод.

Вдруг Первый решил, что этим должны заняться мы, причем в едином формате контроля над крымскими событиями. Вроде повод ерундовый, да и у «сварки» уже есть контакт. Но не нам обсуждать указание начальника. Поэтому собирайся. У тебя хороший английский, и, насколько помню, французский тоже?

— С английским все в порядке. На французском практики давно не было, подзабыл.

— Ты же бывал во Франции?

— Вообще я в Испании работал полгода под легендой. А в Париже был три дня, во время свадебного путешествия семь лет назад. Успел съездить в Фонтенбло, сходить в Версаль и на Эльфелеву башню, посмотреть могилу Наполеона в Дворце, в смысле в Доме инвалидов. Сказать, что знаю Париж, это мягко говоря, преувеличение.

— Вот и познакомишься пошире. Правда в этот раз тоже поездка будет недолгой. Два дня. Но тебе хватит для романтического свидания. Так что пиши рапорт на получение загранника в кадрах и оформляй командировку. «Шенген» же у тебя не просрочен?

— Есть, понял. Да, с «шенгеном» нормально.

— И на вот, послушай. Мне понравилось. Видать, СВР провело мощную спецоперацию, чтоб его добыть, — сказал шеф, протягивая диск в простом прозрачном чехле. В департаменте было принято информацию передавать не на «флэшках», а по старинке на лазерных дисках,

4 Жаргонное наименование сотрудников Службы внешней Разведки России (СВР РФ).

потому что в отличие от «флэшек», в которые можно в «карманы памяти» подгрузить вирусы, на дисках информация выжигалась, что почти исключало шпионские утечки распространенными способами. И диск проще поломать в ходе нештатной ситуации.

2.

Сначала Глеб зашел в канцелярию и на откидной деревянной стойке «секретки» получил законвертованные документы по делу. Потом поднялся на этаж выше и, пройдя по коридору, остановился у двери с цифрой «417».

Он посмотрел номер оттиска печати на пластилине в круглом, похожем на крышку от какого-то напитка пломбираторе. «205». Значит, последним в кабинете был Сергей.

Максимов задвинул железный стержень в глубину крышки, сбив номер, потом открыл ключом дверь и зашел в общий кабинет их группы. Они были действующим резервом департамента, сидящим под «крышей» различных государственных ведомств и факт их задействования свидетельствовал о значимости находящейся в проработке темы. Дело было не в том, что они однозначно обладали какими-то особыми навыками. Просто рутинные вопросы решали штатные сотрудники. Если же привлекли их, значит, с одной стороны, понадобилась высокая квалификация исполнителей, а с другой — отсутствие их в официальных учетах легального состава организации.

В кабинете с трудом помещалось шесть рабочих мест с прижатыми друг к другу столами, стульями, сейфами и компьютерами. Тесно, но посетителей здесь не бывало, а написать документ и провести рабочее совещание — достаточно.

Он подошел к железной вешалке, стоящей впритык к столу работающего сейчас где-то в Украине сотрудни-

ка их руппы, скинул на нее куртку. К курирующему их первому заму он успел точно в указанное время, поэтому пришлось куртку оставлять в шкафу приемной. Сел за свой стол, включил компьютер, подождал, пока запустится. Вставил диск в дисковод. На нем был записан концерт американской певицы Оливии Ньютон-Джон.

В колонке песен выбрал первую и нажал на воспроизведение медиаплеера. Заиграла музыка, сопровождаемая фотослайдами. Когда-то он видел фильм, фотографии из которого сменялись сейчас на экране. Молодой Джон Траволта, мюзикл «Бриолин». Что-то совсем слащавое. Щелкнул следующий файл.

Из динамика раздалась ритмичная песня на английском. Посмотрел на название файла. «Physical».

…You're the One That I Let›s get physical, physical,
I wanna get physical, let›s get into physical,
Let me hear your body talk, your body talk, let me hear
your body talk…

Песня очень знакомая, из категории хитов восьмидесятых. Слова пошловатые, зато мотив запоминающийся. Но ни намека на что-то особенное. Что это значит? Музыка конечно вполне приличная, но зачем и к чему такая таинственность?

Под сменяющие друг друга песни достал две справки из конверта и стал изучать их содержание. Хиленькие справки, несолидные. Первая с грифами и номерами. Выдержка из доклада Президенту менее чем на половину страницы. Практически все то, что сказал шеф.

5-го февраля этого года, в Калифорнии, город Кармел-бай-зе-Си, на торжественном приеме по случаю турнира по гольфу к секретарю по культуре Российского посольства в США Павлу Литвинову подошла известная актриса и певица Оливия Ньютон-Джон и почти сразу же после приветствия заявила: «Передайте Путину, что мне известна реальная цена Крыма, и что ему придется

его забрать. Возможно, я смогу что-то подсказать ему. Он должен меня знать. Пусть мне кто-то позвонит, кому он доверяет. Со следующей недели и до конца месяца я буду в Париже».

После этих слов она передала дипломату свою визитную карточку с написанным на ней шариковой ручкой номером телефона и проставленным автографом.

Советник попытался отшутиться и задать уточняющие вопросы, однако в этот момент один из гостей подавился куском сыра и стал задыхаться. Все бросились к нему, но помощь оказал присутствующий помимо прочих звезд Клинт Иствуд, парой ударов в диафрагму приведший бедолагу в норму (в справке была даже сноска, что данные действия в медицине носят название «прием Геймлиха». «А выглядит, как-то так, что старый злобный актер влепил злящему его своим кашлем соседу», — подумал Глеб).

В это время певица покинула мероприятие. В дальнейшем советник попытался позвонить по номеру на визитке и договориться о встрече с тем, чтобы задать уточняющие вопросы. Но звезда Голливуда категорически от контакта отказалась, пока ее слова не будут доведены указанному в разговоре адресату.

Далее выдержка из резолюции Первого с указанием у организовать работу, дополнительные указания получить лично у него. Все. Не густо.

Вторая справка — о даме, из открытых источников. Оперативной информации нет, ранее в поле зрения не попадала. На фотографии моложавая блондинка американского типа. Возрастная, но симпатичная.

Оливия Ньютон-Джон. Родилась в Кембридже, жила в Австралии. 65 лет. Из семьи ученого Макса Борна. Родители. Глеб сделал для себя отметку об отце. Уэльсец Бринли Ньютон-Джон в молодости служил в британской разведке. В старости по примеру деда Оливии подался в науку.

Ведущая австралийская актриса и певица 1970-х годов. Пятнадцать её хитов достигали лучшей десятки хит-парада, пять из них — верхних позиций. Два сольных альбома были на первом месте. Одиннадцать синглов (включая два платиновых) и четырнадцать альбомов (включая два платиновых и четыре дважды платиновых) были сертифицированы RIAA как золотые. Всего было продано свыше 100 млн её записей, что сделало одной из наиболее продаваемых исполнителей в мире.

Четырежды была награждена премией Grammy. В 1981 году получила собственную звезду на голливудской Аллее славы. В 2006 году Оливия Ньютон-Джон была удостоена высшей государственной награды — Ордена Австралии. Представляла Великобританию на Евровидении. В 2000-м открывала Олимпийские игры в Сиднее. Исполнительница саундтрека к голливудской «Русалочке».

Очень солидно. Какая связь с Крымом и Россией — совершенно непонятно. Может, споет в нем Гимн России?

Так. Смотрим общественную деятельность. Тут все стандартно для голливудских звезд. Активист по защите окружающей среды и прав животных. Перенесла в 1992 году рак молочной железы, теперь является пропагандистом здорового образа жизни. И тут — сразу же бизнес на теме здоровья — запуск нескольких линий продуктов для синей коалы, является совладелицей «the Gaia Retreat & Spa» в Австралии.

Успешные съемки в ряде голливудских кинохитов.

Семья. На первый взгляд ничего особенного. Сестра тоже актриса, как и первый муж. Детей нет, есть племянники.

Стоп.

Несколько выдержек из СМИ в стиле «Таинственное исчезновение».

Пропал муж Оливии. 30 июня 2005 года отправился на ночную рыбалку и, вроде бы, утонул, но тела не нашли.

Патрик Ким МакДермотт, происхождение корейское, осветитель, сыграл несколько небольших ролей в кино. С 1996 года жили вместе с Ньютон-Джон. Отношения сложные, несколько раз сходились и расходились. В дальнейшем в СМИ появлялась информация, что он жив, но официального подтверждения не было. Через три года после исчезновения второй раз вышла замуж за Джона «Амазон» Истерлинга, владельца фирмы натуральных лечебных препаратов, сделанных из трав Амазонии.

Возможно бытовуха, но обратить внимание стоит ввиду отсутствия другой значимой информации.

3.

Аэропорт Шарля де Голля, несомненно, один из самых бестолковых и шумных аэропортов Европы. Бродящие толпы ничего не понимающих групп иностранцев, и, вдруг, неожиданные пространства полной тишины и безлюдья, сваленные горы потерянного багажа с полным бардаком логистики, загадки расположения служб и терминалов.

Поздняя зима в Париже на зиму была не похожа. Погода около плюс двенадцати, весеннее солнце радовало после хмурой Москвы. Глеб, выросший на юге, с удовольствием вдыхал бодрый, слегка щекотящий холодком легкие весенний воздух.

Приехав из аэропорта на такси, он поселился в заранее забронированной довольно приличной гостинице «La Clef Tour Eiffe», недалеко от площади Трокадеро и Эйфелевой башни, которую здесь называли «Эйфелька». Старался говорить на английском, хотя иногда вставлял пару слов по-французски, зная нелюбовь парижан к иностранцам, игнорирующим их родной язык.

Изучив карты, составил план своих передвижений, и ближе к вечеру по проспекту Клебер прогулялся от отеля к площади. Район был красив, по-парижски игриво весел и беззаботен. Глеб дошел до Дворца Шайо, откуда открывался шикарный вид на Башню.

Отсюда он позвонил по имеющемуся номеру своего контактера. Ни к чему давать возможность пеленговать телефон по месту жительства, хотя, конечно, определить где он остановился, было не сложно. И все же. Да и нужно пока осмотреться на предмет «наружки».

Але але, пронто пронто. Из динамика красивый женский голос, совсем не запредельного возраста. Голосок хорош, хотя не удивительно, все же профессиональная певица.

Представляется, передает нужный привет от дипломата, знакомого по торжественному приему в Калифорнии. Дама его благосклонно принимает и спрашивает о местонахождении. В Париже, Трокадеро. О, как чудесно. Могли бы встретиться прямо сегодня, в ночи. Романтизмом так и прет. В ночи так в ночи. Где? Может быть в «Этюде», на Иль-де Франс, это как раз Трокадеро? Подходит? Чудесно! Тогда в 22:30 там.

4.

Центр предвечернего Парижа свеж, и как хороший аперитив, освобождает от забот и напряжения. Музыка, туристы, переливающиеся кораблики на Сене, где-то вдалеке на набережной под звуки французской гармошки танцуют пары.

Он вышел на покрытую большими разноцветными квадратами террасу за Дворцом, обошел скульптуру какого-то бравого француза на коне с непонятной короткой дубиной и долго смотрел на реку и мост Иена. Благодаря расположению площади на высоком холме свободное равнинное пространство с торчавшим посередине зубом Эйфельки создавало ощущение простора и свободы. В направлении спуска к Башне виднелись какие-то сады и большой фонтан, напомнивший петергофского Самсона.

Оставалось еще несколько часов до встречи. С одной стороны, достаточно много, чтобы себя занять, с дру-

гой — недостаточно, чтобы запланировать какое-то самостоятельное мероприятие вдали от нынешнего местоположения. Тогда Глеб решил сходить в расположенный на площади музей во дворце. Музеи он любил. С одной стороны, узнаешь что-то новое и интересное. С другой, это дополнительный багаж знаний для маневрирования в разговорах по работе. С третьей, просто можно прихвастнуть. Прихвастнуть при случае Глеб тоже любил, если это, по его мнению, не било по имиджу. Что есть рассказы о своем опыте? Желание поделиться впечатлениями? Нет, конечно. Как ими поделишься? Просто самопрезентация на тему того, как много и где я бывал и вообще какой я молодец.

Дворец был красивый, но какой-то слишком стандартный, прямоугольный, с прямыми ровными колоннами, редкими статуями между ними и полосами окон в глубине стен. Он зашел внутрь, оплатил индивидуальную экскурсию и аудиогид.

Из рассказа, сопровождавшего во время осмотра комнат и залов, он узнал о связи холма Трокадеро с Екатериной Медичи, которая решила здесь построить загородный дом. Владельцы дома регулярно менялись, а сам он превращается то в замок, то в монастырь.

Потом неудачная попытка Наполеона построить здесь дворец для своего сына, но Империя пала. В итоге все свелось к строительству здания для Всемирной выставки 187-го года, которое изначально было таким же непопулярным у парижан, как и соседняя Эйфелева башня. Хотя для объективности нужно признать, что здание получилось красивым и интересным. Но зажравшиеся французы посчитали его недостаточно вычурным. В итоге к новой выставке 1937-го года («отличный год для выставок», — подумал Глеб) дворец был перестроен.

На самом деле дворец состоял из театра и нескольких музеев. Один из них, в который Глеб пошел первым,

посвящался морской тематике. Здесь были представлены экспонаты из истории флота Франции. Больше всего заинтересовала лодка, на которой везли прах Наполеона с острова Святой Елены в Париж для захоронения. Лодка была по настоящему красивой, светлой и праздничной, с большой короной над прямоугольной рубкой и золотыми статуями на носу.

Вторым был Музей человека. Особенно Глебу бросилась в глаза декларируемая цель — познать природу человека. Амбициозно, но на практике музейных экспозиций в содержательном плане довольно блекло. Банальные статуи, изображающие разные исторические периоды человеческой истории. Зато оформление красивое.

В третий музей — Архитектурного наследия — он уже не успевал. До встречи оставалось полчаса, а это то время, которое надлежит использовать для проверки наблюдения и осмотра места встречи. Глеб был педантом.

5.

К назначенному времени он стал прогуливаться недалеко от ресторана, контролируя подходы к нему. Туристов и посетителей становилось все больше, многие заходили в ресторан, и возникло опасение, будут ли свободны столики? Возможно, нужно было забронировать стол заранее. Но это не проблема, не будет стола, прогуляемся, так даже лучше, если встреча контролируется, то незапланированное перемещение позволит выявить наблюдение.

Естественно, в назначенное время он никого не увидел. Можно было бы позвонить по телефону, но стоило дать время с поправкой на то, что он встречается с дамой, да еще и звездой мирового уровня.

Спустя неполные пол часа он увидел объект. В простых темно-синих джинсах и теплом свитере крупной

вязки она все равно была заметна в толпе. Люди такого типа, привыкшие к всеобщему вниманию, поклонникам и сцене, всегда держатся как-то обособленно и при этом, как-бы желая и ожидая интерес к себе, и одновременно демонстрируя усталость от него.

Он прошел несколько шагов в ее сторону, подождал, когда она пройдет мимо, догнал и поздоровался. Она резко развернулась, на напряженном лице мгновенно заиграла яркая голливудская улыбка.

— Здравствуйте! Как Вы меня заметили? Вы молодец.

— Вас невозможно не заметить!

— Спасибо за комплимент. Извините, но могли бы Вы показать мне то, что я давала Вашему коллеге?

— Да, конечно! — Глеб достал из нагрудного кармана рубашки ее визитную карточку с рукописным номером и протянул ей.

Та внимательно осмотрела ее и протянула обратно.

— Возьмите. Она свою роль сыграла, пусть останется на память.

— Спасибо огромное. Я сохраню ее в знак встречи с такой выдающейся личностью, как Вы! Это честь для меня.

— Ну что ж. Зайдем в ресторан? Это очень хороший ресторан, я знаю и люблю его.

Они зашли внутрь. В оформлении явно присутствовала японская тематика. Администратор поинтересовался, бронировали ли они столик, и, получив отрицательный ответ, любезно пообещал найти свободный. Через пару минут их пригласили.

— К сожалению, столик не очень удачный. Здесь есть более интересные виды с прекрасным обзором башни.

— Да, это моя ошибка. Нужно было забронировать.

— Ничего страшного. Позже можно будет прогуляться и посмотреть вид и снаружи. А пока поговорим. Но, честно говоря, я решила воспользоваться возможностью и поужинать. Здесь прекрасная кухня.

— Конечно. Я с удовольствием к вам присоединюсь.

В это время официант принес меню, и, извинившись, сообщил, что через полчаса они завершают прием заказов по кухне.

— Мы успеем, ответила Оливия. Меню не нужно. Принесите мне вашу чудесную говядину, «хида». Салат «гю татаки». Иии… — она задумалась, листая винную карту, которую ей подал официант. — Пожалуй, бутылку «Шато Латур». Вы же составите мне компанию?

— С удовольствием, — ответил Глеб. Он тоже заказал говядину. Со слов Оливии, она здесь была исключительной, что и подтвердилось.

— Знаете, я люблю Париж. Вы так удачно выбрали место нашей встречи. Я люблю Трокадеро, это одна из изюминок города. Кстати, в прошедшем декабре здесь бастовали правозащитники и либералы против российской агрессивной политики и в защиту русских политзаключенных. Я сама не видела, но читала в новостях.

— Компетентные люди на западне знают, что политзаключенных в России не больше чем в любой европейской стране. Просто фактор давления нужно сохранять под гуманитарными лозунгами.

— О да, Глеб, в том-то и дело! Думаю, России сильно достанется в ближайшее время за Украину. С таким трудом выбирали этого, как его, Мальницкого («Магницкого», — поправил тут Глеб), да, Магницкого, геев, Олимпиаду, а тут в руки плывет такой царский подарок! Я слежу в прессе за событиями в России. Кстати, и с этой точки зрения место нашей встречи символическое. В сорок восьмом году именно во дворце Шайо Генассамблея ООН приняла Всемирную декларацию прав человека.

— Я знаю, перед встречей заходил туда на экскурсию. Да, Париж в целом полон символизма. Красивый город.

— Знаете, да. Я выросла в Австралии. Мельбурн очень не похож на Париж. Возможно, мне потому Па-

риж так нравится, — усмехнулась Оливия. — Много говорят о том, что Париж оккупировали беженцы, но центра это пока не очень не касается, хотя, конечно, признаки уже есть.

Официант принес бутылку вина, открыл и на блюдце предложил пробку, налив немного в бокал для дегустации. Глеб отказался от ритуального нюханья и попросил разлить вино в бокалы. Чокнулись, выпили за встречу и знакомство.

— Официально я еще не гастролирую. Сейчас мы делаем всю важную работу по подготовке к туру. Через месяц выйдет мой новый альбом Hotel Sessions. Дарю вам его, только, пожалуйста, не передаривайте никому. Меня разорвут продюсеры, если где-то в Интернете появятся песни до премьеры.

Оливия достала из сумочки и протянула принесенный с собой диск. Глеб поблагодарил и отложил на столе.

— Я рада, что к моим словам отнеслись серьезно. Иначе и быть не могло. Слишком высока цена вопроса. Я должна была сделать все, что смогу. Это моя обязанность перед дедом и Патриком.

— Это Ваш пропавший супруг? Я читал в Интернете об этом трагическом происшествии.

— Да. Мы не были расписаны, но наши отношения были глубоки. И непросты. Мы оба сильные личности и долго привыкали друг другу. Это Патрик привил мне вкус и желание разобраться в семейных тайнах, которые оказались много больше, чем я думала когда-то. На рыбалке в Калифорнии его убили. Тела нет до сих пор.

Оливия стала описывать историю своего пропавшего мужа. Несмотря на то, что те отношения сменили новые, она явно грустила по пропавшему.

Из ее рассказа стало понятно, что Патрик упал за борт и утонул во время ночной рыбалки 30 июня 2005-го года.

Произошло это через неполный год с того времени, как она рассказала супругу некоторые детали преданий ее семьи, которыми тот очень заинтересовался. Патрик начал активно собирать информацию об обстоятельствах жизни ее отца и деда и их участии в некоторых международных процессах. С учетом огромной роли деда Оливии, великого физика Макса Борна в современной науке, это не должно было быть проблемой.

Очередной чудак интересуется легендарной личностью. Однако спустя какое-то время Патрик настойчиво заговорил о том, что за ним следят. Он был уверен, что его хотят убить, и связывал это с интересом к делам семьи Оливии. Купил «Магнум» и был готов защищаться. Его сложно было запугать. Однажды он обнаружил, что в отсутствие хозяев дома неизвестные проникли внутрь и осмотрели содержимое его компьютера.

— Больше всего меня подкосило то, что после того, как я хоть как-то смирилась с произошедшим, решила жить дальше, начала строить новые отношения, они нанесли контрольный выстрел. Спустя четыре года! Они решили окончательно растоптать его и сделать не только мертвым, но и вором.

Глеб внимательно слушал, неторопливо отрезая кусочки мяса. Оно действительно было вкуснейшим. Какую-либо связь семейной трагедии певицы с Крымом или интересами России он не улавливал.

Оливия между тем продолжала свой рассказ, глубоко и эмоционально комментируя волнующие ее события.

В 2009-м году началась странная компания полунамеков о том, что Патрик жив. Сначала от имени страховой компании, хотя Оливия была уверена, что это ерунда, так как компания изначально провела детальное следствие, по итогам которого выплатила страховую сумму и никаких новых обстоятельств не объявляла.

Уже потом появились некие частные адвокаты, которые начали искать Патрика в Мексике. Они даже созда-

ли сайт «FindPatrickMcDermott.com», чтобы выследить его. Все айпи-адреса входивших на сайт они вносили на электронную карту. В итоге этого странного расследования в сети расползлась информация, что, якобы, они почти нашли Партика по неким косвенным признакам, но сам пропавший публике предъявлен не был, ни вживую, ни на фото, ни как-то еще. Апофеозом стало внесение Госдепом данных Патрика в учет недобросовестных скрывшихся от детей родителей. Более того, однажды ей пришел факс, якобы от Патрика, где сообщалось, что он жив, здоров и счастлив.

— Знаете, я решила не бороться открыто. Ставшая мне известной картина и пример Патрика сполна свидетельствовали о бессмысленности этого. Я просто решила ждать. И, думаю, момент, которого я ждала, настал. В Вашем лице.

— Я польщен Вашими словами и готов быть полезен, но пока не совсем понимаю, каким образом.

— Сейчас мы подойдем к этому. Закончу про Патрика. Думаю, у них было две цели в этой компании. Во-первых, они хотели дискредитировать его, если когда-либо будет обнародовано то, чем он так заинтересовался. А во-вторых, или даже это скорее будет, во-первых, они искали материальные носители этих исследований. Так вот, они у меня. Я передам их Вам в конце разговора.

В это время подошел официант, и тихо извинившись, сообщил, что через пятнадцать минут ресторан закрывается.

— Конечно, мы скоро будем собираться. Сделайте, пожалуйста, кофе. Я буду «эспрессо», — ответил Глеб.

— Я обойдусь без кофе. Стараюсь на ночь не пить. Все-таки возраст.

— Ну что Вы! Вы великолепно выглядите. В толпе я не сразу к Вам подошел, потому что больше сорока дать Вам невозможно.

— Спасибо, мне очень приятно. Ну что ж, продолжим на улице.

В это время официант принес счет, Глеб взял его, отказавшись от предложения Оливии поучаствовать в оплате. Однако, — как сказал бы Воробьянинов, — более трехсот евро. Вино дороговатое, ну ладно. Запас денег на оперативные расходы у него был.

Они вышли на улицу и в толпе туристов направились в сторону вида на сверкающую огнями Башню.

— Знаете, ведь мой отец, будучи английским офицером, лично арестовывал Рудольфа Гесса в 1941-м году. Это, кстати, было дополнительным аргументом для выбора деда для участия в Суде. Мол, хорошая наследственность и воспитание.

Ну а для меня это дополнительная причина делать то, что я сейчас делаю. Я должна внести свой вклад в борьбу за справедливость. Я ведь до сих пор многого не знаю. Пазлы этой картины у меня не сошлись, слишком много неизвестного. Но одно я знаю точно — дед был против тех людей, которые сейчас управляют нашим миром, хоть и поучаствовал в его создании. И ради его памяти я обязана что-то исправить. Что касается деда, то он является главным воспоминанием моего детства, несмотря на то, что у меня были чудесные родители.

Оливия задумала, достала из сумочки портсигар, зажгла сигарету, затянулась и продолжила.

— Дед был не только научным гением. Его совершенно не устраивал тот пьедестал, на который он был водружен. Он жил идеями поиска мировой стабильности. И его внутренняя боль давала о себе знать постоянно. Это ощущали и мои родители, с которыми отношения у деда выстраивались сложно. Они тоже были особенными людьми.

Пока они медленно прогуливались, Оливия делилась воспоминаниями о родителях. Рассказ чем-то напомнил Глебу сюжет художественного фильма про фашистов, и он в какой-то момент даже подумал, что Оливия, будучи дамой из Голливуда, слегка спятила и перепутала реальность и кино. Но она, несмотря на выпитую с ним почти

полную бутылку вина, была сосредоточена и абсолютно рациональна. Она явно давно жаждала этого разговора и готовилась к нему. Да и биографию легко проверить.

Ее мать, Ирэн, вместе с отцом бежала из Германии от нацистов в Великобританию, где и познакомилась с будущим мужем и отцом Оливии. Тот был талантливым лингвистом, которого английские спецслужбы привлекли для допросов немецких военнопленных. Отец сам разработал свою систему допросов, основанную на дружелюбном установлении доверительных контактов и их поэтапной систематизации. Бриндли был не только прекрасным лингвистом, но и отличным психологом. Именно его талант позволил схватить главного помощника Гитлера Рудольфа Гесса. Дальнейшая деятельность Бриндли разворачивалась в отделе дешифрования МИ-5, где он обеспечивал взламывание кодов и расшифровку наиболее важных немецких шифротелеграмм.

— Ни дед, ни отец, который явно знал о тайнах деда, никогда ничего толком мне не рассказывали. Постоянно какие-то пространные рассуждения. Думаю, они хотели уберечь меня от этого мира и были рады, когда я ушла в творчество. Даже авторство Боба Дилана в моих первых песнях их не смущало, несмотря на то, что Боб был известным бунтарем. Я просто знала, что дед однажды принял участие в каком-то большом деле, которое решило судьбу мира. И главные вещи, происходящие сейчас, в той или иной степени находятся в зависимости от того дела. Иногда они в своих разговорах называли это Судом. Именно так, это явственно ощущалось — Судом с большой заглавной буквы. На мои робкие попытки узнать хоть что-то я всегда получала резкую отповедь. Несколько раз в этой теме звучало название Крым, которое было для меня совершенно загадочным. Я даже сначала думала, что это чье-то имя.

Уже после смерти их обоих в своей большой старой кукле, с которой играла, когда гостила у дедушки, я слу-

чайно нашла записки деда на листах и клочках бумаги, из которых было понятно, что они касаются того самого дела. Это были отрывки речи на выступлениях, аргументы, систематизация фактов. В них шла речь о том, что западный мир с его ценностями двигает человечество вперед, который, несмотря на все свои проблемы, постепенно становится лучше. Это подтверждается выводами науки, расчетами и прогнозами. В свою очередь Советский Союз, несмотря на декларируемые им идеалы, неизбежно отбросит человечество назад, а с учетом фактора ядерного оружия, поставит на грань уничтожения. Были рассуждения о Боге, о человеческом предназначении. Там же я нашла и переписку деда с Хемингуэем.

— С писателем?

— Ну конечно. С Эрнестом Хемингуэем. Она, в основном, касалась того, дела, которое называлось «Суд». Они обменивались аргументами, мнениями. Насколько я поняла, они оба там участвовали. Все это как-то было связано с Нобелевской премией, потому что и дед, и Эрнест были ее лауреатами, и упоминали ее в привязке к Суду. Я много лет перечитывала эти бумаги, пытаясь разобраться в сути этих вещей, но так почти ничего не поняла. И дед, и Хемингуэй, судя по всему, ощущали огромную внутреннюю боль от участия в том судилище. Каждый считал, что поступил неправильно. Хемингуэй винил себя за проигрыш, а дед за победу. Крым опять звучал в письмах. Крым и смерть.

И они решили поступить так же, как поступили и президенты. Это цитата. Так было написано в одном из писем, но что это значит, я так и не поняла. В своей смерти оставить послание. Это то, до чего я дошла сама.

Потом в моей жизни появился Патрик.

У нас долго было не до семейных тайн, но однажды я показала Патрику эти письма и записи. Он загорелся. С того момента это было единственное, что его интересовало. Он ездил на могилы деда и Хемингуэя, пытался

встречаться с людьми, искал архивы. В итоге произошло то, что произошло. После его убийства пропали все записи деда и переписка. В последующие два года я минимум трижды понимала, что в мое отсутствие дом тщательно осматривали. Но они ничего больше не нашли. А теперь я хочу передать Вам записную книжку Патрика, в которой он делал свои записи, и которые так искали агенты.

Оливия быстро достала из своей сумочки толстую, обтянутую матовым черным кожаным переплетом тетрадь в половину альбомного листа и дала в руки Глебу. Тот почувствовал, что руки Оливии дрожат, несмотря на то, что голос был совершенно спокоен.

— И вот, возьмите и эти чертовы часы. Через полгода после того, как Патрик занялся записями деда, он купил эти часы. Это не оригинал, оригинал стоит заоблачных денег. Не знаю, зачем они ему были нужны, но он хранил их рядом с блокнотом.

— Спасибо. Я обязательно передам это людям, которые смогут разобраться с тем, что здесь, — сказал Глеб, пряча книгу и часы в бумажный пакет, который у него был с собой. Туда же он положил и подаренный Оливией ее новый диск. После этого он засунул конверт во внутренний широкий карман, занимающий почти весь правый борт ветровки.

— Смотрите! Это очень опасная история. Я с легким сердцем избавляюсь от нее, потому что понимаю, что эти тайны не для меня. Но прошу Вас! Сделайте все, чтобы жертва Патрика была не напрасной!

— Я сделаю все, что от меня зависит, — ответил Глеб.

Через пару минут они расстались. Оливия отправилась в сторону стоящих машин, где, по ее словам, ждал ее водитель с автомобилем. Глеб пошел в другую.

Пройдя метров триста, он понял, что чувствует за собой наблюдение. По старой привычке наблюдение он ощутил раньше, чем логически обосновал себе его признаки — это давно стало инстинктом. До этого его не

вели. Это значило, что под наблюдение взяли от Оливии, и основным объектом была она.

Вот и наружка. Он отфиксировал два экипажа на автомобилях и одну бригаду «пешеходов». Ведут вполне профессионально. Осталось определиться, пассивное ли наблюдение или будет какой-то контакт. Но вне зависимости от этого, нужно сделать одно важное дело.

На ходу он как можно более незаметно достал из кармана брюк запасной мобильник. Телефон был маленьким, состоял из кнопок и небольшого экрана. Все функции в нем сводились к приему-отправке звонков и набору смс-сообщений. «Симка» уже в нем, задняя крышка телефона снята.

Он вставил небольшую тонкую батарею и включил телефон. Пока включался, он раздумывал над маршрутом. Недалеко была станция метро «Трокадеро». С другой стороны, можно было поехать на такси. Правила пользования общественным транспортом Глеб изучил перед поездкой. Парижское метро достаточно проблемное и по логистике, и по безопасности, поэтому такси. Несмотря на это, Глеб решил создать у «наружки» мнение, что поедет на метро. Он направился в сторону станции, расположение которой изучил в гостинице.

В это время заработал телефон. Он набрал кнопку вызова и стал ждать соединения с забитым в набор телефона номером. Вызов пошел. Говорил на ходу, стараясь не повышать тон и держаться как можно дальше об наблюдателей.

— Здравствуйте. Я по поводу организации выступления вашего музыкального коллектива. Мы бы хотели провести его завтра в первой половине дня, как можно раньше.

Вальяжный мужской голос на том конце ответил:

— Нет, это невозможно. Подавайте заявку в установленном порядке. — В трубке раздались гудки.

Все в порядке. Он позвонил атташе по культуре российского посольства. Указание им завтрашнего дня оз-

начало то, что через час или ранее в условленном месте его должны ждать. Если бы он указал два, три дня, то и время ожидания соответствовало бы двум-трем часам. Отзыв означал подтверждение запроса.

Глеб отсоединил батарею и опустил телефон в карман. Вместо него достал длинную широкую шариковую ручку. Тактическая ручка, изготовленная из специального авиасплава, позволяла вносить ее в любое режимное помещение, но в умелых руках была вполне эффективным оружием самозащиты наподобие куботана.

Зажав ручку в правой ладони, стал спускаться в метро. Группа наблюдения из двух крепких негров догоняла его. В это время увидел, что из второго выхода, которым он собирался воспользоваться, спускаются еще двое — худой, похожий на наркомана коротко стриженый юноша и сухощавый пожилой мужчина в шляпе. Черт! Он загнал себя в ловушку, не заметив, что группы смыкаются с двух сторон.

Поведение наблюдателей означало только одно — к нему будет применена сила. Будут ли его задерживать, или имитируют драку с тем, чтобы завладеть посланием Оливии, неважно. Главное, что он сорвет задание.

Тут из тоннеля к выходу из метро ему навстречу потянулась стая подростков человек в восемь. Глеб ускорил темп, разминувшись с ними. Негры тоже ускорились, вторая группа замыкала их на расстоянии метров пяти, только-только спустившись с лестницы. Глеб дождался, когда подростки подойдут к подъему из тоннеля, резко развернулся и побежал в обратном направлении, успев проскочить мимо негров, которых от него отделила проходившая пожилая пара.

Однако наркоман и шляпник перегородили вход, отсекая его от подростков и выхода из метро. Шляпник резко вскинул руку за пояс, мелькнул какой-то предмет. Глеб понял, что сейчас раздастся выстрел и, по-боксерски уйдя в низ, воткнул пятерню в лицо шляпника, вто-

рой рукой вскинув острый фигурный край ручки куда-то в сторону виска. Тут же резко дернул ручку в сторону наркомана, и тот насадил щеку прямо на сплав авиационного алюминия. Жаль, что не глаз, тогда точно можно было ы исключить из проблем. Ну ладно, еще не вечер.

Где-то под ухом вместо выстрела раздался электрический треск, который Глеб отмахнул левой рукой и вбежал в толпу подростков, одного из которых он резко откинул назад в сторону своих преследователей. В спину он услышал возмущенные крики, а одна из девушек бросила ему в спину пластиковую бутылку с водой, которую она до этого держала в руках. Происшедшее заняло не более пяти секунд. Он бежал, наращивая темп, придерживая за пазухой пакет с записной книжкой, странными часами и диском Оливии, даже не пытаясь контролировать преследователей. Ручку он с сожалением бросил себе куда-то под ноги. Вещдок, нельзя оставлять. «Лучшее оружие опера — авторучка», — мелькнула ироничная мысль из наставлений ветеранов в его оперативной юности.

Вот это место. Стоянка такси. В Париже такси разноцветные, на улице поймать их почти невозможно. Но стоянки, где они кучкуются, очень распространены. Вон столбик «Taxi». Он прыгает в первую же машину, и почти кричит: «Поехали! 30 евро сверх цены!» Машина с жизнерадостным французским юношей с выбритой спиралью на макушке резко трогает.

— Спешу, Скар Робер-Шюман!

— Хорошо шеф, уже несемся, — флегматично отвечает водитель.

Они едут к указанному им скверу. Площадь Трокадеро была выбрана совсем неслучайно. Недалеко от нее располагалось российское посольство. Указанный им сквер был в пяти-семи минутах от дипмиссии, что позволяло в экстренном случае эвакуировать работника на неприкосновенную территорию. Доехали за десять минут, машину наблюдения он заметил незадолго до того,

как прибыли на место. Только в такси он ощутил, как деревенеют и распухают пальцы и ладонь левой руки. У шляпника был не пистолет, а шокер, часть разряда которого попала в руку.

Глеб показал водителю, куда ехать. На месте посольских еще нет. Вот неповоротливые свиньи! Но нет, вот нужная машина подъезжает в оговоренное место.

В это время из автомобиля преследователей выскочили знакомые ему негры. Так. Пассажирское стекло посольской машины наполовину открыто. Достаточно.

Глеб извлек из внутреннего кармана бумажный пакет и приказал таксисту подъехать вплотную к остановившимся посольским. Тот удивленно переспросил и, получив подтверждение, тронулся. Они вплотную поравнялись пассажирскими сторонами, в то время как один из негров на бегу попытался втиснуться между машинами, и Глеб увидел сидящего возле водителя худощавого юношу лет двадцати трех с бледным нерешительными лицом, в белой рубашке и пиджаке, испугано смотрящего на него.

Он через окно бросил юному дипломату пакет и, повелительно крикнув «Закрой окно», приказал водителю гнать. Тот резко тронулся, чуть не переехав негра. Делал он это решительно и весело, громко поругивая мигрантов. Обернувшись назад, Глеб увидел, что посольская машина тоже отъезжает. Все окна в ней были закрыты. Машина наблюдения, к которой присоединилась еще одна, тронулись за посольской. За ним пока никто не спешил. Ну, вот и все. Можно ехать в отель. Это такси его и довезет. Он расслабленно откинулся в кресле и закурил.

Глава 4. Московские расклады

1.

18 февраля 2014г., 23-10, Москва, ДОУС.

Шеф расслабленно откинулся в кресле и закурил.

— Итак, доложите обстановку. Что наработали?

Оба сидели за приставным столиком к большому столу хозяина кабинета. Начал Сергей, как старший. Владимир периодически кивал в знак согласия с произносимым.

— Обстановка сложная, а после вчерашнего дня, судя по всему, у украинского правительства выходит из-под контроля. В Крыму ситуация относительно управляемая, однако опорных точек у местной власти все меньше. Крымское руководство рассчитывает на удержание своих позиций и по оптимистичному сценарию и даже на расширение полномочий в ходе конституционной реформы. Настроения в регионе сугубо пророссийские, но на специфику Крыма, в отличие от Севастополя, негативный отпечаток налагает татарский фактор. Местная оппозиция плотно коммутируется с прозападными олигархами, националистическим радикальным центром управления в Киеве и координируется западными спецслужбами.

В Крыму выявлено несколько мобильных групп американских спецслужб. Цели не совсем понятны, но не исключаем провокационных действий в стиле того что сейчас происходит на киевском Майдане. Со стороны одного из американских полевых агентов к нам был проявлен интерес, пришлось провести активное мероприятие для сковывания его деятельности. Непонятно, почему выбран такой формат их присутствия, потому что для политической раскачки он явно избыточен. Бен Ладена они вряд ли ищут, но прояснить этот вопрос не успели. Промониторена работа в регионе наших военных разведподразделений и чекистов. Однако, в основном, они формируют агентурный аппарат и работают в пассивном режиме, участвуя в процессах через оперативные позиции. Кое-что делают для стабилизации ситуации в татарской среде.

Зато намного агрессивнее ведут себя посланцы от Милофеева и другие общественные активисты типа депутата Шпагина в Севастополе. Они реально имеют влияние на ситуацию и местный актив, в том числе и на ряд топовых субъектов. Начинают активно прибывать груп-

пы российских активистов. Выявлено несколько пророссийских координационных центров по линии казачества, десантников, военных ветеранских организаций. По нашему мнению, они нужны скорее для концентрации и векторного направления населения, которое и без российского фактора достаточно взбудоражено.

Вопрос в том, какую конечную задачу будут решать наши уполномоченные структуры. Для формирования позиции на местном уровне, сопротивления националистам, отстаивания пророссийских интересов в акциях гражданского неповиновения сил достаточно. То, что данная деятельность поручена негосударственным структурам и инициативникам считаем положительным, так как это снижает репутационные издержки и обязательства в отношении официальной России. Факты и обстоятельства изложены в отчете, готовы доложить по вопросам.

— Вывод про то, что официально именно поручено, преждевременен.

— Понял, виноват, учту.

— Про обстановку согласен. Вчера началось обострение, которое наши оппоненты, судя по всему, тщательно планировали. Все знали, что семнадцатое число — рубежный день и подготовились. Нагнали агрессивных нациков, обдолбанную радикальную молодежь. Состав Майдана в Киеве резко изменился. Туда закачаны боевые радикальные группы, хорошо слаженные и подготовленные. Есть информация о присутствии групп западных спецподразделений. И есть все основания полагать присутствие западных инструкторов, специализирующихся на разжиганиях конфликтов в Африке. Теперь Африка — это Украина.

По нашим обоснованным прогнозам ситуация продолжит резко обостряться. Анализ и сформированные оперативные позиции говорят о том, что Парламент Крыма будет активно развивать совершенствование статуса автономии с резким увеличением объема независимости.

Местное СБУ в ближайшее время переведут на усиленный режим службы. Его начальник, Геннадий Калачев является человеком председателя СБУ Якименко и лоялен Януковичу. Его люди продолжат давить пророссийские настроения, но только если они будут направлены на выход Крыма из Украины. В остальном он нам союзник.

Думаю, тем или иным образом в ближайшее время Могилев будет отстранен от должности. Сейчас прорабатываются варианты его замены. В скором времени начнется заморозка всех государственных институтов Украины, тем более что значительная часть западных и центральных областей Киеву уже фактически не подчиняется. В том числе начнется коллапс кредитно-банковской системы.

Очень сложная ситуация с татарами, я с вами согласен. Тем более у местного татарского лидера Рифата Чубарова личный конфликт с главой крымского парламента Константиновым. А Константинов очень позитивно с нашей точки зрения настроен. У него для этого есть и патриотические и коммерческие мотивы. Но тут нужно учитывать фактор внутренних склок.

Чубаров и Джемилев так проворовались и дискредитировали себя, что могут рассчитывать на поддержку не как лидеры, а как рядовые представители общей массы, хотя в медийке их будут качать как главарей. Они удобные, компры море, сидят на подписках, и не в одном месте. За этим неизбежны внутренние противоречия, а это поле для маневра. Они, конечно, будут на стороне западников. Тут и турки подбросят дровишек, и их личные сепаратистские устремления.

В общем, столкновения с татарами неизбежны. Они способны мобилизовать достаточно большую массовку, и, несомненно, этим воспользуются. Это один из главных козырей. Думаю, числа двадцать третьего — двадцать четвертого они попытаются переломить за счет своей организованности ситуацию. Возможны жертвы, но мы

в них не заинтересованы. Раз не заинтересованы мы — то заинтересованы наши противники. А значит исходим из неизбежности такого сценария, что мы и наблюдали вчера на Майдане, и ситуация там продолжает накаляться. Но благодаря, в принципе, неплохому уровню дисциплины среди местных дружинников и отрядов самообороны, плюс наши казаки их поддержат, думаю, основной накал в Крыму и в Севастополе, все же, будет купирован.

Вчера на Майдане погибло много сотрудников милиции. Вероятно, в эти дни погибнет еще, так как нажали на рычаг беспорядков и государственного переворота.

В Крыму фактором консолидации и народного возмущения, вероятно, будут доставленные тела с погибшими, с которыми, по нашим данным, будут прощаться публично всем обществом. Это послужит важным элементом дисциплинирования и координации с одной стороны, а с другой — визуализирует у местных характер опасности. В этом смысле убитые бойцы еще послужат общему делу. Хотя, конечно, погибшие с другой стороны создадут аналогичный эффект. Тем более что уже сейчас целенаправленно распространяется ложная информация, что снайперами, которые стреляли на Майдане, были крымчане. Это вызовет желание отомстить Крыму. В общем, уровень радикализации процессов резко поднялся, и будет продолжать расти.

— А если уберут Могилева, то кто может быть назначен вместо него? Просто у меня установился неплохой психологический контакт с ним по масонской теме, — спросил Сергей.

— Любишь ты Сережа масонов. Это зависит от результатов переговоров. Сейчас пытаемся договориться с Сергеем Сенченко, он выступает переговорщиком от лидеров майданной оппозиции, и с Дмитрием Фирташем, это украинский олигарх с договороспособным потенциалом и влиянием. Так что зависит от того, найдём ли консенсус. Там пытались проработать приход подкон-

трольного нам главы из местной элиты, и в Севастополе, кстати, тоже, но многие артачатся, боятся. Возможно Константинов, но есть свои сложности. В общем, в эти дни будет решено.

На самом деле самая сложная ситуация с Януковичем. Нам он говорит одно, западникам другое, а делает третье. Он очень испуган, до крайности обозлен, реально оторвался от действительности и слабо прислушивается к аргументам. От его действий многое зависит, в том числе, и крымский вопрос.

— А какие у него варианты? Осталось только биться.

— Володя, какой биться? Во-первых, он не боец. Одно дело бандитствовать, а другое выдержать такое давление. Во-вторых, я же сказал, ему уже не подчиняется почти вся западная часть Украины и часть центра. Вот и выбор — или гражданская война, или договорняк. Он очень надеется на Запад, особенно на немцев и американцев. А Запад кинет, как бывало не раз. Но Янек считает, что его-то за все заслуги и договоренности не кинут, и в этом корень проблемы. Тут ситуация должна разрешиться в ближайшие сутки-двое. Или конституционная реформа, часть оппозиции пускают во власть, а Янукович лишается значительной части полномочий. Или гражданская война.

Это по обстановке. В любом случае, наша задача доложить, а кто будет дальше действовать, определит Первый. Ладно. Сейчас поступаем следующим образом. Сутки отдыхаете, после ко мне, получите задачу.

— Прибыть по команде или в какое-то время?

— Ждите команды.

2.

Команду они ждали не сутки, а шесть.

За это время в Украине ситуация достигла точки кипения и застыла в этом виде.

Янукович скрылся из Киева, бросив верное ему окружение и силовиков. За ним началась погоня, уйти от ко-

торой ему помогли российские спецслужбы, эвакуировавшие украинского Президента в Россию. Новая власть Украины была настроена крайне антироссийски.

Мердерян и Трофимов старались следить за происходящим в Украине, каждый день встречались, делились новостями и информацией от наработанных за время командировки контактов. Обстановка развивалась крайне жестко. Они ждали визита к шефу и новой задачи, но вызов в приемную все не следовал.

3.

Вызов в приемную последовал быстро.

Вновь, ракушка, низкое, неудобное кресло. Привет, цветок. Вот отметины от прошлого визита. Секретарь неодобрительно смотрит на манипуляции с листом, но пока молчит. Приглашение к шефу прозвучало вовремя, иначе диспут на тему защиты окружающей среды будет неминуем.

— Разрешите? Максимов для доклада прибыл, — по-военному доложил Глеб, закрывая вторую входную дверь кабинета.

— Конечно, Глеб, заходи! Чай, кофе?.. Круассан?

Да что ж такое, шеф с каждым днем все веселее.

— Нет, спасибо.

— Ну как хочешь. Слышал о твоих подвигах в Париже. Молодец. Теперь сам на словах доложи. Отчет еще не готов?

— Пишу. Если разрешите, завтра в первой половине дня закончу.

— Хорошо. Помощнику в конверте оставишь. Давай на словах.

Глеб начал доклад, с указанием времени, обстоятельств, описанием встречи с Оливией и последующей стычкой.

Шеф внимательно слушал, изредка помечая что-то в блокноте. В этот момент вся его показная веселость ушла, на лице застыла неприятная маска хищной надменности. Это и было его настоящее лицо, которое он умело скрывал различными личинами.

Дослушав рассказ Глеба, он отложил ручку и глубоко задумался. Через мгновение напротив опять сидел несерьезный балагур.

— Ну, вот ты и заработал награду дипломатам, Глебушка! Люди поучаствовали в ответственном спецмероприятии! — подмигнул он подчиненному.

— Награду так награду, — стараясь выглядеть равнодушным, ответил Глеб. Он достаточно долго был на службе, чтобы давно пережить всплески эмоций от наказаний невиновных и награждений непричастных. Это в логике государственной машины. Хотя конечно злость, которая накатывала из-за этого, не вполне принимала таких объяснений.

— Что сам думаешь о мероприятии?

— Странное мероприятие, честно говоря. С одной стороны, легкий налет шизофрении при беседе со звездой, который, однако, отмело сразу же после того, как я выявил наблюдение. Я, конечно, понимаю, что если ты параноик, то это не значит, что за тобой не следят, но настрой моих преследователей был слишком серьезным, чтобы считать рассказ Оливии совсем уж бредом.

С другой стороны, рассказ был очень сумбурным. Вот смотрите, что в сухом остатке получается. Если по фактам. Известная поп— и кино звезда сообщает, что у в ее семье есть некая тайна. Сразу минус, казалось бы, слишком банальный сюжет. Тем более в чем эта тайна, совершенно непонятно. Известно только, что ее дед Макс Борн, один из величайших физических гениев столетия, лауреат Нобелевской премии, принял, но когда неизвестно, участие в некоем мероприятии под названием «Суд». Очень оригинально в кавычках. Кто кого и за что судил, вроде бы не понятно. Однако по отдельным репликам можно сделать вывод, что судили Советский Союз, что является полным бредом, так как такого суда история не знает. Якобы вместе с дедом участие в этом суде принимал другой гений, но в области литературы, Эрнест Хемингуэй,

тоже, кстати, лауреат Нобелевской премии. Якобы два этих великих человека в том суде находились по разные стороны, о чем впоследствии всю жизнь сожалели.

Об этом предании узнает гражданский муж певицы Патрик, который пытается провести свое расследование. Но через время ощущает угрозы для себя, которые прямо связывает со своим интересом. Он предпринимает меры безопасности, покупает револьвер, старается быть настороже, но, несмотря на это, пропадает без вести во время ночной рыбалки. В лодке находят только бумажник и ключи. После его исчезновения пропадают записи и письма деда, которые стали первоначальным источником интереса.

Властями он официально признается умершим, но через некоторое время разворачивается компания, целью которой является, с одной стороны, признать его живым, а с другой — дискредитировать его имя, что удается, несмотря на то, что ни одного прямого доказательства того, что он жив, не представлено. Эффект достигнут исключительно грамотным манипулированием общественным мнением и информационной сферой. Такие кампании не разворачиваются сами по себе.

Одной ее из причин может быть необходимость дезавуировать любые возможные обнародования результатов расследования мужа Оливии. В пользу этой версии говорят и регулярные негласные обыски по месту ее жительства. Те, кто их производит, судя по всему, ищут блокнот, который она мне передала. Что в нем, мне не известно, его я передал при ранее указанных обстоятельствах посольскому работнику.

— Да. Блокнот завтра придёт диппочтой. Что в нем, мне тоже пока не известно. Вот что. Готовь письменный отчет и отдыхай пока. Я приглашу тебя.

Глебу очень хотелось задать какие-то уточняющие вопросы, но он точно знал, что этого делать нельзя. Если обстоятельства позволят, ситуация прояснится со вре-

менем. Он попрощался с руководителем и вышел из кабинета. Хотелось отдохнуть.

4.

Они решили вместе отдохнуть. В пивном ресторане «Бавариус» собрались Глеб Максимов, Владимир Мердерян, Сергей Трофимов, а также их старый и старший товарищ, генерал Вадим Георгиевич Александров. Все они были назавтра вызваны на совещание к Владимиру Петровичу.

В компании не хватало только самого молодого члена их группы «О», находившегося сейчас по решению руководства где-то на Донбассе для контроля формирования Еврорегиона с одноименным названием, куда входили как российские, так и украинские территории. Соглашение о создании Еврорегиона «Донбасс» между руководством Ростовской, Донецкой, Луганской и Воронежской областей было подписано еще в 2010-м году, но сейчас Президент ситуацию взял на личный контроль. С учетом коллизии выбора Украины между евразийством и прозападным европейским вектором, успешное развитие трансграничного проекта региональной интеграции приобретало стратегическое значение. «О» был поручен неофициальный мониторинг ситуации, который он осуществлял под легендой организации взаимодействия между украинским и российским МВД по вопросам борьбы с организованной преступностью.

А в это время в кабаке высокий статный старик с аккуратно подбритой аристократической бородкой демонстрировал, что, несмотря на разницу в возрасте и регалиях, он среди равных.

— Знаете, коллеги. Чтобы нам не поручили, мы будем действовать сообща, как одна команда. У каждого из вас за плечами уже солидный опыт, вы выросли из детских штанишек и для меня вы не только и не столько подчиненные, сколько боевые товарищи! Мы столько вместе прошли! — покровительственно и пафосно гово-

рит он. — Очевидно, что задача, которую поставят перед нами, потребует общей координации и уверенности друг в друге. Я в вас уверен и, не сомневаюсь, что и вы во мне! — продолжает он свой «тимбилдинг».

— Конечно, мы с вами навсегда, Вы для нас образец офицера! Троекратное ура, два длинных один короткий за генерала Александрова! — хриплым баском Мердеяна и вторящего ему Трофимова слышит он в ответ, и ресторанчик на несколько секунд содрогается от ритуального офицерского вопля.

5.

Проблема Вадима Георгиевича Александрова была проста. Будучи человеком амбициозным и тщеславным, он заигрался. Служба это прощает редко, но ему отчасти повезло, отчасти сработало отличное знание системы изнутри.

Довольно длительное время Вадим Георгиевич был официальным представителем Государственного агентства «Россотрудничество» в Нагорном Карабахе. Одновременно он числился в департаменте, так как подобные должности позволяли по поручениям Первого комплексно отслеживать активность российских госструктур и давать им оценку. Карабах представлял интерес сам по себе и как точка мониторинга деятельности Армении, Азербайджана и их союзников.

Чаще всего такой пост является номинальным и служит для почетной ссылки крупных списанных чиновников, которые ранее, так или иначе, взаимодействовали с диаспорами за рубежом. Формально официальные представители не имеют права вмешиваться во внутриполитическую жизнь страны пребывания, а главной их функцией является организация межведомственного взаимодействия, протокольных мероприятий, реализация взаимных запросов и договоров, культурное и образовательное сотрудничество.

Но бывают и исключения, одним из которых являлся Вадим Георгиевич. Будучи человеком незаурядным, ярким, харизматичным и волевым, он смог добиться того, чтобы все российские структуры, в том числе и по вопросам оказания любых видов помощи взаимодействовали с регионом только через него, и таким образом довольно быстро подчинил себе местные МИД, министерство внутренних дел и частично силовиков, начав фактически управлять ими.

Постепенно он почувствовал себя самостоятельным политическим игроком, что категорически запрещено для опытного профессионала. Когда наступило время очередных президентских выборов 2011-го года, Вадим Георгиевич решил сыграть свою игру.

К тому времени у него обострились отношения с местным президентом Александром Шамбой, болезненно относившимся к его самостоятельной публичной активности, хотя изначально именно благодаря Шамбе Александров получил второе дыхание в своей угасающей карьере. Так как республика ориентировалась на мнение официальной Москвы, то Александров сумел убедить центр сделать ставку не на действующего Президента, а на его оппонента Сергея Джиоева, являющегося ставленником местной влиятельной политико-экономической коалиции «Сатурн».

Этот случай можно было бы назвать исключительным, так как обычной практикой Кремля, даже в ущерб реальным интересам, является простая политика — поддерживать власть.

Власть поддерживает власть — а если власть меняется, то ничего личного — власть опять поддерживает новую власть. Но в случае с Карабахом 2011-го года произошло иначе — Кремль неосторожно и достаточно громко заявил о поддержке нового претендента на власть, обвинив действующего Президента в коррупции. Не учли лишь одного — третьего фактора в лице оппозиционного политика Рауля Анкваба. Когда — то он был

создан той же силой, что потом взрастила и Джиоева, выведен в публичное поле, популяризирован среди населения как перспективный политик. Но потом, в силу слабости и неадекватности Анкваба от него отказались. Однако он никуда не делся и продолжал жить тем зарядом движения к власти, который в него возложили его бывшие хозяева.

Далее ситуация стала маразматической.

С одной стороны, контролируя местных силовиков, Александров бросил все их силы, чтобы утопить действующего Президента, которому те формально подчинялись. С другой, фаворит Москвы в своем окружении вдруг стал выказывать недовольство Вадимом Георгиевичем и даже заявил, что потребует его отзыва и прекратит его влияние после прихода к власти. Уж слишком строптивым и несговорчивым тот стал.

И тогда генерал решил переобуться в прыжке. Неожиданно он начал поддержать действующего Президента, который в случае победы обещал быть более благосклонным к нему. Таким образом, спровоцировав решение о поддержке нового кандидата, Александров стал против этого бороться. Теперь он поручал дискредитировать посланцев Москвы, проводил спецоперации против ее политтехнологов, организовывал вброс компромата против кандидата Джиоева.

Сергей, «О», Глеб и Владимир в то время работали в подчинении генерала в аппарате Постпредства и неоднократно пытались остановить его от абсурдной игры, но он их не слышал, идя ва-банк и постоянно обостряя ситуацию. Когда действующий президент проиграл в первом туре, и во второй вышли кандидат от Кремля Джиоев и оппозиционер Анкваб, Вадим Георгиевич вновь переобулся. Он стал яростно и публично поддерживать Анкваба, надеясь таким образом, что недавние грехи будут забыты. Только в этот момент его действия и приказы из центра совпали. Все это время, будучи мастером кабинетных

игр, он великолепно замыливал глаза своему руководству и конструировал свою странную схему.

Но случилось страшное. Как его и предупреждали на протяжении всего года его подчиненные, в выборах победил Анкваб! Это был страшный удар. Тогда Александров решил выйти из игры красиво. Он собрал не только аппарат представительства, но и безгранично доверяющих ему карабахских силовиков, прочитал им лекцию об офицерской порядочности, мужском долге и дал слово, что будет рядом с ними в наступающие нелегкие времена.

Сразу же после этого он поручил Глебу имитировать покушение на него, для чего подобрать соответствующего снайпера. Глеб категорически отказался это делать, на что Вадим Георгиевич грустно вздохнув, пояснил, что он сам тоже против, но такие действия — не его прихоть, а приказ высшего руководства и в этой связи, его личная мужская просьба. Глеб нехотя согласился, так как до этого генерал оказал ему финансовую помощь в семейных заботах. Первая попытка покушения сорвалась, в доме, напротив квартиры Александрова, где находился снайпер, с плановой проверкой работал участковый. Глеб доложил об этом и предложил свернуть мероприятие, на что Вадим Георгиевич вновь потребовал провести его «по приказу руководства!» и еще раз с напором добавил, что это и его личная просьба. Сработал не столько приказ, сколько генеральское упрашивание.

В итоге Александров убывал из республики как герой, на которого объявлена охота, чудом спасшийся от кровавого покушения. Его нежелание ехать подтверждалось яркой речью на недавно проведенном совещании, а знание психологии своего руководства и умение им манипулировать позволило добиться того, чтобы Вадима Георгиевича, и так стремящегося побыстрее убраться из вдруг ставшей опасной территории, пришлось уговаривать это сделать, после чего он картинно-неохотно согласился. Он умудрился вызвать комплекс вины у своих

московских руководителей, которых он так искусно обманывал, и которые, в его версии, стали виноваты в том, что он, выполняя их указания, оказался в опасности.

В Москве его жертву оценили, он был награжден орденом и отправлен «под крышу» на руководящую работу в один из крупнейших российских банков. Но подчиненные по представительству Глеб, «О», Сергей и Владимир оказались в неоднозначной служебной перспективе, были исключены из состава штатных сотрудников и переведены в действующий резерв, что резко понижало перспективы карьерного роста. А местные карабахские сотрудники, так глупо доверившиеся приказам московского посланца, ощутили на себе всю мощь негодования нового Президента. Кто-то сел в тюрьму, кто-то избит, остальные просто уволены без права приема на какую-либо приличную работу. Но Вадима Георгиевича это уже не интересовало. Он не раз говорил: «отличительная особенность профессионала, это понимание того, что люди — лишь рабочий, а если нужно, то и расходный материал»…

С того времени отношение к пожилому генералу у ребят было очень неоднозначным. Уважая его былые заслуги, они помнили, как он поступил с доверившимися ему. А так как в Карабахе они находились в его личном подчинении, то местные стали считать, будто они осознанно реализовывали схемы Александрова, что абсолютно не соответствовало действительности. Все то время офицеры, особенно наиболее близкий Александрову Сергей Трофимов, всячески уговаривали его от сумасбродных шагов, на что получали односложные ответы о том, что Вадим Георгиевич лучше понимает обстановку, жизнь, да и в целом «Делайте так как я говорю и все будет отлично!».

О том, что на самом деле произошло, знали лишь они, и Вадим Георгиевич, который после возвращения старался опекать своих бывших подчиненных с тем, чтобы они не оказались излишне разговорчивыми.

6.

Очередная история про крыс…

Крыса очень хочет жать педаль... Даже если крыса знает, что она крыса, и что педаль — это лишь механическое устройство, с помощью которого она активирует зону удовольствия у себя в мозгу, то может ли это остановить ее? Самоидентификация? Нет, конечно.

Мозг разделен на зону эмоций, желаний и зону разума. Крыса думает зоной разума, а действует исходя из сигналов зоны желаний. Поэтому крыса принимает правильные решения и вслед за ними совершает неправильные поступки.

Как же крысе возвыситься над собой и перестать быть крысой? Это возможно. Есть мышца под названием воля. Тренируясь, накачиваешь и ею сдвигаешь эти две зоны в одно. Тогда решения будут учитывать все истинные желания и возможности, а исполнение их будет исходить из единого центра. Иначе крыса, даже все зная и понимая про себя, будет жать и жать….

Застольные разговоры пьяной рекой текли воспоминаниями о прошлом, рассуждениях о тотальной гнилости власти, светлым островком которой являются почти исключительно лишь присутствующие за этим столом и еще буквально несколько исключений, подчеркиванием взаимных доблестей друг друга.

Вообще, странной особенностью алкогольных бесед такого контингента является почти полное отсутствие упоминаний традиционной для других компаний темы женщин и пафосные рассуждения о судьбах Родины, невероятных личных вкладах в ее спасение и судьбе-злодейке в лице проворовавшихся карьеристов и предателей, не позволяющих лучшим людям эту Родину спасти.

Более того, зачастую чиновники, в том числе и кабинетные вояки (хоть к присутствующим в тот раз это не относилось) зачастую, искренне пятят глаза, бьют себя в грудь и пускают совершенно искреннюю слезу о судьбах Россиюшки-матушки, жалуются на коррупцию и беспредел, обрушение морально-нравственных основ и это при том, что сами являются ворами и кабинетно-канцелярскими штафирками. Как совмещается такое самоощущение и реальное место в жизни не то, чтобы непонятно, но от этого не менее удивительно.

Нынешнее застолье не было исключением в означенном правиле. Отличали его лишь действия старшего. Вадим Георгиевич испытывал жесточайшую ревность и неуверенность. Он знал, что его молодых коллег куда-то привлекли, в то время как он занимался рутиной своего банка.

Хотя конечно его нынешняя работа была в большей степени синекурой, чем реальной службой. В принципе он мог на ней вообще не появляться. Но потребность в подчиненных и подведомственных работниках, которая позволяла реализовать острую жажду власти, заставляла иногда приезжать его в свой офис. Он мрачно хмурил годами тренированную бровь, требовал повысить показатели и усилить работу в деле, в котором сам ничего не понимал, и которое ему было совершенно неинтересно. Любые робкие попытки возражений по сути невозможности выполнения зачастую нелепых указаний он яростно отметал и с удовольствием словестно распинал обидчика. Такие вещи он воспринимал как попытку личного неповиновения.

Александров много лет был болен вирусом власти. Этот вирус его, когда-то порядочного и принципиального человека, исподволь развратил и выхолостил. Декларируя высокоморальные принципы, он не прикладывал никаких усилий, чтобы следовать им самому, лишь тщательно создавая фасад, за которым сторонний наблюда-

тель не увидел бы его порочности. В этом смысле он был классическим Тартюфом во власти.

Нынешнее его местопребывание, несмотря на предоставляемые возможности в виде подчиненных мальчиков для битья, персонального автомобиля с водителем, высокого оклада и возможности тихо подворовывать через мелкие аферы с кредитами и другие подобные шалости, не удовлетворяло пожилого генерала. Ему хотелось драйва и широты политических баталий. Офисные войны были слишком скучны.

Поэтому осознание того, что его младшие коллеги привлечены к чему-то, несомненно, стоящему, вызывало у него зависть и раздражение. Скрыв эти чувства покровительственным и располагающим тоном, он попытался аккуратно расспросить ребят о том, чем же они занимались в последнее время, одновременно понемногу стравливая их друг с другом, что существенно бы облегчало контакт с каждым. Но его товарищи тоже были непросты и хорошо успели изучить своего старшего друга. Так что словесная эквилибристика не выходила за рамки пьяных застольно-патриотических тем.

7.

На следующий день они оказались в кабинете шефа. Следов вчерашних посиделок не было видно ни на одном из них. Опыт.

Сели в ряд за длинным столом для совещаний. Первым, как и положено, Александров, за ним по служебному ранжиру Трофимов, потом Максимов и Мердерян.

Владимир Петрович был бодр и явно чем-то озабочен.

— Уважаемые коллеги. В настоящее время возникла необходимость в скоординированных действиях по Украине. Обусловлено это особой обстановкой. Некоторые из здесь присутствующих уже выполняли задачи, связанные с поручением руководителя по теме. Но все зашло очень далеко, и нам придется действовать в ситу-

ации, аналогов которой в современной истории России еще не было. Речь идет и об Украине в целом и о Крыме в частности.

Как всем хорошо известно, положение сейчас критическое. Там сейчас произошел вооруженный переворот. Главной его целью, организованного Западным сообществом, является недопущение вступления Украины в Евразийский союз и Таможенное пространство. Исключение Украины из этих проектов, а мы были близки к тому, чтобы она вошла в них, почти додавили, означает их фактическую заморозку. Запад воспользовался ситуацией, в которой правительство Януковича само подставилось, создав ажиотаж вокруг подписания Договора с Евросоюзом об ассоциации. Получился закономерный результат кручения задницей.

В общем, результат простой. Янукович сейчас в России, и в каком качестве и когда он вернется в Киев, совершенно не понятно. Мы будем вынуждены защищать его, несмотря на то, что понимаем, как и сколько раз он плевал нам в спину. Чуть позже я объясню, почему.

В связи с этим мы также вынуждены реализовать принципиально новую стратегию в отношении Украины. К сожалению, она поставит точку на многих наших стратегических планах развития, но цена вопроса неизмеримо выше. Цена — существование страны в целом и ее перспектива в виде полноценного государства.

С кое-какими документами я ребят уже знакомил, но на словах диспозицию еще раз обрисую. С деталями ознакомитесь. Про секретность лишний раз говорить не буду, это касается всех наших дел, но подчеркиваю важность того, что услышите. Сами понимаете, если вы за всю вашу службу не знали то, я сейчас буду говорить, значит, такой уровень должен сохраняться и впредь.

Шеф встал из-за кресла и продолжил свою речь, неторопливо прохаживаясь вдоль стола и спин своих подчиненных.

— Как вы знаете, в конце Второй мировой войны в Ялте прошла большая Конференция СССР, США и Великобритании. Лидеры великих держав делили мир и формулировали принципы дальнейших взаимоотношений. Решения Конференции имели глобальный характер и опередили основы мироустройства на все последующее время. На Конференции был разработан ряд разнообразных механизмов, приводящих мир в более целостное и сбалансированное состояние. Приняты решения о создании ООН и еще по ряду других институтов общемирового уровня.

К концу войны встал вопрос, как идеологическим системам жить дальше. Не государствам, а именно системам. Соответственно советской и капиталистической. Продолжения войны в виде бойни между вчерашними союзниками Сталин и Рузвельт не хотели.

На самом деле между Сталиным и Рузвельтом сложились к тому времени очень близкие доверительные отношения, основанные на взаимном понимании порочности эскалации конфликта. Сталин осознавал, что страна обескровлена войной, и ее продолжение просто похоронит и советский народ, и его государство. У Рузвельта были свои резоны считать, что этот конфликт должен быть решен невоенными методами. С большим трудом им удалось убедить Черчилля попробовать найти выход, так как англичанин был намного более скептически настроен.

Здесь важно понимать, что к тому времени и в СССР, и в США полным ходом шли работы по созданию ядерного оружия, и специалистам всех сторон уже стало очевидным нахождение мира на пороге новой ситуации, обусловленной принципиально новой системой уничтожения.

Все эти аргументы нужно было сложить воедино. Как известно, тогдашние лидеры были людьми, мыслящими глобально. Поэтому они и сложили. Ими было принято решение о создании непубличного Мирового Суда, который должен был рассмотреть спор между двумя миро-

выми системами, по сути СССР с одной стороны, и капиталистическим Западом с другой.

Этот Суд, его сейчас те, кто посвящен в тему, часто называют Большим, должен был принять обязательный для исполнения вердикт о приоритетности мирового развития. В качестве пробной его версии выступил Нюрнбергский процесс, где были обкатаны механизмы принятия международных решений. Ранее таких прецедентов не было.

Сам процесс был назначен на 1954-й год. К этому времени страны должны были привести свою аргументацию в достаточное для такого важнейшего события состояние. Союзу нужна была передышка для послевоенного восстановления и освоения получаемых под контроль новых стран.

В этой связи утвердили решение о том, что на основе консенсуса и компромисса определяется по одному человеку, который должен представлять одну и другую сторону. Более того, удалось достигнуть невероятного решения о том, что представитель одной стороны должен быть согласован со второй. Этим обеспечивалась предельная открытость и согласие с любыми принятыми решениями.

Первоначально сторону Запада должен был представлять великий английский экономист Джон Кейнс. Эта фигура устраивала всех. Он состоялся, как гуру современной экономики на родине в Англии. Однако именно в Америке его идеи нашли полноценную и успешную реализацию в революционных реформах Рузвельта, позволивших преодолеть Великую Депрессию. При этом сам Кейнс был критиком многих издержек капитализма, с сочувствием относился к СССР, бывал в Союзе и даже встречался со Сталиным, его подходы стали по настоящему революционными и меняющими весь мировой экономический уклад, а женат он был на известной русской балерине.

В свою очередь Сталин пошел на нетривиальный поступок, который должен был поразить весь мир после

обнародования события. В качестве защитника советской системы он решил выбрать представителя Запада, продемонстрировав, что коммунизм и социализм — не территориальная русско-евразийская особенность, а неизбежность развития, в не меньшей степени, свойственная Западу, чем Востоку. Тем более что идеи коммунизма зародились на Западе. Маркс и Энгельс предназначали свои разработки для капиталистической Европы, а не для отсталой России.

В общем, Сталин выбрал выдающегося писателя, любимца западного мира, бунтаря Эрнеста Хемингуэя. У Хемингуэя были непростые отношения с Союзом, что также подчеркивало его объективность. Надо ли говорить, что к тому моменту писатель был уже завербован нашей разведкой и провел встречу со Сталиным.

Однако до Суда, во избежание народных волнений и попыток на него воздействовать, было принято решение обеспечить предельную конфиденциальность его проведения. Это требовало надежного камуфляжа величайшего в мировой истории судебного процесса. Нужна была какая-то известная, уважаемая, и вместе с тем нейтральная форма.

И она нашлась. В качестве таковой выбрали Нобелевский Комитет со своей премией. Это обеспечивало достаточный уровень завесы. Дело не в том, что плюшевым швейцарцам кто-то дал это сверхрправо. Скорее под их эгидой и эгидой их Комитета заново создавался Суд.

Кейнс и Хемингуэй должны были получить Нобелевскую премию, как фон своего участия и одновременно, как некий гонорар. Иногда, рассуждая о войне, пацифисты говорят, мол, зачем воевать целым народам? Пусть зачинщики, лидеры, короли и президенты возьмут дубины и идут драться, как когда-то Пересвет с Челубеем. По сути, мы получили именно такую картину.

Однако в 1946 году Кейнс умирает. Мы предполагаем, что он был убит английскими спецслужбами по подо-

зрению в связях с СССР, из-за чего они не были уверены в его надежности, а механизма замены представителя разработано не было. Но подтверждения этой версии у нас нет. Таким образом, Кейнс также в итоге, несмотря на свои заслуги, остался без Нобелевской премии.

— А это имело какое-то значение? — поинтересовался Александров.

— Ну, Вадим, сам посуди, — ответил фамильярностью на фамильярность начальник. — В итоге Борн и Хемингуэй — лауреаты премии. Более того, в 1953-м году, то есть за год до Суда, премию присуждают Черчиллю. Знаешь за что?

— Наверное, как у всех президентов — Премию мира?

— Не угадал. Знаешь такого выдающегося писателя, Уинстона Черчилля? Не знаешь? И я не знаю. Зато Нобелевский Комитет знает, и в 53-м году Черчилль получил премию по литературе. Скажу тебе больше. В 45-м и 48-м на Нобелевку выдвигали Иосифа Виссарионовича, и в 54-м он должен был ее получить. Но не свезло, убили раньше. Как не свезло и его другу Рузвельту, которому новая западная элита не смогла простить «советский разворот». Так что эта премия — больше, чем премия.

Так или иначе, вместо Кейнса лидерами Запада был выбран выдающийся физик и математик Макс Борн, являющийся отцом теории квантовой физики, своими работами много сделавший для появления ядерного оружия. В связи с тем, что ядерная тематика была одной из главных вопросов, выбор представлялся закономерным. СССР такой выбор тоже устраивал, так как Борн являлся иностранным членом Академии наук СССР, бывал в Союзе, и как немецкий еврей должен был с уважением относиться к решающему вкладу СССР в победу над нацизмом.

Помимо этого в Крыму также были приняты решения, породившие механизмы, определяющие логику всего мирового развития.

Как вы понимаете, собравшиеся в Крыму лидеры были людьми умными, циничными, глобальными и не являлись простаками, которые верили, что просто решениями какого-то, пусть и самого уважаемого Суда, можно заставить минимум половину человечества, состоящую из разных стран, обладающих огромными ресурсами, изменить свое развитие, и, фактически, добровольно сдаться своему идеологическому и геополитическому конкуренту.

Поэтому нужен был рычаг, который заставил бы решение по Суду исполниться. Каждый из лидеров был уверен в прогрессивности и правильности своих идей, поэтому ставил на кон все. И хотел, чтобы он смог гарантированно получить свой куш. Итак, что могло стать этих сверхрычагом, который и не снился Архимеду, и с помощью которого действительно можно изменить мир?

Ответ, я думаю, понятен. Естественно, разрабатываемое ядерное оружие. Были приняты решения, а под них разработан довольно сложный механизм передачи разрабатываемых ядерных кодов, системы удаленного доступа к ним. Таким образом, надгосударственный Суд, принимая решение, имел возможность, с одной стороны, заблокировать использование ядерного оружия одной стороной и провести активацию его у другой.

— И это действительно было выполнено?! — невольно вырвалось у Сергея. Трофимов был сдержанным и дисциплинированным офицером, но излагаемое сейчас шефом просто меняло картину мира.

— Да. Эта система все последующие годы совершенствовалась выдающимися учеными, которые одновременно работали над ядерным и водородным оружием, и сейчас она вполне функциональна.

Более того, будучи людьми амбициозными, отцы нового мирового порядка приняли решение о некоей мировой гарантии легитимности местонахождения пункта

управления. Что-то, что выполняло бы функции флага в воинской части. Практической пользы немного, зато символизм огромный. В качестве таковых ими были определены их собственные тела после их смерти. Как говорят, Сталин сказал примерно следующее: «Люди мы немолодые, когда-то умрем. Почему бы немного не поработать на свою страну и после смерти?». Чувство юмора у вождя было специфическим.

«Кто бы говорил», — подумал Сергей.

— Названия стран могут отличаться со временем, как это произошло с СССР, превратившимся в Россию. Но страна должна обеспечивать контроль над телом. Как воинская часть. Есть флаг — есть часть. Иначе все. Нет флага — нет воинской части.

Английским здесь все владеют. Ну-ка напомните, как переводится «Гайд-Парк»?

— Тайное место, — первым подал голос Владимир.

— Совершенно верно, тайное место. Если чуть углубиться в семантику и лингвистику, то Гайд-Парк в равной степени переводится и как нечто скрытое, и как то, что прячут.

Удивительным образом Президент США Рузвельт родился в штате Нью-Йорк, в семейном поместье «Гайд-Парк», с которым потом будут связаны многие события его дальнейшей жизни. Ну, а Уинстон Черчилль умер в своем доме в Лондоне под названием «Гайд-парк-гейт». Жизнь полна удивительных совпадений. В общем, и операцию по формированию Депозитария главы государств тоже называли «Гайд-парк».

А сейчас самое интересное, и относящееся непосредственно к вашей задаче. Так как встреча была в Крыму, то это место и определили Депозитарием хранения тел. Они, эти депозитарии трех президентов, находятся рядом, но не вместе. У каждой стороны есть право контроля над своим объектом. Роль этого места переоценить невозможно. И что самое важное, мы теперь его

легитимные владельцы. Янукович, в обмен на гарантии безопасности с нашей стороны подписал все соответствующие документы. Теперь будем беречь это дерьмо, как зеницу ока.

— Извините, Владимир Петрович, что перебиваю. Разрешите уточняющий вопрос?

— Да, Владимир, что у тебя?

— Я так понял, речь о Сталине? Но он же захоронен в Красной стене после выноса из Мавзолея?

— Вова. Ни Сталин, Ни Рузвельт, ни Черчилль, ни даже Борн с Хемингуэем не хранятся в заявленных местах их захоронения. Все они находятся в Крыму. Одна из причин расположения нашего Черноморского флота в Крыму — это то, что он там по изначальной идее должен был выполнять функции по неофициальному контролю над телом Сталина. К сожалению, статус его шаткий, в Нобелевском Комитете узаконить не удалось, так как после развала СССР тело Сталина находится под протекторатом Комитета, и поэтому идут эти постоянные качели о выводе флота.

Так вот. Наши враги решили в полной мере воспользоваться удачно проведенным на Украине переворотом. По имеющимся достоверным данным, новая киевская власть расторгнет все соглашения по Черноморскому флоту, в Крым будут допущены войска НАТО, а мы окончательно и бесповоротно утеряем надежду восстановления контроля над нашей частью Депозитария. Они давно уже предпринимают подобные попытки, официально прикрываясь выдавливанием нашего флота.

— Петрович, а зачем нам это вообще, — важно заговорил Александров. Он всегда подчеркивал свой особый статус, в том числе обращаясь к первому заму на «ты» в присутствии подчиненных, хотя сам по должности подчинялся ему. — Ну, захватят они тело Сталина. Ну и что? Суды эти уже состоялись, какие-то решения приняты. Что это изменит?

— Смысл есть и это огромный смысл. В механизме Суда, как и положено, в судопроизводстве, была предусмотрена апелляция.

Принцип апелляции основывался на сути спора. Так как речь шла о мировом господстве и прогрессивности, то апелляцию можно подавать по истечению определенного периода глобального экономического периода.

В этой связи за основу расчета взяли так называемые «циклы Кондратьева». Если кто не знает, это длительный, сроком от 40-ка до 60-ти лет период подъема и спада мировой экономики. Соответственно правильность победы на Суде подтверждается подведением итога по результату мирового экономического цикла, так как экономика является лучшей характеристикой правильности выбранного пути развития. Были выработаны соответствующие индикаторы. Все логично. Соответственно взяли предельный период цикла или волны Кондратьева, а это 60 лет, что и является сроком подачи апелляции.

То есть у нас два периода. Сначала 60 лет от проведения Суда и потом 60 лет от его вступления в силу.

Именно в нынешнем 2014-м году заканчивается 60 лет с момента Суда. Соответственно мы можем ставить вопрос о процедурных вопросах, то есть о контроле над телом Сталина, принадлежности Крыма и нюансах по пункту ядерного управления.

И если все получится, то через 60 лет после вступления в силу решения Суда, то есть в 2021-м году мы сможем инициировать рассмотрение нового Мирового Суда!

Голос шефа стал непривычно-звенящим и торжественным. Он явно не играл. Было видно, насколько волнует его то, что он сейчас говорит. Походка стала какой-то семенящей, а произносимому он помогал рубящей жестикуляцией ладоней.

— Подавать апелляцию может только легитимная сторона. В этом суть вопроса. Соответственно острей-

шим ребром стоит тема Крыма. Если мы полностью потеряем контроль над ним, то у России не будет никаких даже теоретических прав встать на ноги. Потому что чем сильнее мы будем, тем в большей степени будем связаны решением Суда. И когда встанет вопрос, что мы, например, опять конкурируем с Западом, нас тут же осадят ядерной тематикой. Поэтому мы и эвакуировали Януковича. Он, как легитимный президент Украины, подписал документы, гарантирующие наше право на присутствие в Крыму и материалы относительно Депозитария. Хотя эта слабая гарантия, и помимо документов, нам нужно силой обеспечить свое право. В этом и смысл вашей командировки, и не только вашей.

Кстати. У вас в Крыму будут в некотором роде конкуренты.

Ну как конкуренты. Наши православные миссионеры. Дело в том, что уже довольно долгое время с пророссийским активом Крыма заигрывает группа Милофеева. Это такой довольно пронырливый московский олигарх, который слегка поехал на теме православия и монархии. Все наши нувориши, каждый по своему, пытаются себе и окружающим доказать, что их обогащение является не результатом смутного экономического времени, коррупции и их исключительных качеств, но со знаком минус в плане беспринципности и непорядочности, а имеет некий возвышенный сакральный смысл. Вот и Милофеев тешит себе самолюбие идеей того, что на нем лежит некая патриотическая государственная миссия.

Он имеет мощную поддержку окружения Патриарха и его самого, а тот завел его к Первому. Они обещали не мешать нам, а как-бы укрепить на месте российский фактор. Официального мандата у них нет, но и возражения от Президента не поступало. Поэтому они там, пока не совершат какого-то крупного косяка. Выша задача — его вовремя увидеть, отреагировать и доложить. Но мы знаем, чего они хотят. Милофеев знает о Суде, но у него нет

достаточной информации по Депозитариям. Это не значит, что ее нет у нас.

На самом деле, если бы не движухи нашей олигархической общественности, то, скорее всего мы не ставили бы вопрос по Крыму так жестко. Честно говоря, мы все это время пытались сдерживать их неуемную инициативу, но они уже так наворотили с пророссийской активизацией, что государству придется подстраиваться под сделанное и тоже быть более жестким.

В общем, их цель, которую они тщательно прорабатывают — найти Депозитарий, документы к нему и как легитимная сторона потребовать восстановления монархии в России. Бред конечно, но некоторые серьезные люди включились в этот процесс.

— Какова наша роль в этой истории? — важно спросил Александров.

— Ваша роль немалая. И ваша работа будет сильно отличаться от той, что мы делаем обычно. По сути, мы совместим функцию контроля и исполнителя. Цена вопроса слишком велика. Так как двое из вас — Сергей и Владимир — уже были в Крыму и знают обстановку, а Глеб соприкоснулся, пусть и поверхностно, с темой одного из участников Суда, то логично, что вы продолжите свое участие.

Ситуация авральная, счет сейчас идет на минуты. В Крым отправляются представители всех наших силовых структур. Речь идет о дальнейшем существовании государства. С другой стороны, в Крыме живут русские люди, и они могут стать разменной монетой в эскалации напряженности. Нацики их просто будут рвать, поэтому придется как-то их защитить. Рассматривается несколько вариантов развития обстановки, в том числе и присоединение к России. Но решение еще не принято, и будет зависеть от действий наших противников и нового киевского правительства. Если они пойдут ва-банк, то и нам придется отвечать.

«Церковники», хоть и имеют, ну, не столько разрешение, сколько отсутствие возражения — это важный оттенок их полномочий!, но не имеют полного доступа ко всей государственной информации.

Что касается Депозитария, то в нем хранятся также все документы по Суду. Понятно, что у каждой из стран-участниц есть свои документы и информация о Депозитарии. Но это их личные материалы. А схемы по Депозитарию, и он сам все же должны храниться отдельно. Это как гранату и запал к нему по инструкции нужно держать в разных ящиках.

— Так нам нужна эта информация?

— Нам нет. У нас она и так несть. Но желательно было бы не допустить попадания ее к «милофеевцам».

— Слушай, Петрович. Ты можешь как-то более-менее понятно объяснить, в чем суть вообще этой интриги с Милофеевым? Почему он суется в государственные дела? И самое главное, почему ему за это не дают по рукам?! У нас РПЦ старается как-то пролезть в тематику власти, как-то участвовать во внешней политике. Это хоть как-то можно объяснить. У них за границей есть верующие и имущество. Так что есть о чем беспокоиться. Я знаю, что на некоторые невнятные решения, в том числе и по Украине, они влияние оказывали.

Но у нас здесь спецоперация! В которую посторонние точно лезть не должны! Пусть сидят себе в Москве, ходят с умным видом к Лаврову, в Кремль, нашептывают чего-то на исповедях. Почему их пускают в спецоперацию стратегического уровня?!

— Вадим Георгиевич, не кипятись. Не все так просто с РПЦ. У них там свои мутные разборки, я в них особенно не вникал. Но у них есть мощное крыло, имеющее прямой доступ к Первому. Он их почему-то слушает. Ну как слушает? Дает возможность высказаться.

— Это не мало.

— Да. Не мало. Что касается предназначения, то одна из Ваших целей — также найти все документы, имеющие отношение к американскому и английскому Депозитариям. Но напоминаю еще раз — в первую очередь по советскому. За время украинской независимости там проводились некие изменения, суть которых нам не известна. По Ялтинским договоренностям все документы по Депозитариям должны храниться в Крыму. Естественно до развала Союза мы знали о Депозитариях все. Но в период политического межвременья наши секреты оказались проданы и переданы. После прихода Путина к власти выяснилось, что данные о Депозитарии и даже значительная часть материалов по Большому Суду либо уничтожены, либо вывезены в неизвестном направлении.

Но так как они должны храниться в Крыму, то там их и нужно искать. Поэтому задачи, позволяющие решить главную задачу — комплексные. Вы становитесь старшими группы, которая будет работать в отношении местных украинских спецслужб. По нашим данным, в их ведении находились все материалы. Вывезти за пределы полуострова они не посмеют, иначе Украина как государство мгновенно утеряет международное признание. Со всеми материалами по теме вы сможете ознакомиться. Старший группы — генерал Александров. В подчинение вы получаете две группы спецназа — ФСБ и Службы спецопераций Минобороны, а также сводную группу оперработников. Легенда для них — действия в ответ на госпереворот. Суть задания знаете только вы. Вылет — завтра, второго марта. Сейчас получите на ознакомление материалы, до конца дня мне их вернете.

Владимир Петрович достал из стола папку с материалами. Папка была на завязках с закрывающимися боковушками.

Когда все встали, чтобы попрощаться с руководителем и выйти, тот вдруг добавил:

— Кстати вот еще что. Зайдете все в медчасть, перед вылетом. Сдадите кровь на анализы.

— Зачем? — удивился Александров.

— Формальность. Пришла новая инструкция. Требуется контролировать показатели крови перед длительными командировками. Очередной бред кадровиков, но соблюдать формальности нужно. Причем это сделать обязательно! Иначе командировочные не получите.

— Ясно, поняли, — ответили сотрудники, и, простившись, вышли. Совещание было завершено.

За годы службы сотрудники привыкли к разукрашенной причудливыми узорами изнанке власти. Но прочитанное в переданных материалах не вполне укладывалось даже в их весьма гибкие шаблоны. Прочитанное больше напоминало шизофренический бред в стиле Пелевина или сводку с передач телеканала «РЕН-ТВ». Диагноз сбивали лишь заверенные копии, выдержки из служебных документов, и сухой бюрократический язык докладов и записок.

Если обобщить содержимое паки (а оно и было обобщено в отдельной «обзорной справке-меморандуме»), то картина выглядела следующим образом:

> «С 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте прошла Ялтинская (Крымская) Конференция лидеров СССР, США и Великобритании.
>
> Стороны продемонстрировали высочайший уровень консенсуса на фоне упорного отстаивания собственных интересов. Достигнуто согласие о необходимости скоординированного регулирования международных процессов. Именно в Ялте принято решение о создании Организации Объединенных Наций. Ялтинские договоренности являются гарантом легитимности ООН. Особо выделяется их секретная часть, подробно детализирующая реальные механизмы ООН.
>
> Одним из решений стало создание Совета безопасности ООН. В ялтинских документах появилась дата «25 апре-

ля 1945 года« — дата начала Сан-Францисской конференции, которой было предназначено выработать Устав ООН.

Сталин добился согласия партнёров на то, чтобы в числе учредителей и членов ООН был не только СССР, но Украинская ССР и Белорусская ССР.

При этом в секретных приложениях Украина в большей степени и Белоруссия по отдельным позициям являлись фактическим залогом со стороны СССР гарантий своих обязательств. При их нарушении Украина (за исключением Новороссии и Киева) и Белоруссия должны были отойти Польше (как компромисс введения «линии Керзона»), так как «польский вопрос» был одним из самых острых на Конференции. Это позволило достичь ответных и значительных компромиссов. По мнению Сталина создавалась основа, которая позволяла в дальнейшем поэтапно наращивать темп международной активности и гегемонии СССР.

В ходе разработки секретной части ялтинских соглашений встал вопрос о том, что может служить достаточно авторитетным их гарантом. В итоге принято решение о том, что гарантии состоят из двух позиций:

1. Силовые в виде контроля над только создаваемыми ядерными потенциалами сторон.
2. Символико-юридические, в виде обладания оригиналами документов соглашений и телами подписантов.

Таким образом, легитимность страны-подписанта определяется владением телом или прахом своего лидера, подписавшего договор. Секретными приложениями предусматривались дополнительные гарантии для обеспечения Депозитария в виде возможности помещения в него тел Гарантов после смерти. Но в таком случае территория Депозитария не должна была находиться в составе стран-подписантов. Именно поэтому Крым был передан Украине, которая, формально, будучи членом ООН, являлась самостоятельным субъектом.

Одним из главных непубличных решений Конференции стала договоренность о Большом (Мировом) Суде,

на котором должно было быть принято решение о глобальном приоритете развития человечества (цивилизационном развитии).

Это явилось логическим продолжением намерения о создании ООН. Однако, в отличие от ООН, решено было сделать такой суд предельно непубличным, чтобы избежать волнений и попыток постоянного давления на него. Единственным исключением для деятельности вновь созданного суда стал Нюрнбергский трибунал, который негласно проходил под эгидой созданного Мирового суда.

По этой причине прах Сталина после смерти был помещен в Мавзолей, что являлось проявлением жестких внутренних партийных конфликтов.

Помимо общеизвестных фактов, именно на Конференции было утверждено обращение Германии о капитуляции, решение о разработке которой ранее было принято в Касабланке в 1944 году и реализовано Европейской консультативной комиссией. Обнародование капитуляции было назначено на 8 мая 1945 года. Однако союзники нарушили его, и объявили капитуляцию на день раньше со своими правками, нарушающими некоторые позиции ялтинских договоренностей. При этом Германия отдельно подписала Акт капитуляции с Союзниками (7 мая 1945 года со вступлением в силу 8 мая) и отдельно с СССР (8 мая 1945 года со вступлением в силу 9 мая).

Подлинный акт Германии о капитуляции и тайные соглашения лидеров СССР, США и Германии было также решено хранить в Крыму. Таким образом, территория Крыма становилась хранилищем юридических актов, фиксирующих новый мировой порядок. В Крыму был создан секретный Депозитарий.

Обладание оригиналами этих документов позволяет обращаться в Мировой Суд по вопросам, которые рассматривались и были приняты в Ялте.

Обладание Крымом позволяет быть полноценным хранителем и гарантом современного мироустройства.

Однако встал вопрос, как сохранить деятельность суда в тайне, и при этом сформировать необходимую информационную завесу. В итоге дальнейшая деятельность Мирового суда по взаимным договоренностям стала камуфлироваться Нобелевским комитетом, который был трансформирован из старого научно-гуманитарного института в, фактически, главный судебный орган планеты. Для укрепления власти Комитета его Президиуму обеспечен прямой доступ к системам управления ядерным оружием СССР, Великобритании и США, а также системам ПРО. Страны постоянно пытались обойти запреты. Одним из инструментов контроля Суда стали комиссии МАГАТЭ.

Большое заседание Мирового Суда было назначено на 1954 год. По мнению Сталина образовавшегося времени было достаточно для того, чтобы восстановить страну и доказать миру передовой характер социалистического развития по сравнению с капитализмом. Западные лидеры, в свою очередь, были убеждены в своем превосходстве.

В итоге внутренних конфликтов и позиции отдельных членов советского правительства, накануне Суда, в 1953 году Сталин умер или был убит.

В ходе Большого Процесса принято решение о деструктивности советского пути развития. СССР проиграл процесс.

Суд принимает решение о прекращении существования СССР, трансформации его в Россию. Решением Суда процесс ликвидации начинается в 1961-м году и завершается в 1965-м.

С этого момента часть руководства СССР принимает усилия по реализации решения Суда, другая часть — по неисполнению решений Суда. Обостряется внутренняя борьба».

В материалах выделялись отдельные организационные, военные и политические мероприятия в связи с Большим Процессом, подготовкой к нему, последствиями. В частности:

«— 1954 — создание КГБ.

— 1954— отказ РПЦ от участия в Экуменской конференции в США.

— 1954 году прошло испытание водородной бомбы.

— 1954 г. — передача Крыма в Украину.

— 1954 г. — прекращение оккупации Германии.

К моменту реализации начала процесса (1961-й год) реализации решения Суда выделялись:

— 1961 г. — Вынос Сталина из Мавзолея и имитация его захоронения у Красной стены;

— 1961 г. — денежная реформа СССР;

— 1961 г. — РПЦ проводит Собор;»

— 1961 г. — Хемингуэй покончил с собой (по оперативным данным убит)».

Здесь же проводился обзор различных иностранных элементов проведения Суда и дальнейших действий.

Ознакомление с материалами заняло более двух часов. Выписки и заметки делать запрещалось. Сидя в общем кабинете, сотрудники по кругу передавали прочитанное. Первым читал Александров. По окончании он собрал все материалы, сверил их наличие с реестром и отнес их Петровичу. Вернулся через десять минут, после чего все вместе вышли из департамента.

Пока пешком шли, все молчали. Услышанное и прочитанное ввело в состояние слегка пришибленного размышления даже таких опытных сотрудников. Один Александров сохранял внешнюю невозмутимость.

Более того, почти сразу же после выхода из кабинета начальника в движениях Александрова произошли разительные изменения. Его и так гордый профиль приобрел орлиную осанку, левая бровь надменно изогнулась, а бородка смотрела не в землю, а воинственно пятилась почти параллельно земле.

— Володя, понеси мой портфель, мне пока нужно сделать несколько важных звонков, — повелительным тоном произнес он, и Мердерян безропотно подхватил портфель. До этого генерал нес его сам, что не мешало его телефонным переговорам.

Глеб подмигнул Сергею, кивнув в спину Александрову. Трофимов понимающе кивнул в ответ. Старая история. Старик почувствовал власть и важнейшее государственное поручение. Все. Он больше не их старший товарищ. Теперь это опять большой руководитель.

Зазвонил телефон Сергея. Ответив, он понял, что с ним говорит шеф. Что-то важное, раз не через секретаря.

— Сергей, вы как с ребятами закончите совещаться, загляни ко мне. Но пожалуйста, сам. И не надо никому говорить о нашем разговоре. В том числе и Вадиму Георгиевичу.

— Хорошо, — ответил Сергей, стараясь говорить так, чтобы идущие рядом коллеги не задавали лишних вопросов.

8.

В этот раз сидели в респектабельной «Гранд Кофемании», расположенной между Старой площадью и Лубянкой, которую давно обжили чекисты и сотрудники президентской Администрации в качестве удобного места для коротких переговоров.

Суть импровизированного совещания сводилась к дележу оперативных средств. О материалах и поручении говорить не хотелось. Деньги делились надвое — первая часть предназначалась для служебных расходов и была неприкосновенной. Вторая являлась личными расходными деньгами каждого.

Однако Александров предложил свой способ дележки, определив себе тридцать пять процентов суммы как старшему, а остальное, предложив поделить коллективу в равных долях. Никто не возражал. Сотрудников сей-

час больше волновало услышанное и то, каким образом решать полученную задачу. Даже на фоне привычно-непростых приказов и ситуаций эта выглядела грандиозно. Тем интереснее ее будет решать.

9.

Через час после того как они расстались и разошлись готовиться к поездке, Сергей позвонил шефу и вернулся на работу.

— Сергей, я с большим уважением отношусь к Вадиму Георгиевичу. Но он, с учетом возраста, уже живет в своем мире и даже то, что его сейчас привлекли к делу, ему достаточно.

Поэтому я это даю тебе, — с этими словами шеф протянул потрепанную толстую книжицу в темном переплете. — Это записная книжка мужа внучки Макса Борна, которую переправил Глеб в ходе своей командировки. Мы сняли с нее копии, аналитики работают над ней. Но в Крыму вы будете сталкиваться с вопросами, многие из ответов на которые мы не знаем. Возможно, это тебе поможет.

— Спасибо.

— И эти странные часы забирай, раз их вместе передали. Наши посмотрели, ни тайников, ни передатчика, ни скрытых записей в них нет. Но пусть будет у тебя.

— Понял, — ответил Сергей, пряча небольшой сверток в карман.

— Не хотел всем говорить, но ты должен знать. У нас предательство в высших эшелонах достигло того уровня, когда мы, по сути утеряли контроль над ситуацией. От России в истории с Нобелевским комитетом были, конечно, люди, но и они, и те, кто их назначал, действовали не в интересах России.

В общем, у нас нет сейчас уверенности, что Зона пускового контроля находится в Крыму. Где она находится, мы не знаем. Есть неподтвержденные отрывочные сведения, что где-то в Европе. Но где, неизвестно. Этот вопрос

постарайся выяснить. Это важнейший вопрос. СВР над ним бьется уже не один год, но пока в активе лишь слухи. Сейчас в мире сформировалась мощное международное лобби, в которое входят отдельные наши влиятельные люди. У них свой взгляд на развитие человечества. Они искренне уверены, что реализуют Ялтинское наследие. И, по всем признакам, их взгляды противоречат идее укрепления нашей страны.

— Я понял, Владимир Петрович. Спасибо за доверие.

— Возьми телефон, — шеф протянул небольшую коробку. В нем один номер — это связь со мной. Телефон закрытый. Держи меня в курсе по ситуации.

— Есть.

10.

Когда Глеб вышел, Владимир Петрович позвонил по внутреннему телефону секретарю, поручил полчаса ни с кем его не соединять, зашел в свою комнату отдыха, достал из сейфа старое дело в светло-коричневой картонной обложке с грифом «Особой важности», надел очки, откинулся на диван и стал его листать.

Дело было посвящено Максу Борну. Начато 14 февраля 1939 года. Окончено 7 января 1970-го, закрыто личной резолюцией Председателя КГБ СССР Юрия Андропова.

Дата рождения: 11 декабря 1882 года.

Дата смерти: 5 января 1970 года.

Место рождения: Бреслау, Пруссия (сейчас Вроцлав, Польша), еврейская семья ученых и музыкантов.

В общей части дела был ряд материалов о юности Макса и обстоятельствах, при которых он увлекся наукой. Прилагалось несколько выдержек из энциклопедий и альманахов, описывающих жизнь выдающихся ученых. Контакты, связи, характеристика научных открытий. Владимир Петрович пролистал страницы, остановился на обзорном документе, характеризующем развитие дружеских отношений Борна и Альберта Эйнштейна. С 1915 года он даже

живет вместе с Эйнштейном и Планком. Странная штука судьба, сводит людей парадоксальным образом.

К началу Первой мировой Макс Борн в Берлине начинает исследования, которые называет квантовыми. В 1932 — декан научного факультета в Гёттингене.

После прихода в 1933 году фашистов к власти переехал в Кембридж.

Под его руководством в Эдинбургском университете работали выдающиеся физики, многим из которых он дал путевку в большую науку: Гейзенберг, Дирак и Паули, Ферми, Блеккет, Винер, Гейтлер, Вейскопф, Оппенгеймер, Теллер.

Отдельно в документе выделялись крупные советские ученые, с которыми работал Борн: Фок, Френкель, Богуславский, Румер.

В 1954 года награждён Нобелевской премией по физике «За фундаментальные исследования по квантовой механике, особенно за его статистическую интерпретацию волновой функции». Он разделил премию с Вальтером Боте, который был награждён за экспериментальную работу по элементарным частицам.

Является одним из «отцов» квантовой физики.

После отставки и вплоть до смерти жил в городке Бад-Пирмонт, расположенном вблизи Гёттингена, в котором он провел свои молодые годы. Вплоть до смерти занимался наукой, а также постоянно призывал ученых к социальной ответственности, выступал с лекциями по этому поводу.

Тема ответственности ученого перед обществом была одной из главных в послевоенной жизни Борна. В 1955 году он был одним из организаторов встречи шестнадцати нобелевских лауреатов, которые в Швейцарии, на острове Майнау приняли заявление, осуждающее разработку и использование ядерного оружия. В дальнейшем к нему присоединилось еще несколько десятков нобелевских гениев.

Тема ядерного оружия была для Борна особенно актуальной. В 1957-м он опять инициирует встречу ведущих

западных физиков, которые публично дают клятву не участвовать в работах по ядерному оружию.

Остальные части дела занимали оперативные материалы, сводки, агентурные сообщения, доклады, указания, планы и отчеты.

11.

Чудесный городок Бад-Пирмонт. Тихий, спокойный, по-европейски основательный, сделанный со вниманием к мелким деталям. Красивый. С вымощенными плиткой разных размеров дорогами, милыми аттракционами, прямыми улицами и интересным Гестхаузом. Это лучший курорт Нижней Саксонии, причем возрастом более половины тысячелетия. Здесь бывали многие выдающиеся личности: король Англии Георг I, король Пруссии Фридрих II, королева Луиза Прусская, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Бенджамин Франклин, Шиллер, Гете.

В 1716 году здесь лечился Петр Первый, который не только восстанавливал пошатнувшееся здоровье, но и решал вопросы укрепления связей России с европейскими странами.

А какие здесь парки! С древними замками на воде, ухоженными территориями, заботливо сохраненными реликтами, линиями фонтанов, прудами с золотыми рыбками. Всюду в тени деревьев, на полянах и возле тропинок расставлены небольшие изящные статуи. В одном из них, несмотря на явное несовпадение климата, есть даже пальмовый сад. По вечерам загорается оригинальная нежная ненавязчивая подсветка. Попадаются забавные штуки — рамки, превращающие часть природы в живую картину, и, глядя через которые, по мнению устроителей садов можно увидеть наилучшие виды. Аллеи проложены строго прямо и перпендикулярно.

Двое крепких мужчин подошли к невысокому добротному дому. Прямо у лестницы порога один из них достал льняную сумочку, из которой вынул две пары больших

мягких тапок, которые каждый из них надел прямо на свои теплые ботинки, покрытые грязью немецкой зимы.

Они вошли в дом. Внутри чувствовался дух только наступившего Нового года. В коридоре висело несколько гирлянд, а на столике зала возвышалась большая рождественская свеча. Рядом, в форме разноцветных елочек, виднелось несколько новогодних печений, которые здесь называли «плетцхен».

Старик сидел в кресле и, не двигаясь, смотрел на них.

— Ну, вот и вы.

— Ну, вот и мы. Вы знаете, почему вы здесь.

— Конечно. Я очень долго ждал вас. Сначала боялся, потом боялся и ждал, а потом просто ждал. Вчера я заметил вас. Я понял, что вы хотите, чтобы я вас заметил. Я никому не говорил об этом. Но Вы шли так долго. Почему так долго? Я совсем старик. Мне и так скоро умирать.

— Всему наступает свое время. И дело не в возрасте, а в неотвратимости.

— Как это произойдет?

— Вы слишком известны. Поэтому Вы умрёте сами.

С этими словами один из спутников достал теннисный шарик и из небольшой бутылочки стал поливать его органическим средством для травли насекомых.

Второй подошел сзади к креслу и крепко прижал к себе старика, схватил одной рукой за горло, а второй придавив к своей ключице и пережав пальцами ноздри старику. Тот дернулся и жадно открыл рот, пытаясь втянуть воздух. Он стал судорожно, но скорее рефлекторно бить руками по своим палачам, но старик был так слаб, а они так сильны, что эти удары почти не ощущались. Это понимали и они сами, потому не стали связывать старика, или как-то фиксировать его руки. Зато не будет следов на запястьях.

Человек с теннисным шариком резким движением впихнул шар в рот старику, зажал ладонью, прижав своим корпусом руку деда и отгородив от второй. Тело дергалось около двух минут, после чего обмякло. Передний

быстро вынул шарик. Держащий сзади проверил пульс на шее. Пульс, хоть и слабый и неровный, но был. У старика случился удар, который неминуемо повлечет смерть.

Второй в это время из сумки достал бутылку воды, небольшую брезентовую сумочку, в которой находилась марля, несколько больших кусков ткани и вата. Открыл рот старику и, влив воды, тщательно вытер рот изнутри и снаружи марлей. Потом протер ватой и еще раз марлей. Одной из тряпок очистил от воды и остатков рвоты. Грязные мокрые комки и шарик сложил в большой кусок ткани, скатал его и положил в сумку.

— Все, уходим.

Выйдя тем же путем, что и зашли, путники переобулись за порогом и быстрым шагом направились к вокзалу.

После нескольких дней в коме, Борн умер.

Разрешите, Юрий Владимирович? Разрешите доложить. Мероприятие «Андромеда-Пятнадцать», которое планировали к двадцатому декабря и намного затянули, о причинах была служебная записка, реализовано в полном объеме. Если брать во внимание символизм, то получается, что к столетнему юбилею Ленина. Обвинитель по Большому Суду устранен. Справедливость восторжествовала!

— Благодарю за службу. Подготовьте наградные документы. Людей с оперативной работы отозвать, устроить преподавателями в спецшколу. Старшего ко мне на доклад.

— Есть.

ЧАСТЬ 2. ЕВХАРИСТИЯ

Глава 1. Префация

1.

Две недели в Крыму пролетели незаметно. Бешеная суета и драйв от большого дела меняли восприятие времени. Время вообще — вещь не однообразная. Оно растягивается и сжимается в зависимости от важности и вовлеченности в процесс.

Быстро, практически сходу взяли под контроль местное СБУ. Здесь помогло несколько факторов. Главный — растерянность и непонимание происходящего у местных. Те, кому служили крымские чекисты — разбежались, а пришедшие им на смену в Киеве были для представителей теперь уже бывшей власти очевидными врагами. Сбежавшие начальники явно были на стороне, от которой приехали эмиссары. В придачу к этому неплохо поработали «фэйсы», подключившие свою агентуру к обработке колеблющихся местных сотрудников. Поэтому самой распространенной формой противодействия был прямой или скрытый саботаж. Не ходили на работу, кто-то уехал, уничтожили или спрятали служебные документы. Так что никакого геройства в установлении контроля над крымской спецслужбой не было.

Поэтому просто расставили свое тяжелое сопровождение на охрану всех этажей здания и вход, выбрали кабинеты и стали работать с сотрудниками, при этом тщательно исследуя хранилища и служебные архивы. В ходе собеседований с «эсбэушниками» помимо разговоров о переходе на сторону Крыма, проводили опросы по интересующей тематике. Спецобъекты, документы, карты. Было не совсем понятно, кто может быть источником

нужной информации, поэтому контрольные вопросы задавали всем, но выделили приоритетную группу, с которой стали работать более глубоко. Начальники оперативных подразделений, архивисты, «альфовцы», которых должны были привлекать к охране.

Работали почти круглосуточно, остро ощущалась авантюристичность происходящего. Не было никакой внутренней уверенности в присоединении Крыма к России. Это почти невозможно! Или сейчас вернется Янек или договорятся с новой властью про федерализацию. Тогда придется уходить. Или начнут делать второе Приднестровье, независимое и непризнанное. В таком случае уровень доверия местных тоже резко опустится. Поэтому следовало торопиться, ожидая в любой момент команды «отбой».

С одной стороны, их полуофициальная миссия оказалась крайне успешной. Почти без проблем одно за другим подразделения СБУ переходили под юрисдикцию независимого Крыма. Сформировали Службу безопасности Республики Крым, и она в интересах новой власти довольно быстро восстановила привычный алгоритм работы.

С другой — никаких следов главного объекта поиска не было.

В Симферополе поселились в удалении от центра, выбрав недавно отремонтированную турбазу, превращенную в трехзвездочную гостиницу «Таврия», тем более что наплыв западных и русскоговорящих корреспондентов, и активистов привел к почти полному отсутствию вакансий в местных отелях. В «Таврии» помимо них жило большое количество иностранцев. Бывшая турбаза располагалась на возвышенности, с которой открывался хороший вид на город, и часто по вечерам с порога центрального входа главного администдания иностранные журналисты снимали свои репортажи о русском вторжении на полуостров.

Сергей, Глеб и Владимир поселились в одноместных номерах третьего этажа основного здания. Этажом ниже

разместилось еще одиннадцать оперов, приданных им. «Тяжелые»[5] жили на базе одной из взятых под контроль пограничных воинских частей. На въезде в гостиницу попеременно дежурила пара бойцов. Вадим Георгиевич разместился во втором корпусе, в котором удалось снять роскошный «люкс». Старик любил комфорт.

В происходящие вокруг подготовки к референдуму лихорадочные события группа почти не вмешивалась. В такой истории важно максимально сконцентрироваться на задаче. Поэтому приоритет — СБУ, отдел внешней разведки, пограничники. Собеседования, общие совещания, работа с каровыми подразделениями, личными делами, подготовка минимальной нормативной базы, организация оперативной работы для пресечения активок нового сбушного руководства в Киеве, мероприятия по обеспечению собственной безопасности. Все. Дальше проверенные и обработанные сотрудники ставились в строй новой крымской спецслужбы и здесь уже начинали работать механизмы взаимного контроля. Конвейер. А группа продолжала углубляться в работу с документами, архивами, объезжать все здания, спецобъекты, конспиративные квартиры и дачи, явочные пункты и другие неотъемлемые атрибуты любой спецслужбы. Ничего. Пока по главной задаче они не находили ничего.

По идее можно было бы просто опросить сбежавшего в Россию главу СБУ Александра Якименко. Однако Якименко уверял, что подчиняющаяся ему спецслужба в ходе договоренностей еще на заре становления новой Украины фактически была разделена на зоны контроля, и некоторые ее сегменты ему просто не подчинялись. Такая история была вполне в стиле извилистой и противоречивой украинской политики, выстроенной не по принципу государства, а по системе средневековых ка-

5 На жаргоне сотрудников силовых структур — бойцы спецназа.

ганатов. В Крыму Якименко контролировал ряд важных экономических направлений и политическую сферу.

Но сотрудники СБУ, работающие по тематике спецобъекта, именуемого в СБУ «Хрусталь», подчинялись непосредственно внешнему международному руководству. В СБУ не было даже их полноценного учета. По необходимости СБУ выдавала международным представителям бланки удостоверений, зачисляла по достижении предельного возраста на пенсионный учет СБУ, призывала тех, кого им указывали, на воинскую службу, выделяла оружие, помещения в своих объектах и не более. При этом не удалось найти даже пенсионеров. Все они жили в Европе. По сути, со стороны украинской спецслужбы осуществлялось лишь техническое обслуживание «Хрусталя». Деталей Якименко и его непосредственные подчиненные не знали, так как опасались какими-либо лишними вопросами или ненужным интересом создать себе проблемы у иностранных партнеров. Они хорошо понимали, что эта тема не предполагает их участия, а лишнее внимание приведет к самым печальным результатам.

Таким образом искать приходилось вслепую. Попытки по признакам найти сотрудников, которые работали по «Хрусталю» пока были безуспешны. Работа с ними строилась в режиме негласного состава и в официальных учетах или в контактах с легальными сотрудниками они замечены не были.

Вокруг истории с «Хрусталем» ощутимо чувствовалось серьезное напряжение. 28-го февраля в Симферополь прилетел депутат Верховной рады Петр Порошенко, который в прошлом был министром иностранных дел, министром экономики, секретарем украинского Совбеза и одним из богатейших людей страны. По поступившей оперативной информации украинский олигарх, осведомлённый в бытность на государственной службе о «Хрустале», попытался своими силами взять под контроль объект, что гарантировало бы ему в даль-

нейшем кресло Президента Украины. Однако иностранные кураторы спецобъекта послали мэседж жаждущему власти политику, что вокруг «Хрусталя» не должно быть никакой, даже косвенной активности, а его пожелания услышаны, и тот покинул Крым.

2.

— Вадим Георгиевич, разрешите?

— Да Володя, заходи.

Мердерян вошел в просторный кабинет, который Александров обжил в здании управления СБУ в Республике Крым.

— Вадим Георгиевич, хочу посоветоваться. Вы знаете, что Сергей общается с милофеевцами?

— Что значит общается? С ним пытался связаться доверенный от этого Милофеева, Бородаев. Сергей доложил, ждет команды.

— Вадим Георгиевич, это не так. Они уже неделю довольно плотно общаются.

— С чего ты решил Володя?

— Да просто услышал как-то случайно их разговор по телефону. Потом видел, как они встречались.

На самом деле Мердерян осмотрел мобильный Трофимова, пока тот принимал душ. Такая привычка за Владимиром водилась. Позже он действительно случайно заметил, как Трофимов садится в машину Бородаева. Эту машину он не раз видел у здания Совмина. За рулем всегда был сам милофеевский посланец.

— Странно. Какой смысл Сергею скрывать контакт, тем более что он доложил о том, что он должен состояться?

— Не знаю, Вадим Георгиевич. Потому и решил Вам доложить.

— Ладно. Я попробую его аккуратно «в темную» подвести к теме милофеевцев. Посмотрим, как отреагирует и что ответит. Ну а ты присматривай за ним. Повнимательней к телефонам, встречам. У тебя есть закладка?

— Да.

— Ну, поставь ему в номер. Старайся контролировать ситуацию, нужно разобраться.

— Понял, есть. Спасибо за совет.

3.

Владимир подошел к двери и прислушался. Да, Сергей зашел в свой номер, до этого довольно громко протопав по коридору гостиницы.

Топ-топ, топает малыш. Ну да, малыш. Сука, засадить бы этому малышу шариковую ручку в горло или глаз по черенок и смотреть, как выбив колпачок и стержень, черная кровь бьет тугой прерывистой струей в резонанс с трясущимся в конвульсиях телом и меланхолично прикидывать, побьет ли новая струя рекорд расстояния предыдущей, борясь с желанием подставить под нее рот, сделав несколько быстрых глотков, пока не охватит рвота…

Сергей и Владимир считались приятелями. Они дружили семьями и старались привить такую же дружбу своим детям, сыну и дочери у каждого. Однако сторонние наблюдатели угадывали в этой дружбе, бескорыстной для Трофимова, серьезный налет зависти со стороны Мердеряна.

Мердерян был из многочисленной когорты сотрудников госбезопасности, которых обижали в детстве. Слабое материальное положение семьи и детские обиды на школьных и дворовых задир у юношей мстительных, завистливых часто побуждают жгучее, мощно стимулирующее желание отомстить, доказать, показать.

Особенно подростком он ощущал мгновенные приступы подавляемой беспомощной ярости. Случайный человек в метро или даже старый знакомый жестом, словом или просто своим присутствием могли вызвать секундный приступ ненависти, сопровождаемый сжатыми до хруста зубами и судорожным напряжением мышц рук и ног. В эти моменты он зажмуривался, в голове про-

носились образы самых жестоких казней, он представлял, как избивает, режет, проламывает голову молотком и распиливает мнимого обидчика. Потом это проходило.

Всю жизнь его угнетало занимаемое положение. Владимир хотел большего, что становилось мощным стимулом движения вперед. Воруя подростком деньги из скромных бабушкиных запасов или оставленных в вещах и сумках кошельков редких гостей, делая это аккуратно и рационально с тем, чтобы пропавшая сумма не привлекла внимания и тщательно ее рассчитывая от общей и исходя из особенностей характера владельца, степени опьянения и прочего, он ярко представлял себе образы времени, в котором у него будет много денег, власти, возможностей сытно и что хочется поесть, красиво одеваться, когда за ним будут бегать девочки, а парни завидовать и пресмыкаться.

Некоторые, обладающие определённым набором качеств, среди которых главными являются гибкий, пластичный, и развитый ум, часто спровоцированный рефлексиями от обид и развивающий речевой запас углублённым чтением, тяга к которому возникает от желания спрятаться от злого мира, а также готовность и привычка к подчинению, распорядку, усидчивость школьных заучек и их методичность, безошибочно выбирают путь государственных карьеристов. Органы госбезопасности являются для них почти идеальным вариантом, потому что в самих спецслужбах такой набор качеств крайне востребован, так как позволяет великолепно решать задачи рядового оперативного работника, а также обеспечивает хорошее карьерное продвижение. Для самих молодых людей это возможность вдруг стать почти всемогущим, тайным и беспощадным вершителем судеб, копаться в грязном человеческом белье, и быть при этом незаметным и скрытым, что в полной мере отвечает всем их жизненным потребностям. Таких не испугаешь на службе ни низкими зарплатами, ни тяжелой кабинет-

ной нагрузкой, ни несправедливостью начальства, ни горечью от узнавания неприглядной закулисы власти и сущности людей. Единственное, что пугает их по настоящему — публичность, прямое столкновение с теми, чьи судьбы они исподволь вершат.

Трофимов всегда был успешнее Мердеряна. Формально их детство было очень похожим. Отцы-алкоголики, бытовая бедность, смутное начало 90-х, на которые выпала юность товарищей, последующая упорная учеба и успешное начало службы создавали хорошую почву для сближения. Но Сергей оказался свободен от детских проблем, шел по жизни легко, на службе продвигался быстро, был смелым, изобретательным и энергичным, что за недолгое время позволило достичь высоких регалий. Мердерян демонстрировал поддержку и помощь, да и в службе хоть и отставал, но не так принципиально. Однако зависть удушала его мёртвой петлей. Для Владимира все было очень важным! Он, родившийся неказистым ребенком, которому мать хлебным мякишем и медом выводила в младенчестве подкожную щетину, росший презираемым заучкой и выросший в высокого статного красавца, умного, хитрого и жадно алчущего успеха, знал, как бороться с конкурентами и пробивать свою дорогу.

Поэтому он ревностно присматривал за выбранной для себя целью, в то время как товарищ не догадывался об обратной стороне их отношений. Владимир ждал, когда тот оступился. И, кажется, этот момент настал.

4.

О первом выходе на него со стороны Бородаева, Сергей, как и положено, сообщил Александрову. В этой попытке он не видел ничего необычного, так как их группа работала с силовиками, в свою очередь имеющими серьезное влияние на обстановку. Поэтому было логично, что один из руководителей милофеевских посланцев пы-

тается заручиться поддержкой. До получения указаний из центра он уклонился от контакта.

Но о следующем обращении Сергей не доложил, что в его служебной практике было совершенно исключительным случаем. Все дело было в том, что предложение о встрече последовало в форме, которая в принципе не должна была быть доступной его собеседнику.

Приглашение было сделано по телефону. Он знал бодрый, нагловатый слегка мальчишеский тон Бородаева, так как не раз слышал его на общих совещаниях координационного штаба крымского сопротивления. В те разы Бородаев докладывал о воинских частях, которые его бойцы брали под контроль, а также сообщал свои сведения об обстановке в политической и экономической среде Крыма. По всему было видно, что ситуацией он владеет отлично и знакомился с ней явно не в последние дни.

Услышав звонок, Трофимов резко схватил телефон, проверил активацию кнопки зашифровки и ответил. В трубке он услышал голос Бородаева, который, не здороваясь, сказал: «Нам обязательно нужно увидеться. Было бы неплохо обсудить блокнот, с которым Вы работаете». После этого было названо время и место встречи. Бородаев спросил, подтверждает ли Сергей встречу, после чего звонок завершился.

Сергей был поражен. Аппарат, по которому ему звонил его собеседник, дал ему шеф перед отправкой в Крым. Он был одной из последних разработок центра спецсвязи управления спецпроектов Администрации и никак не мог оказаться у случайного персонажа. Упоминание же блокнота автоматически превращало его в человека, допущенного к самой скрытой информации об их деятельности. Ведь о телефоне и блокноте не знал даже Александров!

Естественно, он не собирался докладывать о предложении. Если речь идет об утечке информации, а Сергей этого не исключал, то до каких-либо докладов нужно

очертить круг подозреваемых и разобраться в сути интереса контрпартнера.

Трофимов чувствовал себя не вполне комфортно в этой ситуации. Обладая большим опытом успешной оперативной работы, он не раз искусственно моделировал подобные сценарии. Ведение «наружкой» объекта на улице, потом как-бы случайный подход и демонстрация осведомленности о личных тайнах объекта. Создание у фигуранта ощущения некомпетентности общающегося с ним сотрудника и в критический момент обрушение на расслабившегося самоуверенного типа изобличающей и компрометирующей информации и прочее подобное. В таких театральных постановках целью всегда была дестабилизация душевного покоя, позволяющая манипулировать человеком, заставлять его рассказать о чем-то значимом, что, как ему кажется в этот момент не так уж и важно, раз органы и так знают много, побуждения к определенным действиям. Подходы, подобные этому телефонному звонку, часто им применялись, и совсем не хотелось оказаться на месте своих подопечных.

Следовало прояснить ситуацию.

Все это время Трофимов действительно пытался разобраться в записях, которые обнаружил в блокноте, переданном ему шефом. Его содержание оказалось весьма специфичным. Несмотря на хорошее знание английского, Сергею приходилось тщательно и часто безуспешно пробираться через странные и во многом бессмысленные пометки, зарисовки, газетные и фото- вклейки.

В книжке было много рукописных упоминаний Борна, Хемингуэя, Сталина, Черчилля и Рузвельта. Из отрывочных записей становилось очевидным, что Патрик успешно изучил тему Суда. Приводились выписки из утерянной теперь переписки великого писателя и великого ученого. Они перемежались какими-то вторичными бытовыми подробностями, на фоне которых сообщались рассказы о слежках, негласных обысках, подозрениях и оценке ми-

ровой обстановки. Судя по всему, участники обсуждали результаты судебного процесса, в котором они приняли участие, и явно приходили к выводу о неоднозначности решения и манипулировании его результатами в пользу западных стран. По страницам были разбросаны какие-то цифры, некоторые из которых были перечеркнуты, а другие наоборот выделены в рамки. Все это перемежалось многочисленными библейскими цитатами. В общем, на первый взгляд это было мало похоже на грозное расследование, которое могло бы стоить кому-то жизни.

Назначение странных часов тоже было непонятным. Они представляли собой прямоугольное устройство на темно-коричневом кожаном ремешке с автоматической застежкой. Внутри черного, бугрящегося четырьмя полукруглыми выступами титанового прямоугольника корпуса, с боков которого выступало два округлых вала, находилось две стойки, на которых располагалось четыре цилиндрических индикатора. Три из них явно должны были показывать часы, минуты и секунды, назначение четвертого было неясным. Между ними были проложены шестеренки и металлические нитки завода, накрытые двумя полосками сапфирового стекла. Заводилось устройство вручную специальной рукояткой. Однако часы были сломаны, и попытка выставить правильное время успехом не увенчалась. При проворачивании ручки индикаторы выдавали какие-то случайные цифры.

Порывшись в Интернете, Сергей узнал, что часы называются «Кабестан». В переводе значит «лебедка», что соответствовало внешнему виду и устройству механизма. Они были причудливым изыском любителей хронометров, малофункциональным, но изящным и оригинальным. Связи с интересующими вопросами в них не просматривалось никакой. Трофимову сразу врезалось в память найденное в ходе поисков четверостишье из стихотворения «Дети тумана» братьев «Стругацких», в которых речь шла о прообразе часов.

«…Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж — не беда...
Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда?..»

Впечатляла цена в 200-400 тысяч долларов. Однако шеф сказал, что это копия, и это несколько успокаивало.

Блокнот и часы Сергей постоянно носил с собой, справедливо не доверяясь гостиничному номеру, личным вещам или СБУшным сейфам во временно занимаемых кабинетах. Но в день встречи он завернул их в плотный полиэтиленовый непромокаемый пакет, сверху обмотал сплошными рядами широкого скотча и спрятал в глубокой расщелине дерева, растущего в дальнем конце парка, примыкающего к гостинице. Если Бородаев проявляет интерес к блокноту, то на встрече было глупо иметь эту вещь с собой.

Человек с неспокойными глазами и своеобразной внешностью какого-то хищного зверька, ощущение чего возникало благодаря хитроватому, с постоянной полуулыбкой и подвижной мимикой лицу и энергичной стойке напряженного тела, на встречу опоздал. Как выяснится впоследствии, он всегда опаздывает. Персонаж держался бодрячком, с постоянным изумлением человека, только что проснувшегося не в месте, в котором заснул. Однако речь и ее суть сильно контрастировали с первоначальным впечатлением.

Они встретились в одном из тесных полуподвальных ресторанов центра города. Бородаев сразу же заказал себе «американо» и какой-то мясной салат. Сергей ограничился зеленым чаем. Бородаев, долго пережевывая явно сухое и жилистое мясо и овощи салата, ел с удовольствием, что не мешало ему говорить, довольно энергично жестикулируя при этом.

— Сергей, я прекрасно понимаю, что мой звонок мог показаться театральщиной. Прошу поверить, что это не так. Вокруг истории, в которой мы с Вами оказались, со-

средоточены интересы самых мощных экономических и политических игроков, поэтому приходится максимально сохранять конфиденциальность и формировать информационные каналы, чтобы хоть как-то более-менее сносно двигаться к цели. Думаю, сейчас она у нас общая.

— Наша цель — помочь народу Крыма, и отстоять при этом российские интересы. Если Вы об этом, то я с Вами согласен. Но я не очень понял, о каком блокноте Вы говорили, и как это связано с нашим общим делом.

— Знаете, Сергей. Кстати, я предлагаю перейти на «ты», если это приемлемо. Думаю, так будет удобнее.

— Не возражаю. Сергей, — Трофимов протянул руку. Выбранный сценарий общения не предполагал конфронтации или излишнего официоза. Можно позволить немного умеренно-показной доверительности.

— Александр, — ответил Бородаев, пожимая руку. — Так вот, я продолжу. Конечно же, главной нашей целью является помощь крымчанам, Вы, извини, ты совершенно прав. Я являюсь русским патриотом, и даже в определённой степени националистом, поэтому вопрос принадлежности Крыма, да и всей Украины для меня является принципиальным. Мои предки защищали Севастополь, и я не вижу причин, почему я должен поступать иначе.

Но в этой истории вокруг Крыма помимо объединяющего нас общего дела есть еще вещи, которые являются самостоятельной историей и самостоятельными проектами. Грубо говоря, Крым является сейчас площадкой, на которой развивается несколько хоть и взаимосвязанных, но самостоятельных историй. А вот ряд участников одновременно стали ключевыми персонажами нескольких этих историй. Думаю, что в их число входите Вы, да что такое! Ты, я и еще несколько наших общих товарищей.

— Саша, о чем речь? Ты как-то туманно пытаешься излагать. У меня нет никаких историй. Я с коллегами прилетел, чтобы направить в нужное русло местные спецслужбы, чтобы они не мешали народу, не боролись

с ним, а помогали. Эта моя функция связана с прошлым профессиональным опытом в непризнанных республиках. Здесь я по той же причине, что и ты. Как бы пафосно не звучало, но я патриот, и мне не безразлична беда русских людей, находящихся после киевского шабаша под серьезной угрозой. Люди мне предложили поучаствовать в процессе, я согласился. Вот и все. Так что ни в какие другие игры я тут не играю.

— Послушай, я прекрасно знаю, что ты профессионал и не мне тебя пытаться вывести на какой-то откровенный разговор, если ты сам этого не захочешь. Мы можем долго пикироваться словами вокруг да около, но ты скажешь ровно столько, сколько сам захочешь. Поэтому я не собираюсь как-то пытаться тебя в чем-то убедить, или разговорить на интересующую меня тему.

— Спасибо за высокую оценку моей скромной персоны.

— Да дело не в оценках. Просто цена вопроса намного выше и моих и твоих амбиций или каких-то кулуарных кабинетных игр и психологических этюдов.

— Саша, вот послушай… — вклинился Сергей. Бородаев говорил быстро и напористо, периодически забываясь, слушая только себя и бесцеремонно перебивая собеседника, поэтому если тот хотел высказаться тоже, то в определенный момент приходилось говорить одновременно с Александром, для того чтобы тот постепенно замолкал и выслушивал визави.

— Я еще раз тебе повторяю, услышь меня. Мы вместе, каждый на своем направлении делаем общее дело. Оно непростое, важное и с исторической и политической точки зрения просто огромного значения. Мне тут не до каких-то игр и Бог знает еще чего-то подобного. У меня все просто. Я занимаюсь СБУ, помогаю людям перейти на сторону народа. Процесс этот геморройный, поэтому мне не до сценариев. Ты общими фразами говоришь о каких-то таинственных материях, мне совершенно не

понятных. Поэтому тут дело не в моей чекистской закалке. Я реально не понимаю, о чем ты. Меня в этом смысле невозможно развести не потому, что я парень-кремень и фиг из меня что вытащишь, а потому что вытаскивать нечего. Я не знаю, о каких блокнотах, сценариях и прочем идет речь. Мне кажется, что ты что-то перепутал, или взял за основу какой-то очередной нелепый слушок, которых сейчас гуляет, как тебе хорошо известно, просто великое множество.

— Я услышал, услышал. Наш разговор в этом темпе вальса может длиться до бесконечности. Я примерно так себе его и представлял, и не имел особых иллюзий на этот счет. Поэтому я предлагаю прямо сейчас съездить к одним интересным людям, которые все понятно смогут объяснить.

— О ком идет речь?

— Думаю, когда мы приедем, люди сами представятся. У меня тут рядом машина, я сделаю звонок, и можем ехать.

— Саша, при всем моем к тебе уважении, я не барышня из бульварного эротического романа. Мне не нужно завязывать глаза и интриговать встречей с таинственным незнакомцем. Ты сделал предложение, я его услышал. Чтобы мне на него ответить, мне нужен определенный объем информации. Сейчас у меня его нет, и я даже не вполне понимаю, о каких мадридских тайнах идет речь. Но эти дни были очень напряженными, поэтому из чисто спортивного интереса я могу с тобой проехаться. Для этого мне нужно понимать, кто предлагается для встречи. Если нет, то мы просто закончим этот разговор.

— Хорошо. Действительно, нет смысла нагонять туману. Я предлагаю переговорить с Константином Милофеевым и еще парой интересных людей, наших общих товарищей. Что скажешь?

— Хм. Это интересно. Так бы сразу и сказал. Раз Милофеев так активно участвует в нашей крымской истории, то почему бы и нет. Сейчас едем?

— Да сейчас. Расплачусь, водитель в машине.
— Хорошо, поехали. Сколько там с меня по счету?

Глава 2. Sanctus

1.

Ехали довольно долго. Начался дождь, сырой и холодный, но Сергей все равно немного припустил стекло машины, выставил руку, захватив ладонью край крыши автомобиля, и чувствовал, как резкие и острые капли дождя покусывают ему руку, будто маленькие рыбки, которые в специальных аквариумах обкусывают с ног мозоли. Вода понемногу затекала внутрь салона, но закрывать окно не хотелось.

Пропетляв по окраинным улицам Симферополя, направились к дороге в сторону Ялты. Через минут тридцать по одному из съездов свернули на узкую дорогу, по которой какое-то время монотонно скакали. В итоге оказались перед высоким, метра в четыре забором, охватывающим большой кусок территории, окруженной разделительной полосой с редкими стволами шелковицы, пучками форзиции и липами, за которой начиналась густая зелень леса. Здесь не было других дорог и тропинок, кроме тех, что проложили сами владельцы, что пресекало случайные появления заблудившихся и местных. В плохую погоду разделительная территория для них превращалась в непроходимое болото, а в хорошую обманчивый простор рассекали огромные тени и застывшие антенной хвосты четырех белых аргентинских догов охраны.

Водитель остановил машину у разрезающих непрерывную линию глухого пятиметрового забора массивных ворот, над верхними краями которых на них глядели две камеры, и посигналил. Через недолгое время ворота открылись, и они проехали мимо двух охранников в «горках». Сергей отметил для себя, что те вооружены были «Кедрами». Солидно.

Внутри они увидели уже почти классическую огромную загородную дачу богатого человека, с прудом, беседками шарами светильников вдоль дорожек, статуями, домиком прислуги, складами и очень большим главным пятиэтажным домом, похожим то ли на дворец, то ли на замок.

Подъехали к главному входу, где их встретил коренастый спортивный мужчина лет пятидесяти с неприятным угловатым лицом, и огромной плешью, обрамленной пучками жирных маслянистых волос, поздоровавшийся с Бородаемым и пешком, мимо краснодеревчатого лифта, оформленного в помпезном стиле двадцатых годов, проведший их по широкой мраморной лестнице на второй этаж. Поднимаясь, Сергей разглядывал освещенные небольшими прямоугольными лампами тяжелые золоченые рамы картин, на которых были изображены морские сражения, и мощную хрустальную люстру из большого количества маленьких хрустальных шариков, освещающую подъем. Пройдя по коридору, вошли в просторный, со вкусом обставленный каминный зал.

В нем их ждали трое. При их появлении они поднялись из кресел.

Александр поздоровался и представил Сергея.

— Константин, — протянул руку невысокий, благообразный мужчина с умеренной аккуратной бородкой, сопровождая свои слова улыбкой Чеширского кота, явно подавляющий привычную высокомерность общения с окружающими. Ясно. Тот самый Милофеев.

— Георгий Александрович, — негромким ровным голосом представился второй, постарше возрастом, с массивным серебряным крестом на тяжелой цепи поверх рясы священника, с пробором довольно длинных волос ровно посередине головы, зачесанных за уши. Он чем-то напоминал музыканта «Паука» из скандальной группы «Коррозия металла». Его рыжая борода была не такой ухоженной, как у первого.

Третий, лет сорока пяти-пятидесяти, сухой, худощавый и жилистый, с коротким ежиком волос на круглой голове и гладко выбритыми изрезанными глубокими волевыми морщинами щеками, был одет в строгий черный костюм и белоснежную рубашку в стиле голливудского гангстера, и вызывал ассоциацию с Такеши Китано. Он представился Михаилом.

Пожав руки, расселись в кресла вокруг довольно большого темного стола из какого-то дорогого дерева. У дверей ждал официант, которому Михаил тоном хозяина поручил принести минеральной воды, закуски и чай, предложив всем заказать, что хочется. Сергей попросил кофе.

— Сергей, я понимаю, что у Вас есть вопросы по поводу встречи. Я Вас уверяю, что наши интересы состоят исключительно в помощи нашему государству, в чем Вы сможете убедиться на практике. Сразу скажу, что мне известно о Вашей службе в департаменте обратной оперативной управленческой связи, к которой мы в целом относимся с уважением. Более того, нас сейчас объединило общее святое дело по возвращению Крыма в Россию, поэтому мы в полной мере можем считать себя единомышленниками.

Вот поэтому на правах единомышленников мы и инициировали эту встречу. Мы слышали о вас как о порядочном офицере, и не сомневаемся, что ваши мотивы связаны со служением интересам Родине. Именно поэтому считаем возможным быть с Вами предельно откровенным в деле огромного исторического значения. Скажу больше, в этом деле даже возвращение Крыма представляется лишь одним из элементов общего замысла.

Трофимов недоверчиво усмехнулся, отхлебнув кофе.

— Я вижу ваш скептицизм и сейчас постараюсь его развеять. Наверное, Вы уже поняли, что все, что сейчас происходит вокруг Украины, совершенно не является случайным. Даже выбор 2014-го года связан с очень конкретными историческими связями.

— Неужели со столетием начала Первой Мировой? — вставил ироничную ремарку Сергей.

— Нам известно, что Вы знакомы с темой Мирового Суда, поэтому Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Нет, конечно, не с Первой Мировой. Связано это с легитимной возможностью установить контроль над территорией с уникальным правовым статусом мирового уровня. Причем установить этот контроль совершенно законно и справедливо, основываясь на своих полноценных правах.

Да, нынешняя борьба — это попытка изменить мировую историю. Наша страна проиграла один шанс в 54-м, и сейчас пора восстановить справедливость. А теперь будьте любезны, внимательно выслушайте реальное положение дел. Уверяю, носителями этой информации являются единицы.

Как сейчас Вам известно, в ходе Ялтинской встречи Сталин, Черчилль и Рузвельт сформировали принципиально новые правила игры для всего мира. Я не буду сейчас уходить в детали, о которых Вы, несомненно, осведомлены. Самой важной и наиболее актуальной темой стал Мировой Суд, заседание которого назначили на пятьдесят четвертый год.

Это стало величайшей в истории попыткой уйди от новых мировых конфликтов и решить проблему конкуренции на логичном уровне договоренностей. Попытка явно была навеяна усталостью от разрушительной войны и глубоким пониманием ее тяжелейших последствий. В общем, в результате предательства, глупости и манипулирования, Суд мы проиграли. И, по большому счету, к нынешнему времени должны были бы остаться уже даже не в состоянии разорванной на несколько кусков страны с доминирующим Западом, как это случилось, а просто превратиться в третьесортный сырьевой сегмент без каких-либо перспектив. Ситуация развивалась на фоне обретения мощи враждебной нам организации,

которую мы для простоты называем «цифровиками». О ней мы поговорим отдельно и подробно.

Однако после Суда нашлись люди, которые смогли организовать сопротивление, и, несмотря на внутреннюю борьбу, сумели сохранить серьезный потенциал. В первую очередь речь идет о Русской Православной Церкви.

Дело в том, что по результатам Суда было очевидно, что без разрушения РПЦ, являющейся стержнем русской цивилизации, ни о каком полноценном поглощении речи идти не может. Все соответствующие решения были приняты, после чего начался процесс разрушения нашей Церкви. Он был и, в общем-то, остается многообразным. Сейчас мы говорим о том, что уже было, и что в итоге предопределило целый ряд глобальных событий, в логику которых укладывается и наша сегодняшняя встреча. Преосвященнейший, скажете несколько слов?

— Конечно Константин, отчего же не сказать о вопросе, который поразил в самое сердце нашу Родину? — вступил Георгий Александрович. — Константин верно заметил, действительно последствия Суда должны были ударить в первую очередь по нашей церкви. 1961-й год был намечен годом вступления решения Суда в силу. И тогдашние руководители СССР во главе с Никитой Хрущевым ревностно принялись его исполнять. Для того чтобы надломить душу народа, они взялись за церковь. Эта борьба была почти невидна сторонним наблюдателям, что не делало ее менее трагичной.

— Сергей, а какая у Вас группа крови? — неожиданно вклинился Михаил.

— Четвертая положительная, а в чем вопрос? — удивился Трофимов.

— Извините, чуть позже объясню. Простите Георгий Александрович, продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо. Итак, в 1961-м году по требованию власти Советского Союза был назначен Архиерейский собор, который должен был пройти в Троице-Сергиевой

Лавре. Председательствовать пришлось Патриарху Алексию. По сути, речь шла об очередной антицерковной реформе. На низовом уровне требовалось исключить клириков из приходского управления. То есть настоятели теряли право руководить приходскими общинами. Это был мощный удар по самой сути общественной системы Церкви. К этому времени власть уже всячески давила на Московский Патриархат для вступления в силу этого решения. Его реальной целью было принципиальное ослабление вертикали управления, которое бы позволило последовательно влиять на православный мир со стороны государства в процессе реализации решения Великого Суда, с последующим поглощением православия обновленной западной христианской церковью. Параллельно началась компания по закрытию целого ряда монастырей и началу гонений на Патриархат, который со сталинских времен установил механизм достаточно гармоничных в тех условиях взаимоотношений.

Вы извините, что погружаю Вас как-бы во внутренние церковные дела, однако важно понимать, что речь идет не о разборках между церковью и государством, обусловленных особенностями тогдашнего политического строя. Речь идет о поэтапном плане по разрушению государства, где удар по церкви в котором занимал важнейшее место. Поэтому мы так детально и останавливаемся на этом вопросе, чтобы разъяснить технологию происходившего. Кроме того, история процесса должна дать Вам понимание дальнейших последствий и шагов, которые были предприняты и повлекли цепь событий, одним из которых является наша сегодняшняя встреча.

В Церкви нашлись люди, мужественно и открыто выступившие против начала процесса фактического уничтожения нашей соборности. Одним из первых это сделал Симферопольский святитель Лука, знавший тайну Крыма и пророчески понимающий, к чему ведет происходящее. Вместе с ним свою позицию высказал Ташкенский испо-

ведник Ермоген, Новосибирский епископ Донат и Черниговский епископ Сергей, а также зарубежные братья и особенно Болгарский патриарх Кирилл. Были и многие другие церковные служители, призвавшие не допустить духовное разорение. За свою борьбу многие из них пострадали, подверглись репрессиям и преследованиям.

В марте шестьдесят первого года по решению ЦК КПСС была утверждена «Инструкция по применению законодательства о культах». Она запрещала организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничество, экскурсии, библиотеки, оказывать благотворительность, санаторную и лечебную помощь, использовать средства для возрождения церквей и монастырей.

Принято было решение об изгнании нищих из храмов. Стали препятствовать проведению крестных ходов даже в церковной ограде. При местных советских органах управления создавались спецкомиссии по наблюдению за церковью, которые должны были следить и прямо вмешиваться во по внутрицерковную жизнь. Разрешили закрывать молитвенные здания по решениям областных и краевых исполкомов. На всех священнослужителей распространили новый подоходный налог. Ввели ограничение колокольного звона, и на многие годы замолчали колокола храмов.

Делалось все, чтобы продавить нужное решение. Давить старались в самые болезненные, повседневные, а потому наиболее уязвимые точки.

Результатом борьбы стало принятие реформы в указанных советским правительством рамках, но, однако же, принципиальное очищение от заложенных в нее ловушек. К сожалению, расплатой за этот компромисс стало вступление РПЦ во Всемирный Совет Церквей. С одной стороны, такое решение принималось под нажимом власти, с другой, самостоятельная субъектность присутствия там, как прививка, хоть как-то защищала от дальнейших запланированных попыток слияний с враждебными нам

течениями. Пришлось сделать некий шаг к экуменизму, чтобы не допустить поглощения им. Такова была горькая цена тактической победы. Для себя мы объяснили это миссионерским служением, чтобы хоть как-то объяснить принятое решение. Но это была оправданная жертва, являющаяся платой за принципиальность.

Вообще, это был тяжелый Собор. Власть сделала все, чтобы добиться желаемого и отчитаться известным нам кукловодам о сделанном. Многие приглашенные на него были заманены в Лавру обманом, так как прибыли на поминовение Сергия Радонежского, и только по прибытии узнали о Соборе. Те же, кто был изначально против, просто на него не допускались. Попытка, например, исповедника Ермогена участвовать в нем была пресечена, а он к Собору не допущен.

Я так подробно рассказываю об этом, чтобы не было мысли, что это обычная для советского времени борьба религии и власти. Нет, это были экстраординарные усилия по выбиванию станового хребта из Церкви, чтобы потом принудить ее к смирению с решением о прекращении существования даже не страны, а особой русской цивилизации.

Не могу сказать, что мы полностью победили в этой борьбе, но и не проиграли. Понятно, что в период Гражданской войны было еще тяжелее, но тогда не было такой скоординированной политики и четкого плана по поглощению России, а если и был, то совершенно иным. Именно после этого Собора при Церкви и начался процесс создания некоей организации, которую мы сейчас и представляем.

Как это часто бывает в борьбе, стали выкристаллизовываться новые инструменты, которые не должны были допустить подобного давления впредь.

Здесь нужно понимать, что Никита Хрущев начал свой крестовый поход против православия не в шестьдесят первом. Суд состоялся еще в пятьдесят четвертом, и его решения сразу же были взяты к исполнению.

Как я уже сказал, одним из важных условий ликвидации СССР являлось уничтожение независимого русского православия. В этой связи предприняты усилия по принуждению к объединению РПЦ с другими православными церквями и ее фактическом поглощении экуменическим движением в ходе Эванстонской конференции в США 1954-м году. В том самом критическом году. Однако в этом вопросе, несмотря на колоссальное давление, принципиальную позицию занял Патриарх Алексий Первый.

Хрущев, твердо вставший на позиции того, что решения Мирового Суда обязательны к исполнению, уже тогда предпринял огромные меры давления для принуждения Церкви.

По его указанию **сразу же после Суда** было подготовлено постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения».

Несмотря на то, что в этих вымышленных «недостатках» обвинялись местные партийные организации, документ, по существу, жёстко критиковал ту линию в отношениях с Церковью, которую проводил Сталин с 43-го года. Та политика характеризовалась как «примиренческая» и не соответствующая коммунистической идеологии.

Уже тогда постановление ЦК стало сигналом к развязыванию в стране масштабной атеистической кампании. Таким образом, начиная с пятьдесят четвертого года, советским правительством было сделано все, чтобы влить нашу православную церковь в формат, исключающий ее глубинную связь с русским миром. Ослабить, и избавиться от нее, как от одного из важнейших гарантов государственной идентичности России. События 61-го года должны были стать апофеозом этого разрушения. Должны были, но не стали. Удивительным образом духовное откровение в одном маленьком православном обществе совпало с поиском Церкви своих защитников в условиях угрозы ее окончательного уничтожения.

Вы никогда не задумывались, почему у Православной Церкви не было своих тайных структур, наподобие иезуитов? — завершил свой рассказ вопросом Георгий Александрович.

— Честно говоря, нет. Наверное, просто не было необходимости. Мы не вели такую агрессивную миссионерскую работу, возможно.

— Во-первых, иезуиты, и далеко не только они одни, это не только миссионерство. И во-вторых, мы не меньшей степени, чем католики, заинтересованы в том, чтобы распространить свой свет веры.

— Тогда почему?

— Да потому что значительную часть истории Российской Империи церковь была неотделима от государства. Мы рассматривали верховную власть как боговдохновенную, из чего логично проистекало распределение функций, при котором власть с одной стороны, а Церковь с другой были головами царственного орла, ставшего российским символом. Одна голова выполняла мирские функции, а другая — духовные, вместе создавая единое тело России, неразрывно связанное с Богом.

К сожалению, тело оказалось рассечено. Гармония разрушена, а Церковь отделена от государства. В этой новой реальности мирская власть в своей сатанинской гордыне попыталась вместо братской Церкви сапожницкой иглой пришить себе мертвую голову чужой идеологии. Церковь же долго пыталась сохранить чистоту своей духовной функции, оставляя кесарю кесарево. Но у всего есть цена и предел. В нашем случае мы не готовы были платить цену разрушения русского православия, а с ним — и всей нашей русской цивилизации.

— Надо понимать, что тогда речь не шла только об ослаблении и разрушении Церкви. Это не был локальный акт. Ситуация развивалась по комплексному и скоростному уничтожению страны, — опять присоединился к разговору Константин.

Вспомните о реформах Хрущева. Особенно обратите внимание на тот самый 61-й год.

Например, именно в этом году Хрущев начинает денежную реформу. Ее главной задачей явилось выполнение решения Суда по интеграции экономики и финансов СССР в западный формат. Одной из главных особенностей реформы стала трансформация рубля в зависимое от доллара США состояние. Несмотря на декларируемый технический характер реформы, то есть замену денежных купюр 47-го года в соотношении десять к одному физически меньшего размера, после реформы решением руководства СССР резко и в негативную сторону изменилась фактическое расчетное соотношение рубля к доллару. Так же резко было изменено золотое содержание рубля. То есть, духовное разрушение было крепко связано с финансово-экономическим ударом.

Такие процессы сопровождались внутренней борьбой в руководстве СССР. Бессменный с тридцать восьмого года, обращаю внимание, с тридцать восьмого (!) министр финансов СССР **Арсений Зверев**, являющийся активным сторонником самостоятельности экономики страны, не согласившись с планом реформы, ушел с поста главы Минфина.

При этом начался вывод золотовалютных резервов за рубеж, под контроль мировых органов управления.

По сути, в этом же контексте развивались и другие реформы Хрущева.

Например, в этот период от Хрущева страна услышала известный лозунг «Догоним и перегоним Америку». Как утверждают специалисты по общественному сознанию, этим лозунгом советскому народу был нанесен смертельный удар, от которого люди не могли оправиться вплоть до развала СССР. Судите сами, весь предыдущий период существования СССР советский человек искренне был уверен в прогрессивности и превосходстве своей идеологической и государственной системы над

западной, которая, как известно, загнивает и является отсталой формацией. И вдруг с самой главной трибуны человек, который по должности является даже не главой государства, а жрецом советской идеологической религии, прямо заявляет, что мы, оказывается, отстаем. Но как можно догонять более отсталую и отработанную в историческом смысле конструкцию? Это ведь полный бред, потому что бежать в таком случае нужно куда-то назад. На подсознательном уровне происходит ломка идеологического стереотипа, в сухом остатке которой фиксируется лишь доминирование Запада.

Единственным исключением шестьдесят первого стал полет Гагарина. Но он был результатом предыдущей политики по противодействию национальному предательству.

Происходило еще много чего, что в рамках принятого международного решения было направлено на фактическое прекращение существования самостоятельного Союза. Ну и апофеозом стала передача Крыма. В то время деструктивный сценарий удалось предотвратить. Немалую, пусть и непубличную роль в том, что был дернут стоп-кран саморазрушения, сыграла Церковь. К сожалению, сценарий разрушения был более успешно продублирован уже при Горбачеве, что стало апофеозом внутривластной советской борьбы между сторонниками и противниками полноценной реализации судебного решения.

— Мы понимаем, что наш разговор выглядит как некий исторический экскурс. Но без него невозможно было бы подойти к сути нашей встречи. Сергей, мы не призываем вступить Вас в какую-то тайную православную секту. Ситуация трагичнее и масштабнее, чем игры разума каких-то отдельных энтузиастов, — добавил Константин.

— Знаете, скажу откровенно, — решил высказать свое мнение Сергей. — То, о чем Вы рассказываете, конечно же, по-своему трагично, как трагичны попытки уничто-

жения страны через разрушение веры. Но, честно говоря, в истории было так много намного более серьезных нападок на различные религии, а о страданиях христианских мучеников можно говорить бесконечно. Вы рассказываете об административных, по сути, мерах. А ведь христиан и не только, жгли, массово уничтожали, преследовали во имя веры.

Отвечал ему Константин.

— Речь и не идет о соревновании на тему, кто больше пострадал. И в православии есть множество страниц духовных и физических подвигов во имя Христа. Излагаемые события нужно рассматривать не через призму, достаточно или нет, произошло страданий, а с чисто прагматической точки зрения. В том смысле, что эти ущемления являлись методом уничтожения страны во имя определённых геополитических химер. Трагизм, в первую очередь в этом и состоит. В то время как наши противники объединялись, мы шаг за шагом планомерно разрушали себя.

— А Вы уверены в пресловутом западном объединении? В конце концов, Америка находится в непростых отношениях с Евросоюзом, а внутри ЕС Франция соперничает с Германией, Германия конкурирует с Англией и так далее. Поэтому так ли едина Европа, которую объединили? Или это в большей степени миф?

— Не нужно тешить себя иллюзиями. Это внутрисемейные разборки, которые там же остаются, в семье. Лучшим критерием проверки единства Европы является аргумент, универсальный для любого времени и обстоятельств. Я имею ввиду войну. Всю историю Европы, ее страны без остановки воевали друг с другом. Все эти Алые, Белые розы, войны, блокады, захваты и прочее. А вот теперь ответьте себе на главный вопрос. Возможна ли сейчас война внутри Европейского союза? Как вы на него можете ответить.

— Думаю невозможна.

— Совершенно верно. Невозможна. С Россией, Китаем, Кореей, арабами и африканцами еще как возможна. А внутри ЕС невозможна. Это очень объективный критерий. Пользуясь им, вы легко избавитесь от иллюзорных рассуждений.

— Друзья, — негромким, чуть хрипящим голосом вступил молчавший все это время Михаил. — Предлагаю перекусить, а потом продолжить. Время обеда.

2.

После недолгого обеда в прилегающем к каминной комнате обеденном зале, они вернулись и продолжили этот довольно долгий разговор. В ходе него опять говорил Константин и Георгий Александрович, Михаил же в основном молчал.

Однако вопреки ожиданиям, дальнейший разговор получился не особенно содержательным. Беседа строилась вокруг современных крымских событий, тех или иных действий ее участников. Обсуждались кулуарные договоренности, страхи, сомнения и нерешительность тех, кого в информационном поле демонстрировали непримиримыми борцами с киевским режимом. Комментировались вклады меценатов с «Большой земли» в крымскую историю, имеющиеся ресурсы и роль церкви.

Сергей, заинтригованный первой, такой многообещающей частью разговора, старался не демонстрировать своего интереса, и просто общими фразами поддерживал неторопливую беседу людей, явно любящих и умеющих долго и пространно говорить. Он давно перестал с пиететом относиться к художественному оформлению получаемой информации.

Для него очевидным было то, что сложное, витиеватое изложение смысла, завернутое в многочисленные детали с обязательной демонстрацией разнообразных знаний, личного опыта (он для себя это называл «информационной обкладкой») почти всегда направлено не на то, что-

бы более убедительно донести точку зрения, а является лишь формой павлиньей самопрезентации. Детально рассказывая о своем опыте, знаниях, возможностях, увлечениях, знакомствах и прочем, собеседник подсознательно кричит: «посмотри, каков я молодец! Оцени меня, восхищайся мной, как я сам собой восхищаюсь!».

Иногда, впрочем, тактика забалтывания напоминала распространенную на Востоке и в профессиональном уголовном мире привычку долгих запутанных разговоров ни о чем. В таких случаях перед говоруном ставилась цель забубнить и запутать собеседника, создать нужный фон.

Понимая это, он терпеливо слушал и ждал продолжения. Однако сегодня его не было. Спустя два часа довольно пустого разговора, Милофеев предложил встретиться завтра.

Поколебавшись, Сергей согласился, но предложил сделать это после двадцати трех. К этому времени он должен был освободиться. Деятельность спецгруппы вошла в ритмичное состояние, обороты были набраны и по вечерам они иногда позволяли себе расслабиться, прогуляться и даже сходить в местный Симферопольский театр. Поэтому он смог бы подобрать предлог для отлучки.

Вышли во двор, где Бородаев достал сигарету и затянулся. Курил он постоянно.

— Слушай, ты сегодня вечером что делаешь?

— Сейчас на работу заеду, там решу какие-то вопросы. Вечером свободен. А что?

— Ты не хочешь выпить немного? К сожалению, не со мной, я бы с радостью, но мне всю ночь с бойцами по делам скакать, а с Михаилом.

— Можно конечно, только где? У нас сейчас кабаки забиты сотрудниками. Ты же знаешь, чем занимаются в особо важных и опасных командировках сотрудники спецслужб. В основном бухают, когда есть возможность.

— Это да. Пули и бутылки летают над головами доблестных силовиков, это я в курсе. Ты же в «Таврии» остановился?

— Да, там вся наша группа.

— А я в «Москве» живу. Это недалеко друг от друга.

— Знаю, мы туда сначала хотели заехать, но мест не было.

— Гостиницы забиты журналистами, активистами и шпионами. Проблема с местами есть. В общем, ты как начет злачных мест?

— Злачные места это наше все. Ты что имеешь ввиду?

— Ну, например, стриптиз-клуб.

— Не фанат, но если надо, то схожу. Правда, только в качестве посетителя, а то с пластикой у меня не очень.

— Я тоже на пилоне плохо держусь, так что можно обойтись ролью зрителей. Просто при моей гостинице есть стриптиз-клуб. Я сам туда не пойду, но, если ты не возражаешь, приведу туда Михаила. Это его идея, он просил переговорить, и если подходит, то я организую встречу.

— Ого! Мне показалось, что он далек от плотских удовольствий.

— Очень далек. Для него это до такой степени чуждый мир, что он не испытывает вообще никаких эмоций по этому поводу. Думаю, если бы я привел его на площадку съемок жесткого порнофильма, то он поставил бы стул где-то у клубка тел и просто бы общался, не обращая внимания на происходящее. Место конечно экзотическое, зато вопросов не вызывает. Это если хочешь, если нет, то завтра здесь продолжим.

— Нет-нет, это даже интересно. Неформальная обстановка позволяет многое свободно обсудить. Максимум в чем могут обвинить, это в аморалке. Но, думаю, с этим чудовищным обвинением как-то справлюсь, если на шесте не будет скакать резидент иностранной вражеской спецслужбы.

— Тут гарантий, конечно, нет, но шансы не такие большие как в других местах. Тебе от твоей «Таврии» пешком пройти десять минут. Предлагаю часов в двенадцать там встретиться.

— Договорились.

После беседы Трофимов заехал в здание Главка СБУ, где в своем кабинете и занялся служебными документами. Заглянувший Александров поинтересовался как дела, на что Сергей ответил, что все в порядке, и сообщил, что был на встрече с источником. Прелесть оперативной работы в том, что «оперативные просторы» на которые выходит сотрудник обладают почти резиновыми свойствами, которые ограничиваются лишь творческой фантазией исполнителя. На них можно списать многое.

3.

В полдвенадцатого ночи Сергей вышел из номера. К этому времени вся группа уже прибыла в гостиницу, в столовой второго корпуса вместе попили чай и кофе, запив крымским вином, после чего разошлись по номерам.

Дорогу от «Таврии» до «Москвы» по местами довольно узкой тропинке довольно крутого спуска мимо Петровского кладбища к улице Воровского Трофимов преодолел за пятнадцать минут. Перейдя через дорожное кольцо на Курортной улице и мимо входа в гостиницу, он действительно оказался у дверей клуба. На входе встретила администратор. Девушка была не первой свежести, но зато добродушная и веселая. Он заплатил за вход и вошел. Кроме него посетителей не было, «диджей» спешно ставил музыку, где-то справа он услышал клацанье тяжелых стриптизерных каблуков и приглушенное шушуканье. Гвардия собиралась в строй.

Где же Бородаев со своим старшим товарищем? На часах уже двенадцать. Что ж он постоянно опаздывает?

Заиграла музыка, подошла официантка. Сергей заказал пятьдесят граммов «джемесона», лед и «капучино. В последнее время он пил виски с парой кусочков льда, запивая его кофе, не разбавляя, не закусывая, без «колы» и сока. Ему нравилось сочетание вкусов.

Минуты три музыка играла сама по себе, потом к шесту подошла довольно крепкая девушка с явно целюлитными бедрами и некоторым избытком веса, который, вероятно, должен был компенсироваться большой грудью, и стала неторопливо обтирать собой шест. В это время официантка принесла заказ.

— Размен нужен?

— Размен чего?

— Ну, деньги разменять? Чтобы девочкам было что давать на чай.

— А сколько у вас принято на чай?

— Это как Вы сами захотите, как девочка понравится.

— Размер моей благодарности безграничен в определенных пределах. Так сколько обычно дают?

— Обычно гривен пятьдесят.

— Ясно, тогда разменяйте для начала четыреста, — Сергей протянул девушке две двухсотгривневые купюры.

— Хорошо.

Через минуту девушка у шеста закончила свою экзекуцию и подошла к Сергею, предложив потанцевать у него на коленях или сходить в «приват-комнату».

— А что в этой комнате?

— Там девушка танцует без ничего, и танец поинтересней, чем здесь.

— Что ж вы здесь-то не стараетесь? Спасибо, пока не нужно. Я чуть выпью пока сам.

Так длилось следующие полчаса. По очереди с шестом соприкоснулись тушки четырех условных красоток, от предложений которых Трофимов регулярно отказывался. Он понимал, что вызывает недовольство клуба, так как сюда приходят как раз за возможностью тактильного пожамканья девушек, а не столько за эстетическим любованием ужимок у шеста.

В момент, когда администратор была готова выразить ему недовольство, дверь открылась и вошла пара парней навеселе, явно из отдыхающих в прилегающей гостини-

це, и сразу же следом за ними бодрячком заскочил Бородаев. Увидев Сергея, он, не заходя дальше внутрь, приветственно махнул рукой, и Трофимов подошел к нему.

— Саша, мы же договаривались на двенадцать?! Я думал, меня здесь изнасилуют!

— Надеюсь, ты сохранил чекистско-половую неприкосновенность?

— С трудом. Выпьешь?

— Нет, Серега, не могу. Для меня такие места — табу, есть свои нюансы. Я просто убедился, что ты здесь. Михаил в машине, сейчас приведу его и побегу дальше. Дел еще море.

— Скажите, девушка, у вас ведь есть отдельные кабинки для гостей? — обратился он к подошедшей официантке.

— Есть, но это стоит полторы тысячи гривен.

— Вот и отлично, организуйте, пожалуйста, а я заплачу.

Бородаев отдал девушке деньги, вышел, и через пару минут вернулся в сопровождении Михаила, отстраненно осматривающегося по сторонам.

Сергей поздоровался с Михаилом, Бородаев расплатился за кабинет, попрощался с обоими и быстро ушел.

Они сели в отдельную небольшую комнату, обзор в которую можно было занавесить шторами.

Михаил предложил перейти на «ты». Сергей сначала по инерции «выкал» ему, потому что Михаил однозначно относился к людям, с которыми нужно общаться через «Вы», однако, потихоньку сориентировался и стал говорить с новым знакомым более свободно. Видно было, что ситуация для Михаила нетипичная, но он тоже быстро преодолел барьер, освоился и чувствовал себя вполне комфортно. Видно было, что человек, при довольно зажатых личных качествах, умеет, однако подстраиваться под обстановку, или скорее, подстраивать ее под себя.

Не стесняясь, он заказал выпить триста пятьдесят виски в графин, сырную нарезку, кофе и попросил офици-

антку сделать чуть потише музыку. Почти сразу за ними в комнатку попыталась зайти очередная танцовщица. Михаил попросил подойти администратора.

— А можно сделать так, чтобы нас пока не беспокоили?

— Услуга «перерыв» у нас платная.

— Мы справимся с этим. Сколько?

— Вам на час или безлимитно?

— Безлимитно.

— Тогда три с половиной тысячи.

— Хорошо, держите. За что я плачу их?

— Ну, мы должны скомпенсировать, что девушки танцуют, но не получают чаевые.

— Ладно, тогда мы поговорим здесь, пусть нас не беспокоят. И сделайте чуть тише музыку, я просил официантку, но безуспешно.

— Ясно. Приятного вечера.

Они выпили.

— Ну что, Сергей, как тебе эта вся наша история?

— Непонятно пока. Я так понимаю, завтра мне скажут что-то важное?

— Давай завтрашнего разговора дождемся. Но в целом, ситуация развивается неплохо. Перспективно.

— Нестандартная история конечно с Крымом складывается. Посмотрим, к чему она вырулит. Я не уверен, что политической воли хватит для принятия окончательных решений. Будет еще одно Приднестровье.

— Думаю, не будет, цена вопроса слишком огромная для этого.

— Михаил, я до конца не сложил по происходящему. У меня есть служебная государственная задача, необычная, но интересная. Я как могу, ее выполняю. Честно скажу, я не до конца понимаю всю эту тему вокруг нее. Зачем ты и твои товарищи здесь? К чему эти разговоры про церковь и Бога? У нас очень рациональное руководство. Всякие оккультные представления не должны приниматься во внимание при принятии государственных решений.

— Насколько я знаю, ты в курсе про Депозитарии и настоящую роль Крыма.

— В курсе.

— Ну, мы тоже хотим внести свой вклад в интересы страны.

— Думаешь, государство не справится?

— Извини, конечно, но точно не справится. Если бы не наша работа здесь уже на протяжении определенного времени, то тебя бы с группой и других тоже в Крыму бы не было. Очень уж боязливое у нас государство. Боязливо-рациональное где не надо.

-Ну а вы не так рациональны?

— Мы верующие люди. В вере не может быть рациональности.

— Честно говоря, это одна из причин, почему я общаюсь с вами. Я долгое время был абсолютно рациональным офицером и чиновником. В юности, я, как и многие пытался разобраться с темой Бога для себя. Читал Библию, читал Коран, Бхагавад-гиту, чего только, в общем, не читал. Бродил по нескольким сектам. Запутался, распутался, а потом отложил вопрос Бога в сторону, как не имеющий прикладного значения и занялся карьерой.

Несколько раз я пытался поститься. Не сидеть на диете, и не бродить по церкви, а именно поститься, чистить душу и освобождать от зависимости тела. Но в этот каждый раз, когда мне казалось, что я вот-вот соприкоснусь с чем-то большим и особенным, становилось как-то страшновато, как у животных в ожидании цунами, уж извини за откровенность. Ты же знаешь, что перед волной цунами идут волны различных излучений, которые животные чувствуют и начинают беспокоиться и нервничать. Это чисто физический факт.

— Да, слышал.

— Ну вот. Каждый раз подворачивались какие-то ЧП или важные события, заставляющие прекратить пост. Тогда я опять старался веру задвинуть подальше от обыч-

ной жизни, просто ходил иногда в церковь, но каждый раз ощущал довольно болезненные чувства из-за этого.

— Вот в этом-то и большая проблема нашего общества, что тема Бога перестала быть прикладной.

— Я много думал об этом. Может быть большой ошибкой является навязывание веры и в целом представлений о Боге в детстве? Здесь уже в спор вступают вера и религия. И побеждает религия, прививая определенные культурные ценности, нормы поведения в обществе, память предков, духовные стандарты жизни. Но вера при этом уходит на второй план. Это все нужно конечно, но Бога в этом совсем немного.

Такую ситуацию можно сравнить с чтением книг из обязательной школьной программы. Зачастую насильное их навязывание на годы провоцирует полное неприятие великих классиков. Я некоторые книги, к которым со школьной скамьи испытывал отвращение, перечитываю сейчас, и заново их для себя открываю.

Может и к вере так же надо подходить? Есть такие, кто говорит, я, мол, к двадцати годам уже разочаровался в Боге, в вере. Так, а может, в этом возрасте должны только появиться первые самостоятельные мысли?

Привитие идеи Бога с детства автоматически упрощает Бога до детского его представления Дедом Морозом с подарками для хороших детей и наказанием для плохих. И фиксирует этот стандарт на годы вперед. В итоге человек растет, его сознание усложняется, а образ Бога остается инфантильным. Нигде толком не говорится, что познание Бога должно быть процессом, который усложняется, с возрастом усложняя мировосприятие, сродни образованию. Но нет же. Человеку просто фиксируют статичные аксиомы.

Вот представь, что детские знания об окружающем мире не подвергаются ревизии, не пересматриваются, а лишь являются платформой для накопления других. В итоге получается, мягко говоря, неадекватный персо-

наж. Мне кажется, что с верой у многих мы имеем схожую картинку. Да, есть семинарии, духовные кружки и церковные школы, но их сравнительно немного, они отделены от общественного сознания, довольно интравертны, и там речь идет скорее об учебе профессиональных священников или общении внутреннего круга, о систематизации и увеличении знаний религии, чем об усложнении понимания Бога на уровне общества.

Еще меня, конечно, как и всех, наверное беспокоила ситуация с всякими невзгодами на планете и то, почему Бог это принимает. Понадобилось время, чтобы я разобрался в том, что Богом все решено или нет. Понял, что ничего не решено, потому что свобода выбора — это главный дар человеку. Дар выбора между добром и злом, выбора между всем. Ну а изнанкой этого дара является, конечно же, отсутствие претензий к Богу по поводу того, что мы делаем, и что с нами происходит. Иначе мы просто куклы из кукольного театра, но это уже к протестантам. А что же Бог в таком случае? А что свет? Он светит. Грехи и преступления совершаются и в темноте, и при свете. Просто при свете они более отвратительные.

— Твои размышления сродни «Исповеди» Толстого.

— Спасибо. Проблема в том, что это противоречие веры и религии невозможно как-то системно разрешить. Потому что наступает противоречие духовных интересов личности и вполне прагматичных интересов общества и государства. Ведь государству необходима именно религия, а вот личности — вера.

Потому что созданная как изначально оппозиционная государству вера Нового Завета неизбежно превращается в ветхозаветную религию при ее огосударствлении. То, что отринуло материальное, эксплуатацию, подчинение государственному принуждению ради духовного царства, теперь стало ее столпом.

Ведь что такое христианская государственная религия по логике? Это когда государство до того правильно

устроено и живет по библейским заветам, что религия милостиво соглашается стать его основой.

А у нас религия конечно не государственная, она еще хуже — она при государстве. И в итоге религия носится за государством и уговаривает сохранить себя государственным бюрократическим, по сути, институтом, то есть сделать государственной обслугой. Это естественно неверная, совершенно небиблейская концепция.

В этом смысле религиозная администрация становится сродни коллегии выборщиков в США. То есть, сформирован некий посредник между обществом и государством, который в интересах общества и государства поддерживает общественно-религиозные нормы. Вот только к Богу этот путь уже не ведет. Во всяком случае, не напрямую.

— Сергей, ничего как раз не сформировано. Еле удается наплаву поддерживать авторитет Церкви в условиях массированных попыток ее дискредетировать и обрушить.

— Она тоже поводы дает.

— Не она, а некоторые ее служители. Это не одно и тоже. И этих поводов, честно говоря, гораздо меньше, чем их раздувают. В России сложилась уникальная ситуация, которой не было никогда за всю ее историю. У огромнейшей страны не осталось метафизического уровня управления. Полностью исчез дух власти. Это уникальная ситуация. Всегда были боги, или Царь от Бога, божественная ноша или потом коммунистическая идея. И вдруг не стало ничего. Чистый кабинетный рационализм без духа и стержня, без надстройки. Кабинет наедине с собой. Сухой, пустой и пустотело-рациональный. И кстати, почти невозможный при управлении такой огромной и сложной территорией. Потому и еле тянут это управление, постоянно скрипя и на последнем издыхании.

— Да, но я, откровенно говоря, очень скептически отношусь к идее Милофеева о монархизме. Этот явно попытка вернуться в прошлое, которое давно ушло. Какая может быть монархия?!

— Сергей, я сам не во всем согласен с Костей, но отчего ты так категоричен?

— Да потому что это очевидно. С чего вдруг каким-то персонажам, со своими недостатками, часто еще большими, чем у простых людей, отдавать весь огромный народ, фактически в собственность?

— А сейчас по-другому?

— Сейчас есть хоть какая-то надежда на смену власти, элит, на какие-то механизмы контроля.

— Не надежда, а иллюзия. При нормальном критическом подходе, если проанализировать происходящее, то выяснится, что прав у нынешней власти как у царя, а вот с функционалом не очень.

— Михаил, какой функционал?! Ихнее величество гуляют, ихнее величество пользуют фаворитку?!

— Да нет, конечно. Суть монарха как раз в том, что он является живым символом и стержнем власти. Вне каких-то процессов, вне ошибочных решений власти как таковой. Никто не говорит об абсолютной монархии. Но посмотри на Англию, на Японию, на Швецию и Норвегию, Таиланд и Испанию и многих других. На Ватикан, в конце концов. За исключением Ватикана в остальных монарх — лишь символ, но символ мощнейший, который с огромной надежностью обеспечивает внутреннюю стабилизацию и в обществе, и в системе власти.

— Почему Ватикан?

— Потому что Папа Римский, это по форме государственного правления абсолютный монарх государства Ватикан.

— Он же выборный, а не наследственный.

— А эта одна из форм монархии. У нас советская пропаганда глубоко засадила набор стереотипов о монархии. И мы, бедные, с одной стороны ненавидим нынешнее положение вещей, а с другой, плюем в то, которое нам всей нашей историей и культурой предопределено, и более того, перед нами четверть мира успешных при-

меров этого. Причем многие — те страны, кого принято считать сверхсоврменным и развитыми.

— Ну не знаю. Возможно, ты прав, но как-то не готов я с монархией смириться.

— Ты как-нибудь сам для себя оцени ситуацию. Без шаблонов, а просто по факту. Вот посмотришь, многие вроде бы привычные вещи покажутся не такими однозначными.

— Подумаю, конечно, но пока мне монархия выходом не кажется. Всегда абстрактные рассуждения будут упираться в личность одного человека.

— Не будут при системном сбалансированном подходе. При достаточном авторитете Церкви ее глава вполне может быть провозглашен Государем. Это не значит, что мы хотим именно этого, это лишь пример такого выхода. Пойми, монархия — не выход, но один из шагов к нему. Который сам по себе ничего не решает.

— Блин, ну они такие отвратные, все эти псевдоромановы, эти персонажи из фильма про «Неуловимых мстителей», ну жулье же!

— Романовы, это род, который был. Не факт что должны быть обязательно Романовы. Монархия и Романовы — не одно и тоже, хотя символическая причастность к роду позволяла бы связать прошлое и будущее. Кто должен править, как и на каких принципах, какие предохранители для того нужны — это уже технология, которую вполне можно решить.

— Ну ладно, я подумаю, хотя я же сказал, идея мне все же кажется сомнительной.

— Подумай, Сережа. Что касается властных патологий, то ты же знаешь, что тема недостатков власти, это тема управляемая. Посмотри, как Запад в очередной раз умело использовал свою любимую историю борьбы с коррупцией здесь, в Украине. Сколько люди уже обламывались с этим. Поломаем власть, она коррупционная! Приходила следующая, и суммы и размеры коррупции

всегда растут лишь вверх. Вот посмотришь, какой беспредел будет с «майданщиками».

— Чего мне смотреть, я это знаю хорошо. Честно говоря, я вообще не считаю, что в России коррупция — это главная проблема.

— Нуу, это точно проблема. Да у нас этих разнообразных проблем хватает. Но коррупция слишком уж задевает всех.

— Проблема-проблема, я не спорю, но не главная. Знаешь, Михаил, всю историю России ее власть была коррупционная. Когда кто-то говорит, что при Сталине не было коррупции, я просто смеюсь. Это говорят те, кто явно плохо знает историю вопроса. Коррупция в России — явление системообразующее. И при Петре, и при Екатерине, и при Ленине со Сталиным. Уровень коррупционности именно высшего руководства — это отдельная история, на суть процесса, если честно, хоть и влияющая, но не критически. Представь себе, если убрать коррупционную составляющую из власти Китая, например.

— Там все-таки расстреливают за коррупцию.

— Эти расстрелы — мощный китайский пиар. И для внешней и для внутренней политики. Там как было всегда — не подмажешь не поедешь, так и остаётся. Расстрелы — форма дисциплинирования госаппарата, а не искоренения коррупции. Чтоб не расслаблялись. Я считаю, что главные проблемы России — они системные, связанные именно с системными перекосами, а коррупция — лишь их следствие. Смотри, например. Ты же в Москве живешь?

— Когда не в командировках.

— Тогда систему МФЦ знаешь, Многофункциональных центров. Куда согнали паспортистов, пенсионный фонд, учеты ЖЭКов и много что еще.

— Конечно, знаю. Удобная система.

— Гениальная система! Куча служб, ранее размещающихся в разных зданиях, гоняющих людей по кругу за бумажками, вымогающих взятки, забюрократизи-

рованных, вдруг была сведена в одно окно, с нормой ожидания, в небольших зданиях и с хорошим сервисом. И вдруг неистребимая низовая коррупция паспортистов и прочих оказалась побеждена! Коррупция уходит сама по себе, когда нормально начинает работать система. И пока остаются системные сбои, вопли про борьбу с коррупцией — это ни о чем.

— Я с тобой согласен, еще и потому, что смотрю на ситуацию немного с другой стороны. Знаешь, что такое организационное оружие?

— Нет, хотя термин устрашающий.

— В конце девяностых на одном из заседаний Комитета начальников штабов США на эту тему рассматривался доклад. Суть доклада сводилась к тому, что в условиях трансформации международных отношений, глобализации, информатизации, продвижения гуманистических идей без организационного фактора войны будущего будет выигрывать проблематично. Организационное оружие — это такой комплекс мер, через агентуру, через подконтрольные политические силы, через подконтрольную научно-образовательную среду, когда у вероятного противника на уровнях государственного управления, общественного уклада формируются системы с искусственными, плохо проходимыми и излишними элементами. Когда управленческая команда и ее реализация максимально затормаживаются и искажаются. Одновременно, кстати, у себя эта система должна максимально упрощаться. И тогда ты победишь.

— Вот и я про то же. А у нас некоторые чиновники считают, что такой бардак, наоборот, хорош, что он делает власть более сакральной и непонятной для населения, а потому более устойчивой. С одной стороны, они боятся трансцендентности, а с другой, понимая, что она необходима, имитируют ее через загадки бардака.

— Мозги у них сакральные. Это или враги, или дураки.

— Дураки в основном. Но у нас дураки хуже врагов.

— Да понимаешь, я ведь все-таки чиновник, и вижу систему изнутри. Вопреки стереотипам, заговора злобных чиновников не существует. Нет никакого центра заговора, где собираются бюрократы и думают, как бы побольше украсть и ухудшить жизнь людей. Я тебя уверяю, все наоборот. Мне приходится общаться и с министрами, и с руководителями местных структур, и с некоторыми олигархами кстати тоже, хотя у тебя тут, конечно все козыри.

— Ну, есть немного.

— Так вот. Все ведь стонут. Начиная от министров и заканчивая мелкими клерками. Все жалуются на бардак, на систему, на отсутствие умных и грамотных исполнителей.

Каждое звено искренне хочет улучшений, но все вместе они тянут систему вниз.

Оправдывают наши проблемы отставанием в технологиях от общемировых, низкой производительностью труда и высокой себестоимостью продукции, видят проблему в слишком больших территориях, в плохих климатических условиях России. Таких оправданий и объяснений, удобных и подходящих, очень много. У японцев же с их цунами, землетрясениями и вулканами, у финнов и скандинавов, живущих в холоде, у евреев, построивших Израиль в пустыне, все с климатом в порядке.

Кто лучше, кто хуже, но почти все наши чиновники стараются хорошо или хотя бы нормально выполнять свои обязанности. И возникает важнейший вопрос: так в чем суть патологии власти, если все заняты делом? Ответ на него я тебе дал — в системных провалах.

— Сергей! Так вот ты сам и обосновал то, о чем я тебе говорил про монархию! Нынешняя система абсолютно чуждая нашей стране, и тут действительно дело не столько в людях. Этому чиновничьему мясу не хватает духовного скелета. Ты правильно говоришь, сами чиновники очень страдают от понимания того, что все хреново, но, не зная выхода из этого, уходят в канцелярщину,

формализм и бюрократию, надеясь, что если не они, то кто-то выше по ранжиру знает, что и как. Трагедия в том, что никто не знает.

Потому мы и говорим — нам надо выстроить этот скелет. Вариантов всего два — идеология и Бог. Политическая форма религиозной государственной организации — это именно монархия. После ломки СССР и коммунистической идеи, идеологический вопрос еще долго будет оставаться табу. Об идеологии много говорят, и будут говорить, но никто не готов ввести новую идеологию на еще дымящихся руинах старой. Уж слишком грандиозной была разрушенная. На ее фоне любая новая будет смотреться убого. Вот потому и остается только религия. Без нее России конец. Ну а для религии нужна монархия.

— В общем, круг замкнулся.

— Да, круг замкнулся. У нас сейчас власть технарей, технических исполнителей. В чем ее идея?

— Я тебе Михаил скажу, в чем. В том, что нужно поэтапно совершенствовать государственные механизмы, что постепенно и последовательно улучшит, и упорядочит жизнь страны.

— Сережа, это же чушь! В Древнем Риме, в Германии, да много где еще по сравнению с нашими были почти идеальные государственные механизмы, что не спасло в итоге государства от падения. А мы не то, что хотим не упасть, мы же как-бы хотим взлететь! Попытка взлететь на самолете, где есть двигатель, которым является государственная бюрократия, но без крыльев, то есть без идеи.

— Забавная аналогия, двигатель без крыльев.

— Это про нас аналогия. Эта власть генерирует только технических исполнителей, деревянных бюрократов.

— Саша, любая система заинтересована именно в таких.

— Я с тобой согласен, но покрышкой такой системы и разнуровневыми опорниками должны быть креативные слои, которых у нас нет. Да и откуда она может появиться в чисто чиновничьем государстве?

Даже самые идейные и духовные темы чиновники сводят к технологическим компиляциям, просто потому, что сами не верят в дух, не понимают и боятся его.

Оттого они и уверены в ненужности духа, в его вредности. Они считают это играми расшатанного разума несистемных и недисциплинированных болтунов, сами не понимая, насколько они далеки от сущности народа, которым им приходится управлять. Не понимают неустойчивости, перекошенности России без этого самого духа. Вот и складывают из кубиков с буквами «ж», «о», «п», «а» слово «счастье» и никак не могут понять, почему у них не получается.

— Ну а как монархия и укрепление религиозной идеологии это улучшит?

— Да понятно как. Через формирование новой пассионарной аристократии. Не олигархата, а именно аристократии со своей структурой подчиненности, с новой кровью, с точками входа в нее, напрямую связанной с властью и являющейся ее неотъемлемой частью.

— В чем же разница?

— В том, что олигархи служат себе, не чувствия настоящей связи с государством, а аристократия служит монархии и стране.

— Ну да. У нас олигархи и им подобные воруют не потому, что хотят обокрасть население. У них есть четкое понимание, что эти деньги в любом случае людям не попадут, поэтому они воруют не у народа, а друг у друга. Ну, в их представлении.

В это время в общем зале раздался какой-то шум, Сергей приподнялся со своего места и отодвинул шторку, чтобы посмотреть, что происходит. Охранник и один из гостей выводили второго, из тех, что пришли одновременно с Михаилом. Судя по всему, товарищ не рассчитал дозу, и алкоголь довел до коматоза. Это длилось минуты три, после чего стало тихо. Почти сразу выключилась музыка, у шеста больше никто не крутился.

— Не умеют у нас люди вовремя остановиться на пьянке.

— Для многих на этот мир сложно долго смотреть в трезвом состоянии, хотя конечно хорошего тут мало, — ответил Михаил и они, чокнувшись стаканами, выпили.

— Я вообще заметил, что никогда так не осуждаешь алкоголизм как во время выпивания. Как-то особенно ярко понимаешь, насколько не правы те, кто бухают. За что можно лишний раз и выпить!

— Дело в том, что в условиях отсутствия духа и идеи, и внутреннего отчаянья людей, подсознательно ощущающих эту пустоту, желание выпить превращается в форму духовного сублимирования, когда желание выпить заменяет собой тоску по Богу.

— Уф, надо заканчивать. Вот так мы и ходим по кругу. Не можем найти самих себя, не можем понять систему взаимоотношений с внешним миром.

— Запад боится Россию.

— Запад не боится нас. Запад боится того, кем мы можем стать, и станем рано или поздно. Если бы у Запада была уверенность в том, что мы останемся в своем нынешнем состоянии, то это бы их никак не напрягало. Все их напряжения по поводу будущего, а нее нынешнего.

— А ты, Михаил, чего ждешь от будущего?

— Честно говоря, войны. Не столько жду, сколько понимаю ее неизбежность. Я не знаю точно, с кем мы будет воевать, но то, что по факту это будет война между нами и нашими противниками по тематике Большого Суда, в этом я не сомневаюсь. Может в Польше, может в Прибалтике, может опять в Приднестровье или здесь в Украине, но это будет.

— Да как они будут с нами воевать? У них даже армии нет.

— Сергей, армия — это технология. Накачают хохлов идеологически, расскажут им, что они не в Евросоюзе без западных зарплат из-за России, поиграются на соб-

ственнических чувствах из-за Крыма и все будет. Это очень управляемая технология.

— Мы — ядерная держава. Никто связываться не будет.

— По ядерной тематике тебе кое-что еще предстоит узнать, я не хочу бежать впереди паровоза.

— Ты про Нобелевский Комитет? Мне известна ситуация.

— Тебе не все известно, но давай чуть подождем. А что касается того, что не будут связываться? Большой ядерной войны не будет. Но ты знаешь, что, например, на Западе успешно разработана система так называемых «бункербастеров» — «ядерных рюкзаков», маленьких тактических ядерных зарядов для локальных ударов. Их ничем ракетным не нужно доставлять и последствия для экологии не критические. Вот их точно применят. Так что воевать будем современными техническими средствами.

— Да ну, хотеть войну… Я не готов так. Твои близкие могут погибнуть, это большая трагедия для всех.

— Сережа, ни одно большое историческое событие, ни одно противоборство не обходилось без силы. Ты знаешь такое, можешь пример привести? Когда вопросы становления государства и борьбы за свои права обходились без силы? Без войны или ее последствий?

— Надо подумать… Не напрямую конечно, но финны, скандинавы. Швейцария опять же.

— Перестань, ты же прекрасно понимаешь, что события с ними были отражением второй мировой, противостояния НАТО и Варшавского Договора. Да и не те размеры и цена вопроса, что у нас. К сожалению, интересы человека и государства практически всегда не совпадают. Пустыми являются рассуждения о возможности сделать большую политику без насилия.

В жизни мужчине много дано,
Богом женщины, чертом вино,
Но женщин желанней, хмельней вина
Есть для мужчин война.

— Это кто? На Киплинга похоже.

— Почти. Без войны не обойтись. Даже при победе на новом Суде, хотя это, конечно, резко снизит жертвы. По сути, это сейчас две главные цели. Обеспечить победу в Суде, а потом вырвать свое, с применением силы, если потребуется, а, скорее всего, потребуется. После получения Крыма и до 2021-го года, до Суда нас ждет нарастающая волна борьбы России и всего остального мира, и пока новый Суд не пройдет, то на фоне все усиливающегося давления на нас, причем все более яростным, если Запад поймет, что у нас есть реальные шансы на перезагрузку системы.

— Суровое у тебя представление о предназначении.

— Оно не суровое, оно вполне мужское.

— Думаешь, в этом смысл жизни?

— А в чем он для мужчины может быть еще? Да и в целом концепция поиска смысла жизни мне представляется неверной. Мне кажется этот смысл не может быть познан в принципе, потому что он не находится, а создается. Самим человеком и создается. При таком подходе поиск пути к Богу — это самый чистый, естественный и гармоничный как раз рукотворного создания, в смысле сделанного выбора, того самого смысла жизни.

— Это у тебя такой волевой, волюнтаристский подход.

— В моем доме прошу не выражаться!

— В смысле?

— Это из «Кавказской пленницы», пошутить хотел. Извини, продолжай.

— Да что тут продолжать. Понимаешь, Михаил. Я себя считаю православным, хоть, конечно, не выполняю обряды, как и многие. Но дело в том, что я сам для себя понимаю под этим? Если проанализировать, то скорее речь будет идти об обязательствах перед дедами и родителями, о связи со своей культурой. Веры в бога именно в формате какой-то отличительной конфессии, которую я выбрал не потому, что она у русских, а потому, что она правильна в моих духовных искания, здесь немного.

— Так ведь достаточно того, что ты принимаешь веру отцов, гармонично находясь с ними в культурно-исторической связи.

— Вот именно что культурно-исторической. Вряд ли Христос апеллировал культурно-историческими связями в своих проповедях. Ты уж прости меня, но, сколько на свете религий, объединенных словом «христианство». Плюс смыкающихся с христианством, где используются библейские Заветы или их части, типа Талмуда, где пророком признается Христос как в Исламе. И сколько их было за две тысячи лет, из тех, что ушли в никуда или затаились малыми и странными сектами.

Да и вообще, насколько неузнаваемо изменилось содержание от изначальных образов и посланий того, что принято называть мировыми религиями. Вообще, насколько противоречиво христианство, постоянно стремящееся, с одной стороны, к подстраиванию и адаптации к уже сложившимся нормам принимающих народов, и с другой, жесткому догматизму после этого принятия, с другой. Одна ветвь христианства зачастую ненавидит другую намного сильнее, чем просто другие религии. Но ведь это братская ненависть Каина к Авелю, суть которой в банальной борьбе с конкурентами.

В теме внутрихристианских конфликтов мы имеем обычный конкурентный рынок. Осталось лишь выяснить, что в нем деньги, что товар, как в нем действуют законы Риккардо и Адама Смита. Можно ли считать эти разные пути путями к одному богу, или создавая новую религию, под нее появляется свой бог? Но где же та вселенная, в которой богов больше чем один и вселенных в которой больше чем одна? Или человеки каждый ходит со своим богом в голове, а снаружи они сливаются с единым общим потоком? И зачем нужны все сложные религиозные ритуалы? Если это наилучший и наиболее правильный путь к богу, тогда в них огромный смысл. Но если, что представляется более справедливым, они нужны для придерживания не-

коей скорее административной, а потом уже религиозной системы, то при чем тут бог?

И вообще, где та всеохватывающая любовь, что и есть Бог, что изливалась из христианства своих единым светом, не светом для избранных, но всеобщим чистым светом, а не дозированными мутными пучками, мерцающими по воле явно не являющихся божественным стандартом личностей, присвоивших себе право определять, что истинно, а что ложно.

— Ого, Сережа! Ты явно оказался в нужном месте в нужное время. Жаль, что раньше не встретились. Ты, наверное, в курсе, что твои рассуждения не оригинальны.

— Сам говоришь, всему свое время и место. В курсе, конечно. В курсе, что за них в прошлом кучу народу сожгли или еще как-то по-другому прикончили. В хорошее время живем, могу вот рассуждать об этом без угрозы убийства. Чего-то меня уже нести стало, выпили неплохо. Да и время уже, начало четвертого. Думаю, нужно по домам.

— Согласен, тем более завтра, или уже сегодня увидимся.

Они расплатились, вышли на улицу и разошлись.

4.

На следующий день, в двадцать ноль ему позвонил Александр, и они договорились о месте встречи. Далее по уже знакомому маршруту прибыли в известный дом, где его встретил только Георгий Александрович.

В этот раз неразговорчивый вчера хозяин дома был намного более общительным. Уединившись в одном из рабочих кабинетов, Михаил стал излагать дальнейшую картину.

Из разговора Сергей узнал духовную версию происходящих вокруг него и с его участием процессов, а также информацию об обществе, с которым он столкнулся.

Изначально Корпус не являлся ни структурой, ни организацией. Это было обычное собрание искренне ве-

рующих православных, в основном, среднего класса, которые озаботились не вполне удовлетворяющими их исканиями Бога в рамках официальной Церкви. Обычная история. Таких было и будет много. Встречи, разговоры, споры, молитвы. Балансирование на грани ереси и при этом, понимание недопустимости сделать хоть один неправильный шаг. Вполне традиционная «кочетковщина» в рамках современной РПЦ.

Шаг был сделан, как часто бывает случайно. Случайно ли? По меркам человеческой логики — да.

В их обществе оказался физик. И физик оказался талантливым. Его тяготила определенная стереотипная коллизия между наукой и традиционной церковью, но интуитивно он понимал условность и человечность приводимых сторонами доводов. Он также искренне молился, как и решал формулы и задачи.

Однажды он заболел. Мы называем его Он, так как в дальнейшем было сделано все, чтобы лишить индивидуальности то, что произошло в дальнейшем. Он умирал. Онкология. Лейкемия. Умирал долго и болезненно. До последнего вздоха молясь. И одновременно, не будучи способен избавиться от своей мирской страсти, решая формулы и тренируя свой острый талантливый ум. В это время состояние болезни то возвращало его в сознание, то, колыхаясь как буек на морских волнах, погружая то глубже, то мельче в беспамятство, бред и пограничные состояния.

В один из дней дежурная медсестра взяла его кровь на очередную пробу. Каково же было изумление, когда выяснилось, что его первая положительная сменилась на вторую положительную! Антитела в пробе резко уменьшились. Происходящее категорически не соответствовало взглядам традиционной науки. Через несколько дней вторая группа стала третьей, потом третья группа стала четвертой, и постепенно болезнь ушла.

Разбираясь в произошедшем невероятном событии, шаг за шагом, секунда за секундой восстанавливалось

все, что могло повлиять на такой невероятный итог. Открытие дверей, погода, влажность, естественно лечение, и многое другое. Слова, мысли, действия.

Итог обескуражил всех. Исключая один за другим варианты, в итоге получили последний. Вариант молитвы и… формулы. Давший поэтапное изменение групп крови. Что в итоге привело к полному излечению. Выздоровление сопровождалось мощным внутренним преображением, ощущением силы и чистоты.

Излеченный дал короткие пояснения, оставил некие наставления и пропал. С тех пор больше его никто не видел.

Но он был гений. Или пророк. Принесший в мир именно то, для чего и был предназначен. Последнюю ступень к Богу.

Для всех ищущих, путь оказался разделён неизбежными этапами, завершающимися финальным познанием.

Их оказалось немного, но они были. Не было цели создавать очередную масонскую ложу, розенкрейцерский или тамплиерский орден и прочие гуманистические мистерии, абсолютно выродившиеся сейчас в клубы по интересам, так как не было необходимости создавать организацию, борющуюся за власть или умы.

Организация оставалась лишь хрустальной драгоценностью, часть которой каждый посвященный нес в себе. Для этой ценности не нужен был весь мир. Та часть мира, которой нужна была она, искала, и в редких случаях находила ее сама.

Форейторы познавали догму церковных знаний и квантовую механику с определёнными извлечениями из физики и математики. Тиуны проходили сложную ступень конвергенции физики, математики и молитвы.

Вершиной и финалом пути был факторум Евхаристии. Это деление распространялось на духовные, то есть главные поиски. Но вскользь существовала и гражданская иерархия членов и помощников Корпуса.

В ходе изложения Георгий Александрович особо подчеркнул, что **концепция создания Корпуса строго**

следовала правилу о том, что у Православной Церкви есть Таинства, но нет тайн. И именно поэтому в отличие от обрядов церкви (освящения воды, погребения умерших и тому подобное), которые имеют «земное» или традиционное происхождение, таинство установлено непосредственно Христом.

«Мы помним, что нашим главой является не некие руководители Корпуса, не какие-то земные лидеры, а Господь Бог и Святой Патриарх Православной Церкви, мы никак не ограничиваем информацию о нашей деятельности на исповеди, и поэтому мы неотделимы от Церкви и не претендуем на самостоятельную организацию вне Святого Духа».

Поэтому Корпус — не тайная организация, но организация таинства. Его члены — причащенные, так как причастие — одно из таинств. Евхаристия и есть причастие, одно из двух, введенное не апостольскими посланиями, а непосредственно Христом. **Соответственно, исходя из концепции таинства, являющегося действием, при котором христианину видимым образом сообщается невидимая благодать Бога, и деятельность Корпуса направлена на получение этой благодати. Остальное — лишь сопровождение этого процесса.**

Священник рассказывал о структуре совершенно свободно, не пытаясь напускать туману псевдомистических лож и орденов. Становилось очевидным, что глубина процессов явно поглощает попытку мистификации внешней формы.

Глава 3. Who is Mr.Stalin

1.

Разговор шел третий час и был продолжением многих предыдущих. Его участники грелись у камина, пили крымское вино и обменивались мнениями.

— Некоторые упрекают меня в излишней жестокости к собственному народу. Однако те, кто об этом говорит, не понимают важнейших и при этом простых вещей. Типота зэн гинетэ хорис этия, — Сталин знал и любил древнегреческий. — Ничто не происходит без причины, и об этом нельзя забывать, — тон советского вождя был неторопливым, а густой низкий голос весьма убедительным.

— Зверь, однажды попробовавший человеческого мяса, до смерти будет людоедом.

Наш народ тоже пришлось лечить от людоедства. Лечить тяжелыми методами, как хирург отсекает больную ткань, чтобы спасти здоровую.

Россия конечно всегда воевала. Иногда бывали и смуты. Но в том беда, что после Революции произошли коренные переломы в сознании не отдельных людей, а всех сразу. Люди научились убивать не только врага-иностранца. Они массово истребляли собственных братьев, начальников, соседей, близких. Это происходило на фоне ломки главной душевной струны — веры в Бога. Неожиданно не осталось ничего, что могло бы сдерживать людей. И не каких-то отдельных, а весь огромный народ огромной страны. Люди убивали не только физически. Они поняли, что убить можно все. Убить соседа. Убить брата. Убить сына. А еще можно убить Бога, власть, все, что вчера было важным. Миллионы людей убивали на протяжении большого промежутка времени, начиная с 1905-го года, потом случилась Мировая война, давшая внешнего врага, а уже потом всех окончательно накрыл внутренний грех братоубийства. Хотя весь этот период был длительной деструктивной фазой, набирающей обороты со времени отмены крепостного права.

Символом России является медведь. Это сильный и мощный зверь, благородный и умный. Он может быть добродушным, а может показать всесокрушающую ярость. Но бывают в природе бурые медведи, которые по разным причинам нарушили законы своей жизни и во-

время не впали в спячку. И тогда они начинают бродить в поисках еды, но подкожного жира у них всегда недостаточно. Их называют медведи-шатуны. Это самое страшное существо, которое может встретиться в лесу.

Такой медведь пребывает на грани смерти и жизни, из-за отсутствия жира ему всегда холодно, еды не хватает. Он испытывает сильнейшие страдания и уничтожает все, что встретится ему на пути. Все органы чувств его максимально обострены, что лишь повышает испытываемые страдания. Он едва держится на лапах, его шатает из стороны в сторону, потому и такое название. Обычно таких медведей в лесах немного, один-два, но в сильные неурожайные годы их количество может стать массовым. Они опасны и для себя и для окружающих. Частой причиной появления шатуна бывают большие, до десяти сантиметров в длину черви-паразиты, мешающие накопить жир и заснуть. При встрече с человеком эти медведи снимают своими огромными лапами скальп, распарывают живот и просто обгладывают мясо с часто еще живых людей. Если они встречают берлогу со спящим медведем, то способны развороти ть и ее и съесть сородича. Как вылечить этого зверя? Единственный способ — побыстрее убить его.

В тело медведя-России проникли паразиты, лишившие мишку естественного жира и превратившие в шатуна. Ну а я стараюсь спасти зверя, но и не допустить дальнейшего шатания.

Я ведь сам долгое время верил в идеи коммунизма, и, во многом, верю и сейчас. Кстати, обращаю внимание на слово «вера». Потому что коммунизм — это светлая мечта. Не могу сказать, что сейчас я перестал быть коммунистом. Но я увидел на практике, какие из идей работают, а какие нет. А те, что работают, работают часто не так, как казалось в теории. Поэтому я продолжаю быть коммунистом, но коммунистом-практиком. В этом, я считаю, есть серьезное отличие между теми, кто коммунизм лишь представлял в фантазиях.

Но, по мнению некоторых, коммунизм построится завтра, а разрушать, не создавая взамен, можно прямо сейчас. И ничего тебе за это не будет. Так считали те, кто пытался внедрить коммунизм по чистой теории. Это те, кого у нас принято называть ленинцами. Попытки найти компромисс, направить энергию на созидание в большинстве случаев оказались бесполезными. Они хотели только уничтожать и убивать. Жажда разрушения была главной их движущей силой.

Когда нас упрекают во внутреннем терроре, то не понимают, что мы, там, где это можно точечно, а если не получалось, то действительно удаляя больную ткань, лечили свою страну от вируса самоуничтожения. Те, кто нас упрекают, должны были бы сказать нам огромное спасибо.

Ведь мы на себя приняли то, что должно была принять Европа. Напомнить Вам содержание работ Маркса и Энгельса? Напомнить, где должна была произойти революция? Правильно, в Германии! Потом разойтись по всей Европе и лишь затем прийти к России, которую они так презирали и ненавидели. Мы приняли на себя главный удар!

Да, меня можно обвинить в том, что я тоже стоял во главе этого движения. Это так. Но я смог остановиться, сделать выводы, извлечь уроки и начать исправлять ошибки. И упрекать меня за это я считаю полнейшим лицемерием. Значительная масса из тех, кто преследовал и тех, кого преследовали, были частью проблемы. Нам приходилось лишь придавать вектор этим процессам, указывая направлением туда, где болезнь, в основном, сама жрала себя, хотя понятно, что расходящимися волнами доставалось и другим. Слишком многие хотели крови. Вряд ли Вы способны умозрительно вообразить степень закаленной кровавой массовости. Это инфицирование даже не было связано с коммунистической идеологией, а с тем, кто, как и какими методами и в каких условиях она реализовывалась. Только не подумайте, что я каюсь. Я лишь констатирую сложившийся порядок вещей.

— Иосиф, спасибо, что разъяснили мне свою позицию. Но с точки зрения наших ценностей своей коммунистической агрессивной идеологией вы уничтожаете сами основы нормального общественного устройства. Я в первую очередь имею ввиду частную собственность. Потому что идеи социализма не вызывают таких опасений как посягательство на главное, что формирует привычный уклад жизни. Свой родной дом. Свой достаток. Наследство для потомков. Честно своими силами и умом заработанный доход, позволяющий жить достойно, и так как решил ты сам, а не кто-то за тебя.

— Франклин, да помните же, зачем на самом деле мы хотели это сделать изначально! Ведь это была попытка освободить людей от материального бремени. Да, это был эксперимент. Эксперимент по созданию целого народа без связи с тем, что отвлекает от развития духа к земным страстям, если хотите, созданию целого большого народа монахов. Монахов в смысле людей, отказавшихся от земного ради идеи, ради самоочищения, стремления к новому этапу развития! Наверное, Вы не воспримите сразу то, что я сейчас скажу. Но давайте отбросим терминологию и уйдем от словесных форм. Разве не того же хочет церковь? Разве не к отказу от мирского ради Бога она призывает? Разве не о тленности материального учит Библия? Разве церковные обряды не направлены именно на это? На освобождение зависимости духа от собственности, от зависимости от вещей? Не этому ли учил Христос? Не собственность ли является препятствием на пути к Богу?

Я ни в чем не пытаюсь Вас убедить. Лишь объясняю суть наших устремлений. Мы не хотели заниматься людоедством. В отличие и от немцев и преследуемого ими иудейского народа мы не выделяли каких-то особенных людей, группы. Мы хотели сделать мир лучше и справедливее. И сейчас этого хотим. Из разговоров с Вами я понял, что этого желаете и Вы. Я был впечатлен теми неординар-

ными мерами, которые Вы, господин Президент, предприняли для решения экономического кризиса в США. И как мне показалось, во многом из того, что делалось, были в конечном итоге цели более справедливого общественного устройства, к чему стремится и Советский Союз.

— Где-то вы правы, Иосиф. Меня заботит сейчас нарастающее противоречие между нашим западным миром и Союзом с Вашими сторонниками. Вместо того чтобы сделать выводы и развиваться, мы можем похоронить себя и погрузить наш мир в Средневековье. Мы просто обязаны сделать все, чтобы остановить это. Другого нам не простят ни потомки, ни наши народы.

2.

Сталин выбирал расселение гостей с расчетом. Благодаря тому, что Рузвельт жил в Ливадийском дворце, где проходили официальные встречи Конференции, больному американскому лидеру никуда не нужно было ездить. Но так как Черчиллю в Ливадию из Воронцовского дворца нужно было проехать не менее пятнадцати километров, то Сталин, живший значительно ближе, мог позволить себе организовывать общение с Рузвельтом по удобному для себя графику и всегда загодя иметь доклад о приближении Черчилля.

Этой возможностью вождь пользовался сполна.

Возникшие в Тегеране доверительные отношения следовало развивать и укреплять.

— Господин Президент, где вы родились?

— В своем родовом имении, Гайдн-Парк. Это на Гудзоне.

— Насколько я знаю, Гайдн-Парк переводится как «тайное место»?

— Да, господин Сталин.

— Не кажется ли Вам, что и нам нужно найти тайное место, которое должно стать залогом наших договоренностей?

Рузвельту льстило отношение Сталина. Ему было известно высказывание советского вождя, где тот публично заявил, что «несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт — самая сильная фигура», указывая на его лидерские и деловые качества. Для Сталина положительное отношение к Рузвельту изначально было обусловлено и тем, что именно под его руководством состоялось дипломатическое признание Советского Союза со стороны США в 1933 году. Важное значение имел также миллиардный кредит по ленд-лизу, полученный в начале войны. И это при том, что у Рузвельта и Гитлера были общие друзья, симпатизировавшие фюреру! И Яльмар Хорас Грили Шахт и Эрнст Ханфштенгль горячо убеждали его в необходимости поддержки Германии, или, хотя бы, сохранении нейтралитета. Но он сделал свой выбор.

Хорошо помнил Сталин и позицию Рузвельта в Тегеране, когда он пресек попытки Черчилля уклониться от открытия второго фронта. Вообще Рузвельт, конечно, хоть и использовал в общении со своим народом пацифистскую риторику, стремился к войне. Главным его противником изначально была Япония с Тихоокеанским театром военных действий. Но так как Япония имела союз с Германией и Италией, то общий враг, конечно же, объединял Америку с Россией. С учетом того, что еще в тридцатых годах армия США была лишь семнадцатой в мире по численности, и уступала даже тем же японцам, то на фоне с трудом выходящей из Великой депрессии страны позиция Рузвельта была крайне смелой. Американский Конгресс вообще был склонен в то время к самоизоляционизму, помня о потерях ста тысяч своих солдат в Первой мировой, поэтому Сталин сполна оценивал поддержку американского Президента.

Предложение, которое профессионалы контрразведки называли бы вербовочным, Сталин сделал неожиданно, и так выбрав момент, как это мог лишь советский вождь.

Доверительное общение началось в Тегеране, а продолжилось в Ялте. Услышав на одной из личных встреч Конференции слова советского лидера о необходимости действовать сообща, постепенно объединяя усилия двух стран, Рузвельт искренне рассмеялся.

— Мы два полюса, север и юг. Нам никогда не сойтись, и если бы не Гитлер, мы бы возможно уже воевали!

Вот тогда Сталин заговорил так, как никогда до этого. Даже его речь вдруг изменилась. Слова звучали как-то по-особенному глубоко и напористо. Несмотря на то, что американец не понимал русских слов, он почувствовал разительное изменение интонаций.

Переводчик, который всегда был при Сталине, аккуратно переводил. Но голос переводчика вдруг тоже изменился и, несмотря на разницу тембров, стал неотличимым от того, за кем он повторял.

— Судьба наших народов решается не потом, а сейчас. Нас объединили огромные лишения и самая страшная в истории война. Конечно же, ан о крокодилос эфаге тон эхтро су, афто дэн симэни пос эгинэ ке. Если крокодил съел твоего врага, это не значит, что он стал твоим другом, — перевел он сказанное. — Но дело в том, что есть предел, за которым действительно теряются придуманные несовершенным человеческим разумом различия.

Я уверен, что мы способны пройти этот этап, и находимся совсем рядом. Наш жизненный путь привел нас к тому, чтобы отвечать за эти решения. Но перед тем как решать чужие судьбы, нужно разобраться с сущностью того, с чем мы имеем дело. Потому что совокупность людей всегда больше чем простая сумма. Однако, говорить о нашей разнице можно лишь определив отсутствие принципиального сходства. Так в чем же она, эта разница? Физическая? Нет. Географическая? Несомненно, она есть. В различных населенных пунктах нужно привыкать даже к питьевой воде. Но в наших больших странах это происходит и внутри. Переезд из Тифлиса в Хабаровск

дает тот же результат. Так что граница страны проходит совсем не по географии. Ученные, называющие себя геополитиками придумывают сложные теории. Однако речь не об упражнениях разума, а о сущности человека. Так в чем же она? Мы, коммунисты, не сомневаемся в том, что мы изменим не столько мир вокруг, сколько самих себя, вследствие чего изменится и мир. И тогда планета станет справедливее и лучше. Вы, капиталисты и масоны, верите в душу и Бога, в Царствие Небесное, и тоже стремитесь улучшить суть человека. Не я первый говорю о сходстве наших идей, если отбросить словесную шелуху.

Здесь Сталин задумался и молчал больше минуты.

— Но я знаю, как найти между ними взаимопонимание. Калитэра арга пара потэ. Вы помните наши беседы в Тегеране. Разговоры о Боге и нашей сущности. Уйдем от ярлыков и подойдем к сути. Вы прекрасно понимаете, что мне, как коммунисту, особенно на фоне позиции партии, просто взять в руки Библию, а тем более молиться, намного сложнее, чем Вам делать шаги на встречу.

— Я понимаю.

— Прекрасно. Ну а если понимаете, то давайте найдем дорогу, которая приведет нас к общей цели.

3.

Он долго шел к пониманию особости своего состояния. Но и после осознания он не воспринял свою личность болезненной. Просто особенность характера. Никогда одна часть его сущности, узнавая то, что делала другая, не пыталась вступить в противодействие или соучастие второй. Сформировалась мертвая зона, не подлежащая самокритике, оценке или вмешательству. Постепенно, шаг за шагом, он приучил себя к тому, что так и должно быть. Это было абсолютное принятие каждой стороной того, что делает противная.

Он никогда не пытался анализировать, правильно ли поступал тогда, когда был в одном или другом состоя-

нии. Правильно. У него не было имени для каждой из своих личностей. Этот не был этим, а тот не был тем. Но несмотря такой компромисс, они стали абсолютно разными. Две ветви одного корня жили самостоятельно. Система ценностей каждого представлялась совершенно индивидуальной, а разница взглядов не являлась перепадами настроений. Нет, это были два довольно чужих друг другу человека, живущих в одной голове и вынужденно занимающихся одними и теми же проблемами.

Остальной мир стал воспринимать противоречия, ставшие результатом расслоения в принятии государственных решений, особой глубиной его гения.

Это, однако же, сильно помогло на его пути к Богу. Путь этот был непростым. Изначально он ненавидел все, что связано с верой. Но постепенно стал понимать, что значительная часть его божественного неприятия пропитана не теологическими изысканиями, а ненавистью к своему детству и семье. Играло роль противоречивое восприятие матери, которая, пытаясь хоть как-то восполнить жестокость отца, избивавшего маленького Иосифа иногда просто ради забавы, изнемогала на трудной работе, зарабатывая ему на учебу сначала в Горийском православном училище, а затем в Тифлисской духовной семинарии. Злость на страдания матери трансформировалась в ненависть к предмету этих усилий. Однако новое понимание и стремление были отличительной частью уже новой личности. Первый профиль продолжал относиться к Богу со скептическим рациональным недоверием.

Шаг за шагом он очищал свою веру от идеологических штампов и детских травм. На этом пути особенно помогала музыка. И чем тверже становилась его вера, тем более индивидуальным формировался новый профиль новой личности, который, однако же, сосуществовал со старым, почти не меняя его.

Музыка стала стержнем его второго «я». Еще в Тифлисской семинарии он, отличаясь прекрасным голо-

сом, пел в церковном хоре. Пожалуй, его музыкальные упражнения были лучшим, что он помнил о семинарии. Тогда музыка и вера разошлись, но сейчас они постепенно объединялись в гармоничный сосуд новой личности. Уже став всесильным, он полюбит организовывать домашние концерты. Наиболее близкие, вроде Ворошилова, знали это и демонстрировали на них свои музыкальные таланты.

Особую страсть вызывала опера. Вождь посещал спектакли, увлеченно перевоспитывал композиторов, погружаясь не в логику, а в трансцендентную силу музыки. В этом потоке досталось Шостаковичу, который, однако же, позже будет им провозглашен лучшим композитором СССР. Он прекрасно знал, что если бы не придавил лентяя, то никогда бы не услышал впоследствии его невероятной Пятой симфонии.

Причудливым образом музыка вела к Богу.

Хотя изначально его поддержка церкви носила вполне рациональный характер. Еще в 1923-м году, не будучи пока полновластным хозяином страны, он издал известное циркулярное письмо №30 «*Об отношении к религиозным организациям*», где запрещал закрытие церквей «*по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации*», а также за неуплату налогов, аресты «*религиозного характера*», если они не имеют связи с контрреволюционными деяниями. В циркуляре были предостережения от гонений на верующих, поскольку «*гонения только укрепляют религиозные предрассудки*».

В дальнейшем, еще не пройдя по пути веры, на фоне общей партийной атеистической агрессивности, он все же, несмотря на тогдашние настроения, был довольно терпим к религии. Более того, парадоксальным образом некоторые его жесткие решения в отношении церкви он принял, уже возродив в себе веру к Богу, в то время как будучи атеистом, от них воздерживался. В таких случаях он ощущал то, что сам является как-бы библейским бо-

жественным испытанием и орудием. Тогда он не противился, был жесток, несправедлив и беспощаден.

В то же время к служителям церкви он относился настороженно, как к циничным выхолощенным бюрократам в рясах, ожидая, однако же, неких знаков того, что его понимают. Его метания заставляли вести деятельный и любопытствующий поиск, наиболее экспериментальными неудачами которого стали Вольф Мессинг и Георгий Гурджиев.

В страшном напряжении войны он даже решился сам сделать первый шаг. Облет Москвы с иконой Казанской Божьей Матери был беспрецедентным призывом. Возможно, это помогло в борьбе с врагом, но сам он тогда ничего не ощутил.

Такой знак он впервые почувствовал только в 1943-м, во время встречи с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. На той важной встрече они приняли решение об избрании Патриарха РПЦ, руководстве духовных учебных заведений и формировании структуры при советском Правительстве для взаимодействия с церковью.

…Сначала разговор не ладился, и он не хотел помогать очередным церковным попрошайкам.

Но в какой-то момент Сергий подошел к нему и положил руку на запястье, прямо глядя в глаза. Церковник в это время что-то говорил. Что-то про преследование духовенства, про освобождение ссыльных священников, про прописку и про увеличение числа приходов. Говорил долго, и он что-то ему отвечал. Кажется, соглашался с просьбами. Но важнее было то ощущение, когда он пережил это кружащее голову и дающее ощущение завершенности мира и всех без исключения своих желаний, надежд и опасений чувство. Ощущение сопричастности не к чему-то пусть и особому, но отдельному, а к свету, пронзающему все в мире. Этот свет шел не от Сергия. Но он почувствовал, что митрополит сполна является его частью.

Одна из его личностей продолжала ненавидеть церковь, но даже при ее доминировании иногда удавалось опосредованно регулировать принимаемые ею судьбоносные решения, не нарушая негласного баланса между ними.

Одним из самых ярких таких случаев стал позже прием грузинского Католикоса митрополита Геворга. Национальное грузинское землячество вытеснялось детской неприязнью к семинарии, и он был сух, строг и неразговорчив. Однако в какой-то момент, затянувшись папиросой из пачки «Герцеговины Флор» (иногда он любил не кромсать папиросу для набивки трубки, а просто затянуться), он вдруг засмотрелся на скачущего за окном весеннего воробья. Долгая пауза длилась минуты три, после чего вождь подошел к столу, на котором лежало только что полученное обращение по поводу возвращения церкви зданий, имущества, реликвий, открытий для церкви банковского счета и разрешении выезда делегаций за границу. Он собирался оставить письмо и впоследствии отказать, так как дерзкая просьба была слишком всеобъемлющей с далеко идущими последствиями. Вместо этого быстро подошел, оперся одной рукой на столешницу во вторую взял ручку, не садясь, написал резолюцию «Согласен» и сухо сказал: «Вы свободны».

С того времени он стал молиться регулярно. Первоначально для этого выбрал маленькую церквушку в Кремле недалеко от большого дворца, мимо которой проходил по дороге в кинозал. Потом начал исповедоваться. Он долго искал того, кому мог бы довериться, и в этом поиске провел множество разговоров с церковниками. Но ничего похожего на то, что он ощутил при беседе с Сергием, долго не было. Пока к нему на прием не попал митрополит Николай, в миру Ярушевич. С этого момента он обрел понимающего наставника на своем сложном пути к Богу.

Но о главном человеке в своем духовном росте вождь так никогда и не узнал. Он предчувствовал его, ощущал

мощную духовную связь, но так и не смог понять, кто же делит с ним свет.

4.

Отражатель

Один из величайших русских композиторов, обладатель шести Сталинских премий, Сергей Прокофьев умер через 40 минут после смерти Сталина с тем же, что и вождь, диагнозом — кровоизлияние в мозг. Предпосылок для смерти Прокофьева не было, смерть стала внезапной для близких.

Насколько же уникальна была история Прокофьева для интеллигенции тех лет! Он умудрился прожить в Париже с 1918-го по 1936-й годы, не числясь при этом эмигрантом и сохраняя полнейшую связь с Союзом. Уехал он абсолютно легально, с полного разрешения властей. В то же время он регулярно с концертами бывал в СССР. Ему нравилась свобода капиталистического мира, но и коммунистической идее он искренне симпатизировал. Как ему казалось, он вернулся тогда, когда понял, что может потерять популярность в СССР. И тогда приехал навсегда.

Когда появилась их связь? На этот вопрос не существует ответа. Может быть наглая прокофьевская «Здравница» 1939-го года с верноподданическими “Сталину слава, отцу всех народов!” накликала эту связь, или нет здесь совсем никакой логики.

Но как музыка втиснула в Сталина Бога, также здесь было что-то, что вытеснило православие из Прокофьева. Возможно, сработал третий закон Ньютона, а, возможно, их Бог не мог быть слишком единым, или светильник, рассеивая свет, должен был стать другим, а может в выбранной организации, несмотря на ересь, было свое божественное звено?

Итогом такому процессу стал переход Прокофьева и его жены Лины в секту «Христианская наука», где они почувствовали физическое исцеление своим недугам. Но

с другой стороны, именно благодаря влиянию «Науки» у Прокофьева вызрело окончательное решение вернуться в СССР.

5.

— Знаете, Уинстон. Я ценю помощь Великобритании в начале войны, потому что все наши аналитики уверены, что если бы Вы в сороковом не победили на выборах, помощи от США мы бы не дождались. Но…

— Перестаньте, Фрэнк. Кстати, как дела у Элеоноры?

В комнату вбежала Энн.

— Дочь, выйди, мы закончим разговор, — недовольно сказал Рузвельт. Он, как и Черчилль, приехал в Ялту с дочерью.

— Как дела? Вы же знаете ее, все борется за права женщин. Помните ведь, как она зубоскалила во время наших совместных обедов.

— О да! — засмеялся Черчилль. — Эти вечные рассуждения о том, что наши жизни не стоят ничего по сравнению с общечеловеческой справедливостью.

— Да, Уинстон. Вы всегда будете для нее империалистом.

— Наверное. Но я искренне благодарен ей за то, что помогла решить конфликт между нашими военнослужащими два года назад. Она гениальный дипломат.

Глава 4. Сцепка

Раздел 1. Миры Элеоноры

1.

Элеонора давно смирилась с увлечениями Фрэнка. Даже с нашумевшей историей главой измены его жизни с ее собственной секретаршей Люси Мерсье Рутерфорд, которую общество обсуждало долго и с удовольствием. И тот позорный случай, когда Франклин взял Люси

в яхтенный круиз по реке Потомак. Факт регистрации ее мужа и Люси в одном из мотелей в качестве мужа и жены благодаря журналистам стал широко известным.

Потом еще одна его секретарша, Мисси Леханд попыталась стать ее заменой. Практикуя главное правило хороших отношений — внимательно слушать и не перебивать, она стала для Франклина незаменимым спутником в поездках. Как выяснится потом, он даже упомянул ее в своем завещании.

Были и многие другие. Но Первой Леди была лишь она — Элеонора Рузвельт. Компенсируя сложные личные отношения, она целиком отдалась политике, став предметом обожания, восхищения и гордости для многих.

Все равно более близкого человека, чем она, у Фрэнка никогда не будет. Тем более что они, как иногда она, ему смеясь, напоминала не только супруги, но еще и кузены.

Когда ей сделали ПРЕДЛОЖЕНИЕ, она не поняла, что от нее хотят. Потом, вникнув, осознала, что имеет дело с каким-то безумным культом. Но ей раз за разом сообщали факты, предвидеть которые логикой было невозможно. И они происходили. Ее предупреждали и об изменах мужа, и о многочисленных мелких заговорах против нее, и о событиях мирового масштаба. А когда ей было плохо, то помогали так, как не смог бы больше никто. Тогда она поверила. А поверив, всей душой отдалась невероятной и мощной идее строительства нового мира.

Тем более что откровение ей принесла именно та, кто и должен был это сделать. Ее настоящая, чистая любовь. Любовь, которую она пронесла сквозь годы и невзгоды. Лорена Хикок стала главной страстью Элеоноры (такую модель отношений, при которой неверный муж — Президент — сопровождается популярной и активной женой-политиком, имеющей лесбийскую страсть, через много лет воспроизведет другая президентская семья Клинтонов).

«… 'je t'aime and je t'adore',» — писала Элеонора.

«Иногда я так скучаю по тебе, что испытываю физическую боль», — отвечала Лорена.

Этих писем было написано более двух с половиной тысяч, но ни одно из них не передавало глубины имеющейся между ними связи.

И когда Лорена сказала: Делай так! Верь в это! она поверила и делала.

Именно эта вера и самоотдача позволит ей достичь в дальнейшем в их деле практически вершины, которую потом зафиксирует назначенный ею президентом Гарри Трумэн, публично провозгласивший ее ПЕРВОЙ ЛЕДИ МИРА.

Когда встал вопрос о необходимости Жертвы, она не сомневалась ни на минуту. Франклин, несомненно, поддержал бы ее, если был бы допущен. Но, естественно, муж слишком долго был у власти, чтобы осознать не только свое право брать, но и обязанность жертвовать сообразно праву. Тем более что он слишком серьезно относился к своему масонству. Он был посвящён в масоны еще в 1911-м году в Нью-Йорке (ложа № 8 «Голландия»). Достиг там 32-й степени Шотландского Устава и был представителем Великой ложи штата Джорджия при Великой ложе Нью-Йорка. Свои обязанности в Братстве он выполнял почти безукоризненно, не понимая, насколько выродилось это когда-то великое общество.

Они же были следующим этапом эволюции, оставляя далеко за спиной такие отжившие движения как масонство, взяв только лучшее.

И тогда она приняла на себя эту ношу.

Позитивная позиция Рузвельта в отношении СССР больше не могла быть терпимой. На грядущей Потсдамской конференции, к которой Рузвельт так активно готовился, вполне вероятным было дальнейшее сближение СССР и США. Тем более что в Ялте были заложены прочные основания к этому. Франклин явно стал боготворить Сталина. Наступление же Великого Суда стано-

вилось рубежом, за которым либо появлялся ИХ мир, либо рушилось все.

К сожалению, все пошло не так, как планировалось.

2.

9 апреля.

Яд сработал не так, как ожидалось.

На ужин, приготовленный Элеонорой, были приглашены помощники Фрэнка Гарри Гопкинс и Билл Хассет. Они оба были в контуре замысла. Их присутствие должно было подбодрить Элеонору и создать необходимый информационный фон трагичности и одновременно, повседневности произошедшего. В прихожей ждал майор Генри Моргентау, который присматривал за прислугой. Лорена оставила свою комнату в Белом Доме, откуда Фрэнк периодически пытался ее выгнать, и предусмотрительно проводила время вдали от любимой.

Она разлила куриный бульон и подала булочки. Рузвельт взял коричневую, остальные разобрали белые. Так и предполагалось, Элеонора слишком хорошо знала вкусы своего супруга. Яд должен был подействовать мгновенно, потому что такая ситуация позволяла говорить обо всех признаках кровоизлияния в мозг.

Помолились, и, перебросившись застольными словами, приступили к еде.

Спустя несколько минут Франклин напрягся. Замер. Если бы не ставший следствием давно перенесенного полиомиелита паралич, он, вероятно, вскочил бы. Уши и макушка головы стали пунцовыми. Обмяк. Волны судороги заметно пробежали по телу.

— Что с тобой? — спросила она совершенно ровным голосом, подавлял ощущение бешено колотящегося сердца где-то под горлом.

Гарри и Билл тоже встали.

— Господин Президент, Вам плохо?

Он молчал, плотно сжав губы и жадно втягивая воздух напряжёнными ноздрями.

— Что?! Воды? Врача?! — засуетился Гарри.

Фрэнк вдруг струной вытянулся на стуле и тут же сел прямо, плотно прижавшись напряженной спиной к спинке стула, окаменевший, как железный твердый знак.

Глаза закатились, обнажив два ужасных белых яйца в глазницах. На губах выступила пена, а тело вновь забилось мелкой дрожью.

— Ттт отравввилаа меняяя, — просипел он сквозь сжатые зубы, не размыкая губ, — ввффыы мммняяяя. Знаааюю…

Танец смерти длился минут десять. Гарри сделал несколько коротких семенящих шагов взад-вперед. Билл, как и она, напряженно сидел на стуле. Однако постепенно движения Президента становились все более уверенными, несмотря на струйки крови, которые текли из носа. Бессвязные звуки стали сменяться редкими, но внятными словами. Стало очевидно, что яд не подействовал или подействовал недостаточно.

Ее подельники застыли, молча смотря на Фрэнка. Это конец!

И тогда она поняла, что как обычно бывает, все в свои руки должна взять женщина. Именно об этом она говорила в своих еженедельных пресс-конференциях и многочисленных выступлениях.

На ватных ногах, которые вдруг, оказалось, несложно ставить твердо и ровно, она подошла к Биллу, достала у него из-за пояса торчавший револьвер, и, подойдя к Фрэнку со спины, приставила оружие к дергающемуся затылку.

Мгновение и выстрел разорвал эту тишину безумия.

Когда-то она отказалась иметь личную охрану, и Служба безопасности уговорила ее поучиться стрельбе на полигоне ФБР. Успехи не впечатляли. Как доложил директор ФБР Эдгар Гувер Рузвельту, «Если и есть в Америке кто-либо, кому противопоказано носить оружие, так это ваша супруга. Она не может попасть даже в ворота

сарая». Позже один из охранников Фрэнка Эрл Миллер, с которым она закрутила короткий роман, безуспешно попытавшись убедить себя, что в сексе ей нравятся не только женщины, все же научил ее стрелять.

Ну что ж. Этот выстрел никто не посмеет назвать неудачным. Разве мы не наблюдаем классическое кровоизлияние в мозг?! Позвольте, как нет?! Вот мозг, видите сколько его. И здесь на столе, и вот на моем платье, и у вас, господин помощник на лацкане и в волосах. Ну и крови, мягко говоря, достаточно. С излиянием все отлично.

3.

Организация хорошо осознавала свою ответственность перед ней. Еще несколько дней труп Рузвельта хранился в специальном холодильнике глубокой заморозки Белого Дома. Официально смерть объявили произошедшей 12-го апреля. Местом смерти выбрали Уорм-Спрингс. Сделано было так, что будто бы в момент смерти рядом была не она. Когда ее спросили, «Так, кто же для общества будет значиться проводившим Президента в последний путь?», — она ответила: «Люси Мессер!» Для нее самой было придумано алиби в виде поездки в магазин.

К Люсси сама Лорена приставит свою бывшую любовницу, художницу Елизавету Шуматову, которая в дальнейшем станет поддерживать официальную версию смерти, утверждая, что Президент умер, когда она писала с него портрет. Предусмотрительная Лорена задолго до произошедшего поручила сблизиться Шуматовой с Люси, и пронырливая дочь русского генерала с удовольствием выполнила это поручение, направляя безвольную, но амбициозную секретаршу.

Алиби было проработано тщательно. Для полнейшей достоверности и формирования доказательной базы в историю бы введен даже некий фотограф с русскими корнями по фамилии Роббинс, который сделал несколько постановочных фотографий. Русские корни Роббинса

и Шуматовой были необходимы, чтобы проложить русский след в случае разоблачения.

Что двигало ей тогда? Возможно запоздалая жалость перед ушедшим партнером, который так был привязан к своей многолетней страсти. Возможно и последняя злая месть перед своей бывшей помощницей и соперницей. Ведь в случае обнаружения яда в организме и смертельного ранения виновным почти наверняка будет заявлен тот, кто в последние минуты был рядом. В общем, ее желание было исполнено.

4.

…Диагноз в виде кровоизлияния в мозг как сначала показалось, позволял объяснить смерть, тем более что он изначально и планировался.

Однако возникли серьезные проблемы с захоронением. Два лучших косметолога долго и безуспешно пытались создать хоть что-то, похожее на лицо президента. Не получалась и попытка имитировать удар о камин или другой твердый предмет во время приступа. Развороченная выстрелом половина лица была слишком очевидна.

Решили хоронить в закрытом гробу. Также пришлось официально отказать во вскрытии тела, из-за чего даже возник конфликт с министром юстиции.

И вот тут пришлось поизвиваться. Не помог даже огромный общественный авторитет Элеоноры. Сделанное ею впопыхах заявление о том, что закрытый гроб является данью семейным традициям, сразу же высмеяли, вспомнив, что тело матери президента Сары выставлялось для прощания. Более того, не удалось скрыть и завещание Франклина, где он указывал после смерти тоже поместить свое тело для прощания в Капитолии.

Пришлось даже пойти на беспрецедентные меры, и приставить вооруженную охрану, которая имела приказ стрелять в любого, кто захочет открыть гроб. Место захоронения также пришлось долгое время охранять.

Вот здесь понадобилась помощь друзей. Контроль над средствами массовой информации и лавинообразный рост ее популярности смогли перебить внимание к странным похоронам одного из величайших американских Президентов, хотя осадок, все же, остался, но он уже не имел никакого значения.

5.

— ….Так что, Сергей, женский фактор в этой истории сложно переоценить.

— А кто такая эта Нэнси Астор? Извините, но мне ее имя ничего не говорит.

— О, это колоритная дама! Англичанка американского происхождения, она оставила большой след и в публичном, и в непубличном мирах. Она в 1919-м году стала первой в истории женщиной — членом английского Парламента.

Именно она являлась одной из глав организации, давшей второе дыхание одряхлевшей западной идеологии, неспособной ничего противопоставить новым своим идеям советского коммунизма и немецко-итальянского фашизма. Кстати, почему не говорит? Как минимум, гостиницу «Астория» Вы знаете.

— Она в честь нее названа?

— Она названа в честь семьи Астор, являющейся владельцем сети гостиниц, магазинов, газет и много другого. Вообще, Нэнси была американкой, но переехав в Англию, благодаря своим пробивным способностям, сметливому и острому уму, неженской проницательности и естественно связям сумела пробиться на самый верх. Дама, по отзывам, была неприятная, довольно злобная, но активная, обладающая своеобразной и мощной отрицательной харизмой.

Нам во всех деталях не известно, откуда изначально возникли идеи, которые в дальнейшем сформировали основу нового западного мистицизма, но есть несколько

вполне обоснованных предположений. Первое — Нэнси, как и ее муж, были горячими сторонниками очень причудливой секты под названием «Христианская наука», которая проповедует идеи особого диалога с Богом и использования Библии для решения всех без исключения проблем.

В этой секте изначально провозглашается изощренный взгляд на мироустройство, а одна из ее главных книг называется «Будьте хитры как змии». Эдакая форма библейского Макиавелли. Одним из самых известных сторонников «Христианской науки» в СССР станет великий композитор Сергей Прокофьев.

Однако «Христианской науки» им оказалось мало. Тяга к участию в политической жизни Великобритании требовала присутствия в главном тайном мистическом течении, родиной которого Королевство и являлось. Я, конечно, говорю о масонстве.

И вот здесь Нэнси постигло жестокое разочарование. Как известно, женщины не могут быть приняты в ложи. Сейчас, конечно, развелось огромное количество псевдомасонских организаций, в которые вступают в том числе, и женщины, а в некоторых — только женщины. Это и Великие Женские ложи Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, Испании, «Орден Восточной Звезды», «Пурпурный орден», «Белый храм Иерусалима», «Дочери Нила». В Англии тоже их хватает, и чисто женских, типа «Достопочтенного Братства Древних Масонов», и Ордена Женщин Масонов и смешанных наподобие Великой масонской ложи для мужчин и женщин. Но это все новоделы и симулякры, которые как раз и появились благодаря следствию стараний Нэнси и ее окружения.

Классическое же масонство — изначально всегда мужское. Во Франции, правда, практиковалось так называемые адолтивные ложи, где женщины могли принимать участие в ритуалах, но чопорные англичане в то время на такую вольность смотрели с презрением. Главная же ложа Британии, самая древняя в мире, являющаяся куз-

ницей кадров и клубом для интересов английской аристократии, я имею в виду «Объединенную великую ложу Англии», была для Нэнси и других женщин закрыта.

Родоначальники семейства Астор жили в германском герцогстве Баден, и, по некоторым данным, преследовались Инквизицией по обвинению в колдовстве. Так что цепь времен сомкнулась. Более того, есть обоснованная версия наших историков о том, что изначально предки Астор носили фамилию Асторга, что является итальянской версией имени древневосточной богини Ашторнет, или в греческом варианте Астарта. Позже семейство Асторов было известно, как одно из ведущих колдовских кланов Гейдельберга.

Более того, вполне серьезно рассматривалась библейская интерпретация мифа о том, что богиня Асират являлась древнееврейской женой ветхозаветного Яхве. Насколько нам известно, на одном из аукционов ими за совершенно бешеные деньги даже были выкуплены найденные в Аджруд и Кирбет эль Ком древние угаритские статуэтки, на которых имелась надпись «Яхве и его Асират». Наследницей Асират и считала себя и своих последовательниц леди Астор. Такая самоидентификация, как они считали, позволяла им определять свое место в качестве наследниц Божьей Матери, что, по их мнению, автоматически подразумевало старшинство и в земных делах.

Поэтому некоторые уверены, что новый западный культ, это, как всегда, хорошо забытое старое, и мы имеем дело с возрождением древнего культа в новой цивилизационной упаковке. Естественно, что Нэнси стала Астор по мужу, однако именно ее склонность впитывать чужие тайны, в том числе и круга, в который она вошла, здесь пришлись как никогда кстати.

Кроме того, достоверно известно, что род Асторов был идейным центром движения розенкрейцеров. Кстати у розенкрейцеров, как и у нашего Корпуса одной из центральных тем присутствовала кровь, но в своем, извращенном, внецерковном понимании.

Их символом был пеликан, а некоторые их так и называли «рыцари пеликана». Существовал миф о том, что пеликан кормит своих детей собственной кровью. В жизни пеликаны питают птенцов рыбой, при этом те глубоко засовывают свои длинные клювы родителю в зоб, вот и было навеяно предположение, что на самом деле они потребляют отцовскую кровь.

У розенкрейцеров мифология про пеликана пошла дальше, и они уже утверждали, что мать часто острыми когтями убивает птенцов, а возвращающийся через три дня охоты отец разрывает себе клювом грудь и оживляет их собственной кровью.

Как видите, явная аналогия с тематикой христианского воскрешения, но в искаженном виде. Пеликан у них стал символом Спасителя, воскрешающего человечество своей кровью.

Как я уже сказал, Асторы были выходцами из Германии, где, собственно, и зародилось движение розенкрейцеров, основанное Христианом Розенкрейцером. Как утверждают сами его последователи, оно базируется на древних эзотерических истинах, обеспечивающих понимание мира и природы человека. В 1907-м году они опубликовали свой Манифест, где провозгласили «всемирную реформацию человечества».

И вот тут мы опять видим отсылку уже к нашему времени с идеей социального преобразования человечества. На каком-то этапе они переплелись с протестантами и лютеранами. Если говорить о том, масоны ли они, то да, но частично и лишь некоторые из ответвлений, и чаще шотландского обряда.

Вот розенкрейцеры в наибольшей степени и были пропитаны мистицизмом и каббалистическими веяниями. Так что Астор к началу своей активной деятельности уже имела мощные корни многосотлетнего мистицизма и тайных орденских и клубных связей.

С учетом семейной склонности рода Астор к мистицизму, все это в совокупности, наслоенное на огромные ам-

биции Нэнси привело к тому, что вооруженная знаниями «Христианской науки», заряженная возмущенной энергией по причине неравноправия женщин, Нэнси принялась создавать свой маленький сектантский кружок.

Решающей мощи ему добавит то, что в позже им удалось вовлечь в него скучающих от безделья дам семейства Ротшильдов и еще нескольких заметных банкирских семей.

В этих финансовых империях было не принято участие дам в деловых вопросах, особенно у Ротшильдов, где запрет на участие женщин в бизнесе установил еще основатель династии Майер Амшель. Поколение за поколением амбициозные и энергичные породистые самки скучали в роскоши и безделье. Естественно, раз нельзя заниматься бизнесом, то придется увлечься чем-то не менее интересным. Детище Астор стало для них отдушиной. Ну, и, наверное, нет нужды рассказывать, как дамы при желании исподволь могут влиять на своих мужчин. В дальнейшем именно эта женская семейная площадка станет полем примирения кланов Ротшильдов и Рокфеллеров.

Хотя путь вовлечения мужчин в этот женский мирок был непростым. Богатые еврейские банкиры знали грань, за которой заканчиваются женские капризы и начинается мир больших денег и реальной власти.

Перелом произошел благодаря увлекшейся идеями Нэнси Элеоноре Рузвельт.

У ее мужа, Президента США, имелся особый советник по экономике. Советником Президента этот человек стал еще при Вудро Вильсоне. Президенты менялись, а советник нет. Звали его Бернард Барух и был он представителем одного из самых могущественных еврейских банковских кланов. В отличие от Ротшильдов и Рокфеллеров, Барухи сумели сохранить свою непубличность и одновременно гигантское влияние. Они являлись безусловными авторитетами, а часто и арбитражными судьями для остальных династий и выступали в роли старшего товарища.

Именно Бернард Барух оказал решающее влияние на Вудро Вильсона, благодаря чему был ликвидирован Государственный банк США и создана Федеральная Резервная Система из негосударственных банков, которая позволила перевести всю кредитно-денежную структуру США под контроль частной банковской элиты.

Бернард был чрезвычайно умен, энергичен, хитер и проницателен, отличался совершенно звериной финансовой хваткой, но при этом, как и значительная часть небольшого по сравнению с остальными семействами клана Барухов вообще склонялся к экзальтированному еврейскому мистицизму. В идеях Астор и Элеоноры он увидел пророчество нового божественного откровения, так созвучного его собственным представлениям. Это была обновленная кальвиннистическая модель западной богоизбранности в новых условиях. Он взялся всячески помогать в продвижении этих идей в элиту. Когда он начинал работать с Вильсоном, его товарищ Эдуард Хауз, великий политический манипулятор, который, несмотря на отсутствие армейского опыта, вскоре станет известен всему миру как «полковник Хауз» оказал решающее влияние на революционные события в России. У Хауза были пророческие представления о перспективах страны, но его усилиям не хватало стержня. И вот теперь Бернард ощущал его в новых идеях Астор. Жаль, что Эдуард умер. Он был прекрасным и нежным партнером.

Кстати, именно Барух, этот особенный человек, первым в мире в 1947-м году употребил термин «Холодная война», как элемент нового мирового переустройства. Именно Барух стал полномочным представителем США в ООН по вопросам ядерного разоружения, и именно он являлся автором предложенного США в ООН официального плана ядерного разоружения, известного как «План Баруха».

Этот план был компиляций секретных ялтинских договоренностей, но вместо Нобелевского комитета Управляющим Центром должны были стать США, как

тогда казалось, являющиеся безусловными лидерами в атомной тематике, через подконтрольное Агентство по атомным разработкам. Комитет тогда еще не представлялся столь прозападным центром и делались мощные попытки по переформатированию ситуации.

Дамы же изначально старались держаться неприметно, и в дальнейшем единственным исключением их круга и организации стала Полин де Ротшильд, вышедшая на всеобщее обозрение. Но это было уже в пятидесятые. Сначала это были просто досужие рассуждения о религии и политике, но постепенно они становились все глубже и глубже. И если вначале это был поиск доводов о том, что Бог — не «Он», а «Она», или, как минимум «Оно», называемое ветхозаветным именем Эль-Шаддай, то с течением времени они все глубже погружались в чистый мистицизм.

Им нравилось ощущать себя, как они сами говорили, «патрицианками», объединенными недоступными другим знаниями. Они с презрением относились к модным тогда массовым движениям за женские права «суфражисток» с их «Бунтом женщин» во главе с Маргарэт Сэнгер и Эммелин Панкхерст и другими представителями «истерической черни», однако финансировали их для трансформации массового общественного мнения. По месту сбора в поместье Астор они называли себя «Клайвденский кружок».

Этот кружок стал мистико-политическим. Немного позже, в числе прочих, в нем оказалась подружка Нэнси Элеонора Рузвельт, когда-то воспитанная в Англии, где она училась, и вот эти две энергичные дамы уже покоряют одну часть англоязычного мира, одна — первую, вторая — вторую. Затем они его объединят.

Кружок недолго будет оставаться чисто девичьим и вот, ощутив власть и силу, к нему потянулись мужчины. Накопленного влияния хватит, чтобы сломать даже такого твердолобого циника, как Черчилль. Уже отправленный в отставку бывший премьер, под грузом решений Великого Суда, угрозы коммунизма, банкирских

договоренностей, и доводов старого товарища Бернарда Баруха, с которым он будет неразлучен до смерти, прогнется и произнесет свою самую известную, Фултонскую речь, где призовет к объединению англоязычного мира. Это станет символом нового мирового переустройства, на пути которого стоял лишь СССР. Тогда у них появится и мужской рупор их Нового завета, хотя к тому времени с ними был уже Гувер, а мужья банкирш постепенно принимали новые правила игры, так что мужчин в организации волне хватало.

И да, Нэнси не любила СССР. Приехав в Союз в 31-м году вместе с Бернардом Шоу и встретившись со Сталиным, в отличие от Шоу она сохранила о поездке самые плохие впечатления, несмотря на то, что в Ленинграде жила в гостинице «Астория», названной в честь ее рода. А может быть, наоборот, в том числе и поэтому. Ее впечатления позволили ей стать одной из агитаторов Гитлера в английском парламенте, а также лоббистом поддержки Рейха в банковских кругах.

По сути, стараниями леди Астор удалось добиться того, чтобы Великобритания стала страной победившего женского управления. Мы, в смысле мир, вообще благодаря их деятельности сейчас находимся в стадии смены парадигмы от патриархата к если не чистому матриархату, то явно чему-то другому. И речь не только о таких ярких примерах, как Тэтчер или Елизавета Вторая. Просто вся британская империя сейчас сформирована по принципам, провозглашенным неутомимой Нэнси, и она тянет за собой остальных.

Рядом с ними были гомосексуалисты. Английская аристократия всегда имела склонность к однополым отношениям. История Англии — это и весьма непростая история великих английских геев, от Ричарда Львиное Сердце до короля Георга Пятого и многих-многих других. Будучи искренне уверенными в своей особости, исключительности и превосходстве, они, естественно, стали транслировать

свои представления в мир, делая это все более массированно с увеличением влияния и возможностей.

Ну а что касается марксистских веяний, то и тут Астор отличилась. Ненавидя всем сердцем СССР, она была уверена, что врага можно побить его же оружием. На этой почве она сблизилась с лейбористским депутатом Эллен Уилкинсон, начинавшей карьеру в рядах британской компартии и прозванной «красная Эллен». Впоследствии социалистка тоже вошла в круг «клайвденцских патрицианок», притянув туда же своего чудаковатого, но явно талантливого приятеля по имени Эрик Хобсбаум. В тот момент молодой австрийский еврей переехал в Англию, успел поработать кинооператором, попутешествовать, вступить в Коммунистическую партию и написать несколько довольно фундаментальных научных работ по контролю над рабочим движением и его сущности. Спустя годы Эрик станет одним из самых маститых специалистов по «левой» идее, напишет выдающиеся работы «Эпоха капитала» и «Век империй», исследует связь революций и религии и умрет в возрасте 95-ти лет в 2012-м году.

Как я уже сказал, постепенно кружок насыщался новыми идеями, становился все более могущественным, а его членами уже были известные и влиятельные мужчины, хотя в руководстве всегда присутствовали, а часто и доминировали женщины наподобие Мадлен Олбрайт.

— Как же такое снобное и экзальтированное общество вдруг проникло идеями точного исчисления Бога? Мне кажется, такая среда далека от науки.

— Это, конечно же, не так. Во-первых, женщины в целом склонны к математике, которая, судя по всему, была прямой производной из древних оккультных практик и последующего воздействия Каббалы.

Ну а во-вторых, решающее влияние на более точные и расчетливо-научные теологические взгляды этого нового международного сообщества оказал Алфред Джулс

Айер. Это очень известный, и даже выдающийся английский философ и математик.

Официально он стал одним из отцов нового философского направления, которое сейчас называют неопозитивизмом, и который, в свою очередь, является частью «аналитической философии».

Если коротко, то смысл идей сводится к холодному рациональному расчету и математически выверенной оценке окружающего мира, анализу, синтезу событий, планированию и прогнозированию. Математическими инструментами достигались результаты, превышающие какие-то там божественные откровения. Были сформулированы идеи бессмысленности, как атеизма, так и религиозности, наметив новый, «Третий» путь западного мировосприятия.

Кстати, фраза одного из теоретиков логического позитивизма Людвига Витгенштейна стала впоследствии одним из лозунгов «цифровиков»: «Язык есть граница мышления». Соответственно именно англоязычная общность и формируется как общность духовного и ценностного единства. Поэтому, кстати, современная Европа и ее сателлиты так активно учат английский.

— Так много разговоров про язык. Неужели Вы правда думаете, что язык имеет такое большое значение в геополитике?

— Естественно. Или Вы считаете, что Русский мир возможен без русского языка? Так же и новый мир «цифровиков» невозможен без английского.

— Ну да, не зря в постсоветских странах учат английский. Тоже хотят стать частью нового мира.

— На самом деле ничего подобного. Частью нового мира они точно не будут. Дело в том, что и там, и там язык английский, но цивилизационная функция у процесса разная.

Я, например, убежден, что в этом есть свой образный ряд. Многие малые народы и страны полноценными ци-

вилизациями естественно, не являются. Они сформированы и столетиями жили под присмотром старшего брата, а на самом деле, хозяина. Им это привычно и нормально, а без хозяина плохо и неуютно. Но чтобы раб понимал хозяина, он, естественно, должен знать его язык. Ведь те, о ком Вы говорите, не просто учат английский язык, но яростно борются с русским. Делают они это в знак символического отказа от старого хозяина. Это библейское петрово тройное отречение.

Все эти нью-русоненавистники как бы кричат новому хозяину: «Смотри, сахиб! Я не знаю, что мне говорят эти русские, я не их часть, я их есть непонимайт! Я понимать только тебя, мой ласковый сахиб! Положи пятку на мою ничтожную голову». Поэтому здесь функция языка совершенно иная.

— Может, Вы и правы. Тогда язык действительно имеет значение, которое нельзя переоценить.

— Это так. Но вернемся к Айеру. До 1932-го года он был активным членом так называемого «Венского кружка», который впоследствии тоже войдет в состав «Клайвденцев».

Это крайне примечательная научно-политическая организация сейчас в ВУЗах изучается как часть чисто теоретической истории философии. Но это не совсем так. Формально она действительно считалась сугубо научно-исследовательской, но на деле стала одним из центров политического влияния в Австрии и даже в значительной степени ее тайным Правительством. Следствием закулисной борьбы в 1936-м году явилось убийство ее руководителя Морица Шлика, совершение которого списали на одного из аспирантов. Это в итоге создало условия для успешной оккупации Австрии Германией в 1938-м. Именно в «Венском кружке» были разработаны принципы математических расчётов влияния на политическую жизнь и общественное мнение.

И вот его активист Айер в итоге стал тем системообразующим «философским камнем», который оконча-

тельно сформирует устойчивость новой западной идеологической конструкции. Он позволил самым уважаемым участникам нового движения чувствовать серьезность не только мистических подходов, но и их вполне научную обоснованность. Айер был авторитетен и как ученый, и как солидный представитель уважаемого семейства.

Его мать, Рейне Ситроен, представляла известное голландское семейство, владеющее одноименной французской автомобильной компанией, а отец был топ-менеджером одного из банков, принадлежащих Ротшильдам. Таким образом, банкиры могли убедиться в том, что через своих выходцев они хоть в какой-то степени контролируют ситуацию. Это успокаивало.

Раздел 2. Миф о масонах и других марксистах

1.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...
А. Блок

— Послушайте, Вы можете мне прояснить мутную историю с масонством? О нем многие говорят как о мировом заговоре, но я ведь хорошо знаю всю эту масонскую лабуду. Это просто перебродившее вино прошлого, которое уже никого не пьянит. Есть явные признаки настоящих модераторов глобальных процессов, и у меня нет никаких оснований считать, что это масоны.

— Как же Вы определяете признаки?

— О методологии можно поговорить отдельно, но мне, например, нравится известный афоризм Вольтера: «Чтобы узнать, кто властвует над вами, просто выясните, кого вам не позволено критиковать». Вот как раз с критикой масонов проблем ни у кого не возникает.

— Я слышал, Вы занимались этой темой в своей организации?

— Я ей занимался еще на службе в госбезопасности и имел возможность ознакомиться с довольно объективными и фундаментальными материалами на сей счет. Если хотите, вкратце могу изложить мою точку зрения.

— С удовольствием послушал бы. В ответ обещаю рассказать свое видение.

— Ну, вот и отлично. Так вот, считается, что есть некая история довольно старого мистического общества масонов, которая берет свое начало в Англии в средние века с Орденов тамплиеров и розенкрейцеров, и развивается, завоевывая внимание и интерес масс и элитарных групп. Постепенно идеи организации начинают влиять на передовые политические процессы, что приводит к различным ситуациям, зачастую, довольно глобального уровня, а сами Ордена борются за мировую власть. Последовательную историю масонства Вы можете прочитать в любом специализированном источнике.

На самом деле это полная ерунда. Со всей ответственностью заявляю Вам, что Орден тамплиеров, средневековые масоны и современные тайные общества никак между собой не связаны. Это один из современных мифов, с такой любовью воспринятый конспирологами и общественностью. Причем миф о своей связи с тамплиерами, в первую очередь, пропагандировали сами масоны. Поверьте мне, тамплиеры сильно удивились бы такой связи. Это так же далеко от истины, как и прямая связь масонов с культами Древнего Египта. Просто масонская байка. Собственно вся их идеология и состоит из баек.

Что касается современных масонов, то они утеряли свое реальное политическое влияние примерно после Второй Мировой Войны и до сих пор популярны исключительно как чудаковатая дань традициям и клубы по интересам для элиты или философов-мистиков. Ни на что они уже не влияют.

Это, знаете ли, разновидность реконструкторов. Есть переростки, испытывающие сильный дискомфорт от серости и банальности своей ничем не примечательной жизни. Вот они и начинают впадать в детство, бегая с деревянными мечами и пластиковыми латами и радуя окружающих тем, как взрослые мясистые дядьки и тетеньки по стандарту пятилетних детей вываливаются из действительности. Такой синдром хорошо описали Стругацкие у «меценатов» в «Хищных вещах века».

Вот масонство, по моему мнению, это элитарная разновидность подобного реконструкторства, с налетом денег, порока и мистики, в стиле оргий в масках из фильма «С широко закрытыми глазами». Много пафосного антуража и полунамеков на отсутствующее на самом деле тайное содержание. Но большинству и не нужно этого содержания. Достаточно переливающихся плащей, масок, непонятных слов и особых жестов.

Знаете, я, когда был ребенком, лет, наверное, в семь-восемь со своим другом договорился, что мы как будто знаем никому больше не известный язык. И в присутствии других детей я ему говорил что-то вроде «Шмызл гаалсека мерзвокстьель парааах». А он мне отвечал что-то в этом же стиле, например, «Кара пара меркован ступер вэк вэк мирюка». И мы уходили таинственные и довольные под уважительные взгляды сверстников. В этой игре самым главным было сделать вид, что ты понимаешь те особые слова, которые говорит товарищ. Создать иллюзию коммуникации.

В ситуации с масонами я вижу абсолютно такую же историю. Собираются либо инфантилы, либо люди, уставшие от имманентности власти и богатства, и придумывают свои птичьи правила, чтобы хоть как-то заполнить свою внутреннюю пустоту. Вот и все. Остальной мир, как наши сверстники когда-то в детстве, глядя на это со стороны, уважительно кивает и думает, что за этим явно что-то есть.

Да, в мире есть обособленные тайные клубы, но считать их классическими масонскими довольно сложно. Так что нечего натягивать сову на глобус, было три этапа, тамплиерский, чисто масонский и современный, но никакой реальной преемственности между ними нет.

— Интересная точка зрения. Что-то еще добавите?

— Можно. Если говорить о деталях, то изначально, в момент своего возникновения и расцвета передовая идея масонства, еще не переполненная темными устремлениями и извращенными толкованиями всеми силами пробивала себе дорогу через убогость и несовершенство времен, в которые она сформировалась как вызов статичному примитивизму. Не случайно она так влекла лучших представителей цивилизации, среди которых были Марк Твен, Дарвин, Шекспир, Вашингтон, Моцарт, некоторые русские императоры, поэты, писатели и выдающиеся ученные. Ведь в ее основе были по-настоящему светлые и искренние порывы — справедливость, торжество человеческой личности над несовершенством окружающего мира, поиск духовного совершенства.

Однако еще раз повторюсь, начало двадцатого века стало крахом масонской идеи как таковой. Именно в силу того, что сама идея подошла к пределу. Дело в том, что масонские идеалы оказались реализованными на практике, а ничто так не уничтожает идеал, как его практическое воплощение. Это уже не было масонство Суворова, Пушкина и Чаадаева.

В обиход вошли еще вчера сакральные масонские атрибуты и принципы, такие как конституции, гуманизм, борьба за права человека. Идеи верховенства прав человека нашли свое международное закрепление. Более того, ведущие страны мира стали полем масонских идеологических экспериментов. Во Франции была проведена Великая французская революция. В России — сначала восстание 1814-го года, позже Февральская революция 1917-го. А одна из самых великих стран мира — Соединенные

Штаты Америки, полностью создавалась масонами и по масонским же лекалам, где до сих пор их насчитывается не менее 2-х миллионов человек, а вход в элитарные властные сферы возможен почти только через ложи.

И вот здесь масонство, как я уже сказал, постиг серьезный содержательный кризис. Потому что то, что казалось таким сложным и далеким, было реализовано. Ситуацию можно было сравнить с человеком, который всю свою жизнь посвящает достижению великой мечты, в глубине души понимая, что мечта недостижима. И вдруг наступает момент, когда его усилия настигает успех и вот она, мечта! Чувство опустошенности и растерянности некоторых иной раз приводит и к суицидам…

Масоны попытались найти выход. Усложнялись обряды и философия, приведшая к извращенному токованию божественности. Упрочилось положение и элитарность их выдающихся членов. Совершенствовалась инфраструктура. Но уже не было главного. Высокой сверхидеи, ради которой и было создано это тайное общество. Представления о едином обществе без войн и конфликтов с общим правительством больше не подкреплялись сакральными ценностными инструментами. Вот как-то так. Так я себе это вижу.

— Вы знаете, просто отлично! Но у этой истории, с Вашего разрешения, есть продолжение. Не возражаете, если дополню?

— Ну, конечно же.

— Итак, согласен с Вами, что в итоге организация масонов выродилась в отдельные, часто конкурирующие, крылья под общим названием.

На не вполне удачливых философов-мистиков, продолжающих жить старой идеей поиска Абсолюта и Инженера мира, постигающих через мистицизм свою божественную сущность.

И на клубы по интересам банкиров и других влиятельных участников экономической и политической

действительности, которые ощущали острую потребность разбавить прагматизм и рациональность своего ординарного мира причудливыми мистериями, которые бы подтверждали их причастность к управлению миром, а не только своими мирками.

И просто на экзальтированных типажей, чья, как Вы сказали, убогость бытовой серости жизни должна компенсироваться бессмысленными, но зрелищными ритуалами.

Обращаю Ваше внимание на момент, о котором Вы не упомянули. Последним гвоздем в реальную влиятельность масонства вбил феминизм, поставивший под вопрос не только традиционные общественные идеалы, но и нанесший удар по таким мистическим столпам общества как масонство. Как известно, в основные масонские ложи, за исключением экзотических и не особенно влиятельных, изначально женщины не принимались, что было заложено еще на заре масонства.

Растущая роль женщин в политике и общественном устройстве ставила под сомнение влиятельность масонства с таким гендерным перекосом. Попытки либерализовать (ведь либерализм — одно из главных масонских принципов!) ситуацию и допустить женщин к классическим ложам сталкивалось с двумя серьезными проблемами. Первая — значительная часть клятв, обрядов и самой идеологии были весьма мужскими. Вторая — даже в случае присутствия женщин, это не решало проблему того что движение выдохлось в содержательном плане. Масонские ландмарки, несмотря на всю свою универсальность, оказались не способны генерировать жизнь нового века. Да и Конституции Андерсена оказались практически непреодолимыми препятствием.

И тогда возникло новое движение, которое весьма и весьма условно можно было бы назвать неомасонством. Я согласен с Вашим подходом, и предлагаю это считать новой, уже четвертой волной. Зародилась она

в тридцатых годах прошлого столетия, а вот набрала силу действительно уже после Второй Мировой войны.

Вы знаете, что масонство и раньше заигрывало с Каббалой. Определенная часть обрядов пересекалось с учением Исаака Лурии, однако между ними были содержательные противоречия. Но развитие науки и политического устройства мира отодвинуло эти противоречия еще дальше.

Новое движение, однако, смогло соединить Каббалу и масонскую идеологию, направленность на формирование единого центра мирового управления под совершенно обновленной основой. Кроме этого, масоны мечтали сделать человечество более гуманистическим, а вот новая волна решила изменить их немного по другим лекалам.

Понадобилось более сорока лет, две мировые войны, наступление эры ядерного оружия и прочие мировые сдвиги, пока новое движение приняло оформленный, целенаправленный и структурированный вид. Связано это, в первую очередь, было с возникновением Нобелевского комитета и известным Вам Большим Судом.

Новое движение позволяло возвыситься над любой идеологией, так как создавало гармоничное поле для самореализации и устраняло корни конкуренции. Это в равной степени можно было назвать коммунизмом и победившим рынком, так как происходило изменение не внешних условий, формаций, общественного устройства, а сути человека как такового. По божественным или гуманистическим стандартам, то есть создавало новую систему мотивов в отличие от стимулов.

— В чем разница?

— В том, что мотив — это то, что побуждает человека изнутри него самого, то есть собственные предпосылки, а стимул — это внешнее воздействие. Стимулом в древности называли острую палку, которой тыкали домашних животных, чтобы ускорить их.

— Забавно. Кстати по поводу Нобелевского Комитета. Мне кажется, вечная идея Мирового правительства через некую систему судей попахивает серьезным отставанием от здравого смысла. Это ведь просто непрактично.

— Ну что вы, конечно же, практично. Вы просто смотрите на ситуацию через призму привычных теперь систем управления. На самом деле, если отбросить эмоции и пристрастия, то с прагматичной точки зрения вполне эффективная система. Она, кстати, имеет очень серьезную библейскую отсылку. В Ветхом Завете есть отдельный раздел, который называется «Книга Судей Израилевых». Если вкратце, то посвящен он периоду, когда умер древний правитель Иисус Навин, не оставивший после себя наследника.

В итоге государство фактически распалось на двенадцать республик, которыми как раз и управляли Судьи из числа наиболее авторитетных вождей. Самыми известными и указанными в Библии были Самуил, Гедеон, легендарный и могучий Самсон и Девора. Судьи смогли устранить последствия резкого ослабления своего народа, и, самое главное, его нравственной деградации. В то время древние стали поклоняться чужим богам, вести аморальный образ жизни, чрезмерно грешить. Именно Судьи смогли заставить людей свернуть с этого пути.

2.

— Самое забавное в этой истории, так это низовая идеологическая платформа наших оппонентов.

— В чем же она заключается?

— В марксизме. Вернее, в неомарксизме, если уж быть совсем точным. Мы боремся с марксистами, которые, по факту, контролируют в настоящее время западный мир. Во всяком случае, его ключевые позиции.

— Простите, кхх. Я правильно сейчас все услышал? Мы боремся с марксистами?! До этого речь, вроде бы, шла о масонах?

— Понимаю Ваше недоумение. И еще раз повторяю, отвечая на Ваш вопрос. Мы боремся с марксистами. Масонство — это скорее ритуально-мистическая часть. Более прикладной идеологической основой является марксизм. Понятно, что это скорее обобщенный термин для левой идеи из нескольких составляющих и в обновленном с учетом времени виде, но для простоты понимания да, речь о марксизме.

— Извините за реакцию. То есть мы защищаем Россию, которая является правопреемником Советского Союза, построенного на принципах марксизма от некоего сообщества, как вы говорите, неомарксистов, контролирующих все западное сообщество, при том, что вся идеология марксизма направлена на разрушение современного капиталистического общества? Я правильно Вас понял? И, уж простите, нет ли тут какой-то логической проблемы?

— Абсолютно никакой проблемы нет. И Ваша реакция совершенно не удивительна. Она, скорее, является общим правилом у любого, кто впервые сталкивается с этой информацией. Но, к сожалению, это не игры воспаленного разума, а реальная картина мира, в котором мы с Вами живем. Наши враги идеально научились наводить тень на плетень, на черное говорить белое и управлять общественным сознанием, манипулируя образами и информацией. Кстати Советскому Союзу никак общность марксистской идеологии не мешала конфликтовать с социалистическим Китаем, и не с ним одним, или, допустим, проламывать череп марксисту Троцкому. Марксизм — штука растяжимая.

Давайте по порядку. Как Вам известно, в конце девятнадцатого столетия в Германии жил на самом деле умнейший, и я даже готов допустить, что по-своему гениальный научный работник. Его звали Карл Маркс. Он вывел определённую теорию развития общества, которую мы знаем как марксизм. Напоминаю, что работы

Маркса предназначались для идеологического обоснования революционных процессов в западном мире, а уж совсем не для России, которую Маркс искренне считал недоразвитой для практической реализации своих идей. Так вот, давайте назовем главную работу Маркса. Вы надеюсь, помните?

— Ну да. Это «Капитал».

— Совершенно верно, «Капитал». Работа из трех томов и четвертого недоработанного, посвященная ущербности капиталистического строя. «Капитал» по сути являлся Библией цветных революций того времени, и, собственно говоря, эту миссию он и выполнил. Читали ее?

— Честно говоря, нет. Даже не подходил. Во время учебы так часто приходилось заучивать какие-то определения, что это намертво отбило интерес к самой книге. Хотя на уровне общей теории знаю про диалектику, материализм и прибавочную стоимость.

— Уже неплохо. Ну вот. Работа посвящена вроде бы капиталу, судя по его названию. Но, удивлю Вас, при описании общественных отношений и конфликта между работником и работодателем, речь в ней идет почти исключительно о реальном производстве, а не о секторе денег. Несмотря на то, что к моменту написания «Капитала», например, дом Ротшильдов насчитывал уже более ста лет и беспощадно эксплуатировал мировые ресурсы, эта скромная в кавычках тема обойдена стороной. Почему-то главными врагами являются те, кто создает реальные блага.

И следующее положение марксизма. Положение об этапах развития общества и его движении к так называемому коммунизму, то есть, по сути, к общинному безгосударственному строю, где сущность людей будет трансформирована по сравнению с нынешним положением.

А теперь отвлекитесь от шаблонных восприятий термина. Это именно тот путь, по которому медленно, но верно движется западное общество. К отказу от главен-

ствующей роли государства и качественной трансформации сути населения в сторону социалистического либерализма и смене ценностных ориентиров.

Например, напомнить идеи первых советских коммунистов о браке и сексе? Да-да, про свободные отношения, про «секс как стакан воды, пью, когда хочется» в стиле Коллонтай, про либеральное отношение к половым излишествам? Первые комсомольские ячейки совершенно официально ставили перед собой задачу освобождения от стыда, и, дословно «уничтожения православных оков нравственности», введения новой раскрепощенной пролетарской морали. В первом Уставе Российского коммунистического союза молодежи был пункт, я его могу процитировать дословно. И обращаю Ваше внимание, что это не анекдот, а факт. ««Каждая комсомолка обязана отдаться любому комсомольцу по первому требованию, если он регулярно платит членские взносы и занимается общественной работой». Это положение действовало с восемнадцатого по двадцать девятый год, по принятия нового Устава.

И еще несколько слов о содержании работ Маркса. В плане экономической новизны Маркс опирался на английских классиков Адама Смита и Рикардо, которые уж точно не были никакими революционерами. Вообще тема английского следа в жизни Маркса, это отдельная история. Кстати, в Англии он и умер. Революционные идеи Маркса были направлены лишь на зачистку от набирающих силу производственников. Кому они были конкурентами? Правильно, банкирам. К которым у Маркса по неизведанным причинам претензий нет.

Только вдумайтесь, я напомню Вам марксистскую теорию. Согласно ее положениям, капитал — это отчужденный труд, который обобществился, при этом продукт труда перераспределился промышленнику, причем несправедливо по отношению к производившему его рабочему.

Еще раз повторю, Вы просто вдумайтесь! Казалось бы, произнеси слово капитал, и сразу представляешь большие деньги! Ан нет, легким движением руки банковский капитал и реальные мировые деньги с помощью марксизма оказались выведены из сферы межклассового конфликта и революционных претензий. Их просто нет! Есть лишь несправедливое обогащение производственников и несправедливые страдания рабочих по этому поводу! Хотя любой Вам скажет, что на реальную стоимость в первую очередь влияют ссудный капитал, система кредитования, инфляция, то есть то, что находится в руках у банкиров. Но их все же у Маркса нет!

В настоящее время исподволь создается идеологическая и властная инфраструктура поэтапного внедрения неомарксистских идей. Например, что знаете про Социнтерн?

— Я путаюсь в Интернационалах. Думаю, одно из ответвлений международного социалистического движения, возможно, каких-то социалистических партий. Что-то из европейской маргинальщины.

— Ох, как же Вы далеки от истины. И вообще, нельзя так невежливо говорить об организации, вполне официально управляющей современной Европой.

— Вы серьезно?

— Более чем. Ну, тогда послушайте. Сейчас я Вам расскажу вещи вполне легальные, прописанные во всех справочниках и публичных информационных документах, но от этого не менее удивляющие многих.

В общем, если коротко, в шестидесятых годах девятнадцатого столетия при активном участии Карла Маркса была утверждена организация под названием «Интернационал», сейчас ее принято называть «Первый Интернационал». Ее лозунгом стало привычное «Пролетарии всех стран, объединяйтесь», только сейчас скромно забывают первую часть этого призыва, который тогда был провозглашен открыто: «У рабочего нет отечества». Но

в итоге из-за внутренних конфликтов эта непростая организация была распущена. Не буду забивать Вам голову всяческими подробностями, их много, и, если будет интересно, сможете о них почитать в литературе, благо написано об этом немало. Нас сейчас интересуют нынешние процессы.

Потом был создан Второй Интернационал. Для краткости скажу, что одним из его активных участников был Владимир Ленин, еще Плеханов, а также лидеры организаций множества европейский стран. Идеи, понятно, вполне марксистские.

Так вот, объединение, с упоминания которого я начал эту тему, я имею ввиду Социнтерн, является приемником Второго Интернационала, и еще одной организации из девятнадцатого века — Социалистического рабочего интернационала, куда входили русские меньшевики и эсеры, английские лейбористы и многие другие. Эта движение, с одной стороны проповедовало околомарксистские идеалы, с другой — резко враждебные отношения с СССР.

А теперь самое интересное. Кто же входит в современный Социнтерн? Ооо, таких организаций множество, но я назову лишь некоторые, чтобы Вы оценили картину. В Германии это Социал-демократическая партия во главе с Мартином Шульцем, ныне возглавляющим Евросоюз, в Англии — одна из двух крупнейших партий страны — Лейбористская партия, во Франции — Социалистическая партия нынешнего Президента Франсуа Оланда, и так практически во всех европейских, и не только европейских странах.

Например, в Израиле это одна из ведущих партий — Партия труда, в Турции Республиканская народная партия отца современной Турции Ататюрка, в Мексике — Институционно-революционная, одна из главных партий страны. Лидеры партий, входящих в Социнтерн, в качестве президентов и премьеров правят своими

странами в Австрии, Бельгии, Дании, Норвегии, Хорватии и многих-многих других странах. Большинство в Европарламенте тоже принадлежит им.

Штаб-квартира Социнтерна по уже понятному Вам стечению обстоятельств находится в Лондоне.

— И они официально считают себя марксистами?

— Нет, конечно. На публичном уровне их идеология диверсифицирована. Классический марксизм, кстати, исчерпавший себя в новых условиях и достигший своих первоначальных целей, ими модернизирован до идеи «демократического социализма», новой сутью которого на программном уровне Социнтерна признана цель »постепенной трансформации капитализма в социализм без классовой борьбы, без социалистической революции и установления власти рабочего класса при сохранении частной собственности». Одним из первых, прибившихся к набирающей силу новой западной организации, был известный немецкий философ Эрнст Блох. Будучи неомарксистом по взглядам, убеждениям и научной деятельности, этот бывший именитый член Коммунистической партии Германии, позже при попытке разоблачения его связи с тайным западным обществом сбежавший из ГДР в ФРГ, смог обосновать чуждость своих идеалов эксперименту с СССР и принципиальную конвергенцию с оккультной практикой и библейской риторикой. Именно Блох научно объяснил связь работ Маркса и западного гуманизма.

Более того, марксизм довольно быстро стал трансформироваться как идеология почти с момента возникновения. Уже к началу Первой Мировой классический марксизм не мог ответить на актуальные вызовы того периода. Так что это история с постоянным подстраиванием. Связано это с тем, что он является не полноценным учением, а прикладным миражом для решения совершенно конкретных целей. Начало этому процессу положил Макс Хоркмайер. Таким образом «цифровики»,

у которых Социнтерн, ими созданный как один из своих рабочих органов, подстраховались от перезагрузки революционных идей, сформировав полноценный идеологический рабочий инструмент.

— Социнтерн создали «цифровики»?

— Да. Как я уже сказал, формально считается, что организация берет начало с социалистических объединений конца двадцатого века, но реально была создана в 1951-м году по инициативе руководства наших оппонентов под флагом соответствующей преемственности. Эта преемственность на самом деле ничем не отличается от преемственности тамплиеров и масонов.

А главным успехом и полем вполне удачным по их меркам экспериментов стала Европа, постепенно превращающаяся в единую площадку. Причем изначальные договоренности об этом стали достаточно тонко реализовываться не главными игроками, а малыми странами, которых подвигли к созданию в 1951-м году Европейского объединения угля и стали. Но уже в 1957-м был подписан договор создания Европейского экономического сообщества на базе сообщества по атомной энергии, где проявилась главная, атомная, тема. И вот это сообщество шаг за шагом было своими операторами трансформировано в современный Евросоюз.

Просто нужно понимать, что все конспирологические теории про Бильдербергский клуб, Совет по международным делам, Трехстороннюю комиссию и прочие структуры, якобы выполняющие роль Мирового правительства, это, как говорится в поговорке, когда не видишь леса за соснами. Честно говоря, вся эта конспирология очень хорошо оплачивается, и, очень часто, самими объектами разоблачения.

«Цифровики» крайне заинтересованы, чтобы их вполне рутинные рабочие структуры у обывателя ассоциировались с неким мистицизмом мирового заговора. Это нужно для того, чтобы, когда самый въедливый ра-

зоблачитель возьмется разоблачать, то столкнется лишь с вполне бюрократическими, но творческими площадками для мировой элиты, выполняющими роль дискуссионных платформ, интеллектуальных клубов, центров консенсусного решения мировых проблем через компромисс.

И больше ничего.

Ни мистики, ни заговора. Просто потому что мистика и заговор — они чуть выше, там, где ничего не должно быть по логике конспирологов, ведь мировая закулиса — вот она. Только что же это за закулиса, что она на виду?! Вроде бы и пытается как-то сохранить инкогнито, но так демонстративно неумело, что название, членов, повестку этих тайных структур знает почти каждый обыватель! Очень тонкая стратегия, позволяющая, с одной стороны, создать великолепную отвлекающую дымовую завесу, а с другой — действительно обеспечить выполнение очень нужных и полезных координирующих функций.

— Но ведь у них постоянно происходит межпартийная борьба, правые борются с левыми, формируют коалиции?

— Сила систем, которые формируют «цифровики» в, как стало сейчас модно говорить, их синергетическом потенциале. Они научились создавать общественные конструкции, живущие своей жизнью без необходимости ручной подстройки, но эти конструкции, однако же, обязательно сохраняют и продвигают те генетические установки, которые в них закладываются в начале пути, даже если чисто внешне они неузнаваемо меняются и усложняются. Знаете, что такое «борьба нанайских мальчиков»? Слышали такое выражение?

— Выражение слышал, его происхождение мне не известно, но насколько я понимаю, это такая борьба «понарошку».

— Совершенно верно, «понарошку». Это даже не борьба, есть такой цирковой номер, когда вроде-бы, бо-

рются два мальчика, а в конце выясняется, что не было двух мальчиков, а в специальной одежде прятался один человек. Межпартийная борьба в Европе — это пример подобной истории. С одной стороны, выпускается пар общественного напряжения, с другой — прощупываются ожидания по смене декораций, а для стороннего наблюдателя имитируется торжество демократии.

— Я все-таки хочу понять для себя практическую социалистическую основу этой неомарксистской идеологии. Ведь, насколько я понимаю, по марксизму власть в государстве должна принадлежать рабочему классу. Но у нас получается сборище мистиков-аристократов, как же это согласуется с рабочими?

— Немного поправлю Вас. Не рабочему классу, а пролетариату.

— Разве это не одно и тоже?

— Совсем нет, в том числе и по мнению Энгельса и Маркса. Рабочий класс — понятие обширное и неоднородное. А вот пролетариат — это один из подвидов рабочего класса, который живет исключительно путём продажи своего труда, а не за счёт прибыли с какого-нибудь капитала. Главным критерием, таким образом, является производственный труд. Помимо пролетариата марксизм в рабочем классе выделяет люмпен-пролетариат, прекариат, когнитариат и крестьянство.

Слово «пролетарий» имеет римское происхождение и означает «производящий потомство». Кстати, в Древнем Риме пролетариями называли полноценных римских граждан, которые имели минимальное имущество. При проведении переписей, те, у кого не было собственности, в графе имущество писали «пролес» — то есть, их имуществом были дети. Соответственно название объяснялось тем, что их единственной ценностью для государства было производство новых граждан Рима.

Но возвращаемся к нашим мистико-марксистским баранам. Вот смотрите. Очень, конечно, приятно думать,

что обрюзгший, гнилой, педофильно-педерастический Запад живет только с беззастенчивого ограбления других стран и народов. Такая идеология удобна, но далека от реальности. Если Вы возьмете структуру общемирового производства, то без труда сможете убедиться, что основное количество и качество современного материального мира производится на Западе. Машины, техника, вещи, промышленность и многое-многое другое. Байки про то, что они там лишь круглогодично ходят гей-парадами, а в это время голодные полуголые дети Индии и Китая на выведенных с Запада в «третий мир» производствах делают новый «бентли» или компьютер, далеки от реальности.

Правда состоит в том, что западный мир, в основном, трудится. Упорно, с утра до вечера трудится, создавая основной качественный объем современного материального мира. Гей-парады и прочая фестивальщина занимают довольно незначительную долю их жизни, хотя мы хотим видеть лишь это. У нас же, наоборот, все меньше повседневной работы и все больше фестивальщины. Так вот, возвращаясь к теме марксизма, напоминаю, что главной характеристикой пролетариата является труд. В то время как мы когда-то завешали всю страну лозунгами в стиле «Мир, труд, май!», «Уважай трудящегося человека», и быстренько за лозунгами забыли о сути вопроса, наши оппоненты без броских слов реализовали концепцию уважения к труду. Или Вы скажете, что слово «труд» по-настоящему почитаемо в нашем обществе? Или все-таки существует ощущение, что трудятся лохи?

— Но это ведь не так. Современное производство требует высококлассных специалистов.

— Совершенно верно, конечно же это ложь. Очень требует, и этих специалистов в России сейчас сильно не хватает. Но не хватает как раз в связи с понижением престижности производства и разрушением системы про-

фессиональной подготовки. Но я говорю не о реальности, а о сложившихся общественных стереотипах.

Вот смотрите, что мы сейчас имеем. Насколько уважаем в обществе рабочий человек? Каков его образ? Это недалекий, скорее всего пьющий, малограмотный персонаж, опять же, скорее всего из глубинки. Существует ли образ успешного работяги? Нет, конечно. Это почти всегда или неудачник, которому не повезло со связями и интеллектом или недалекий работяга. Успешны банкиры, депутаты, чиновники, то есть те, кто ничего реального не производит. Хорошим мерилом ситуации является отношение к деньгам. Здесь же есть прямая связь, ведь деньги — это результат вложенного труда и его оценки. Если на Западе отношение к деньгам рачительное и экономное, то наши товарищи славны своим кутежом. Поверьте, эти барские замашки — не проявление широты русской души, совсем нет. Это лишь означает, что человек, швыряющий деньги, не оценивает их как прямое овеществление своего труда, своего времени, своих вложенных и оцененных сил. Здесь прямо работает поговорка «Быстро пришли — быстро уйдут».

Так что в сухом остатке мы имеем с одной стороны упорно работающее западное общество с отдельными вкраплениями скачущих клоунов, а с нашей стороны пиры во время чумы с отдельными островами порядка и труда.

Я говорю это с огромной грустью и надеждой на изменение ситуации, но процесс этот крайне непрост. Ну а теперь, возвращаясь к Вашему вопросу о властной конструкции марксистской системы. Все довольно понятно. Власть разделена на практический и стратегическо-символический контуры. Практическая власть на Западе принадлежит силам, проповедывающим уважение к труду и социальную справедливость, в лице Социнтерна и многих других. В этом смысле марксистская концепция диктатуры пролетариата прямо реализована. Ну а более

высокий уровень находится вне конкретных государств и повседневных систем управления, что выводит его из традиционной модели государственной власти. Вот и вся схема.

— То есть на западе рабочий класс контролирует власть?

— Вы не совсем поняли схему. Неомарксисткая схема — лишь симулирование власти, позволяющее выпускать революционный пар. Это технология предотвращения восстаний. В этом весь смысл использования этой модели, а совсем не в том, что западная элита вдруг прониклась марксистской идеологией. Какая у них идеология я Вам уже рассказал.

Например, ситуация с теми же пресловутыми гей-парадами и надуманными гомосексуальными проблемами. Безостановочное и массовое проведение гей-парадов очень удобно, потому что постепенно на митингах улиц остаются лишь фрики, почти полностью заполняющие пространство общественной активности. Если вдруг рабочие выйдут на улицу, то они смешаются с геями и прочими особо патронируемыми персонажами. Идея уличных рабочих восстаний, таким образом, скомпрометирована, а право на массовость монополизировали фрики, студенты и профсоюзы, причем профсоюзы давно уже интегрированы в схемы взаимоотношений корпораций и организуют свои выступления в интересах тех или иных крупных заказчиков либо по коррупционным схемам. Таким образом, любые уличные процессы маргинализируются. Аналогичным образом, яростная борьба за права сексуальных меньшинств отводит от альтернативной, но намного более опасной борьбы за настоящие права и актуализацию по настоящему важных проблем. В такой модели общества места серьезным революционным протестам элементарно не остается. Это лишь один элемент «усмирения» общества, но в совокупности они образуют самозаводящийся механизм.

Самым опасным в такой модели была возможная интеграция в новое формируемое сообщество государств с чуждой, неадаптированной к общим правилам игры системой ценностей. Например, страна, в которой не была сформирована традиция борьбы за сексуальные меньшинства, в любой момент могла инфицировать других формами и направлениями более прагматичной революционно-мотивированной борьбы и общественного дискурса. Такие случаи следовало жестко пресекать.

3.

Духовная практика Корпуса развивалась на фоне скрытого, но лавинообразного распространения в западном мире марксистско-неомасонского движения, которое, выйдя из консервативных рамок старого традиционного масонства и почерпнув розенкрейцеровские и марксистские идеи трансформации общества и человека, все более активно влияло на ключевые события западного мироустройства. Переломным моментом явились итоги Второй Мировой войны и новая архитектура мира.

Главным условием успешности новых западных идеологов стали многогранные договоренности с банкирами, в первую очередь, с Ротшильдами, и дело было даже не в их женщинах.

К тому моменту банковское сообщество оказалось зажато между двумя крайне угрожающими процессами. С одной стороны, с набирающим силу международным коммунистическим валом. А после угрожающих экспериментов Баварской, Бременской, Эльзасской, Лабинской Советских республик угроза коммунизма стала почти неминуемой.

С другой — с реформами Франклина Рузвельта, которые могли стать примером и общим трендом для всего западного мира. Если предшественник Рузвельта Герберт Гувер проповедовал неучастие государства в делах

рынка и превалирование его саморегуляции, то Рузвельт двинулся в прямо противоположном направлении, тем более что ситуация в стране требовала решительных мер. Например, к началу марта 1933 года из-за глобального кризиса в США уже не работал ни один банк, люди стояли в огромных очередях за вкладами, а страна была у реальной революционной черты. Рузвельт заявил о необходимости «взять за горло банкиров, биржевых спекулянтов и глав крупнейших концернов». И его слова не разошлись с делами.

Первыми же послевыборными действиями он закрыл ряд банков, на других приостановил деятельность, как он сам говорил «для восстановления доверия к банковской системе». Более того, он провел насильственную девальвацию доллара, запретил вывоз золота за границу, и осуществил конфискационный обмен золота на бумажные деньги. Последняя мера была особенно красочной. Под страхом тюремного заключения на 10 лет и штрафа в 100 тысяч долларов банкам было предложено обменять золото на бумажные банкноты.

Вот тут-то банкиры вздрогнули. Слева красные, справа «Новый курс». Именно после этого они стали вкладывать в «коричневых». Появление Гитлера и начало Мировой войны несколько сгладило остроту проблемы, но, естественно, не решило ее кардинально. Нужно было задуматься о долгосрочной стратегии.

Когда появились свои, понятные, влиятельные и договороспособные люди, пусть и объединенные несколько чудаковатой идеей, то сначала Ротшильды, а следом за ними акулы поменьше были довольны. Они прекрасно понимали, что важны лишь деньги, а на эту основу можно насадить любую чудаковатую идею и усмирить ее если процесс изначально находится под контролем. Предложенные условия их вполне устраивали. Всеми наиболее благоприятными мерами обеспечивалось экономическое благополучие и безопасность. Они же ухо-

дят от попыток влиять на политические модели формируемого общества. Сама модель вполне вписывалась в их мировоззрение, так что возражать было нечему. Заигрывания с марксизмом они воспринимали как дань моде, тем более что чистый марксизм для банкиров проблемой не являлся, создавая угрозу промышленникам.

В итоге, вопреки распространенному мнению, банкиры перестали править политическим миром, оставшись наедине с собой в комфортных раковинах и продолжая зарабатывать деньги. Формула, где «политика — это сконцентрированное проявление экономики» оказалась поверженной. Получился симбиоз амбициозных идеалистов и прагматичных финансистов. Они дополняли друг друга, а распределение и пересечение интересов делало его максимально устойчивым. Последующие годы доказали это сполна, так как отдельные мелкие ситуативные конфликты никак не угрожали глобальности этого взаимодействия.

Лидерами процесса стали Нэнси Астор, Черчилль, Элеонора Рузвельт, Эдгар Гувер, а также ряд непубличных фигур, погруженных в новую мистическую практику. В качестве главных инструментов экспансии стала использоваться тематика демократизации, борьбы за права человека, защиты экологии, развития гражданского общества как основы антропологической интеграции, перерастающей в межгосударственные и надгосударственные образования, социальная справедливость, толерантность, либерализм, расовое, религиозное, гендерное и сексуальное равенство. На самом деле это был западный ответ на советский коммунизм. Также как коммунизм, стремящийся изменить сущность человека, приведя его к новым стандартам, здесь также был определен новый стандарт человека, гармонично соответствующего идеальному западному миру.

Что касается зацикленности новой модели на борьбе за права сексуальных меньшинств, то здесь роль сыграли

два фактора. Объективный состоял в том, что формируемый стандарт человека предполагал его максимальную адаптивность к любым общественным конфигурациям, что позволяло уйти от внутренних конфликтов и напряжения.

Субъективный же заключался в том, что практически все оказавшиеся на тайном политическом Олимпе нового западного общества были гомосексуалистами либо лесбиянками. Так, Эдгар Гувер, всесильный глава ФБР, правивший в Бюро невероятные сорок восемь лет, ты только подумай, сорок восемь лет! при семи, семи! Президентах США, сделал своего любовника Клайда Толсона своим заместителем по кадрам. Элеонора Рузвельт до смерти любила Лорену Хикок, а чопорная Нэнси Астор, ставшая первым английским парламентарием и вынужденная имитировать семейные узы, находила свою лесбийскую отдушину в отношениях с женщинами их сначала маленькой, а потом все более могущественной организации. Этот стандарт передавался и последующим поколениям новых властителей Запада. Например, Полин Поттер, принятая в круг, смогла стать легендарной Полин де Ротшильд лишь благодаря тому, что сам Филипп Ротшильд был гомосексуалистом, а Полин лесбиянкой. Это касалось почти всех. Исключением вершины организации был Черчилль, хотя и здесь есть определенные вопросы. Именно поэтому он так долго и сложно входил в организацию, периодически вступая в конфликты с ее руководством, и, особенно, с Нэнси Астор. Лишь одержимый страх перед советским коммунизмом и отсутствие однозначной альтернативы при давлении банкирских кругов взял у него вверх.

Это стало временем новой порнократии. Есть в истории человечества период, называемый «Порнократия», известный так же как «Темный век» или «Эпоха блудниц». Этот не ругательный, а вполне официальный и научный термин обозначает век, который начался с прав-

ления Папы Римского Сергия Третьего в 904 году, о котором современники писали, что он «наполнил папский хор любовницами и незаконнорожденными детьми, и превратил папский дворец в воровской притон», и длился до смерти Иоанна Двенадцатого в 963 году. За это время сменилось 12 Пап, а итогом стал процесс разрушения Римской империи и создание Священной Римской Империи германской нации.

Это век позора римско-католической церкви, век самой сконцентрированной грязи этой и так не самой благочестивой церкви. Порок в самом незамутненном и первозданном виде овладел папским престолом, а его истинными хозяйками стали женщины семьи Теофилактов. Две колированные шлюхи, Марозия и Теодора, совокуплялись и правили, правили и совокуплялись, правили, совокупляясь и совокуплялись правя. Обе совмещали чудовищную похоть с чудовищной жаждой власти. Именно Марозия была примером для Астор, так как Марозия приняла чин патриции и сенатора (сенастриссы). Как писали исследователи, ««Со своим сыном папой Иоанном XI Мароция имела кровосмесительную связь, от которого имела сына, которого также возвела на папский трон под именем Иоанна XII». Милый юноша Иоанн Двенадцатый превратил папский дворец в самый настоящий бордель, где постоянно проживали сотни блудниц. В этот гарем входили собственные сестры его святейшества.

И вот теперь Порнократия была возрождена.

Начала формироваться новая ценностная модель глобальной цивилизации и человека в ней. Огромное значение для развития этих процессов имел Большой Суд и его итоги, определившие легальную основу продвижения этой новой системы координат. Вы же понимаете, глобальные исторические смены цивилизационной парадигмы занимают долгое время, иногда несколько сотен лет, как было с приходом христианства. Сейчас взят курс на смену патриархального семейного устройства на

полифеминистическую с ревизией религии и постепенным установлением новой, с изменением ценностной модели и многоуровневой мировой интеграцией.

Схема получилась очень простая. По ряду причин, как мы считаем, в основном, субъективным и несправедливым, мы проиграли Суд. Это привело к серьезным ущемлениям нашей страны и ее последующему развалу, а теперь не позволяет стать на новые цивилизационные ноги. В последующем аппарат Суда, получивший в свои руки невероятную и не имеющую аналогов в мире власть по контролю над ядерными арсеналами, начал постепенно трансформироваться в самостоятельную наднациональную структуру. Это еще не пресловутое тайное мировое правительство, но имеет все шансы им стать.

В это же время на западе бурно развивалось новое, или скорее обновленное постмасонское движение, которое прочно вросло в скелеты ведущих западных держав, в первую очередь США, Великобритании, Германии. Это движение, а также полученная им возможность манипулировать решением Суда, начали трансформировать по новым лекалам облик мироустройства.

Руководство СССР в это время находилось между выбором самостоятельного пути развития страны, что, однако, противоречило взятым обязательствам в рамках Суда и могло привезти к самым трагическим последствиям. Либо дилеммой общеевропейской интеграции, которая представлялась достаточно привлекательной. Считалось, что формируемая площадка, по сути, является социалистической и позволяет при присутствии на ней доминировать такому гиганту как СССР, постепенно поглощая окружающих. У высших идеологов Союза даже возникла концепция «нового пути борьбы за коммунизм, разъедая Запад изнутри». Таким образом, если Сталиным Суд задумывался, как возможность присоединить Запад к победившему СССР, постепенно впитав и переварив его, то получилось с точностью до наоборот.

На такую позицию влияли и определенные идеологические и духовные поиски. К сожалению, значительная часть сначала советской, а позже — и российской элиты и спецслужб попала под влияние теории, которая не требовала ни сложного молитвенного опыта, ни осознания связи Бога со всем сущим, познаваемую через каркас современной физики, математики и ряда других точных наук, ни жертвенность нахождения на краю мирского и потустороннего, что практиковал Корпус.

Под влиянием тайных западных теорий глобального демократического интернационала и гуманитарной трансформации человечества, в СССР возникли научные разработки, которые в дальнейшем легли в научно-теоретическое обоснование необходимости и эффективности Перестройки в СССР.

Дело в том, что стало бытовать мнение о другом, более логичном пути в поисках сути окружающего мира и человеческого предназначения, чем аморфное мистическое богоискательство. В этом смысле произошла редкая диффузия, когда передовые веяния пришли не с Запада в Россию, а наоборот. Советская научно-философская мысль разработала идеи, которые стали большим и важным дополнением в идеологии «цифровков».

За основу были взяты выводы, к которым много лет назад пришел молодой русский эмигрант, к тому времени только окончивший Гарвардский университет.

Иван Панин разработал сложную систему цифрового измерения. В 1882 году Панин нашел некоторую математическую закономерность в изложении событий текстов Библии. Эта закономерность не могла быть случайной комбинацией. Из нее он вывел логически и математически обоснованное доказательство божественности происхождения Библии. Работая с большими отрывками из Библии, он обнаружил повторение чисел 11, 13, 17, 23 и особенно 7.

Он добавлял и суммировал все числовые значения различных слов в отдельно взятом предложении, абзаце, строке, в отдельных книгах Священного Писания и везде получал только эти цифры. Следующее открытие — количество слов в Библии делится на 7. На эту цифру делятся также собственные мужские и женские имена, количество слов, начинающихся с гласной и согласной буквы, количество гласных и согласных и даже слов начинающихся с каждой буквы алфавита. С помощью математического подхода Панин попытался доказать превалирование Библии над всем сущим. С момента выведения своих основ математических закономерностей в тексте Священного Писания, Панин отказался от карьеры, поселился с семьей в канадской глуши и более пятидесяти лет ежедневно занимался своими расчетами, доказывая выведенный им постулат. Он обосновал, что открытые им закономерности не повторяются более в других источниках, книгах, в том числе неканонических писаниях и апокрифах.

Это подобие Каббалы легло бы в ряд сотен подобных, если бы не дальнейшие изыскания. Спустя время идеи Панина компьютерными расчетами развил маститый советский академик, основоположник классической теории тепломассопереноса и теплофизики литья, член-корреспондент Белорусской Академии Наук Альберт Йозефович Вейник[6], ставший по рекомендации доктора физико-математических наук, заведующего кафедрой физики Белорусского госуниверситета профессора Станислава

6 **Альбе*рт*-В*и*ктор *Иозефович* Вейник** (3 октября 1919, Ташкент — 24 ноября 1996, Минск) — советский теплофизик. Член-корреспондент Академии наук Белорусской ССР (1956), доктор технических наук (1953), профессор (1955). Известен как один из основоположников теории тепломассопереноса и теплофизики литья, а также как автор теории термодинамики реальных процессов (ТРП).

Шушкевича негласным и основным научно-метафизическим консультантом Михаила Горбачева. В этот момент между западным сообществом «цифровиков» и советской элитой наступила полная гармония.

В дальнейшем Вейник отблагодарит Шушкевича, пролоббировав его назначение Председателем Верховного Совета Белоруссии. Именно в этом качестве Станислав Шушкевич и подпишет долгожданные и желанные, реализующие решения Большого Суда, математически просчитанные Вейником Беловежские соглашения, прекратившие существование СССР.

Вообще, роль Шушкевича в деструктивных процессах начала 90-х невозможно переоценить. Будучи когда-то одним из активистов Корпуса и дойдя в нем до уровня тиуна, в силу личных качеств Шушкевич не смог продвинуться дальше и, разочаровавшись в духовном совершенствовании на божественном пути, прочно встал на сторону прагматичных и влиятельных сторонников рационального построения мирового взаимодействия, которое в их кругу называли «сольватацией». На новой стороне молодой научный работник показал себя горячим сторонником пути реализации решений Большого Суда, готовым ради этого на все. Именно Шушкевич в должности старшего инженера Минского радиозавода являлся куратором работающего там тогда же Ли Харви Освальда и обучал его русскому языку, находясь сам под прямым управлением внешних операторов. Апофеозом его деятельности стало уничтожение СССР, после чего он оказался никому не нужным и влачил жалкое существование.

В 1991-м году профессор Вейник, решив, что настало время продемонстрировать свои идеи публично, издает книгу «Термодинамика реальных процессов», формирующую Общую теорию природы.

Ревностное и надменное отношение к Корпусу объединенных вокруг него сторонников самостоятельно-

го пути Русского мира, заставило Вейника попытаться пойти по тому же пути, что и «духовники», и соединить разрозненные дисциплины механики, термодинамики, теории относительности, химии, квантовой механики и ряда других наук в общее состояние.

Ученый многолетними наблюдениями и опытами смог доказать наличие в окружающем мире теплового, магнитного, электрического, вибрационного, ротационного веществ, которые объединяются единой субстанцией, наделяющей мир массой и телом. Ее он называл «метрическим веществом». Экспериментами Вейник доказывал его наличие, а также связь с другим революционным подходом — определением хронального вещества, отвечающего за скорость протекания процессов. Таким образом, было выведено семь базовых элементов Вселенной.

Эта публикация стала революционной и неоднозначной для научного сообщества, но в закрытом режиме его идеи и расчеты давно уже брались за основу при принятии многообразных государственных решений, так как помимо опубликованных в открытых источниках публикациях, Вейник разработал методологию влияния на открытые вещества и через это — на действительность, в том числе, и политических процессов.

На этом Вейник не прекращает свой крестовый поход против основ существования традиционного мира и в 1992-м году крестится в православие.

4.

У евреев существует довольно позорная страница их духовной жизни, о которой они стараются по возможности не вспоминать. Как известно, иудеи не признают Иисуса Христа настоящим Мессией и ждут прихода своего истинного Спасителя.

В истории этого народа был момент, когда им показалось, что они, таки, его дождались. Прогремела эта исто-

рия в символическом 1666-м году, а началась примерно лет за пятнадцать до этого в городе Измир. В этот год некий Шабтай Цви (некоторые произносят как Саббатай Цеви) обратил на себя внимание старейшин города.

Товарищ он был довольно проблемный, с явными психическими отклонениями, перепадами настроения, склонностью к нарушениям традиционных еврейских запретов, сквернословил, плакал, смеялся, прятался от близких, в общем, чудачил по-всякому. И родился и впоследствии умер он в символическую дату — 9 ава, которая в еврейской традиции считается ритуальным «днем разрушения Храма».

Естественно через какое-то время его изгнали из родного города и начал он путешествовать. И вот однажды в большом и шумном Стамбуле он заявил, что отменяет Тору, а затем в Каире взял в жены проститутку. В итоге он отправился в Иерусалим. За это время за ним увязался некий молодой и довольно образованный раввин по имени Натан из Газы, поверивший, что Шабтай — это истинный Мессия, а его чудачества лишь подчеркивают его отстраненность от этого мира. Потихоньку эти два колоритных персонажа сошлись в божественной сущности Шабтая, о чем публично и заявили.

Весть быстро разошлась и к Цеви стали стекаться человеческие реки страждущих и учеников, из которых тот выбрал двенадцать, обозначенных судьями каждого колена Израилева, а также назначил 26-ть королей света. Европейские иудеи тогда содрогались от еврейских погромов Богдана Хмельницкого на территории будущей Украины, и общее настроение было довольно упаднническим.

В это же время Натан разослал радостную весть всем крупным еврейским поселениям Европы, Азии и Оттоманской империи. Самое интересное, что поверили практически все. И до Шабатая у евреев, и после, появлялись Лжемессии, но такой поддержки как у Цви, не было больше ни у кого. Он стал подлинным лидером

иудеев и настоящим признанным Спасителем. Причем поддержку он получил и от элиты, и от бедняков. Более того, те, кто высказывал сомнения в божественном происхождении Шабтая, подвергались преследованиям как оскорбляющие Бога.

Ликование охватило иудеев. Вся обычная жизнь разбросанного по разным сторонам света и странам народа фактически остановилась. Дошло до того, что евреи, адаптировавшиеся к жизни на чужбине, и прежде прославляющие в молитвах королей и султанов стран, где они жили, стали открыто заменять имена монархов именем Цви. Это было настоящее коллективное мистическое беснование, а каждый шаг и действие Шабтая рассматривались как абсолютное чудо. Распространялись слухи о небесной Армии Шабтая, наблюдались случаи массовой эйфории и видений.

И, наконец, наступил тот самый 1666-й.

Шабтай под ликование евреев торжественно прибыл в Константинополь. Где немедленно по приказу султана был арестован и помещен в крепость Абидос.

Евреи в ужасе и ожидании замерли, ожидая дальнейших действий Спасителя… И он их удивил.

После ультиматума султана, предложившего принять его веру или умереть, Шабтай немедленно принял ислам! Тут же был отпущен на свободу с личным пожизненным пособием, установленным султаном. Остаток жизни он прожил уже мусульманином и умер спустя десять лет.

Позор не позволял евреям поднимать глаза, стыд охватил всех иудеев и до сих пор содрогает многих. Любой раввин с пеной у рта будет доказывать ничтожность этого факта, пытаясь всячески преуменьшить произошедшее, но сами они правду знают прекрасно.

Однако, как всегда, нашлись и те, кто смог разъяснить сакральность предательства Шабтая. В принципе любую подлость и зло можно как-то разъяснить. Просто не всегда нужно это делать.

Сначала тот самый Натан, а за ним и некоторые другие последователи нашли мистическое обоснование действиям Шабтая. Мол, борьба Мессии со Злом была столь всеобъемлюща, что ему пришлось спуститься в самую бездну, чтобы с этого низа повернуть духовных врагов. Что это — каббалическая тайна, и это способ установления всемирного мессианского Царства. Появились последователи, принимавшие ислам, и тайно проповедующие иудаизм. Они существуют до сих пор, как, например, турецкие «денме».

Пример Шабтая, сменившего веру, стал заразительным. Движения «жидовствующих» в России, Якоба Франка в Европе, Авраама Кардазо и многих других были яркими и довольно массовыми. Но они зачастую уже обращались не в ислам, а в христианство. Постепенно у саббатайцев выработался совершенно нигилистисеский подход. Они призывали ниспровергать все нормы, особенно морали и нравственности, однако же, притворяясь самыми твердыми защитниками той среды в которую проникали и разрушая ее изнутри. Многое от «саббатайцев» было взято «цифровиками», которые приняли, и активно развивали эту тактику и именно ею и воспользовался Вейник.

5.

С этого времени значительная часть иерархов РПЦ попадает под обаяние его идей мировых взаимосвязей духовного и материального, и постепенно приобщается к системе ценностей «цифровиков». То, что с РПЦ не смога сделать советская репрессивная машина, после развала Союза в определённой, хоть и не критической мере сумел совершить Вейник, к тому времени уже занимавший одно из важных мест в надгосударственном управлении.

24 ноября 1996-го года Альберт-Виктор Вейник был убит в ходе наезда автомобиля на Октябрьской площади Минска. Произошло то, что должно было произойти.

Ну а что волнует нас сейчас, если вкратце?

Ну, во-первых, возможность инициировать новый Суд при наличии для этого легитимных возможностей. А это, в первую очередь, обладание Крымом, соответствующим набором документов и телом Сталина.

Во-вторых, мы не знаем важнейшей вещи. К нашему позору не знаем. Мы не знаем расположения Центра Нобелевского комитета, в который выведены все точки управления ядерными арсеналами!

Раздел 3. Черчилль

1.

— Уинни, не кипятитесь, — говорил ему Рузвельт во время яростных споров о линии Керзона и польском правительстве, и он брал себя в руки. Но мощнейшая антипатия к этому советскому балагану делала его раздражительным и ворчливым.

Необходимость искать компромиссы с русскими злила Черчилля. Очевидным было то, что в обозримой перспективе те не откажутся от большевизма, а значит никем иным, кроме как врагами их считать было нельзя.

С 17-го года его восприятие коммунизма не менялось. И если тогда он призывал «задушить большевизм в колыбели» в статусе английского министра вооружений, и смог в конечном итоге продвинуть британскую интервенцию в эту угрюмую северную страну-переростка, то сейчас должность Премьера давала лишь еще большие возможности для реализации его убеждений. Он страстно призывал своих сторонников к борьбе с красными, объясняя безальтернативность такого противостояния: «Большевистская тирания — самая страшная в истории человечества, самая разрушительная и постыдная… В конечном счете коммунистический нигилизм ведет к тому, что большевики разрушают все, что попадается

на их пути… Они, как вампиры, высасывают кровь из своих жертв».

Сталина он изначально воспринимал как порождение всей этой системы, хотя борьба того с Лениным под ленинскими же лозунгами вызывала уважение своей изощренностью. Ленина Черчилль искренне ненавидел, считая «чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов».

Попытки со стороны Сталина в Тегеране убедить его в сущностном сходстве коммунизма и западного либерального социализма встретили глухое неприятие. Он давно уже определил для себя эту разницу. «Либерализм — это не социализм и никогда им не будет… Социализм стремится искоренить богатство, либерализм — бедность. Социализм уничтожает личную заинтересованность, либерализм ее охраняет, примирив с правами общества. Социализм губит предпринимательство, либерализм лишь освобождает его от гнета привилегий… Социализм ставит во главу угла регламент, либерализм — человека. Социализм критикует капитал, либерализм — монополии».

Поездка в Крым изначально представлялась для Черчилля неоднозначной. Он призывал провести конференцию в Великобритании, мотивируя это тем, что его страна находился на одинаковом расстоянии от Союза и США, потом предлагал Мальту, Кипр, Рим. Сталин в ответ заявил, что хочет, чтобы они лично убедились в тяжелейших последствиях войны для СССР и смог перетянуть канат на себя.

Накануне отъезда Черчилль договорился с Рузвельтом называть поездку кодовым словом «Аргонавт», хотя официально в документах она значилась «Островом», что при утечке должно было привлечь внимание к Мальте, которая периодически упоминалась как альтернатива. Сталин тоже согласился с именованием. Уинстон смеялся двойному значению придуманного им названия. Для

русских оно было приемлемым, так как легендарная Колхида, к которой отправились аргонавты, находилась на берегу Черного моря, что соответствовало положению вещей. Но, как хихикая, потом он говорил Рузвельту: «Нельзя забывать о том, что руно, за которым отправились древние герои, охранял Дракон!».

Особенную тоску и раздражение навевали все более теплые отношения Франклина и Иосифа. Старый друг, регулярная игривая переписка с которым хоть как-то разбавляла тягостные будни холодного и смутного военного времени, вдруг потянулся к этому советскому чудовищу. Чем ближе Рузвельт был к Сталину, тем более формальным становилось их с Уинстоном общение, еще вчера такое сокровенное. Еще вчера они были игривы и доверительны. Как будет вспоминать впоследствии секретарь Черчилля Патрик Кинн, премьер мог позволить себе принимать американского президента после ванны, и иногда полотенце, прикрывающее обнаженное тело англичанина как-бы случайно соскальзывало. В такие моменты Черчилль шутил, что британцам нечего скрывать от союзников. Поэтому то, что происходило в Ялте, стало совершенно невыносимым. Резковатый, с неровными зубами и искренней энергичной жестикуляцией остроумный американец давно стал духовной частью его самого, что подчеркивало близость и единый путь их стран. И вдруг эта непонятная и оскорбительная доверительность с русским. Какого черта?!

Однажды, после очередного тайма споров, в которых Франклин опять был на стороне Сталина, в порыве злости и раздражения он ворвался в свою комнату, достал из кармана небольшую записную книжку, в которой, давно уже, стыдясь перед самим собой этого чудачества, носил фотографию Рузвельта, изодрал ее в мелкие куски и бросил в огонь. Обида разрывала его циничный и изворотливый мозг. И здесь этот русский грузин смог так оскорбить его!

В Крыму его поселили в Воронцовском дворце, который создавал английский архитектор Блор, что должно было означать некий реверанс в его адрес, хотя единственное что его радовало там, это любимые голубые шторы. Как-то все было не так, и навязчивый русский колорит вызывал лишь раздражение вкуса отвратительного русского супа, называемого ими «борщ».

Когда закончилось это тягостное, но важнейшее действо, он задержался в Крыму, решив посмотреть место, где будет после смерти храниться его тело. Посетив Сапун-гору и Балаклаву, возложил цветы своему предку, погибшему в Крымской войне. Эта могила была материальным воплощением связи времен.

Улетая из Крыма, он споткнулся на трапе. «Эта проклятая страна до последней секунды пытается пнуть меня», — зло подумал он, садясь в кресло самолета.

2.

Черчилль довольно быстро разочаровался в классическом масонстве. Несмотря на то, что вся его мужская родня состояла в ложах, а само Братство было неотъемлемой частью английской культуры и способом гибкой внешней экспансии, он понимал, что в нынешнем виде организация становится просто очередным клубом для дискуссий и самопиара.

Сам он был принят в ложу «Розмари» № 2851 еще в 1901-м году и достиг в ней категории Мастера, который, несмотря на громкое название, фактически являлся начальным уровнем полноценного члена организации, в отличие от профанов, находящихся на предварительной стадии.

Сначала он увлекся жизнью ложи, будучи уверенным в глубоком и тайном смысле, который несет эта почтенная организация. Но когда стало понятным, что за ярким и таинственным фасадом нет такого же глубокого содержания, то он попытался хотя бы использовать ма-

сонскую тему для решения внешнеполитических задач. Однако инструмент оказался ржавым, ненадежным и неэффективным. Тем более что Уинстон ясно ощущал свою особость вне старых рамок и правил в высоком предназначении спасения Великобритании и трансформации ее могущества в новых условиях.

Кстати, аналогичную историю духовного разочарования в Братстве он увидел у Трумэна. Когда протеже Элеоноры был сначала назначен, а потом через выборы легитимизован в качестве нового Президента США, Черчилль прилетел в США, где был встречен старым другом Бернардом.

К тому времени он уже был ознакомлен с новым модным у элиты, набирающим силу и влияние движением, и хоть формально и относился к нему с уважением, но настроен был скорее скептически. Но именно в этот приезд он окончательно изменил мнение, сдавшись под влиянием не столько особых знаний, которыми пыталась впечатлить его вызывающая раздражение Нэнси, сколько восхищаясь идеей ударить своего злейшего врага — коммунизм, его же оружием, взяв у него лучшее и наиболее безопасное, приручив зверя и заставив жрать с руки.

Теми мартовскими днями они, вместе с Трумэном, Бернардом, Элеонорой и Гувером много говорили о новой организации, лидерами которой им предстояло стать. И в эмоциональных рассказах Трумэна о своем пути и разочарованиях в масонстве Уинстон услышал отголоски собственных переживаний. И это при том, что Трумэн продвинулся гораздо дальше его, став Великим Мастером. Тогда в перспективах масонства и была поставлена окончательная точка. Предстояло перевернуть новую страницу. Его не пугала и новая политэкономическая концепция, потому что он давно и последовательно выступал против свободного рынка, грозившего окончательно разрушить Британскую империю.

Именно тогда они сконструируют план нового мирового порядка, основанного на их главных установках и позициях, который становится Новой Библией. Черновик был разработан Бернардом, Гувером и Нэнси и разбивался на вертикальные и горизонтальные этапы.

На первом базовом этапе предстояло выиграть Большой Суд. Это было самое важное, для чего предстояло провести колоссальную, но невидимую работу по обеспечению защитника Запада аргументацией и всему необходимому комплексу мероприятия содействия. Нужно было активировать и ускорить определенные сектора производства, добиться серьезных показателей, на которые планировалось делать упор. Там, где не удавалось достичь перелома, решили просто фальсифицировать отчетность и статистику, но для достоверности также нужно было совершить множество действий. Пускать на самотек историю было недопустимо. Огромная роль в этом вопросе отводилась Гуверу.

Далее следовало предпринять все усилия по объединению прогрессивного мира. Для начала унифицировать жизнь англоязычного пространства. Затем шаг за шагом воссоединить Европу. Это, особенно в условиях оккупации со стороны СССР, многолетних европейских взаимных склок и дрязг, экономического дисбаланса и прочих проблем и коллизий сделать было крайне сложно.

Для реализации второго этапа план предлагал нелинейные подходы ослабления роли СССР и его союзников, а по факту, вассалов, с последующим доминирующим поглощением, которое в плане называлось «политической санацией», что было возможным лишь при условии выполнения первого пункта. Были разработаны комплексные меры взаимодействия с элитой Союза и постепенного привлечения наиболее перспективных и договороспособных ее представителей в общий контур управления. Отдельным блоком шли меры финансово-экономического, военного, научно-культурного,

религиозного воздействия, поглощения и интеграции. Причем на всех план определял набор сложных формул, индикаторов и расчётов, которые следовало строго придерживаться при общественных и антропологических изменениях.

В проекте указывался и координатор для работы с элитой России. Им стал Арманд Хаммер, предложенный кандидатом сразу и от Баруха, и от Гувера. Этот сын еврейско-российских эмигрантов, миллионер, владеющий одной из крупнейших нефтяных корпораций «Occidental Petroleum Corporation», уже долгое время успешно контактировал с Советами и был наиболее близким к коммунистической элите неформальным представителем Запада. До признания СССР со стороны США и установления дипломатических отношений, именно Хаммер стал неофициальным послом Штатов в Советской России, одновременно реализовывая там самые мошеннические проекты и вагонами вывозя оттуда меха, икру, драгоценности и ценнейшие произведения искусства, которые он в дальнейшем в Нью-Йорке выставит в собственном музее, названном им «Эрмитажем». Надо ли говорить, что идеи нового мира Хаммером были приняты **«на ура»**. Первоначально Арманд являлся одним из спонсоров президентской компании Рузвельта, родственницей которого была его жена Анжела Зевели, но его деятельная авантюристическая натура требовала большего, чем могли дать традиционные околовластные лоббистские возможности. В новом движении он сполна мог это получить, что впоследствии и произошло. В качестве помощника Труменом к нему был приставлен руководитель только что распущенного Бернского разведцентра Управления стратегических служб Ален Даллес, ненавидящий Рузвельта за ликвидацию УСС[7].

7 Управление стратегических служб — прообраз ЦРУ США. Ален Даллес — директор ЦРУ с 1953 по 1961 гг.

Здесь же рассматривались глубинные причины разъединения Европы и англоязычного мира и предлагались меры по их устранению. Был сделан вывод о том, что реальное единение невозможно при таком конфликтном потенциале больших и старых европейских наций. Поэтому план вводил этапы объединения сначала малых стран, и одновременную и крайне кропотливую работу по понижению агрессивности и ксенофобии новой мировой нации. Прилагалась система индикаторов и ориентиров для этого с объяснениями, как их достижение помогает искомому результату.

Отдельным направлением было выделено разоружение в целом и ядерная тематика в частности. Ядерное оружие становилось одним из главных приоритетов как чисто военного характера, так и главным политическим фактором.

В документе тщательно прорабатывалась модель общемирового экономического уклада, способы решения главных проблем, более справедливого и комфортного сосуществования. В нем делался вывод о неизбежности ценностной трансформации, которая требовала безусловной терпимости к чужим особенностям, без чего новый мир выстроить было нельзя. Мерилом взяли толерантность.

Шаг за шагом план устранял мировые противоречия и преграды, прогнозируя и выстраивая общество будущего, с обновленной системой ценностей, новой экономикой и политической властью. И, конечно же, с единой Христианской религией, основанной на древних мистических знаниях.

При этом все этапы плана были пронзены околомарксистской философией, направленной на ликвидацию несправедливости, эксплуатации, достижение более гармоничного экономического баланса. Это был очень социалистический план — план строительства мирового Христианского Социализма.

В нем не было мистических таинств, которые, являясь главным столпом нового процесса, развивались все же глубоко внутри организации.

Символическим стартом плана стало публичное выступление Уинстона в родном городе Трумэна Фултоне, которое провело водораздел между старым и новым миром. По сути, речь означала не только определение формата взаимоотношений с СССР, но и отказ от старой модели строительства западного мира, основанного, в том числе на масонской идеологии.

Помимо общепринятого восприятия Фултонского манифеста, как начала «холодной войны» с СССР (что было далеко не главной целью), он провозглашал и новые основы мироустройства, его системы ценностей и ориентиров. И если вначале в нем говорилось о «братской ассоциации англоговорящих народов», делая отсылку к масонским принципам братства, то последующие слова о «новом союзе в Европе» провозглашали новую концепцию надгосударственного строительства. Через полгода эту идею он зафиксирует в Цюрихском университете, призвав Германию, Францию и Британию создать «Соединенные штаты Европы».

В то же время, в условиях маневрирования перед подготовкой к Суду, Черчилль здесь же призывал к поиску взаимопонимания с Россией. Нельзя было допустить войну, если есть возможность решить вопрос другими средствами и путем. И нужно было успокоить зверя перед разделкой.

В дальнейшем стало бытовать мнение о том, что Фултонская речь стала толчком к «холодной войне» с Советской Россией, что не соответствовало действительности. Полноценное обострение между бывшими союзниками случилось через два года после силового подавления восстания в Чехословакии и актуализации Берлинского вопроса. Исинное значение тогдашней речи Черчилля сводилось к главному — объявлению создания нового

Запада, солидаризированного новой надгосударственной гуманитарной основой.

Первым шагом к такой агрегации стало негласное, но эффективное слияние Великобритании и США под эгидой «англоговорящего союза», спаянное новым тайным союзом банкиров, политиков и разуверившихся воинственных ученых, щедро удобренное матриархатом и многогранной социальной толерантностью.

Но так как перспективной стратегией была заявлено объединение Европы, на роль основы чего США географически не подходило, то было принято решение о поэтапном мягком объединении сначала малых стран, не вызывающем геополитического раздражения, и лишь после этого, когда основа будет сформирована — о присоединении больших европейских государств. Это также снимало обвинение в поглощении малых государств большими, хотя по факту это и происходило.

Глава 5. Анамнесис

1.

Смешанная с усталостью эйфория от успешно прошедшего референдума переросла в напряженное ожидание развития дальнейших событий. Референдум не был точкой в крымской истории, так как местное население на нем однозначно дало ответ на вопрос о желании вхождения в Россию. Но Россия пока еще своего ответного слова не сказала.

Ситуация отыгрывалась на скоростях принятия решений. Изначально референдум должен был пройти 25 мая по украинскому законодательству и отвечать на вопрос только о расширении самостоятельности Крыма в составе Украины. Однако стало понятно, что запаса времени до двадцать пятого нет. На совещаниях, где присутствовали Александров и Трофимов, яростно обсуждался вариант

переноса по времени даты проведения. Сначала вопрос о вхождении в Россию на референдум не выносился. Дату сдвинули сначала на 30 марта, а после — на 16-е. В это время и решалась судьба Крыма, когда после получения сверху подтверждения о том, что при удачном проведении голосования с однозначным результатом его итоги будут рассмотрены, изменили и формулировку вопросов, вынеся главным пунктом нахождение в составе Украины, но по крымской конституции 1992 года с расширенными права, либо вхождение в состав России.

И вот теперь, после прошедшего позавчера голосования с разгромным для сторонников Украины результатом, ждали ответа России. Утром из центра сообщили, что сегодня будет экстренное выступление российского Президента, и все, затаив дыхание ждали выступления Путина перед Федеральным собранием. Аксенов, Константинов и Чалый экстренно вылетели в Москву.

Трофимов вместе с группой работали с бумагами в здании СБУ. За последние дни было много различных мероприятий, и по ним вместе с промежуточным итогом по переформатированию СБУ, следовало отписаться. Идти или ехать куда-то не хотелось, даже если и нужно, потому что выступление Путина хотелось увидеть в прямом эфире, хотя о чем он будет говорить, они уже знали. Но знать и убедиться лично — не одно и тоже. Слишком много сил и эмоций было вложено в этот проект, чтобы руководствоваться в нем лишь расчётами.

Около шестнадцати часов Сергей зашел к Вадиму Георгиевичу доложить черновой вариант отчета. В ходе обсуждения в дверь, постучавшись, вошел один из приданных оперативников, и доложил о том, что в одной из местных воинских частей стрельба. Уточнили, что за часть? Какие-то военные картографы, под юрисдикцию Крыма пока не переведены.

Стали связываться со штабом, позвонили генералу Кузнецову, командующему министерством обороны

Крыма. Тот подтвердил, что да, идет штурм, есть сопротивление, сам он находится на месте. С его слов, происходит что-то непонятное, и рутинное взятие под контроль очередной, причем совершенно не боевой части, вдруг превратилось в проблему. Александров пообещал ему поддержку.

После этого по закрытой связи доложили Владимиру Петровичу. Тот приказал взять ситуацию под контроль и лично разобраться.

В момент, когда Сергей закрывал дверь кабинета, у него зазвонил тот самый телефон. Удивительно, но аппарат, выданный шефом, стал средством связи с Бородаевым. Трофимов быстро дошел до санузла, и, зайдя в него, ответил на вызов. Услышав голос Александра, он быстро сказал: «Говорить сложно, могу слушать, если что-то срочное».

— Срочное, — ответил Бородаев. — Вы выезжаете в часть к картографам?

— Да, там какой-то инцидент.

— Я тебя очень прошу. Не выезжайте туда. И по возможности останови выезд на место других желающих разобраться. Это крайне нужно! Ради общего дела. При встрече я все объясню.

— Это очень сложно. Но я попробую.

Выключив телефон, он быстрым шагом, почти бегом вышел на улицу, догнав Александрова, который ждал выезда автомобиля. В автобусе сопровождения уже ждала группа спецназовцев, закрепленных за ними. Их старший стоял рядом с генералом.

— Вадим Георгиевич! Можно Вас на минуту, — отвел он Александрова в сторону. — Есть срочная информация от надежного источника. Человек пока не подводил. В общем ситуация у этих картографов — это отвлечение внимания, чтобы все силы были брошены туда. А через час-полтора будет провокация у Верховного совета. То ли митинг, то ли взорвут что-то. Там они своих надеж-

ных татар подтягивают. Человек из этой среды. Судя по всему, хотят подпортить картинку выступления Президента, — добавил Сергей, безошибочно нанося удар в наиболее уязвимое место.

— Серьезный сигнал. Что предлагаете?

— Предлагаю не торопиться. У Кузнецова и без нас достаточно народу, разберется. Если надо, вышлем на помощь МВД и Прокуратуру. Предлагаю сейчас отмобилизовать силы, и сконцентрировать в районе Верховного совета, оперов озадачить срочно проработать через негласный аппарат, и доложить нам, что в среде татар и другом тревожном контингенте, загнать наружку к Совету. Можно подтянуть казаков и милицию, поставить дополнительные посты. Это может отпугнуть провокаторов или затруднить им действия. Думаю нельзя вестись на сценарий противника.

— Согласен. Ну, тогда подождем. Я доложу руководству о Вашей информации в центр, а Вы пока организуйте все.

— Хорошо. Я буду держать в курсе по развитию ситуации.

— Да. Ну и Кузнецову тоже позванивайте.

Сергей стал экстренно организовывать работу по проверке придуманной им информации и противодействую несуществующей угрозе.

Спустя час началась прямая трансляция выступления Президента, и можно было немного расслабиться, так как все прильнули к телевизорам.

Позже Трофимов доложил Александрову о проведенной работе и о якобы запланированной встрече с источником с целью разобраться детальней в предоставленной информации. Никаких провокаций, естественно, не было.

К этому времени стало известно, что в ходе взятия под контроль украинской воинской части погиб боец самообороны Крыма и украинский военнослужащий. Еще по одному с одной и другой стороны были ранены.

Александров с Глебом поехали на совещание по данному вопросу к прокурору Крыма Наталье Поклонской, а Трофимов отправился на встречу с несуществующим агентом.

Бородаев его уже ждал в машине. И так всегда слегка возбужденный, сегодня он был особенно резок, а красные от недосыпа глаза параноидально блестели.

— Саша, что это было?! Ты же понимаешь, что такие подставы ничем хорошим не кончатся!

— Сергей, это не подстава. Ситуация действительно была критической и требовала экстренных решений.

— Так объясни мне, о чем речь. Из-за чего мне пришлось выступать в роли дурака.

— Объясню, конечно. Сергей, ты не злись. Сегодня было сделано большое дело. Вот послушай меня. Сейчас, минуту.

Бородаев припарковал машину в случайном уличном тупике и достал целлофановую папку из бардачка.

— Вот смотри. Это документы по воинской части, в которой сегодня был инцидент. Посмотри, если хочешь.

Сергей пару минут листал примерно двадцать-тридцать страниц. Справки, выписки, фотографии со спутника и в периметре части. На фото обычная украинская часть, небогатая, полузабытая и живущая своей обычной жизнью.

По документам она именовалась фотограмметрическим центром Управления центрального военно-топографического и навигационного Главного управления оперативного обеспечения Вооруженных Сил Украины (воинская часть А3674, ранее 25-й топографический отряд).

Тут же прилагалась справка, объясняющая непонятный термин. Согласно ей,

> «Фотограмметрия использует способы и приёмы различных дисциплин, в основном, заимствованные из

оптики и проективной геометрии: координаты определяют положение точек объекта в пространстве; координаты на фотографии определяют положения точек объекта на плёнке или цифровом снимке; элементы внешнего ориентирования фотоаппарата определяют его положение в пространстве и направление съёмки; элементы внутреннего ориентирования определяют геометрические характеристики процесса съёмки. Фотограмметрия находит применение в создании топографических карт и ГИС. Цифровая фотограмметрическая станция (ЦФС) представляет собой набор специальных программных и аппаратных средств, предназначенных для фотограмметрической обработки данных аэросъёмки и космической съёмки. Обработка цифровых растровых снимков обычно производится в стереоскопическом режиме, с использованием специальных средств: 3D-мониторов, обычных мониторов со стереоскопической насадкой или обычных мониторов со стереоскопическими очками. Результатом обработки являются цифровые топографические карты, ортофотопланы и топографическая основа для ГИС».

Далее прилагалось подробное описание истории части. Сергей с удивлением узнал, что на просторах бывшего СССР осталось лишь два отряда военных картографов — этот, в Симферополе и второй в Ногинске. Описывался путь части по обеспечению картами и наблюдениями гражданской жизни и ходе ведения различных боевых действий. Велась работа по формированию навигационных систем и геодезических сетей. Важная задача, без которой армии было бы очень тяжело.

— Честно говоря, ничего не понял. Обычная часть обеспечения. К чему все это?

— А тебе ничего не говорит ее главное предназначение?

— Какое? Карты и координаты? Нет, не говорит! Давай без полунамеков, у нас не «Кто хочет стать миллионером». Кто хотел, уже стал, — начал злиться Сергей.

— Сергей! Что мы все тут ищем? И твоя группа, и мы? Ну же!

— Ищем схемы, карты… Подожди. Ты хочешь сказать…

— Да, — перебил Бородаев. — Все верно. В свойственном для себя стиле, украинское правительство пошло по пути наименьшего сопротивления. Это была идея генерала СБУ Марчука, он потом еще был Вице-премьером и баллотировался н должность Президента Украины. Что мы храним? Схемы и карты. Нужно обеспечить скрытность хранения и постоянную охрану. Как это сделать? Ага, у нас есть военная часть, и как раз в Крыму, которая занимается картами. Наши карты и схемы легко прячутся в огромном архиве других. Если не знать, где искать, то никогда и не найдешь. А воинская часть — это всегда режим, круглосуточная охрана, никаких посторонних. Если ты заметил в документах о воинской части, то после развала Союза было принято решение о ее ликвидации. И вдруг неожиданно решили ее сохранить. Как ты понимаешь, это было сделано не случайно. И ты заметил, когда она вообще была расположена в Симферополе?

— Нет. Когда?

Бородаев достал из папки одну из справок и пальцем показал на дату в тексте.

— Вот смотри.

1954-й.

— Часть из Бахчисарая перевели в Симферополь сразу же после Суда. В ней тогда ничего не хранили, просто держали как резерв, типа ЗКП. А хохлы вспомнили, и решили резервом воспользоваться.

— Так вы сегодня захватили карты?

— Карты мы сегодня получили, скажу тебе сразу. Мы готовились к сегодняшнему дню последнюю неделю. Вернее не к сегодняшнему, в часть мы планировали зайти двадцать первого, а пока просто наблюдали за ней.

— Так зачем тогда сегодняшний кипиш?

— Форс-мажор Сергей, серьезный форс-мажор. Сегодня на базу к картографам попыталась проникнуть группа английских спецназовцев, «сбсовцев», с оперработником ЦРУ в сопровождении офицера Генштаба Украины. Сам понимаешь, по чьему поручению они действовали. Сначала мы думали, что они хотят эвакуировать нужные нам документы. Тогда бы мы их приняли просто на выходе и отобрали, то, что нам нужно.

— Что за «сбсовцы»?

— Английский морской спецназ. Покруче, чем распиаренные «сасовцы», в чем мы лично убедились. Зашли с моря, а штабист их возле части встретил.

— Сколько было «тяжелых»?

— Семь спецназовцев и этих двое. Всего девять человек. В общем, в последний момент получили достоверную, стопроцентную информацию, что они заходят, чтобы уничтожить карты и документы. Они тоже тянули до последнего, не верили, что Путин пойдет на присоединение Крыма. Ну, вот сегодня, в день оглашения решения, когда стало ясно, что вариантов никаких больше нет, решили действовать.

Сегодня был серьезный бой. ЦРУшник и три «сасовца» убиты, один тяжело ранен, сейчас в реанимации, трое смогли уйти. Часть документов они успели повредить. У нас тоже потери. Пять погибших, четверо тяжелораненых.

— Я слышал, что погибло всего двое.

— Сергей, ты не понял. Я этих двоих не считаю. Когда началась заваруха, мы подтянули роту крымской самообороны. Она под моим контролем, мой человек Игорь Жидкин ими руководит, сборище слабо подготовленных энтузиастов. Штурм части — это просто отвлечение внимания от основного события. Поэтому эти двое — это случайные жертвы. Сегодня погибли наши достойные бойцы. Нужно сделать все, чтобы это было не зря.

— И что дальше?

— Дальше роту самообороны распустим, людей разгоним. Скажем, что перестарались при штурме, таким

образом, оттянем внимание на них и придумаем какое-то более-менее приличное объяснение для общественности. Создадим фон в СМИ[8]. Главное, что мы нашли то, что так долго искали!

2.

8 Из украинских СМИ, на 18.03.2014: «В Симферополе в ходе штурма 13 фотограмметрического центра неизвестными вооруженными людьми убит один украинский военнослужащий. Об этом сообщил руководитель крымского медиа-центра Минобороны Владислав Селезнев. «Один человек убит в ходе штурма 13 фиц. Этот украинский военнослужащий нес службу на территории парка части. Раненного отправили в больницу скорой помощи Симферополя», — написал он. В настоящее время в Крыму российские войска усилили давление на украинские военные объекты. Так, во время штурма фотограмметрического центра Управления центрального военно-топографического и навигационного Главного управления оперативного обеспечения Вооруженных Сил Украины в Симферополе российскими военными было применено огнестрельное оружие. «Из окон домов близ объекта работают российские снайперы. По нашим данным, на данный момент ранен один человек», — сообщил руководитель Центра военно-политических исследований Дмитрий Тымчук. **Дополнено в 18.55:**

Один украинский военнослужащий убит (прапорщик К. — по этическим соображениям фамилию не называем), двое тяжело ранены. Остальные военнослужащие части арестованы.

Штурм проводил российский спецназ, его «подстраховывали» бойцы т.н. «самообороны». Выстрел на поражение был произведен со стороны «самообороны». Сейчас крымские СМИ со ссылкой на МВД Крыма распространяют информацию с точностью до наоборот. Якобы «один боец самообороны погиб и двое ранены в результате стрельбы на улице в Симферополе. Стрельба из снайперской винтовки по бойцам самообороны велась из недостроенного дома напротив украинской военной части», — пишет Дмитрий Тымчук».

На следующий день Бородаев, Сергей, три явно местных проводника и группа милофеевских спецназовцев на двух микроавтобусах отправились на взятие под контроль «Гайдн-Парка», того самого Депозитария, в котором хранились тела Президентов, Борна и Хемингуэя.

Местоположение теперь было известно, он размещался внутри большого горного массива Кара-Даг недалеко от Коктебеля в месте бывших тайных советских складов и лабораторий.

Они заехали со стороны Феодосии и остановились у комплекса каких-то больших технических ангаров в районе Щебетовки. Александр и Сергей стали в бинокли рассматривать известняковые хребты окружающих гор.

Один из трех проводников отошел и через какое-то время вернулся в сопровождении человека с явной военной выправкой. Тот открыл массивные ворота одого из ангаров, самого большого, и они въехали туда прямо на машине. Внутри на обширной территории было, однако, не очень просторно из-за многочисленных вещей и предметов. Их встречали двое охранников, за которыми стояло человек семь бойцов в камуфляже, пять черных бронированных джипов — «тойот», многочисленные мешки и пакеты с камуфляжем, шлемами и прочим снаряжением, сумки с бронежилетами, коробки с радиостанциями, противогазами, водолазное и альпинистское оборудование, несколько раскладных столов с работающими мониторами компьютеров, два из которых транслировали кадры с каких-то видеокамер и спутника, много разнообразных ящиков, сложенных у дальней стены. Некоторые из них явно были оружейными цинками. С большой стойки на него смотрели стволы трех «Кордов».

— Командир, могу доложить обстановку? — к Александру подошел один из находящихся в ангаре, худой,

подвижный и собранный, с лицом внимательной рептилии, до этого в напряженной позе стоящий чуть вдалеке, держа в руках большую карту и несколько листов бумаги.

— Да, «Копье», докладывай.

— Позавчера поставили «глаза» здесь и здесь, — он указал координаты на карте. — В общем, они стараются не шуметь, но явно есть оживление. Нас вроде не видели, обстановку мониторят, у них есть несколько КП и наблюдательных точек, вот здесь, здесь и здесь, — он указал на выделенные на карте места. — У них хорошие тепловизоры, но мы ребят ставили в теплоотражающих костюмах. Нас они не видели. К работе под водой группы тоже готовы, можно наводить «фалы» и начинать. И было какое-то движение в поселке, похоже «наружка» работала, непонятно, правда, чья. Хотели отработать, но те ушли. Есть сводка, — «Копье» протянул несколько написанных от руки листов бумаги. — И, командир, нужно Ваше утверждение по радиочастотам и таблице переговоров. Без нормальной координации можем провалиться.

— Женя, я сам решу, что и как делать. Бумаги потом посмотрю. Подожди в стороне, сейчас переговорим с коллегой, и все обсудим.

— Есть, командир.

— Как-то жестковато ты с ним, — заметил Сергей, глядя в спину уходящему старшему.

— Сергей, с солдатами нельзя миндальничать, они сами этого не поймут. Если отбросить бравые сопли, то у солдата есть всего три функции. Две технические и одна главная. Технические — это умирать по команде и убивать по команде. Главная — выполнить приказ.

Ты же сам прекрасно знаешь, что вся система деревянного армейского «муштрования», это гениальная, проверенная столетиями схема отключения у еще вчерашнего гражданского психологических и социальных стереотипов. Еще недавно мальчика учили, что убивать — это преступление, что его жизнь — самая большая ценность.

А уже сегодня какой-то незнакомый тип требует, чтобы он убил кого-то и чтобы умер по его велению. Как заставить смириться с этим? Монотонные маршировки, групповые занятия, стирание личности ради коллектива — более качественной системы психопрограммирования не знает ни одна школа психоанализа. И здесь лишние эмоции только вредны.

— Наверное, ты прав. Что дальше?

— Ну что, Серега, дальше начинается самое интересное. Вот мы и познакомимся с самым главным мемориалом на планете.

— Саша, а если кто-то из гражданских случайно залезет внутрь? Я имею в виду в горы, туда, где хранилища?

— Это невозможно. Во-первых, там ведь никаких процессов не происходит. Это, по сути, индивидуальное статичное кладбище для пяти громких исторических персонажей, поэтому задача охраны — сидеть на попе ровно и сторожить вечный сон. Так что внимание зевак ничего привлечь не может. А основные входы внутрь находятся под водой, в надводной части почти ничего нет, кроме нескольких довольно изолированных наблюдательных пунктов. Поэтому никто туда случайно не проникнет. А вот мы неслучайно проникнем.

— Как?

— Мы на лодке, а часть боевой группы — в водолазных костюмах. На этот случай у меня среди бойцов есть боевые пловцы. Ну, может кому-то из штурмовых групп удастся зайти через наблюдательный пункт, но я на это не очень рассчитываю, хотя ребятам знать этого не нужно.

— Вот, смотри, — с этими словами Бородаев разложил прямо на капоте одного из «джипов» карту. — Сталинский Депозитарий расположен примерно со стороны Лисьей бухты, но в зоне, где нет пляжа, вход через хребет Хоба-Тепе. Американский и английский — со стороны «Золотых ворот». Рузвельт под Гяур-Чемом, а Черчилль под горой Святая. Недалеко от Черчилля

отдельный бункер для Хемингуэя и Борна. Соответственно документальное хранилище находится в районе хребта Карагач.

Пока определимся с нашим. Если смотреть сверху, то он находится почти под высотой «570», это Кокуш-Кая, часть Эчкидага.

Вообще комплекс этих гор — это древний вулкан, пустоты которого и были оборудованы под хранилища. Вот ты говоришь, гражданские. На самом деле, здесь совершенно целенаправленно культивировалась довольно активная гражданская жизнь, чтобы всячески спрятать под завесой бытовой деятельности то, что скрыто глубоко внутри. Сам видишь, сколько здесь отдыхающих.

Более того, специально организован доступ к некоторым пещерам, которые совершенно изолированы от хранилищ. Например, на Кокушкае есть доступ к карстовым пещерам «Ухо Земли» и «Царскому трону». Так что маскировка проработана идеально.

Кроме этого здесь размещено несколько научных учреждений, одно из которых — радиоастрономическая обсерватория в долине Беш-Таш на самом деле является передовым контрольным пунктом Депозитариев, контролирующимся Нобелевским Комитетом напрямую. Раньше этот пункт был нашим, и по легенде зашифровки числился за Горьковским научно-исследовательским радиофизическим институтом. В 60-х годах даже было такое интересное мероприятие, когда привлеченные горьковские радиофизики начали собирать под горой свои радиотелескопы, а на самой вершине установили искусственную луну, которая стала как бы символом места. Но после развала СССР все отошло Комитету.

— Кстати, кто охраняет Депозитарии?

— Приданные Нобелевскому Комитету силы спецназначения. Ими руководит Секретариат Комитета, он называется «Геменскап».

— Так мы будем брать Депозитарий силой?

— Надеюсь, удастся обойтись, но скорее всего да. Хотя, чего уж там, естественно силой!

— А людей хватит? С нами сколько? Человек двадцать?

— Двадцать три, и это надежные бойцы с боевым опытом. Плюс еще сорок сейчас рассредоточены под легендой отдыхающих. И должно подъехать еще четырнадцать. Ну, и есть у нас еще резервы. Но здесь массовость только повредит.

— Уже нормально. А охраны Депозитария сколько?

— Точно не знаю, но по предварительным оценкам около семидесяти.

— Тогда соотношение так себе.

— Здесь расчет не на полноценное боестолкновение, а на эффект внезапности.

— Вряд ли. После всех движений вокруг Крыма, думаю, все очень наряжены.

— Согласен с тобой, но вариантов у нас не много. Сегодня вечером подгонят подводную лодку, и можно будет начинать. Мы организуем отвлекающий удар, сейчас изучим остановку и решим где, а основные силы в это время пойдут на главный штурм. Я иду с основными как командир, если захочешь присоединиться — милости просим.

— Есть лодка?

— Небольшая дизельная, но нам больше и не понадобится.

— Думаешь, подводный проход безопасен?

— Нет, конечно. Там просто так не разобраться, а сам проход заминирован. Но благодаря найденным у топографов документам мы знаем, как быстро и довольно безопасно все преодолеть.

— Тогда понятно. Почти.

— Сейчас нужно проработать детали, определить маршрут эвакуации, как вывозить «двухсотых» и «трехсотых», к этому тоже нужно быть готовым. Нам обещали

вертолет с реанимационным комплексом, медики в команде есть. Хорошие медики.

В это время бойцы стали разбирать снаряжение, набивать магазины патронами и осматривать оружие. Один, маленький, худой и резкий свозь зубы жаловался, что оружие не пристреляно. В это время к Бородаеву подошел один из находившихся в ангаре и попросил подойти к телефону. Они отошли к дальнему столу, на котором лежал раскрытый чемодан, из которого торчала большая черная трубка. Явно какой-то спутниковый аппарат.

Сергей из вежливости отошел к дверям ангара.

Бородаев говорил по телефону, после чего кинул трубку, но не вернулся к Сергею, а подошел к сосредоточенно собирающимся бойцам и несколько минут молча смотрел на них. Потом направился к Сергею.

— Саша, что случилось? — спросил Трофимов, увидев побледневшее напряженное лицо Александра и нервно сжатые кулаки.

— Все, мероприятие отменяется! Только что говорил с Костей. Он был у Путина. Я так понял, они о чем-то договорились. Завтра в Депозитарий официально заходит спецназ ФСО. В задницу это все! — он достал сигарету из пачки и глубоко затянулся.

3.

— Ну что Сережа, я уезжаю, есть интересный проект, дай Бог, все сложится, может, и на нем пересечемся. Здесь в Крыму от Корпуса старшим остается Михаил, — Бородаев прощался с Сергеем, они пили виски и обсуждали дальнейшие планы и перспективы.

— Не скажешь, куда? Хотя нет, не надо говорить.

— Ну, примерно в том направлении, что и сейчас, но чуть поглубже. Сейчас прорабатываем детали.

— У меня есть друг, может, ты слышал о нем, он тоже из департамента. Надежный парень, он работает сейчас под легендой на Донбассе. Я дам тебе его контакт, может,

пригодится. Передашь ему привет от меня, он поможет, если будет надо, я в нем не сомневаюсь. У него там хорошие позиции.

— Спасибо, не откажусь. Надежные люди, конечно, всегда пригодятся. Он может информацией подсветить, или что-то посерьезнее?

— Если будет знать, что для общего дела, и что ситуация того стоит, то сделает все, что нужно.

— Ну, канал захода боевой группы может обеспечить?

— Ты поведешь?

— Не факт. Возможно, кто-то из моих бойцов, но, в любом случае, под моим руководством.

— Только тебя прошу, не этого олигофрена, который у топографов обосрался!

— Серега, перестань. Задача в итоге была выполнена, хоть и не ими. Да, Жидкин, мягко говоря, не гений, зато я знаю, что он меня не предаст. В общем, могу на твоего человека рассчитывать?

— Да, он сделает, все, что нужно. Но сам высовываться не будет. Ему главное — не «светиться».

— Окей, еще раз спасибо.

— Ну, в добрый путь. А меня, Саша, знаешь, немного беспокоит то, каким образом получится найти компромисс между службой и моим дальнейшим участием в Корпусе. Честно говоря, я психологически готов уволиться, тем более, если уж совсем откровенно, что меня уже некоторое время еще до наших общих событий служба тяготила.

Когда-то я прочитал какую-то историю, честно говоря, уже не помню деталей и источника, но это не важно. В общем, все сводилось к тому, что некая медсестра, которая проработала много лет в реанимации, написала свои воспоминания. Короче, суть вот в чем. Эта тетка, помимо других наблюдений, составила рейтинг сожалений умирающих людей. Знаешь, что было на первом месте?

— Да, наверное, разное было. Думаю, о несделанных поступках, о несказанном близким?

— Это, конечно тоже. Там много всего было. Про связи с близкими, про нереализованные возможности, несделанное тоже, ты прав, конечно. Но на первом месте с серьезным отставанием от остального было сожаление о том, что умирающий всю жизнь старался соответствовать чужим ожиданиям, а не своим собственным. Ожиданиям родителей, коллег, начальства, общества, отодвигая, зачастую, собственные ощущения и взгляды на второй план, подстраивая их. Вот я не хочу в такой ситуации оказаться.

Понимаешь, у меня есть работа, в которой я успешен и перспективен. Но, однако же, я уже давно и серьезно подумывал о смене рода деятельности, но никак не мог найти достойную альтернативу. И вот совершенно неожиданно нашел. Как думаешь, может все же написать рапорт?

— Думаю, торопиться не стоит. У тебя благодаря службе есть возможности, которых потом не будет. Сейчас нужно выйти на расчётную высоту по ситуации вокруг Суда, мы к ней вплотную приблизились. А потом можно и кадровые решения принимать. Ну а жизнь, дай Бог, уже покажет, что и как будет дальше, — с этими словами Александр протянул олд-фешн с порцией «макаллана».

Глава 6. Выстрел Хемингуэя

1.

— Так что, видишь его?

— Ну, вроде силуэт был в спальне, но думаю, может поближе подойти, проверить.

— Жена маякнет, если он выйдет, успокойся.

— Да мне еще нужно помочиться…

— Слушай, молодой, взял контейнер и вперед! Из машины ты не выйдешь, я из-за тебя отпуском рисковать не стану!

2.

На границе сна и реальности звук рыбацким крючком зацепил край распухшего воспаленного зубного нерва и стал тянуть его куда-то в болезненную даль. Звук был визгливый и истеричный, как голос дебелой соседки из детства.

Зззсссс!!!! зсссссссс зззсссссззз!!!

Удивительно, но зуб на самом деле не болел. Однако действие этого звука, издаваемого мерзким инструментом, перекрывало обычные физические страдания, а в них он разбирался не хуже, чем герои его книг.

Где-то в глубине сознания мелькают кадры. Магазин. Покупка обычной детской скакалки. Нужна детская, потому что у гимнастической нет ручек. Дома освобождаем ручки скакалки от пеньковой веревки. В старой консервной банке греется свинец. Струна. Струна! Иди-ка сюда, виолончель! Одна из струн срезана. Вяжем по узлу на краях струны, так, чтобы рабочая зона была длиной в предплечье, второй узел крутится после того как вдели струну в ручки. Свинец нагрет, и медленно льется в полые ручки. Гаррота готова! Позавидует даже индийский туг, орудие не хуже румала.

Судорога, еще и еще! Неуклюжая деревяшка бьется в руках. Когда душишь, нужно чуть откинуться назад, рычагом сместив вес тела, немного согнуть в коленях ноги и чуть развернуться в сторону рабочей руки. — Сынок! — хрип Грейс, которая вдруг оказалась на месте виолончели… Его мать, так настойчиво пытающаяся в детстве привить любовь к этому адскому музыкальному инструменту, что было еще хуже занятий в церковном хоре… Как и струна, превратившая из источника музыки и боли в убийцу того, частью чего сама только что была….

Стало ясно, что зуб не болит, а чувство боли, схожей с пулеметной очередью по ногам принес лишь этот Богом проклятый музыкальный инструмент. Ну, разве может быть виолончель столь гадливо-мерзкой?

Он давно и точно знал, что может. И единственным способом успокоить боль и перекрыть визг, был свист. Когда-то отец дал ему дельный совет: ««Когда больно и хочется плакать, свисти». С тех пор, если было совсем плохо, он свистел, как бы показывая, что все это на самом деле полная ерунда.

— Господин адвокат, немедленно прекратите!

Опять тот самый Суд. Один из сидящих в президиуме делает замечание. Их уже не пять, да и в целом, от наследства Альфреда здесь мало что осталось. Все недовольно смотрят на него.

…На верхней фазе собственного свиста он просыпается.

Нет, это не Майо. Он уже не в клинике, сейчас вокруг него его дом. Опять в Кетчуме.

Тяжело качнувшись маятником тела, он встал с узкой кровати и подошел к окну. Потрогал языком нависающие над верхней губой волосы. «Надо будет подстричь» — подумал он.

Одной из особенностей его дома, расположенного на западном берегу Вуд-Ривер, был так любимый им и совершенно необычный для других местных домов вид. Если все остальные дома позволяли местным любоваться закатом, то из его окон можно было встречать рассвет. Рассвет, который он встречал каждое утро своей жизни.

Окна были распахнуты. Свежий воздух позднего июня втянулся в легкие. Он долго смотрел в окно, прислушиваясь к ровному шуму соснового леса. Зрение очень подводило, поэтому он не столько идентифицировал, сколько знал, что темное расплывчатое пятно где-то там в этом в маленьком индейском городке и является тем самым автомобилем. Машиной с теми самыми людьми.

Зайдя на кухню, взял с полки с алкоголем бутылку джина и, налив в стакан на две трети, капнул немного вермута. Это его личный рецепт, который станет популярным под названием «Монтгомери».

Когда очередная симпатичная корреспондентка, интервьюируя его, спросила, что за коктейль, который так хвалят его друзья, он изобрел, и что означает его название, Хэм, смеясь, ответил, что пресловутые воины генерала Монтгомери не способны были атаковать нацистов в Северной Африке, если их превосходство не было пятнадцатикратным. Именно эти пропорции вермута и джина обеспечивает коктейль.

Немного отпустило.

3.

Юношеский задор тянул его к приключениям. Самым страшным из того, что тогда пугало, представлялась возможность прожить скучную, размеренную жизнь.

Немного поработав репортером, он решил отправиться на войну. Речь не шла о защите каких-то идей. Война интересовала его сама по себе. Но подвело плохое зрение, и на военно-врачебной комиссии его забраковали. Тогда он поехал в Италию в составе Красного Креста.

В Италии он впервые увидел не войну, но главное ее следствие. Растаскивая трупы женщин, погибших при взрыве завода боеприпасов, он задумался не о яркой и манящей форме процесса, но о его сущности.

Позже это чувство нашло закрепление.

Все волонтеры жили в местной деревне Шио, откуда он каждый день ездил на передовую к реке Пьяве. Однажды в окопах Эрнест познакомился с французом, которого звали Антуан де Сент-Экзюпери.

…Он на минуту потерял сознание, а открыв глаза, понял, что его уши, рот и ноздри забиты тишиной, через которую навстречу тошноте глухо пробивается звук продолжающегося обстрела. На лице твердела корка грязи, солеными струйками льющаяся в рот. Потом он поймет, что это кровь. Не его. Остатки Михаэля, Стива и еще нескольких незнакомых ребят разбросало вокруг и их кровь, смешанная с грязью и кусочками костей, за-

стыла на нем. Потом за пазухой он найдет фрагмент шинели с пуговицей и кусочком человеческого мяса. Одна штанина была утыкана мелкими осколками, некоторые ушли вглубь ноги, образовав рваные углубления, через некоторые пробивались маленькие фонтанчики крови.

Тупое равнодушие растеклось в голове. Но за ним начинала подсверливать мысль, которая потом стала регулярно наскакивать и резко прятаться всю остальную жизнь. Все ли верно в происходящем? Однако ему совсем не хотелось думать о своей жизни. Ему все еще хотелось убивать. Бежать и убивать.

Он прекрасно понимал звериную суть человека. Неизбежность войны, движущей цивилизацию вперед. Но и мысль об альтернативе тоже регулярно приходила к нему. Именно тогда он подумал о сущности души. Именно там он ощутил, что может с ней проститься. Не с жизнью, а именно с душой.

Как потом он напишет: «Я был большим дураком, когда отправился на ту войну. Я думал, что мы спортивная команда, а австрийцы — другая команда, участвующая в состязании».

4.

— Господин директор, Вы же знаете историю его семьи. Она подробно изложена в досье.

— Оставьте документы и пока свободны.

Помощник быстро вышел из кабинета.

Привычным движением, зажав корешок дела между указательным и средним пальцами, Гувер взял материал, на внутренней части обложки которого вместо грифа был впечатан ромб с лежащей на боку восьмеркой в центре и буквой «п» под ней, и стал листать, иногда приостанавливаясь на интересных моментах.

Отец Хемингуэя сильно страдал от диабета, что наложилось на неудачное вложение в недвижимость во Флориде. В итоге он застрелился. Сестра Эрнеста Урсула,

заболев неизлечимой болезнью, тоже покончила с собой. Пытались свести счеты с жизнью его любовница Джейн Мейсон и парижский друг, писатель Фицджеральд. Один из первых биографов писателя выбросился из окна. Мда, чего же ты, сволочь, не придерживаешься семейной традиции. Все же условия налицо!

Так что вполне понятным для публики будет некая семейная и личная фатальность. Она вполне вписывается в сложившийся образ объекта. Хемингуэй жил в атмосфере суицида. Значит, с ней и уйдет[9].

5.

…Когда Эрнест стал жаловаться на состояние здоровья, что было прямым следствием гипертонии, диабета и бурного прошлого, Бюро провело оперативную комбинацию, при которой удалось добиться помещения писателя не в терапевтическую лечебницу, а в психиатрическую клинику Майо. Там в ход пошла электросудорожная терапия, или попросту электрошок, благодаря чему Хемингуэй утерял часть памяти и способность к последовательному изложению письменной информации. (Лишь спустя десятки лет ФБР рассекретило часть своих архивов, признав, что действительно долгое время следило за Хемингуэем. Но конечно, признано было не все[10]).

Если же Эрнест пытался жаловаться на слежку и интригу вокруг него, то все близкие в один голос начинали говорить о паранойе. Этот прелестный хор режиссировался той рукой, что листала сейчас описание жизни писателя.

9 Пройдут годы, и проложенная твердой рукой ФБР через постановку смерти великого писателя традиция продолжит давать всходы. Сначала в 1982-м застрелится младший брат, Лестер Хемингуэй, потом отравится внучка писателя Марго.

10 Ссылка на официальный сайт ФБР о Хемингуэе. https://vault.fbi.gov/ernest-miller-hemingway

6.

На самом деле, как всегда, свою роль сыграли бабы. Четвертая жена Хемингуэя Марта Геллхорн стала роковым поворотом в прочерченной линии судьбы мира и места Хемингуэя в нем.

Досье содержало подробную информацию о так называемой «агентурной подставе», в ходе которой объект оперативного интереса через Ирвинга Шоу в лондонском кафе был познакомлен с проверенной агентессой, известнейшей военной журналисткой Мартой Геллхорн.

Марта была идеальна. С увлеченностью интеллектуального параноика она стала «выдаивать» Хемингуэя, пытаясь разобраться в его хитросплетениях взаимоотношений с Советами и, одновременно, страстно втянувшись в роман с ним.

Геллхорн была пропитана бунтарством, борьбой за социальную справедливость и либерализмом. Идеализм толкал ее в авантюры совершенно разнообразных проявлений. Благодаря экспериментам в сексуальной жизни до войны она быстро стала ведущим военным корреспондентом США.

Первоначальные предложения Бюро о сотрудничестве она с негодованием отвергла.

— Доносы?! Гуляйте дальше! — заявила она заместителю директора Бюро.

Их взаимодействие развивалось медленно, плавно и по нарастающей. Сначала вокруг чисто военных тем, и лишь постепенно приближаясь к всеобъемлющей гражданской жизни.

Катализатором и связующим звеном стала Элеонора Рузвельт.

В то время Марта написала книжку о бедах безработных, которая стала поводом к знакомству с Элеонорой, тоже активно борющейся за человеческие права.

Изначально их познакомил весьма могущественный тогда Гарри Хопкинс, руководивший у президента

Рузвельта Администрацией по обеспечению работой (ВПА). Потом он станет министром торговли США и позже вместе с Элеонорой и Гувером фактически возглавит Штаты. В дальнейшем, когда к ним присоединится Черчилль и кое-кто еще, они станут каркасом нового мирового порядка. Черчилль в честь Гарри даже поручит назвать один из английских танков, подчеркивая его профессиональные качества.

И именно Гарри, будучи неотъемлемой и ключевой частью всех рузвельтовских делегаций, в том числе Ялтинской и Тегеранской, уловит сближение Франклина и Сталина. С того времени судьба Рузвельта будет решенной…

После того, как они сошлись с Мартой, первым ее поручением стало изнутри разобраться с национал-социалистическим европейским движением. Она прекрасно справилась с этой задачей, написала тайный доклад об угрозах, но при этом и… пользе. Вслед подготовила намного более сдержанную, чем доклад, серию легальных репортажей.

К необходимости сблизиться с Хемингуэем она отнеслась с пониманием. Это был не первый «ограниченный гений», как она называла таких, с кем ее просили поработать. Особенно влек ее в этой ситуации их антагонизм. Она — яростная защитница прав женщин и он — олицетворение грубого мужского мачизма.

Встреча агентами была организована в Ки Уэсте, о существовании которого Марта раньше и не подозревала. Они с Элеонорой долго решали, как ей одеться. В итоге остановились на черном брючном костюме, выгодно подчеркивающем ее и так длинные ноги.

Агенты сообщили, что писатель находится в баре «Неряха Джо», куда она сумела быстро подъехать. Там и пил Хемингуэй. Через несколько минут они были уже знакомы. Вскоре миссис Рузвельт получила письмо от младшей подруги, где та отчиталась о встрече.

После этого — совместная поездка в Мадрид, на гражданскую войну в Испании. То, что Хемингуэй тогда еще был женат на Полин, не задерживало ни одного из них.

Здесь она уже совмещала развитие личных отношений и профессиональные интересы. Благодаря Эрнесту она познакомилась с генералом Лукачем и комиссаром Реглером, с помощью которых получила доступ к секретным документам, интересовавшим американскую сторону.

Одной из ее задач была проработка связей Эрнеста с коммунистами, из-за чего ей пришлось сблизиться с другом Эрнеста голландским документалистом Иорисом Ивенсом.

Хемингуэй тогда читал текст к фильму Ивенса «Испанская земля», а в 1937 году по просьбе Ивенса принял участие в Конгрессе американских писателей в Нью-Йорке, где собралось почти четыре тысячи представителей левой творческой интеллигенции.

И вот Марта через Элеонору организовала визит авторов фильма в Белый Дом, став проводником бунтарей. Как известно, ни о чем так не мечтает бунтарь, как о возможности приблизиться к власти.

После победы генерала Франко в Испании Хемингуэй с Мартой уедут на Кубу и живут в отеле «Амбос Мундос», где под ее влиянием он напишет «По ком звонит колокол».

И вновь Марта утрет Эрнесту нос.

Проснувшись однажды в номере, он найдет записку: «Японцы напали на нас в Перл-Харборе. Уехала на войну. Целую».

Всегда на войну ехал он, оставляя своих гусынь заботиться о доме. А здесь все оказалось наоборот! Когда все закончилось, он назовет свой третий брак самой большой ошибкой…

Умная и красивая молодая стерва полностью поглотила внимание Эрнеста. Она стала его «Папиным Карманным Рубенсом».

Но это совсем не значило, что в свою очередь, она полностью была поглощена им. Их маленький тайный женский кружок, которым так искусно руководила Элеонора с подругой, был для нее много важнее страсти очередного поклонника. Однако сил хватало на все.

А потом, когда все закончилось и стало понятно, что он выжат как губка, она просто ушла от него. Просто ушла, единственная из всех жен, подав сама на развод.

О да! Она была гордостью Бюро. Шла по жизни легко, и когда, не будучи способной нести дальше груз ответственности за прошлое, она совершит самоубийство, то удивит всю организацию.

Он же старался утопить свою уязвимость перед Мартой в вине и войне. Но в этот раз апробированный коктейль не очень помогал. Марта лишь смеялась над ним…

7.

Пролистав плотный блок страниц, Гувер остановился на вербовке агента «Коралл».

В основе была обычная ревность. Но ревность, которую удалось распалить до яростной ненависти, тщательно скрываемой за заботой.

Причиной была восемнадцатилетняя Адриана Иванчич, которой стареющий Хемингуэй увлекся с классической отчаянностью пожилого ловеласа, благодаря молодой любовнице пытающегося ухватиться за поручни последнего вагона уходящего поезда молодости.

Их знакомство состоялось в Венеции в 1947-м году. Адриана была дочерью погибшего во время войны друга писателя. Эрнест всерьез увлекся Адрианой и старался быть с ней во всех поездках.

Директор прочитал дальнейшее описание и усмехнулся. Попытки Бюро «подсветить» историю для Мэри оказались ненужными, так как писатель сам рассказал ей все. И не просто рассказал, но стал на Мэри вымещать раздражения от сложностей общения восемнадцатилет-

ней девушки и сорокавосьмилетнего мужчины. Именно Адриана стала прообразом Ренаты в чувственном романе «За рекой в тени деревьев».

Он стал открыто оскорблять жену, называть «девкой, которая тащится за полком», говорил, что у нее «лицо Торквемады». Она терпела. Терпела и ненавидела.

8.

США. Сидит русский разведчик с агентом на лавочке. Тот говорит: — Послушай, я тебе передал секретную информацию! Это что, я теперь шпион?! Наш успокаивает: — Да нет, шпион это я... А ты просто предатель...

Он же, как это часто бывает с завербованными агентами, попытался протранслировать на других свои тайные связи.

Эрнест постарался сформировать на Кубе контрразведывательную сеть из числа местных барменов, мелких чиновников, в поисках немецких шпионов и диверсантов, но эта игра без смысла и содержания довольно быстро наскучила.

И вот тогда на его горизонте появились русские.

…Нельзя было сказать, что в России Хемингуэя полюбили сразу. Изначально это было настороженная неприязнь к очередному представителю враждебного мира. В тридцатые на его произведениях было поставлено четкое клеймо: «Проповедь одичания и империалистического разбоя».

Тем же платил и Эрнест. Он написал целую серию работ с рассуждениями о неизбежности вырождения революции. Да и незнание языка и сомнения в способности понять суть событий отпугивали.

В ответ на первый раз прозвучавшее предложение он заявил: «Я никогда не поехал бы в Россию. Дело в том, что после переворота тебя ждет только встреча с официальной линией и сквозь установленный заслон невозможно прорваться к подлинной истории и к людям без официального статуса».

Личность Сталина тоже первоначально отталкивала. Как однажды он написал в 1937-м году Гарри Силвестру: «В России у власти нечистая компания, впрочем, мне не по душе всякое такое правительство».

Но случилась война в Испании, и встречи с советскими людьми многое в нем изменили. Особое влияние оказала книга Исаака Бабеля «Конармия» и романы Ильфа и Петрова. Далее — знакомства с Алексеем Эйснером, Ильей Эренбургом, Михаилом Кольцовым, Романом Карменом.

— Эрнест, что вы возитесь с этими русскими? — спросил его однажды критик Эдмунд Уилсон, на что Хэмингуэй ответил: «Я видел, как они воюют. А в войне, как нигде, проявляется суть человека».

Так постепенно он подошел к негласному сотрудничеству с органами внешней разведки СССР под псевдонимом «Арго».

И вот весной 1941 года он оказался в Китае, откуда тайно был переправлен на Дальний Восток. До войны оставалось еще больше месяца.

Оттуда длительной, но интересной дорогой он и отправился к Сталину.

До встречи с вождем он успел посмотреть Москву и даже познакомиться с очаровательной переводчицей Людмилой, работающей в какой-то местной конторке. Девушка была высокой белокурой хохотушкой, физически сильной и решительной. Это был его типаж.

Естественно Эрнест не понимал, что ночи с ним проводила штатная сотрудница органов государственной безопасности.

— Он точно примет меня? Я читал это дурацкое письмо в «Дэйли уоркер», где меня обвинили в клевете на Советы за «Звонит колокол». Но я же писал лишь то, что видел сам!

— Не переживайте, Эрнест. Он все понимает. Вы знаете, что, несмотря на это письмо, в СССР роман, в отличие от других Ваших произведений, был переведен. Думаю, этим все сказано.

— Ну, хорошо….

9.

Они вновь встретились лишь после войны.

…— Скажите, почему меня не издают в СССР?!

— Эрнест, Вы будете почитаемы в Союзе всегда. Но мы не хотели бы делать Вас советским писателем. Ибо козырь Вашего участия в большом деле так ярок потому, что мы демонстрируем объективность, обращаясь к всемирно известному автору, к которому в нашей стране относятся осторожно.

— Я пока еще не согласился, и для себя не решил, нужно ли мне это. Без внутренней уверенности мое участие не будет эффективным.

— Эрнест, Вы же понимаете, как тяжело простым людям жить. Насколько страдает рабочий от капиталистической несправедливости.

— Иосиф, я не парень из богатого дома. Я и моя первая жена Хэш долгое время питались лишь луком и кагором, разведенным водой. Часто приходилось врать, что иду на деловой обед к знакомым, а самому гулять по городу, чтобы жене и ребенку досталось больше еды. Зато заглядывая в музеи, я ощущал ту яркость и красоту картин, которую никогда не понял бы сытым! Поэтому я знаю, как нелегко бедному человеку. Но мы сами выбираем свой путь.

— Ну, значит, мое предложение не должно вызывать у Вас сомнений.

— Но я ведь даже не юрист, не профессиональный адвокат! — схватился он за столь очевидный аргумент.

Сталин усмехнулся.

— Знаете, Эрнест, в таком деле роль профессионала всегда будет фальшивой. Кроме того, не может здесь быть профессионалов. Речь идет не о какой-то узкой сфере, а о философии, о сути мирового развития, а такой нерв мало кто сможет ощутить и передать лучше Вас.

Да и кроме этого. У вас ведь прекрасный опыт участия в жизни законников. Вспомните, как в юности в Канзасе вы работали в местной газетенке… Как же она называлась? «Стар», — ответил сам себе Сталин, опередив Хемингуэя. — Вы так ярко и дотошно освещали жизнь местного преступного мира, изучив все ее детали и регламент работы судов и полиции, что почти стали их частью. Так что кое-что про суды вы все же знаете.

Но все пошло по-другому.

10.

— А почему именно Нобелевский Комитет?

— Знаете, есть такой принцип. Хочешь спрятать хорошо, прячь на самом видном месте. Сложно придумать что-то более видное, чем Комитет. Разве что раздача «Оскаров», но там поменьше респектабельности.

11.

…Он хорошо помнит свой первый приезд в Суд, который целиком был организован на площадке официального (или, как они его тогда называли, малого) Нобелевского комитета.

Для больших заседаний использовался зал на Хертогрет, для совещаний — ратушу на Мэларзее. На Галерее Принцев их встречал кто-то из шведской королевской семьи с желто-голубыми лентами через плечо, но ввиду вторичности их роли он уже не помнил, кто именно.

Обеды и ужины проходили в несимметричном зале, который почему-то назывался Голубым, при почти полном отсутствии голубого на фоне красных стен из обожженного кирпича ручной работы, круговой колоннады и витражных окон. К залу вела мраморная лестница и гранитная галерея, где-то сверху виднелся большой орган, которым за все время прохождения Суда никто не пользовался. Еда в зал с кухни, расположенной на седьмом этаже, подавалась лифтом, но можно было перекусить и в своем рабочем кабинете, официанты приносили все, что необходимо по первому запросу.

Но все это тоже было не важно. Важнее был сам Суд. Эрнест хорошо помнил, как на девятый или десятый день, когда все постепенно близилось в кульминации и итогу, он сказал одному из помощников, закрепленных за ним от СССР: «Иногда мне кажется, что все это игра», на что тот ответил: «В эту игру теперь будет играть весь мир, сам не понимая этого».

Была ли его речь лучшим написанным им текстом? Он этого не знал точно, но в одном он был уверен — речь получилась отличная. Но в этой речи не было главного, и этого он не смог себе простить никогда — в ней не было главы, которая бы, помимо доводов, идеологии, исторических предпосылок и ветра нового времени обосновывала бы экономическую составляющую советского пути. Он договорился забрать эти бумаги у представителя Москвы за день до своего ключевого выступления, но не сделал этого.

…Эта его болезненная и не выпитая до дна страсть всегда нарушала запланированный ритм, правда никогда так катастрофически как в тот раз. Марта как всегда, появилась из ниоткуда, как всегда взбалмошная, дерзкая и насмешливая. Услышав ее голос в трубке, он предложил увидеться позже, но она сказала, что позже не будет, она отнимет у него всего пятнадцать минут, здесь она проездом, спешит, и он, и так к тому времени измотанный напряжением и ответственностью Суда, сломался. Полузабытое, но

упоительное чувство захлестнуло вновь, когда она сказала, что скучает. Как молодожены, они провели почти весь день и наступившую ночь в случайной гостинице, а на утро она опять, как это делала и раньше, сбежала, оставив короткую записку и демонстративный яркий отпечаток напомаженных губ на клапане кармана его рубашки.

Когда утром советский представитель все же передал ему расчеты, вставлять их в текст было уже невозможно, и он просто добавил их к выступлению как приложение, неуклюже попытавшись прочитать какие-то выдержки голосом в ходе выступления. Получилось не очень, но другого варианта уже не было. Этти аргументы все же сыграли свою роль, потому что в итоговом решении Суда было принято особое определение о необходимости в выбранной модели мирового развития следовать социальным стандартам и правам человека с акцентом на экономические, но не политические советские подходы. За это он уже никогда не мог простить Марту и больше их отношения не возобновлялись…

12.

Спустя пять лет после Суда его все еще влекло к стране, честь которой он не смог отстоять.

Он обратился с открытым письмом, в котором писал: «Когда срочные работы будут закончены, я с радостью приехал бы в Советский Союз и с большой радостью захватил бы собой своего друга Антонио Ардоньеса...»

В этой фразе таилась безумная надежда на то, что решение суда не будет исполнено, Россия выстоит, а «срочные работы», которые для этого нужно будет произвести, окажутся успешными…

13.

2 июля. Колокол звонит

Операция была продумана детально. К Кетчуму выдвинулось три автомобиля ФБР с разницей в час. В са-

мом городке их ждал четвертый, который был арендован группой скрытого наблюдения, ведущей постоянную слежку за домом и связывающей агента «Коралл» с директором ФБР и старшим операции.

Периодическое использование арендованного транспорта позволяло обеспечить передвижение группы без привлечения внимания случайных любопытствующих, так как на незнакомый автомобиль в таком тихом месте неизбежно обратили бы внимание.

Остальные две машины ждали на расстоянии в десять и тридцать километров соответственно. Доставивший их Бьюик уйдет в город, во второй мотор они пересядут на обратной дороге, а еще один находившийся в отдалении автомобиль являлся запасным.

Первая машина доставила группу к условленному месту на узкой дороге между Хэйли и Кетчумом, в месте, где долина сужалась более чем с двух миль до едва ли трети от своего обычного размера. Вдоль западной ее стороны горы почти приблизились к дороге, постепенно превращающейся в тропу. Впереди в ряд выстроились деревья, за которыми угадывалось русло местной реки.

Двое вышли из авто и, пройдя метров двести, в условленном месте долины Сан-Вэлли встретили машину группы наблюдения. За рулем был штатный оперативный шофер из Бюро, рядом невысокий коренастый мужчина с тяжелым чуть сплюснутым бульдожьим лицом, рассеченным глубокими морщинами.

— Здравствуй, Пол.

— Приве,т ребята. Я в курсе, все готово, она ждет.

К этому времени в здешних горах Саутут-Маунтин уже зелено. Растительность обволакивает не только землю, но даже горы метра на три, а то и выше, хоть на вершинах и лежит снег.

Машина, подпрыгивая, медленно спускалась к Кетчуму, а трава вокруг дороги становилась все выше. Невда-

леке журчала местная река. Вуд-Ривер никогда не теплела, забрасывая холод своих струй в ущелья Саутун-Мартина и расположенных подальше гор Рокис.

Постепенно они приближались к расположенному рядом с Кетчумом трехэтажному деревянному дому.

Мэри открыла им дверь. К этому времени супруга мастера уже приготовила его двуствольный «Vincenzo Bernardelli» 12-го калибра. Эрнест не раз с гордостью показывал ей, как обращаться с его любимым оружием, и более того, требовал от нее умения. Жена Хемингуэя должна знать, как пользоваться ружьем, да и в целом уметь все то, что и он! Все его бывшие жены следовали этому правилу.

Первым зашел Поп Арнольд, которого Хэм считал своим другом.

Еще утром Мэри добавила в еду снотворного, и он просто спал. Спал своим неспокойным, но крепким сном вплоть до выстрела.

Потом они уехали.

14.

Пол возьмет на себя организацию похорон, за которую ему придется отчитаться лично перед Директором. ФБР внимательно проследило за соблюдением всех формальностей.

Главные соболезнования последовали от Ватикана, Белого дома и Кремля. И в каждом из них был смысл, понятный лишь этому ограниченному кругу адресатов.

15.

Официально похороны были проведены 6 июля. В то раннее прохладное утро, когда его пустой гроб был захоронен на местном кладбище.

Оно располагалось в северной части города, на небольшом холме. Вокруг была сделана изгородь из оцинкованной проволоки.

Гроб был опущен в могилу рядом с Тэйлором Уильямсом, который при жизни являлся другом писателя. Тот был местным следопытом, имел прозвище Медвежий След, и умер два года назад. Хэм тогда подставил плечо под его гроб.

Мэри подошла позже друзей и сыновей погибшего. Ее черная шляпа с широкими полями была видна издалека, а простое черное платье было подобрано с изяществом модели «Шанель».

Местный священник отец Роберт Уалдман начал службу. Все застыли, демонстрируя своей неподвижностью скорбь.

Вдруг один из юношей, стоящих рядом, с криком «Отец!» бросился к гробу и стал резко дергать закрытую бронзовую крышку, пытаясь ее сдвинуть.

На несколько минут в воздухе растеклась изумленная тишина, прерываемая лишь рыданиями мальчика и ударами о гроб.

Зеваки, наблюдавшие церемонию за оградой кладбища, стали шептать друг другу: «Это старший сын Эрнеста, Джек».

И в это время раздался другой возглас, заставивший всех отвлечься от бьющегося о гроб Джека. Из-за изгороди неожиданно выскочил высокий человек, весь в белом, лишь на ногах была одеты коричневые туфли. Этот кричащий долговязый ангел неожиданно рухнул прямо за святым отцом, чем отвлек внимание от мальчика. Пока бедолагу поднимали и выводили обратно за ограду, друзья покойного сумели оттянуть мальчика.

Церемония продолжилась.

16.

Гувер отложил отчет.

— Объявите благодарность Симплтону. Эта его идиотская выходка с белой одеждой, как средством отвлече-

ния внимания на непредвиденный случай, неожиданно сработала.

— Да, господин Директор.

Глава 7. Эпиклеза

1.

— Я уверен в том, что наши устремления для Вас не являются тайной, — говоря это, Георгий Александрович смотрел Трофимову в глаза. — Конечно же, мы хотим видеть Вас в нашей организации. Сейчас Вы осознали картину реального мира. В котором много лет назад под благовидным предлогом была совершена несправедливость, когда новая, постепенно очищаемая от старой накипи и ошибок русская цивилизация оказалась сбита на взлете. В итоге нас убили дважды — сначала в ходе переворота семнадцатого года, а потом в пятьдесят четвертом.

Оба раза это сделали тогда, когда мы, ценой огромных жертв, потерь и народного страдания победили весь западный мир. Сначала в Первой мировой, и вот когда мы готовы были предъявить счет за эту победу в виде контроля над всей Европой, нас ударили изнутри.

Потом, после жертвенной победы во Второй мировой, когда мы были в шаге от мировой гегемонии, по праву заслуженной и выстраданной, нас ударили тем механизмом, который был предназначен для закрепления и легитимации этой победы. Великим Судом. Главным орудием второго убийства стал контроль над ядерным арсеналом, который оказался в руках международной группы авантюристов и циников, чье сообщество было объединено не только общими материальными целями, но и новой идеологией, замешанной на обновленной межконфессиональной библейской секте. При этом сформированный для Суда Нобелевский кворум про-

должил функционировать в качестве некоего интегратора мировых процессов. «Цифровики» попытались взять его под контроль, но пока у нас нет данных о том, что это в полной мере произошло, хотя они, конечно же, имеют значительное влияние на главный центр планеты.

Итогом второй волны стала ликвидация СССР, которая была намечена на 1961-й, но произошла спустя ровно тридцать лет в 1991-м году.

Оттянуть развал страны удалось благодаря титаническим усилиям группы энтузиастов, объединенных общей целью поиска Бога. Эти поиски благодаря определённой методике можно назвать успешными. Но помимо духовного совершенствования, или, даже скорее, благодаря ему, они не отрывали свою духовность от судеб Родины. Таким образом, был создан Корпус, который я и представляю.

Мы строго следуем православному учению и стремимся к возрождению нашей цивилизации. Мы уверены, что это возможно, и нынешний пример возвращения Крыма, который еще совсем недавно казался невозможным, является явным тому подтверждением. Без ложной скромности скажу, что решающую роль в этой истории сыграли именно мы. Вы, я думаю, уже поняли, что «нобелевские братья» контролируют значительную часть современной российской элиты, как после 1954-го года делали это в отношении значительной части советских руководителей. Несмотря на такое положение, есть немалое количество влиятельных людей, знающих реальное положение дел, которые сочувствуют нам, и, по возможности, стараются помогать.

Цели у наших сторонников могут быть разными. Например, известный тебе Константин Милофеев, будучи монархистом, считает, что нужное решение по новому Суду позволит изменить форму государственного устройства России. Другие просто стремятся сделать страну такой сильной, как она того заслуживает. Третьи хотят вернуть СССР, но без идеологических штампов, на

обновленной православной основе. Все это пока вторично. Важна лишь общая основа — сильная православная Россия с историческими правами на территории Русского мира, которыми пока пользуются все, кому не лень, оскверняя память наших предков.

Вы должны понимать, что наш Корпус — организация, в первую очередь, духовная. Именно поэтому наше внутреннее устройство строится лишь вокруг божественного пути. А вот если на этом пути ты решил объединиться со своими сторонниками и в миру действовать сообща во имя общей цели, то здесь уже мы имеем внешнюю, мирскую структуру Корпуса со своими правилами деятельности.

Конечно, не все наши сторонники являются членами организации. Для этого нужно пройти непростой путь, о котором я Вам расскажу. Но это не мешает людям нам помогать, а нам, в свою очередь, помогать им, если мы видим, что их деятельность строится во благо нашей общей цели.

Теперь о пути. Он непростой. Я не собираюсь строить интриги и играть в посвящения. Рассказываю, как есть. Мы отдаем себе отчет в том, что наш путь к Богу не единственный, да по-другому и не может быть. Зато это наш путь, и мы не сомневаемся в его правильности.

Вы уже знаете базовые догматические уровни Корпуса. Готовый к пути становится форейтором и познает основы в виде сути библейских откровений и специально подобранные физические и математические правила.

Потом наступает время тиуна, когда Вы сможете совмещать полученные знания в единое состояние. Ну и после наступает главный этап — это этап факторума Евхаристии, являющийся особой формой глубочайшего причастия. Самый сложный этап, и я должен об этом тебе откровенно сказать, чтобы, если ты согласишься, то понимал, к чему идешь.

— А если я не соглашусь?

— Сергей, Вы серьезный человек с солидным опытом. Я обойдусь без ребячества невнятных угроз или требо-

ваний бессмысленных словестных обязательств. Дело в том, что, изучая нашего потенциального участника, мы исходим из определенных критериев. И считаем, что если уж возник наш контакт, мы доверились человеку, то, даже в случае отказа дальнейшего совместного движения, человек все равно обладает теми высокими морально-нравственными качествами, которые не позволят ему злоупотребить нашим доверием.

Более того, как показывает наша практика, даже если кто-то и отказывается от пути в Корпусе, что для нас вполне понятно и не может вменяться в какую-либо вину, то наш контактер все равно остается нашим товарищем, и мы стараемся не рвать эту связь. Ведь если у человека есть личные установки по служению интересам своей Родины, то отказ от определённого пути не убирает их. Мы же, в свою очередь, делом доказываем бескорыстность своих устремлений. Поэтому если откажешься, то мы просто продолжим общаться, если ты, конечно не против, идя разными дорогами к одной общей цели. Более того, хочу еще раз повторить, что путь Корпуса — это, в первую очередь, путь духовного развития, а его внешняя составляющая — лишь вынужденная дань сложившимся обстоятельствам. Просто по некоторым приметам мы решили, что ты сам желаешь этого.

— Я правильно понимаю, что моя нынешняя работа не вписывается в деятельность Корпуса?

— Не буду скрывать, у нас есть сторонники в вашем руководстве. Я не буду называть имен. Но само это ведомство так прочно встроено в систему, которая контролируется нашими недоброжелателями. Поэтому честно отвечаю, да, не вписывается. И мы не хотим Вас превращать в агента, или внутреннего посланца, поэтому если не будете возражать, то будем готовы предложить альтернативную, и, думаю, не менее достойную карьеру. Что-то потеряв, сразу же что-то приобретешь.

— Знаете, не буду жеманничать, и задавать бессмысленные вопросы. Я все для себя решил. Согласен. Есть какие-то формальности?

— Да, небольшие. Нужно сдать кровь, вижу Вашу усмешку, понимаю, что в последнее время делаете это часто. Думаю, сами понимаете, почему. Все стараются контролировать, не находится ли человек в фазе форейтора, да и вообще. И несколько бумажек, просто для внутреннего учета. За годы опытов и экспериментов мы убедились, что даже в нашей ситуации нужна минимальная бюрократия, уж слишком мы иногда увлекаемся энтропией.

Но Вы, пожалуйста, не торопитесь. Я обязан объяснить главную сложность причастия. Если Вы войдете в фазу Евхаристии и достигнете определённого уровня, то для того, чтобы раскрыть в себе Бога и соединить его с внешним божественным светом, придется пройти через то же, что и наш предтеча. Я имею ввиду баланс между жизнью и смертью. Вас никто, естественно, не собирается убивать, но нужна угроза, которая должна отмобилизовать все струны душ, уже к тому моменту настроенные на нужный резонанс. Мы называем это состояние «инфинум», когда ощущение грани между жизнью и смертью освобождает дух от земного и делает решающий толчок.

— Отче, я всю свою сознательную жизнь рискую жизнью. Это не словесный пафос, Вы знаете, что это так. Я делал это не раз во имя целей, которые потом представлялись не такими значительными, как первоначально. Сейчас я вижу цель, и не представляю, что может случиться, чтобы она измельчала. Я ждал чего-то подобного. Я же сказал, я согласен.

2.

Шел третий месяц после проведения референдума.

Крым стал российским, и необычная работа спецгруппы Департамента оказалась завершена. Однако там, где кончается необычное, начинается обычное. Руко-

водством было принято решение задержаться до конца июня уже с целью выполнения традиционных служебных функций Департамента. К этому были все основания, ведь сотрудники группы хорошо знали обстановку, людей и прекрасно обеспечивали реализацию важнейшей сейчас для российского руководства функции — объективного понимания происходящего во вновь присоединенных федеральных субъектах.

Приданный к группе опersостав распустили, хотя несколько человек остались служить во вновь созданном управлении ФСБ по Республике Крым. Спецназовцы тоже вернулись в свое подразделение.

Александров поручил организовать прощальные посиделки, и в один из будних вечеров все выехали за Симферополь по феодосийской трассе к «Холодной горе», где располагался фазаний питомник и одна из бывших государственных дач Хрущева. Место вечеринки было выбрано символически. Хрущев оторвал Крым от России, мы присоединили.

В уютном зале, над камином которого висели верхние половинки галстуков (по преданию Хрущев в угаре отдыха здесь отрезал одному из сопровождающих галстук, и это глупое действо стало одним из символов места), столы ломились от угощений и алкоголя. Была представлена почти вся линейка местных вин, а также полюбившаяся за время ночных кабинетных посиделок водка «Первак». На улице у беседок жарились шашлыки, в большом котле на огне варилась уха, в которую перед подачей вольют немного водки и макнут дымящуюся головешку.

Выпили тогда знатно. Пьяный Александров, уставший произносить торжественные и пафосные речи, в итоге попытался в наглую ухлестнуть за супругой одного из оперов, которая приехала к мужу в гости. Нерешительный сотрудник уже готов был в лучших азиатских традициях смириться с правом начальника на жену

подчиненного, но Трофимов и Максимов все же сумели отволочь грузного и пьяного генерала поспать в веранду дома. Зато обошлось без драк и с огромным количеством хвалебных и велеречивых тостов.

Теперь начиналась рутина новой жизни Крыма. После расставаний с товарищами Александров, Максимов и Мердерян заняли новые помещения в здании правительства Крыма.

Сергей же под предлогом семейных забот взял месячный отпуск. К нему приехала супруга, что вполне обосновывало его отсутствие для руководства. Тем более что наступила красивая и яркая пора цветения крымской природы, когда еще не знойный воздух приносит бодрость, солнечные ванны юношески чисты и безопасны, а где-то в полях уже алеют маки.

Однако с женой он провел лишь неделю, после чего отправил ее к родителям, где ей нужно было решить вопросы по продаже оставшегося в наследство от бабушки старого домика.

Сам же все свободное время посвятил вхождению в Корпус, что неожиданно для него самого вызывало нетерпеливое желание познать этот новый мир. Вероятно, накопившиеся за годы вопросы к миру и себе, неразрешенные противоречия и сомнения, разочарования от отсутствия смысла и содержания на дорогах жизни, которые по его старым расчетам должны были вести к глубоким, содержательным и осмысленным целям, могли получить разрешение именно здесь. Он так чувствовал, он этого желал. Давно забытое юношеское предвкушение от ожидания обладания в полной мере воплощалось в соприкосновении с идеями и учением Корпуса.

В доме Михаила ему была отведена одна из гостевых комнат, в которой он и поселился, изредка выбираясь в город. Здесь с утра до ночи, а иногда и до утра, он взахлеб впитывал новые знания.

Первоначально речь шла о физике и математике. Считая с юных лет себя гуманитарием, Сергей испытывал глубокую неприязнь к точным наукам, будучи уверенным, что склад его ума совершенно не подходит для их освоения. Сейчас он понимал, что проблема познания сводилась исключительно к некачественному преподаванию, отсутствию грамотного интерфейса доведения школьникам и студентам в понятной и интересной форме нужной информации.

3.

> «*Потому что душа тела в крови*,
> и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает» (Левит 17:11).

— Вы можете объяснить, почему такое огромное внимание уделяется теме крови? Ну, поменялась у кого-то группа крови. Раньше медицина считала, что это невозможно, сейчас появились новые данные. С медициной и наукой в целом это случается регулярно. В чем изюминка?

Сергей с Михаилом прогуливались по аллеям вокруг его большого дома. Начинало вечереть, но лампы светильников еще не зажглись.

— Хорошо, давай поговорим об этом. Такой разговор действительно назрел. Но сначала расскажи, что тебе известно о крови и ее группах?

— Все в пределах школьного курса биологии. Это наша внутренняя жидкость, в ее основе плазма, где есть лейкоциты, тромбоциты и эритроциты. У каждого своя функция, тромбоциты, например, образуют пробки и корки, чтобы кровь не выливалась из ран. Ну, как-то так.

— Не так уж и плохо для школьной программы. Хотя бы помнишь основные составляющие. А про группы что знаешь?

— Что и все, их четыре группы. Некоторые встречаются чаще, другие реже. Самая редкая — четвертая, самая распространенная первая. Группа влияет на переливание. С четвертой нужен любой донор, а с первой только первая, зато она всем остальным группам подходит. Что еще? Диеты по крови сейчас популярные. Своя диета для каждой группы. Собственно говоря, все. А, ну еще знаю, вернее, знал раньше, что группа крови у человека не меняется, как отпечатки пальцев. Сейчас мне говорят, что это не так, но суть вопроса мне пока не понятна. Остальное — какие-то неструктурированные отрывки общей информации. Я не знаю чего-то важного?

— Мы все не знаем чего-то важного, но в данном вопросе с учетом всех наших обстоятельств, да, не знаешь. Я сейчас украду несколько минут твоего времени для изложения общей информации, а потом мы быстро подойдем к сути. Постараюсь не грузить лишними терминами, но, уж извини, если для более точного изложения остановлюсь на некоторых деталях.

Современная классическая наука считает, что групп действительно четыре. Сама система разделения крови на группы возникла еще в 1900-м году. Ее предложил Карл Ландштайнер, и, кстати, за это в 1930-м получил Нобелевскую премию. Но важно понимать, что разные группы появились у людей не одновременно, и с этим согласны и представители науки. Изменения и усложнения групп — это прямой итог эволюционного пути человечества.

Итак, первая группа пришла еще со времен неандертальцев. Именно она является самой древней и базовой для современного человека. Кстати, упомянутая Вами диета по крови как раз и основывается на особенностях питания первоисточников. Если древние ели в основном пищу животного происхождения, то, соответственно,

им и рекомендуется белковая диета. Принцип понятен? То есть, если вторая группа — это период возникновения земледельцев, то соответствующие характеристики накладываются и на характер носителя, хотя, естественно, характер — это совокупность многообразных элементов. Кровь в этом смысле — один из них.

Более интригующая история связана с третьей группой. Ее появление совпадает с исходом евреев из Египта. До сих пор при общей численности примерно в одиннадцать процентов на все человечество, значительная часть ее носителей — это евреи. А вот четвертая группа — самая молодая, возникшая примерно две тысячи лет назад и массово распространенная где-то за последующую тысячу лет. Обратите внимание и на эту дату, об этом расскажу чуть дальше.

Что касается смены группы, то современная наука однозначно уверена, что это невозможно. Сформирована аксиома, что раз принадлежность к определенной группе и ее резус-фактор — это генетическая предопределенность, то это слишком базовая величина, чтобы как-то трансформироваться.

Однако принято считать, что в некоторых болезненных состояниях, особенно в онкологии, из-за слабого проявления эритроцитов, лабораторные исследования должны быть более глубокими, так как стандартные способы определения могут давать разные числовые показатели, приводящие к несовпадающим между собой результатам. То есть в медицине по умолчанию принято списывать изменения в группах крови при болезнях на недостаточную глубину лабораторного исследования. А вот в народе есть устойчивый миф, что, например, при беременности, группа или резус могут измениться. Но миф ли это?

Немного основ. За группу крови отвечают внутренние антигены, прикрепляемые к оболочке эритроцитов, предназначенных для переноса кислорода. Это вещества

дают организму сигнал на выработку антител. Таким образом, главная задача антител — связывать антигены, причем сочетание антител и антигенов строго определено, в том смысле, что у каждого антигена есть свое, совмещаемое с ним антитело.

Но раз антигенов в организме сотни, а этот факт давно доказан, то их возможных сочетаний с антителами, а это как раз и есть группа крови, может быть огромное количество.

Однако сейчас выделено четыре базовые группы крови и два резуса. Что это значит? Это значит, что определены фундаментальные и постоянные антигены А и Б, а также Р, то есть резус.

Соответственно мы имеем всего четыре комбинации вместо миллиардов потенциально возможных. Это комбинации антигенов А, Б, и резусного антигена, которые подчинены присутствию на оболочках эритроцитов и комбинации антител А и Б в самой крови. От этих комбинаций зависит совмещенность различных групп между собой. То есть, будет ли кровь при смешивании слипаться, свертываться или нет. Это принципиальным образом влияет на переливание крови. С резусом та же история в смысле совмещения.

А теперь самое интересное. Современная наука не знает ответа на вопрос, почему у одних людей есть антиген, а у других нет. Однако по итогам наших исследований мы уверены, что антигены являются результатом некоей мутации, которая, в свою очередь, произошла вследствие особой мозговой и духовной активности определенной общности людей в конкретный исторический период. Мы не сомневаемся в том, что причиной такой мутации явились наиболее значимые божественные проявления. Понимаешь о чем я? Самая молодая, четвертая группа является итогом пришествия Христа. Обстоятельства возникновения остальных трех являются сейчас предметом интереснейших исследований наших

ученых, хотя по третьей, почти все согласны с прямой взаимосвязью с египетским Исходом.

Есть еще одно важное обстоятельство. Имеются все основания считать, что сейчас, в наше время, начинают формироваться массовые типы населения с явными признаками новых групп крови. Таких, благодаря методу масс-спектрометрии выявлено минимум три. Сейчас их условно называют «Джуниор», «Вел» и «Лангерайс».

Группа «Джуниор» определена примерно у 50-ти тысяч японцев. У них же установлено не менее трех тысяч человек с группой «Лангерайс». А вот группа «Вел» довольно кучно и локально определяется в США и Евросоюзе. Это конечно не значит, что среди японцев появился или появится новый святой, или что теперь они богоизбранная нация. Но факт остается фактом, хотя его значение нам не понятно. А может это знак японцам, что пора входить в православный мир, как шутят некоторые наши товарищи? Или же происходит некая пометка с определенными целями? Кто знает, может быть, ушедшие в небытие древние народы тоже имели сугубо свою группу? В общем, пока непонятно.

Теперь поговорим о неизменности группы крови. Как же может измениться группа? Есть четкий технический ответ на этот вопрос. Группа может измениться при прекращении синтеза антигенов и их исчезании из эритроцитов. Ведь у некоторых их нет, а у других есть.

Так почему же может прекратиться этот синтез?

Во-первых, это проникновение в организм определенных ферментов болезненных микроорганизмов и некоторых заболеваний, которые меняют антиген А1 в Б-подобный. Такие ферменты отделяют часть одного антигена, превращая его в следующий. Однако считается, что этот процесс временный и всегда заканчивается восстановлением статус-кво. В принципе, любая болезнь, влияющая на выработку эритроцитов, наподобие талассемии, например, может привести к лабора-

торным изменениям группы крови, связанным с изменением фенотипа. Также анализы могут меняться и при беременности, так как в ходе ее протекания происходит интенсивный синтез эритроцитов, которые у беременной могут увеличиться до полутора раз от обычного состояния.

В отдельных случаях при беременности, кстати, также может поменяться резус-фактор, потому, что за резус, напоминаю, отвечают тоже эритроциты, вернее белки, которые крепятся на их оболочках.

И, конечно, антигены могут поменяться при раке крови, который, естественно, меняет структуру крови. При онкологиях молекулами MHC1 или MHC2 образуются особые антигены, которые называются неоантигенами,

Теперь что касается духовной практики Корпуса. Мы люди ищущие, и привыкшие рационально подходить к своей жизни. Иначе так быстро можно погрузиться в очередную ересь. В общем, нас интересовала технология происходящего. И если духовная составляющая божественного откровения остается вне рамок научного познания, то вопрос, связанный с изменением групп крови в ходе этого процесса, мы изучили.

Если кратко, то в ходе Евхаристии возникает эффект направленной эволюции крови, при которой в ней образуется особый фермент на основе гликозил-гидролазы, способный модифицировать красные кровяные тельца, удаляя А и Б антигены с поверхности эритроцитов или стимулируя их появление. В общем, особое состояние факторума стимулирует внутренние изменения. Понятно?

— Более-менее. Можно вопрос?

— Конечно.

— А какая группа крови у Путина?

— Не знаю, честно говоря.

— Тогда другой. Известна ли группа крови Христа в его земном воплощении?

— Хороший и важный вопрос. Но не знаю. У сторонников принадлежности каждой из групп есть свои аргументы.

— Ясно.

Придя домой, Трофимов заглянул в Интернет. Сначала поинтересовался кровью Путина. В одном месте утверждалась первая, в другом почему-то четвертая. В каком-то ресурсе вместо информации он встретил анекдот из голодных девяностых: «В продуктовом магазине очередь. Подходит мужчина и спрашивает: «Что продают?» — «Кровяную колбасу», — отвечают ему. «Хорошо, тогда я последний», — говорит он. Вдруг в очереди к нему поворачивается женщина и злобно кричит: «А вы кровь сдавали?!» Сергей посмеялся, но поиски продолжать не стал.

Относительно Спасителя, Интернет на основании ссылок на анализ Туринской плащаницы утверждал про четвертую отрицательную. С учетом молодости этой группы, не совсем понятно, как это было возможно, но разбираться не стал. Хотелось спать.

Глава 8. Интерцессия

Раздел 1. Гомеостаз просфоры

1.

Тело практически не слушалось его. Он мог еще шевелить руками и ногами, но это требовало таких усилий, что напрочь уничтожало смысл процесса. Дикий холод заставлял с одной стороны сжиматься в неподвижности, экономя хоть немного энергии, с другой — периодически пробивал волну конвульсии, которая начиналась где-то в районе плеч, резким оргазмическим рывком достигала кульминации в диафрагме и успокаивалась в икрах ног. Некоторые из таких судорог сопровождались рвотой. Он лежал на краю кровати животом вниз, несмотря на да-

вящее чувство и резкие боли и, утробно рыча, рыгал на пол. Если вначале ужин с давящим в нос привкусом пива выходил медленной сероватой жижей, вулканической лавой равномерно распределяемой на границе прикроватного коврика и паркета, то сейчас из икающего рта, как из сломанного душа, во все стороны капали только грязно-водянистые с небольшими комками капли желчи, разукрасившие свисающий край простыни в причудливые узоры. Иногда казалось, что он теряет сознание, но это была лишь иллюзия, так как прекращения тупой боли и судорог не чувствовалось.

Голова стала раз в десять тяжелее и жила какой-то своей жизнью Колобка-наркомана. Не видения и не явь, но бессмысленные круглые и ломаные линии, полуобразы-полузвуки сквозь забитые воздушной пробкой уши проносились перед ним. Стагнирующее отупение лишало смысла попробовать себе помочь. Где-то в вещах была аптечка с левомицетином и тюбиком «энтеросгеля», но то невероятное напряжение, которое нужно было бы предпринять, делало рывок к ним невозможным, да и сомнительным было, что такие лекарства помогут в его состоянии. Не виделось никакого смысла ни в чем.

Бешено и неровно колотилось сердце, от которого невидимой нитью в пальцы рук и ног спускалось ледяное омертвление. Дышать стало тяжело, каждый вдох требовал напряжения, которое завершалось свистящим выдохом. Ритма не было совершенно, расстояния между вдохами колебались от секунды до двадцати. Холодная испарина сделала мокрым не только тело, но и простынь под ним, и он с тупой обреченностью осознавал, что помочился. Позывы «по большому» оказались безрезультатными, так как все содержимое желудка выходило ртом, который, однако, между рвотами был совершенно сух, а каждое сглатывание сопровождалось легким движением головы, нужным, чтобы, как удав, наползающий на жертву, преодолеть ком где-то в небе.

Так прошло, наверное, несколько часов, и он понял, что умирает, но эта мысль не пугала его, как не пугало уже ничего. В какой-то момент он сквозь вату тишины, залепившую ему уши, услышал гулкие удары. Они его тоже не интересовали.

Распахнув резким толчком дверь, в спальню вбежали трое, одного из которых он знал, как помощника Михаила. Тот, быстро оглядев представшую картину, сказал кому-то из двоих, вошедших с ним: «Звони, пусть шлют скорую. Нашу скорую!». После этого подошел к Сергею, достал из кармана тонкую пластиковую коробочку размером с портмоне, открыл, извлек небольшой шприц и вколол Трофимову в предплечье. Почти сразу прошли боли и судороги.

Через время въехала каталка, а с ней люди в белых халатах. Они перевернули его, что-то померяли и осмотрели, после чего вкололи один укол в вену на левой руке, второй в ягодицу. Переворачивать его грузное тяжелое тело помогали люди Михаила, которые, напрягшись, переложили его с кровати на каталку. Один из врачей вытер ему лицо, освободив загубья от остатков рвоты.

— Делаем интубацию трахеи, — скомандовал врач в маске, который, очевидно, был старшим, и ему глубоко в рот вставили пластиковую трубку, после чего на трубке надулась манжетка, которая изнутри прильнула к стенкам трахеи. Было неприятно, но он не сопротивлялся, так как сил для этого не было. Через минуту, почувствовав мощный прилив свежего воздуха, наконец-то, потерял сознание.

2.

Сергей очнулся в просторной светлой комнате, и по интерьеру, схожему для всего дома, понял, что находится у Михаила, несмотря на то, что посещение явно переоборудовали для больничных нужд. В нем было довольно много разнообразных устройств и предметов медицин-

ского характера, высоко в дальнем углу на стене висел телевизор, под которым находился наполовину прозрачный светло-серый шкаф с банками разных размеров. Над телевизором небольшим куполом редко помигивала камера наблюдения.

Однако же в ней присутствовали и предметы явно не медицинского характера. Помимо висящих на стенах икон, на небольшом деревянном столе (в комнате это был единственный предмет интерьера из дерева) размещались вещи, которые были смутно знакомы Сергею по редким посещениям церкви. Большое серебряное блюдо на широком подножии с какими-то библейскими сценами, возле блюда глубокая бронзовая чаша на длинной ножке с утолщением в форме яблока и массивным узорчатым основанием. Там же лежали аккуратно сложенные куски нарядно разукрашенной золотыми нитями бежевой материи с яркой белой бахромой по краям.

Он был переодет в больничный халат, явно умыт, а из обеих рук узкими белыми шнурками ползли капельницы. Рядом разноцветными лампами пикали какие-то аппараты, но зачем они нужны, было неясно, так как, кажется, он с ними никак не соприкасался.

У кровати на стуле сидел Михаил, который встал, увидев, что Трофимов очнулся.

— Проснулся?

— Хххх… — вместо «да» смог выдавить Сергей и понял, что не может говорить из-за торчащей изо рта трубки.

Михаил наклонился к столу у кровати, послышался щелчок тумблера, и он громко, явно не ему, сказал: «Он проснулся», после чего повернулся к больному и продолжил разговор.

— Ну, вот и отлично. Не пытайся говорить, у тебя пока не получится. Но слушать ты можешь, поэтому давай так. Если хочешь сказать «да», шевелишь большим пальцем левой руки, если «нет», то указательным. Хорошо?

Сначала он пошевелил всеми пальцами, проверив их подвижность, которая была неочевидной, но они, кажется, контролировались, потом отдельно поднял большой в знаке «окей». Попытки активировать другие части организма оказалась безуспешными. Их словно не было. Удавалось нормально контролировать лишь движения глаз и слегка покачивать голову. Но первое же качание принесло резкую боль где-то в темени, после чего правый глаз резко заболел, его стало тяжело открывать. Дыхание сжалось комом в горле. Пока он решил больше с движением не экспериментировать и для начала оценить происходящее.

В это время в комнату вошла невысокая полноватая медсестра средних лет, молча подошла к кровати, наклонилась, и взяла в руки пульт, на котором нажала кнопки. Кровать зашевелилась, и его изголовье изменило наклон, а она сама приподнялась.

Сергей понял, что лежит на современной медицинской кушетке. После этого сестра подошла к находившемуся в углу комнаты и равномерно гудящему невысокому широкому аппарату с панелью управления в нижней части, сняла крышку и достала оттуда пакет с темно-красным содержимым. С ним она подошла к железному столу, около минуты повозилась и вернулась к капельнице. Пакет она закрепила на стойке, поменяв с пустой бутылкой из-под физраствора после чего стала поправлять нитку капельницы, явно крепя ее к катетеру, торчащему из вены правой руки.

Сергей вопросительно посмотрел на нее, потом на Михаила. Тот понял взгляд и обратился в девушке:

— Поясните нашему другу, что Вы делаете.

— Мы проводим процедуру плазмафереза, — тихим бесцветным, слегка скрипучим голосом заговорила та. — Это изъятие из крови плазмы, и фильтрование самой крови. Мы извлекаем кровь порциями, используем донорскую для очистки, выбираем вместе с плазмой

вредные вещества и возвращаем Вашу кровь в организм. Процедуру делаем уже четвертый раз. Благодаря тому, что у нас были все необходимые принадлежности, эта процедура позволила спасти Вам жизнь.

— Спасибо, Катерина, можете продолжать свою работу, — и девушка вновь наклонилась над капельницей, из которой вместо бегущей ранее прозрачной жидкости стала красной нитью поступать кровь, накапливаясь равномерными каплями до половины в расположенный посередине пути прямоугольный контейнер, откуда продолжала свой путь уже к катетеру. — Ну, вот и отлично. Послушай меня.

Случилась очень хреновая история. В общем, после того, как твои бывшие коллеги узнали о том, что твои планы расходятся с ними, они решили закрыть вопрос. Думаю, ты понимаешь, кем они контролируются. Как они его решили, ты ощутил. Тебя отравили. Причем отравили капитально. Яд, который использовали, имел комплексное воздействие, что привело к его биотрансформации в организме. Мы провели лабораторные исследования, оказалась действительно убойная вещь. Это какая-то комбинация рицина и тетродоксина. С одной стороны, его органическая часть начала разрушать мембрану скелетных мышц, что привело к острой почечной недостаточности. У тебя отключились печень и почки. С другой, у тебя оказались, как пробкой, закупорены натриевые каналы, из-за чего твои нервные волокна практически неспособны проводить импульсы. Самое паршивое, что процесс почти необратим. На данный момент мы сумели лишь спасти тебе жизнь и обеспечить нормальное функционирование головного мозга.

Пока Михаил говорил, Сергей попытался осмотреться, шевеля глазами, насколько это было возможно. Сейчас он увидел, что самостоятельно работающее и пищащее устройство, на самом деле подсоединено к нему какой-то черной толстой трубой, которая уходила под его

халат, и, судя по всему, заканчивалась непосредственно в нем.

— Мы, конечно, будем тебя лечить, но давай я скажу правду. Ты сильный человек, и играться с тобой в полунамеки и успокаивания смысла нет. С большой долей вероятности ты станешь недвижимым, а вся оставшаяся жизнь будет посвящена постоянным операциям. Это просто факт. Может быть, через какое-то время мы частично восстановим функционал отдельных органов, хотя счастье, что сейчас удалось хотя бы остановить разрушающее воздействие. Еще важнее, что мозг функционирует в полном объеме.

Но мы считаем, что есть другой путь. Суть его тебе известна.

В комнату вошел Глеб, разминувшись с выходящей медсестрой.

— Здорово, дружище, — сказала он, подойдя к кровати, и слегка сжал пальцы руки Трофимова.

Сергей в ответ шевельнул большим пальцем.

— Глеб с нами. Общение, которое было у нас с тобой, было и с ним.

На этих словах Глеб достал из внутреннего кармана пиджака телефон, аналогичный врученному когда-то начальником перед последним крымским вылетом, по которому с ним связывался Бородаев.

— Мы попросили Глеба контролировать ситуацию, и он заметил, что Мердерян уже какое-то время следит за тобой.

— Да, после ужина я зашел за ним в туалет и услышал, как он кому-то звонит, и говорит, что нормально отработал, — добавил Глеб. — Так как половину дня он провел с нами, то это сразу вызвало подозрения. Где он еще мог отрабатывать? Я видел, как тебя шатало, когда ты уходил, а я хорошо знаю, что ты можешь выпить и побольше, и будешь как огурчик, плюс эти твои слова про несвежее пиво, хотя пиво было отличное. Ведь пиво к столу несколько

раз от стойки принес Вова, типа чтобы побыстрее. Я этого урода знаю лучше, чем ты, и никогда не питал иллюзий в отношении его порядочности. В общем, после того, как мы все расстались, я стал звонить тебе на телефон, чтобы убедиться, что все в порядке. Ты не отвечал, и я позвонил Михаилу. Когда они приехали, я провел их к твоему номеру, а сам пошел присмотреть за ублюдком.

— Это так, — продолжил Михаил. — В общем если бы не Глеб, то ты бы умер. Ты и так был уже фактически неживой. Но я хочу вернуться к главной теме. Мы уверены, что у тебя есть шанс.

Однако этот за этот шанс придется заплатить дорогую цену. Суть вот в чем. Как тебе сейчас хорошо известно, духовная часть жизни Корпуса нацелена на достижение Бога. При этом эти поиски мы не отделяем от защиты Русского мира и считаем взаимоувязанными. И как России приходится, наподобие Лазаря, раз за разом восставать из мертвых, выполняя свою цивилизационную миссию, так и пришедшему к Богу нужно пройти свой инфинум.

В обычных обстоятельствах мы стараемся сделать этот процесс контролируемым, обеспечивая относительно мягкое поэтапное погружение факторума в Евхаристию. Риск, естественно, есть, но он хотя бы управляемый. Под погружением, чтобы ты понимал, мы подразумеваем введение предельно агрессивных и скоротечных онкологических клеток. К тому времени подготовленный физически, психологически, а самое главное, духовно, может им противостоять, и, с помощью старших товарищей преодолевая болезнь, достичь искомой цели.

Но твоя картина совершенно иная, в учении ты остановился на уровне тиуна, а твое физическое состояние не соответствует нашему привычному подходу.

С другой стороны, выбор, к сожалению, не велик. Да, попытка, окажись она неудачной, убьет тебя. Твой организм не выдержит этой нагрузки, он и так еле-еле держится. Тебе же нужно определиться, делаешь ли ты

ее, или мы продолжаем традиционное лечение. Могу лишь уверить тебя, что мы предпримем все возможное, средств не пожалеем и привлечем лучших врачей, оборудование и лекарства.

Поступим так. Я уйду по делам на пару часов. Ты все обдумай и дай мне ответ. У нас нет много времени. Твое состояние требует вмешательство по любому из выбранных вариантов.

Сергей в знак согласия поднял большой палец.

Михаил вышел, и они остались в комнате вдвоем с Глебом.

Глеб сел на стул, и тяжело вздохнув, положил руку на запястье Сергея.

— Это трындец, друже. Сердце кровью обливается последние четверо суток, как все произошло. Чтоб ты знал, твой рапорт в департаменте удовлетворен, ты уволен. Говорить о тебе — негласное табу. Считается, что ты ушел работать к Милофееву, и по его поручению уехал куда-то в Европу, на Балканы. Об отравлении никто не говорит. Я, скажу честно, хотел Вову придушить, но Михаил отговорил. У Михаила свои расчеты и планы. Говорит, мол, может помешать общему делу. Пока держусь, но на душе камень. Хотя понятно, с твоим состоянием не сравнить. Я присмотрю за твоей семьей, Михаил сказал, что на них выделят деньги. Он потребовал пока не сообщать о происшедшем, но если хочешь, я дам им знать. Пусть хоть Вика приедет, если скажешь?

Сергей подал отрицательный знак.

— Ну, смотри сам. Что касается всех этих разговоров про Бога, скажу честно, я пока не могу заставить серьезно к этому относиться, все никак не проникнусь. Для меня есть несколько заигравшихся в мистику элитарных групп, одна из которых устраивает меня по чисто идейным соображениям. Я, конечно, послушаю все их рассказы, но важнее, что они за Россию. Это главнее всех этих чудачеств. Потому что чудаки с другой стороны барри-

кады готовы рвать нас в клочья. Я не сомневаюсь в этой чудовищной истории с Судом, и поэтому понимаю все риски с одной стороны, а с другой — перспективы и возможности. Поэтому я на этой стороне.

По поводу экспериментов с твоим состоянием, то тут я тебе не советчик. Я прекрасно понимаю и вижу, насколько ситуация серьезная. И именно по этой причине решать тебе. Хотя в твоем состоянии загонять дополнительно отравляющие клетки, для меня это дико. Плохо только, что альтернатива неоднозначная. Хотя я знаю, что они готовятся везти тебя в Германию и там лечить в одной из лучших клиник, если ты выберешь просто лечение. Так что смотри сам.

Ладно, не буду тебя мучить. Если не возражаешь, я утром приду, поболтаем. Ну, или я скорее поболтаю.

Сергей поднял большой палец, и Глеб вышел из комнаты.

Неподвижно лежа на кровати, он старался не думать ни о чем. Было страшно и тоскливо. Ощущение смерти — это в первую очередь, ощущение тоски, безнадежной тоски. Решение по вопросу, который ему задали, казалось очевидным, а оценивать свое состояние не было никакого смысла. Обрывки мыслей и ощущение темноты безнадежности и мелких искр надежды погружали в дремотное состояние. Возможно, влияли лекарства. Какое-то время он следил за прозрачными червячками, взлетающими и плавно опускающимися вслед за движениями зрачков. Через какое-то время пришла молодая, но бесцветная медсестра, уже не Катерина, а другая, имени которой он не знал, сделала укол в вену, поменяла утку, капельницу и он уснул.

3.

Следующие шесть дней он готовился. Пожилой священник — отец Варсонофий, два седовласых профессора и один напористый активный юноша из мира точ-

ных наук и, конечно, Михаил бывали у него регулярно. Иногда заходил Глеб, который рассказывал последние местные и континентальные новости и плетни. Несколько раз приходил степенный, чуть полноватый мужчина с уверенным и приятным голосом. Когда Сергей понял, что это психолог, то дал знак, чтобы он больше не посещал его. Постепенно восстанавливалась речь, начинали двигаться руки и ноги.

4.

Некоторые называют меланому королевой опухолей. Вылечить ее очень тяжело, да и то лишь до момента распространения по организму, причем лечение это в основном хирургическое. Метастазы сначала похожи на родинки, но постепенно их развитие принимает необратимый характер. Беспорядочное распространение ее агрессивных клеток, передающихся на другие участки тела, в отличие от многих видов менее агрессивной онкологии предельно злокачественно.

У его постели стояли главный лечащий врач и отец Варсанофий.

— Мы сделаем Вам укол. Вы должны понимать, что происходит, поэтому и сейчас, и впредь мы будем Вас информировать о наших действиях.

— Хорошо.

— Но перед уколом выпейте, пожалуйста, вот это.

— Что это?

— Вино. Запейте просфору.

— Хорошо. Так что мне будут вводить?

— Такой онкологический коктейль, куда входят стимуляторы развития меланомы и клетки саркомы. Эта злокачественная опухоль, поражающая соединительные ткани органов, напоминающая розовато-белое рыбье мясо, в отличие от традиционного рака не привязана к каким-то отдельным органам, предельно агрессивна и смертельно опасна.

— Цель всего этого?

— Вы сами знаете прекрасно. Целью является быстрое и опасное для жизни развитие болезни.

Сергей задумался. Второй раз за две недели его гарантированно убивали. Сначала враги, которые ранее были друзьями, теперь друзья, ранее бывшие соперниками.

— Вводите.

С момента ввода онкоклеток врачи не отходили от него ни на минуту.

— Доктор, расскажите, что со мной будет дальше?

— Я, уважаемый, могу говорить лишь о той сфере, за которую отвечаю. Я имею ввиду медицинскую составляющую процесса.

— Это понятно, вот она меня и интересует. Все, что вне медицины, я буду обсуждать с другими людьми. Но вы проводите какие-то действия, и мне хотелось бы знать, в чем их суть.

— Да, конечно. Дело в том, что помимо традиционных для онкологических заболеваний процедур нами используется новаторская технология по контролю болезни. Я, уж извините, буду использовать некоторые профессиональные термины, если что-то нужно пояснить, то скажете.

— Хорошо.

— Суть наших мероприятий сводится к искусственному стимулированию поглощения зараженными клетками Е-кадрегина, являющегося ключевой для больных клеток разновидностью протеина. И кроме этого мы применяем еще одну экспериментальную технологию, отработанную совсем для другой болезни.

Специалисты по лечению рассеянного склероза одного из медицинских НИИ в ходе экспериментов заметили, что в мозгу здоровых экспериментальных образцов много особых Т-клеток, которые отсутствовали в нервной ткани больных склерозом. Однако в команду экспериментаторов входил врач, сотрудничающий с Корпусом, и специализирующийся на онкологиях. Он продолжил

исследование и выяснил, что эти же клетки в большом количестве присутствуют в раковых опухолях.

Таким образом, был сделан вывод, что клетки, защищающие мозг от атак иммунитета, способны помешать другим иммунным клеткам противодействовать раковым опухолям. Наблюдение проверили экспериментально, создав антитела для подавления подобных Т-клеток. Добавив антитела в иммунные клетки, было установлено, что противораковая активность резко повысилась за счет блокировки способности Т-клеток вырабатывать «сигналы паники» молекул бета-ТГФ, которые отпугивают лимфоциты, уничтожающие одиночные раковые клетки вне пределов опухоли.

Результаты были отличными, но бюрократические сложности и внутримедицинская конкуренция не позволяют пока ввести технологию в широкое употребление. Вот именно она также сейчас используется для стабилизации Вашего состояния. Вот, если вкратце, то все. Что-то нужно пояснить?

— Нет. Спасибо за информацию. Что скажете, батюшка? — теперь он обращался к Варсанофию.

— Давайте пройдем ектению. Сформулируйте для себя, чего Вы ждете от Господа.

— А если я не жду от него ничего? Просто жду его и не более?

— Вот это и сформулируйте.

— Но если мы ощущаем Бога, как свет, как единую материю всего сущего, то, как же мне с ним говорить? Чем больше я проникаюсь ощущением божественного совершенства, тем меньше смысла я вижу в разговорах с ним, а ведь молитва — это и есть разговор с Богом? Молитва — то ведь некое обращение. Но есть ли смысл обращаться, например, к морю? Или к солнечному свету? На чисто обывательском уровне Бог в своих проявлениях, это светлые дела, происходящие вопреки обстоятельствам. А разговор все-таки — это некая логичная конструкция.

— Вы должны понять, что разумом путь к Господу не отрицается, а преодолевается. Смысл не в том, чтобы познать его мыслями и по-свойски пообщаться с ним. Смысл в том, чтобы как раз подняться над разумом в этом понимании. Вы можете рационально объяснить музыку? Можно провести ее анализ. Но в анализе уже не будет музыки.

— В таком случае возможен ли диалог между Богом и человеком?

— Думаю диалог — это очень неправильное слово. Диалог — это процесс интеллектуального общения, а общение с Богом, как я уже сказал, возможно лишь при преодолении чисто рационального восприятия.

Да и общение с Богом, с точки зрения нашей классической теологии, вряд ли возможно, уж слишком он не постижим тоже в понятиях «существует» и «не существует». Ведь Бог в равной степени и «существует» и «нет». По мнению Церкви, существует Премудрость, которую, кстати, в библейских «Притчах» называют блатным сейчас словом «Хохма». Это как раз божественная сущность, некая часть Создателя, доступная человеческому пониманию и содержащая некий генеральный план Божественного промысла. Это та самая София, которую мы уже можем хоть в какой-то степени постичь.

Евагрий Понтийский учил, что то знание о Боге, которое обретается в молитве, никогда не имеет ничего общего с любыми концепциями и описаниями, но является непосредственным и непередаваемым переживанием божественного. Вы уж извините, что его вспоминаю, он все-таки осужден на Пятом Вселенском соборе, но мысль эту я считаю совершенно правильной.

— Хорошо. Тогда я действительно помолюсь.

5.

Рак — это не болезнь. Это живое, чувствующее и стремящее к своей цели зло. Если бы он не поражал детей

и хороших людей, можно было бы сказать, что это пожирающий человека грех. Но нет, это зло, которое всегда несправедливо. И как циничный артиллерист, во время войны стреляющий из своего орудия не по позициям врага, а по его мирным городам, это зло поражает случайно и безжалостно.

Путь, по которому он шел, не предполагал борьбы с болезнью. Та не была его целью, смыслом или объектом. На исходе пути злу просто не должно было остаться места, потому что божественная сущность, наполняющая его, просто не *предполагала места ничему иному.*

Когда все начиналось, ему рассказывали, что Гиппократ главной причиной болезней определял неправильное смещение четырех базовых жидкостей — крови, слизи, двух видов желчи — черной и желтой, причем под черной жидкостью полагалась опять же венозная кровь. Таким образом, кровь, как главное звено человеческого благополучия выделялась изначально. Однако впоследствии за частностями перестали видеть главное.

Позже к этому важному пониманию сути вещей добавилось учение об архее, под которым предполагалась особая жизненная сила души, отвечающая за борьбу с болезнями.

Раздел 2. Причащение

1.

Ты никто. Случайный сперматозоид, без воли случая, без цели и смысла оплодотворивший яйцеклетку своей матери.

Спермии шеренгой легионеров выстроились в ряд и по-казачьи синхронно щелкали хвостами визжащее и набирающее скорость вращения яйцо, пока ты не заскочил на него, как ковбой на быка в родео, и проникнул внутрь. Успокоившаяся яйцеклетка, спасшаяся от смерти и дальнейшего путешествия по красной менструаль-

ной реке, теперь, нежась в базальном тепле, стала твоей частью, а ты — частью ее. Ты гермафродит, соединивший в себе ужас ожидающего смерти яйца и живость выскочки из толпы близнецов. Был бы ты иным, если бы избранным спермиком стал следующий или предыдущий в очереди, или твои копии были в каждом из них?! Вполне возможно, что ты из когорты больных спермиев, а все твои успехи по жизни — лишь следствие отринуть свою ущербность. И вот вы прошли по касательной, яйцо и головастик, и слились в этот уродливый гибрид, называемый человеком. Ты — зигота-переросток! Яйцо принесло свою часть приданого мешком хромосом, но и ты не лыком шит. У тебя есть вторая часть клада. В какой из этих частей Бог? В каждой половине?

Молчишь?! В глаза смотреть, на свет не жмуриться, на вопросы отвечать четко, не задумываясь, слушать не перебивая!!! Ты неприкаянный бомж, не знающий своего духовного дома и подживающийся в чужих, грязный, конченый, смердящий той зловонной дыркой, которая является вместилищем твоей души. Или ты думаешь твоя душа в сердце или в голове? Не льсти себе, ничтожество! Твоя душа находится в твоей анальной дырке и периодически просится наружу, напоминая о себе зловонными миазмами тухлого водорода. Может быть там Бог?!

Вся твоя жизнь наполнена грязью. Ты лжешь, срешь, предаешь, забываешь своих стариков и близких, изменяешь доверившимся тебе, равнодушно скользишь взглядом по чужим страданиям, и потребляешь. Ведь ты же жрешь всю свою жизнь! Ты ноешь, если пожирают тебя, но как жрешь ты! Неужели здесь Бог?!!!

Твои попытки выйти из бесконечного круга заурядностей смешны. Ты из грязной воды и на воде пытаешься инструментами своего тщеславия и амбиций создать храм самому себе в надежде, что к нему будут приходить другие дураки, молиться тебе и твоим следам в их памяти и знаниях. Но даже если эта бессмысленная игра

становится успешной, то твой образ будет изменен до такой неузнаваемости, что максимум, что остается — лишь имя, не имеющее отношения к реальному тебе. Ты сам себя имеешь и сам же ноешь об этом! Неужели в этом убогом строительстве Бог?!!! Или ты считаешь, что он в том, что вы называете добрыми делами? Ты сам прекрасно знаешь, что их главная часть связана лишь с наличием лишних ресурсов и возможностей, где они — лишь прихоть. Один и тот же человек при деньгах и без в одинаковой ситуации поступает совершенно по-разному. То есть дело не в его душе, а лишь в средствах. Так, где тут Бог?!

Каждое твое движение жизни преисполнено порока, попыток его оправдать и объяснить. Придумать физическим убожествам моральный противовес. Вот тут у тебя и появляется Бог. Он здесь и больше нигде!

Должен прийти тот, кто избавит тебя от этого тупого существования, подарив чистоту покоя.

Этот кто-то — я. Меня зовут Морбус.

На самом деле я твой Бог. Я сниму боль. Некоторые считают, что я ее приношу, но ведь это ложь. Ты же знаешь, что боль — это лишь твоя собственная реакция на определённые процессы, поэтому не нужно лгать, что я ее источник. Хочешь, я уберу ее?

— Хочу!!!! — Дикое изматывающее страдание, выросшее из тупой обреченности начальных стадий болезни, не отпускало Сергея пятые сутки, и он готов был на все, чтобы избавиться от него.

Хорошо. Ее не будет. Но это произойдет в конце нашего разговора. Сейчас же ты должен понять, что твои чаяния встретить высшую сферу, как ни странно, успешны. Ты знаешь, что главным итогом на пути к Богу является соединение человека и божественного духа. Так и будет. Скоро я весь буду тобой. Ведь это главное доказательство. Ты создан по образу и подобию божьему. Я же являюсь все большей частью тебя, а значит, образ ста-

новится совершенным. Именно в этом суть поиска Бога, и об этом пророчески говорят все человеческие религии. И поэтому я дам тебе все, к чему ты так стремился. Покой и свободу. Я останавливаю ваши убогие страдания и дарю гармонию. Я лучшее, что есть в этом мире. Я честен, прям и совершенен. Представь мир, в котором есть только я. В нем нет противоречий. Он идеален.

Я избавляю тебя от оков личности, а об этом мечтает каждый отшельник любой веры. Ведь нет объективности личности. Есть лишь ощущение личности. Но любое самоощущение меняется даже до еды и после, до и после секса, под влиянием чужих доводов, пропаганды, эмоций. Тем более это ощущение изменчиво на гранях смерти. Поэтому надежды на бессмертие личности тщетны, а душа, если она у кого-то и есть, безличностна, ибо личность — это совокупность отражений материального мира. И настоящая, качественная болезнь уничтожает материальную личность, освобождая и оголяя душу. Я чищу от земных грехов!

Ведь одно из главных стремлений человека — это жажда смерти. Ее познание и растворение в ней. Избавление от мучительных и несовершенных оков вынужденного краткосрочного бытия и возвращение в сладостную негу мирового безличного лада.

— Нет! Болезнь лишь сосредотачивается на материальном, мешая Богу! Ты просто пожираешь меня!

Да. Как и ты пожираешь мир. Но с чего ты решил, что это плохо? Это лишь соединение сущностей. Или ты, мерзкий спермик, не пожирал яйцеклетку?! Что за уверенность в том, что зло и добро равновелики?! Зло всегда естественно, а добро — лишь напряжение человеческой игры в мораль.

Я оставлю тебя ненадолго. Подумай над моими словами.

— Как же больно… В самом деле, кому я вру? Самая качественная, чистая, убедительная и действенная ложь

это та, в которой ты сначала убеждаешь себя. Тогда ты свою веру транслируешь другим, обрастая мелкими деталями и возмущением, если кто-то не принимает ложь, как правду… Кем ты пытаешься выставить себя? Благородным офицером? Философом? Мистиком? Патриотом? Неет! Я трусливое, воющее от ужаса и собственной тупости дерьмо! Куда дебил, ты затащил себя?! Я же жил хорошей, успешной жизнью. И тут я спятил от жира и безделья! Что ты наделал?! Долбаные психи попы и их одуревшие от бабла и самодовольства олигархические подельники меня твари, кинули!

Тут Сергей осознал, что непонятно каким образом стоит на коленях перед Морбусом и размазывая слезы и громко икая от рыданий, пытается целовать ему голые ноги. Этот злой обрюзгший старик прав. В жизни важна лишь сама жизнь. И смерть. Боль и ее отсутствие. Остальное — игры зажравшегося разума.

В следующий момент он почувствовал, что что-то без рук, но сильное и проворное как-бы приподнимает его и помещает в какой-то продолговатый контейнер. Это была большая железная бочка. Сверху опустилась решетка, почти равная по диаметру крышке контейнера, но чуть больше, причем пока он ощущал, как решетка опускается, его руки той же силой, что до этого перемещала его, были подняты вверх. Руки вошли в опускающиеся гнезда, достаточно широкие, чтобы в одном из них, центральном и самом большом поместилась и голова. В бочке были сделаны вырезы под ребра решетки, и пока она опустилась на уровень плеч, вжав его в пол, Сергей понял, что по противоположным краям самой большой центральной секции приделаны четыре выдвижных зажима, со стороны шеи, заканчивающиеся широкими полукруглыми фиксаторами.

Таким образом, к моменту опускания клетчатой заглушки он с головой оказался помещен в бочку, из решетчатой крышки которой торчали руки. Верхняя часть

железных прутьев была покрыта острыми шипами, наваренными по ребрам стальных полос.

Издалека послышались монотонные шаркающие шаги, но по мере их приближения темп менялся и где-то совсем недалеко он перешел в чечетку. Сергей услышал гулкий стук приставляемого к бочке предмета, чье-то сопящее дыхание и через несколько секунд над краем по пояс показался старик. Удовлетворенно хмыкнув и низко свесясь, он наклонился к Сергею и неторопливо стал закручивать штифты боковых струбцин, сначала одной, потом другой. После этого прокрутил зажим, отличающийся формой в виде буквы «г» от других. Им он зафиксировал подбородок. Последним в затылок уперся торцевой фиксатор. Когда он закончил, давящие в шею и основание черепа замки жестко зафиксировали голову в положении глаз, направленных в небо. Рот до конца закрыть было почти невозможно из-за натянутой кожи.

Старик опять спустился из-за пределов зрения, и некоторое время Сергея окружала тишина. Вдруг издалека он услышал тонкий скрип плохо работающей пилорамы, который постепенно приближался.

Держи свое «Уништеблихе ди зиизле».

В поднятые над бочкой ладони старик поместил что-то, и спустя мгновение Сергей понял, что держит в руках тихонько шевелящийся комок человеческой плоти. Это был ребенок, судя по писюну, мальчик, совсем крохотный, возможно новорожденный, лежащий на небольшой простыне. Простынь вместе с живым существом теперь держали руки Сергея. Тут же он ощутил, что сила, сжимающая его, куда-то пропала, и он чувствовал в руках только тихонько попискивающего малыша.

Ты должен испить божественной амброзии, которая даст тебе искомое. Бывалые говорят, что лучше взять газету «Советская Сибирь», допустим, выпуск № 12 за 1967-й год. Рвешь несколько полосок, сплевываешь на них и делаешь два пыжа, которые забиваешь в ноздри, напо-

добие планокуров, которые рвут треть десятирублевки, складывают отрывок и вставляют в сигарету вместо извлеченного фильтра, после чего, разминая ее, высыпают табак, заменяя ее драпом. Ну а здесь свинцовая типографская пробка позволит тебе пить ихор!

— Что такое ихор?!

Раньше так называли нетленную кровь богов. Лишь тот, в чьих жилах тек ихор, мог питаться амброзией и нектаром, становясь богом… Для вас же это лишь продукт распада тканей при гнойно-гнилостном воспалении.

2.

Сергей почувствовал, что его стопы стали липкими и мокрыми, спустя несколько мгновений жидкость со дна бочки стала подниматься вверх. Одновременно его железное хранилище наполнил одуряющий сладковатый запах гноя. Жидкость, слегка бурля, неотвратимо поднималась все выше, и наконец, достигла подбородка.

Теперь при особенно сильных волнах, запахом и составом похожая на тухлый жир, она густым смузи плотной массой опускалась в горло. Невесть, каким образом, оказавшиеся в ноздрях куски газеты мало помогали, их хватало лишь на несколько первых невольных рыгательных глотков. Потом рецепторы в полной мере ощущали, с чем они имеют дело и требовали от желудка полноценную рвоту. Голова была плотно зафиксирована в стойке, и крутить ею было почти невозможно, хотя несколько градусов удалось повернуть, сорвав лоскут кожи с правого виска, но это лишь привело к тому, что гной втекал в рот наискось, смешиваясь с исторгаемой рвотой, которая вновь втекала в рот. В правом ухе тоже ощущался липкий комок ихора.

Вдруг в тишине раздался громкий щелчок, и бурление стало сильнее. Тут Сергей понял, что жидкость теплеет и понемногу становится все более горячей. Теплота распространялась не равномерно, а снизу, со дна. Постепенно.

И вот тут он ощутил состояние рака, которого варят живьем… Он больной раком рак. Его варят…

Дикая боль покрыла всего его. Его варили в гное! А над головой бился ребенок. Боль вызвала сильнейшее возбуждение, Сергей стал дергать всем телом и что есть мочи закричал. Его крик слился с истеричным писком малыша, который тоже стал пытаться вырваться из трясущихся рук, но как-то неуверенно. Однако вскоре возбуждение прошло. Но с ним, несмотря на все повышающуюся температуру стала уходить и боль. Вернее, боль осталась, но стала какой-то повседневно неизбежной. Если в начале экзекуции Сергей пытался молиться, или хоть немного рационально осознать происходящее, то сейчас он совершенно механически делал лишь одно — умирая, держал ребенка.

Он должен был молиться, и молитвы на этот счет были совершенно определенные. Но попытка несколько раз прочитать одну и ту же строку не заканчивалась ничем. Слова казались пустыми, искусственными и вызывали лишь злое раздражение.

И в этот момент стали всплывать слова песни Дельфина, которые так когда-то ему нравились. Они текли сами собой, никак не влияя на безумие происходящего, не снимая боль, но и не ухудшали. Постепенно они подстроились под прерывистое неровное дыхание и проговаривались на выдохе.

Мммммммм……
Мы с тобою две капли разные одной воды
Слезы облака
Разобьемся об землю стразами
Разлетимся вокруг да около
Бесконечное вниз стремление
Награжденное солнца взглядом
Принесет траве упоение
Нас с тобою положат рядом

Аааа… ААА!!!!! АААААААААААААААААА!!!!!!!

Может быть, попадем на лица
По щекам разотрут руками
Нас не станет с тобой, сестрица
Сохнет кожа воды следами
Или может быть в стекла оконные
Сердцем осени постучимся
Разбудить нам печали сонные
Тихим стоном души случится
АААААУУАААААУАААААОООООООАААААХААА!

И нас с тобой не отыскать, все, что мы есть, — вода
Лишь остается ждать серебро дождя

Может ли быть это на самом деле? Это ведь иллюзия, придуманая его осатаневшим от этих экспериментов мозгом?!!! Но почему так больно?! АААУУУУУУ АААААААОООООАААААААОООО ОООООААА!

Нам с тобою земли коснуться
Мы исчезнем в горящем пламени
Чтобы еще один раз завернуться
В нежный шелк темно — синего знамени

Чтобы еще раз подняться
И чтобы опять пролиться
Только бы не остаться
Вечности льдом искриться

И нас с тобой не отыскать, все, что мы есть, — вода
Лишь остается ждать серебро дождя…

В самом начале он думал попытаться по-волейбольному напрячь запястья и зашвырнуть малыша за пределы бочки, куда-то в сторону, откуда пришел Мор-

бус, в надежде, что если тот и повредит себе что-то, то избавится хотя-бы от жуткой смерти. Но края бочки были слишком высоки, поэтому идея была совершенно провальной. Тогда он просто зажмурился, уголком рта сплюнул остатки очередной гнойной волны и замер, перестав быть человеком.

Он был Плеромой и фонарным столбом, который держит свой светильник. Если он выварится весь, то его скелет будет продолжать держать…

Раздел 3. У нового мира

1.

Ему было значительно легче. Он уже говорил и сносно шевелился.

— Отче, что дальше?

— Сережа, только Господь знает, что дальше. Мы познакомили Вас с тем, что знаем сами. Остальное — лишь наши предположения и размышления. Но они намного дальше от истины, чем Вы, потому что Вы уже следуете путем, о котором мы лишь размышляем.

— Знаете, суть обрядов мне понятна, да и процедуры тоже. Но одного понять я все же не могу. У Православной церкви есть очень строго расписанный порядок причастия. Более того, теперь я знаю, как он усложнялся и фиксировался с течением времени. Но то, чем сейчас мы занимаемся очень далеко от этого классического современного представления.

— Я понял Ваш вопрос, и не буду сейчас заниматься словоблудием, рассуждая о том, что Христос установил порядок, отличный от нынешнего, и что первые христиане пользовались совсем другими ритуалами. Это обычные доводы почти всех сектантов, а я твердо убежден и знаю, что мы таковыми не являемся.

Но дело в том, что мы имеем определенную модель, которая даёт определенные результаты. Скажу честно,

я уже долгое время задаю себе схожие вопросы, и, наверное, я должен был бы сейчас логическими доводами убеждать в том, что мы в нынешних условиях совершаем нечто, если и по форме не вполне соответствующее представлениям Церкви, то уж по содержанию точно ей угодное.

Однако я не готов сейчас говорить с позиции логики. Просто потому что наш Бог — это Бог сердца, любви, Бог света, но точно не Бог холодного расчёта, укладывающегося в рамки только лишь обрядов. Этим, кстати, православие и отличается от западного христианства. Если там главенствует как раз логика, сущность которой определил известный западный схоласт Беренгарий Турский фразой «Никто не будет спорить с тем, что в исследовании истины разум несравненно наилучший вожатый. Свойство великого сердца — всегда стремиться к диалектике, то есть к разуму», то мы смотрим на Господа через невозможность его познания человеческими мерилами.

Распространенной ошибкой являются попытки рассматривать церковные обряды как нечто мистическое. Это полная чушь. У современных менеджеров принято различать цели и задачи, при том, что на обывательском уровне эти два понятия часто взаимозаменяемы. Однако при системном целеполагании разница между ними принципиальная — цель является конечным результатом, а задачи — это ориентиры и инструменты, с помощью которых ты этой одной конечной цели можешь достичь. В этой связи правильность обряда — задача, но не цель.

Говоря о цели, кстати, нужно помнить и об изначальной сущности понятия греха. Потому что грех в переводе с греческого означает как раз непопадание в цель. А целью является Бог. Вообще, конечно, при общественных стандартах, нормах религии и морали, определяющих, что есть грех, люди для себя выделяют «любимые»

и «нелюбимые». Я, например, считаю, что самым тяжелым является неблагодарность. Потому что благодарность наряду с пониманием создают самый повседневный и самый важный фон жизни. Иногда благодарность и понимание даже заменяют любовь, идя с ней нос в нос. Но при божественных исканиях грехом является именно непопадание в цель божественного стандарта.

Какая дерзкая картинка — целиться в Бога! Между тем так и есть — если целью определённого процесса является достижение Бога, или сам Бог, то все что связано с этим — это лишь инструментарий, позволяющий технологически реализовать определенный набор задач, и в конечном итоге, достичь цели.

В этом смысле в самих приемах церкви нет Бога. Они создают лишь условия для его достижения. Какой Бог может быть в посте? Да это просто диета! Однако она перестает быть диетой, если является набором ступенек чему-то большему, чем здоровый организм.

В чем же это проявляется? Что за технологии? Постясь, человек резко понижает определенную гормональную активность. Понижает физиологические потребности, благодаря чему может сконцентрироваться на главном и единственном. В этом смысле весь набор молитв, постов, церковных процедур — лишь технологические приемы, как каты в карате, с помощью которых ты максимально сосредотачиваешься на «маэ-тоби-гэри» и пробиваешь свою Цель. Но достичь Бога, а не ударить его по примеру Агасфера, уж извини за неканонический пример.

Усилия найти некую сакральную благость в обрядах как таковых — это сектантство высшей формы, создание кумиров, которое напрочь заколачивает движение к цели, ограничиваясь формой, или, максимум, задачей.

— Это я понимаю. У Вас интересные аналогии, чувствуется, что жизненный опыт не ограничивается лишь церковной службой. Но раз мы не идем по пути фор-

мальных обрядов, то как быть тогда с той логической системой, которую мы используем для построения моста к Господу с помощью физики?

— Логичный вопрос, извините за иронию. Теперь Вы хорошо знаете, что одной из особенностей квантовой физики является ее вероятностный характер. В основе ее измерений лежат так называемые статистические законы, формирующие огромный спектр различных вариантов того или иного события. Поэтому у нас и получается гармоничное сочетание нелогичного, но искреннего Божественного восприятия, и математически и физически стройной системы, обосновывающей эту нелогичность.

— Значит, по сути, Вы используете православные обряды и их инструменты просто потому, что с их помощью ранее уже получалось пройти по божественному пути?

— В том числе, но не только. В этих обрядах, при правильном подходе суть Господнего установления. И если именно они нужны для причастия, то они и должны быть. От того, что нарушен некий формальный порядок, не нарушена суть, тем более, что порядок мы в целом и главном соблюдаем. Мы с Вами соблюдаем литургию, молитву, пост, покаяние и исповедь, и Ваше нахождение здесь совсем не мешает ни одному из них. Более того, Ваше состояние под угрозой смерти даже с точки зрения самых строгих канонов допускает послабления, намного более серьезные, чем наши.

Знаете, Сергей, сейчас много говорится о развращенности среди священников, о пороках, о неверии в Бога. В этих случаях многие прячутся от этого неверия в обрядах. Да, такое конечно бывает, и, к сожалению, не могу сказать, что так уж редко. Конечно, к Богу это не имеет никакого отношения.

Сие связано с человеческими слабостями, и я лично считаю, что чрезмерная увлеченность обрядами без стремления к постижению и достижению реальной их

сути тоже занимает не последнее место в череде причин этакой деградации. Вот сидит дьячок, который точно знает, что нет в вине никакой крови. Вокруг гусынями ходят эти злобные бабки, приватизировавшие территории церквей и храмов, по-хозяйски распоряжаются, решая, что угодно Богу, что нет, и вот в совокупности он однажды задумывается: «А при чем тут Бог?». И дает сам себе правильный ответ, что не причём. Но ничего кроме таковых границ он не знает, и вот тогда все идет вниз по наклонной. Поэтому обряды — это хорошо и правильно, но они — не самоцель.

— Но есть ли смысл тогда в самих ритуалах? Может быть достаточно определённой гимнастики ума с помощью физики, его настройка на формат квантового мира и сопутствующие этому молитвы, постепенно соединяющиеся в общий поток? Зачем нам Евхаристия как таковая?

— Потому что описанное Вами и есть святое причастие, по сути. Причащение к Богу, причащение с Богом, причащение Богом.

Давайте не забывать, что одним из элементов нашего процесса являются некие метаморфозы крови. Но ведь это не самоцель — способность менять группу крови. Это лишь следствие определенных духовных изменений, которые в рамках квантовой декогеренции влекут за собой физическую трансформацию.

Ведь таинство Евхаристии — это возвращение в Святой Вечере, когда Спаситель дал Новый Завет. А Завет в то время означал вполне юридическую форму договора между Богом и человеком, при которой преодолевалось физическое несовершенство человека и определялось его единство с Богом. В этом главный смысл наших процедур. Кроме этого, причастие, как, собственно, и все происходящее с Вами, является формой Божественной жертвы, ведь сказал Христос «Кровь Моя за вас и за многих изливаемая во оставление грехов». Но с другой сто-

роны и Вы на пути к причастию совершили огромную жертву, отдав свою жизнь за возможность пойти по пути к Богу, и поэтому вполне достойны этой возможности.

И не забывайте, что одной из главных особенностей Евхаристии является то, что Вы причащаетесь кровью Христа. А вот теперь вдумайтесь в то, что я сказал, потому что, вероятно, часто слышали эту фразу и привыкли к ней.

Не кровью Христа в широком метафизическом смысле. Не символом крови и не некоей кровью, которая есть и в физической ипостаси Спасителя. Совсем нет! Суть таинства именно в том, что определенными физическими и духовными процедурами мы добиваемся того, что вино становится именно той самой кровью Спасителя, которая была им пущена на кресте. Ведь сейчас почти не говорится об истинной сущности Церкви, которая определена была изначально с момента прихода Спасителя. Дело в том, что с точки зрения классического подхода, Церковь — это не какая-то там организация, и не здание, и даже не божий народ. Церковь — это собрание вокруг Евхаристической трапезы. Поэтому мы с Вами сейчас находимся в Церкви, в полной мере исполняя ее таинство.

— Отче, честно говоря, вот это вот положение про кровь Христа меня несколько напрягает. Оно в голове не укладывается. Вы добиваетесь того чтобы я поверил, что вино станет кровью. Но давайте посмотрим на ситуацию с физической точки зрения. В конце концов, я не ощущаю железно-кислого вкуса крови во рту, когда я его пью, а любой спектральный анализ окажет что даже после всех ритуалов это все тоже вино. Я готов принять символический характер вина как крови, но вы же настаиваете на буквальном понимании крови как биологической жидкости Иисуса.

— Все верно, именно настаиваю. Как официально настаивает на этом же вся православная церковь. И здесь мы опять возвращаемся к нашей с Вами ситуации. Про-

цедуры Евхаристии, молитвы, Ваше состояние и смесь с физикой и математикой как реальными элементами Вашего внутреннего состояния должны привести к тому, что символическое вино, попав в Ваш организм и смешавшись с Вашей кровью, трансформируется в истинную кровь Спасителя. Именно в этом звучат известные слова Иисуса «сие есть тело Мое... сия есть кровь Моя», и именно так поняли его и ученики, ответив ему «вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой». В церковной науке это называется пресуществление, изменяющее естество.

Просто, к сожалению, некоторые наши иерархи когда-то заигрались в манипулирование словами и обрядами, утеряв божественную суть процесса и спрятавшись от нее за околобожественными терминами. У церкви есть удобное объяснение, которое сформулировали Симеон Новый Богослов и Кирилл Иерусалимский, разъяснив наше физическое восприятие хлеба и вина таковыми как они есть божественным снисхождением, когда ««единый Хлеб животный, который для чувств видится хлебом, а мысленно есть тело Христово, вино же, которое в сем таинстве воистину есть кровь Божия».

Но мы не хотим снисхождений, мы-то как раз и добиваемся, чтобы кровь стала божественной кровью, ибо в ней душа человеческая. Что касается плоти, то мы причащаемся просфорой традиционно, ибо, к сожалению, не достигли пока того уровня, который бы позволял столь полное воплощение Спасителя. Более того, по мнению некоторых наших исследователей, факторум в ходе таинства сам в определенном смысле становится просфорой, ибо в него входит Божий дух. Поэтому мы говорим о святой технологии, называемой таинством, и надеемся на ниспослание к нам Святого Духа, чтобы оно состоялось в ходе причастия. Но вот состоится оно или нет, нам неведомо. В том и разница между человеческим ремеслом, где при правильном соблюдении алгоритмов

и порядка действий результат практически всегда гарантирован. В нашем случае особенностью этой технологии является статистическая вероятность, не обусловленная правильностью алгоритмов и нашими ожиданиями. Это в равной мере отражает сущность Божественного проявления и одновременно особенность квантовых механизмов, которые мы используем.

В древности были такие еретики, их называли докеты, которые отрицали воплощение Иисуса в живой сущности. Когда кто-то из церкви отрицает возможность физического воплощения тела Спасителя, в том числе и в виде сущности, через таинство передаваемой причащенному, то он обращается к докетизму. Мы же возвращаем Вас к истокам.

— Скажите, Вы, правда считаете, что закостенелый мозг взрослого человека, переполненный опытом, осколками старых иллюзий, цинизмом, способен из просто гимнастики для ума, очень отстраненной от своих реальных решений и повседневных мыслей перейти к такому сложному процессу практической божественной игры разума?

— Абсолютно уверен. А что, по-Вашему, вообще есть процесс думанья? Бытует миф о том, что думают все и непрерывно.

Между тем если обычный человек начинает анализировать процессы, происходящие в его сознании, то неизбежно понимает, что думает он в какие-то конкретные моменты жизни. А некоторые не думают вовсе. В голове постоянно кружатся обрывки каких-то мыслей, ассоциаций, информации, сплетающиеся в большой нарезанный лоскут без начала и конца. Сине-твердо-пятница-двести-папа-обед-секс-вчерабылхороший фильм-деньги-гдеключи?-отдых-злость-собакапробежала-кофепопить-втуалет-грустно. Происходит это на фоне технической фиксации образов, проносящихся перед глазами и, максимум, коротких характеристик

в ходе экспресс-идентификации. В этом смысле человек думает глазами.

Весь этот хаос сбивается в относительно целенаправленный рисунок лишь в момент, когда человек напрягается и сосредотачивается на каком-то интересующем его вопросе. Если некто задаст себе вопрос, «думаю ли я и когда», то ответ может быть совершенно неоднозначным.

Знаете, например, существуют аппараты для непрерывного измерения давления системы «Холтер» с множеством датчиков, которые человек крепит на себе. Обычно при таком исследовании пациенту предписывается вести небольшой дневничок, в котором нужно фиксировать различные события суток, будь то подъем по лестнице, сон, питание, другие факторы напряжения. Иногда предписывается сделать что-то для искусственного стимулирования напряжения, например, приседать или отжиматься в какое-то время.

Если по такому принципу представить учет и анализ целенаправленных мыслей, которые сам человек способен охарактеризовать как думанье, то в дневнике такие периоды будут крайне разорванными, ситуативными и довольно недолгими, зачастую, не связанными друг с другом. Поэтому мнение о человеке, как об однозначно разумном и перманентно мыслящем существе, является довольно серьезным преувеличением.

И Вы сказали о взрослом человека. Между тем действительно считается, что опытный человек умнее неопытного. Основано это утверждение на более гибких, адекватных обстоятельствам реакциях на внешние раздражители и ситуации, сбалансированности и устойчивости. Однако является ли таковое положение проявлением полноценного мыслительного процесса? Далеко не всегда, и даже чаще всего нет. Как не удивительно, но жизненный опыт, зачастую, является врагом настоящего творческого мышления. В голове постепенно формирует-

ся библиотека стереотипов, моделей поведения, реакций и даже мыслей. Когда возникает та или иная ситуация, мозг не начинает ее анализировать как индивидуальную и особую, а просто в автоматическом полусонном режиме перебирает уже имеющиеся картинки, выбирая подходящий ответ, мысль и реакцию. В этом смысле неопытный юноша, терзаемый сомнениями, размышлениями и переживаниями на много порядков более мыслящий, познающий и думающий человек, чем он же спустя много лет.

— То есть Вы хотите, что в основном мы интуитивно перебираем в голове предыдущий опыт?

— Интуитивность совершенно не есть следствие некоего подсознательного жизненного опыта. Совсем напротив. Интуитивность — это результат отторжения внешне логичных сознательных аргументов и соприкосновение с иной реальностью. Формируется эта реальность из полутонов и полуоттенков непознанных, но ощущаемых мировых явлений, у которых есть свои законы, далеко уходящие за рамки современного человеческого познания, как бы нынешним ампроморфным адептам не грезилось иного.

Бесконечные поиски Бога сильно напоминают классическую историю ослика с привязанной перед мордой морковкой. Куда ослик, туда и морковка. И при этом морковка остается столь же далекой и близкой и на первом и на тысячном шаге. Ослик и морковка всегда рядом и всегда далеки друг от друга. Ослика манит к морковке, а желания морковка нам неизвестны. Может, хочет, может, нет, может быть ей все равно, а может их и нет вовсе. Но стремления напрасны. Для того чтобы статус-кво был изменен, нужно совершить простое и очевидное действие — отвязать морковку от палки, после чего ослик сможет насладиться желанным лакомством.

В ситуации с Богом ритуалом отвязывания морковки является освобождение от стереотипов взаимоотношений. Именно на это направлены наши усилия сейчас.

Ведь что есть Бог, если не зернышко души, которое человек заботливо удобряет определенными поступками, зонами резонанса с миром и своим местом в бытии, мыслями, действиями и бездействиями. Зерно, растущее и заполняющее человеческую форму, способное достичь всего человека и слиться с Богом внешним, светом, пронзающим весь мир. Как два огня, большой внешний и малый внутренний стремятся друг к другу. Или зачахнуть, захиреть, погибнуть, не будучи удобренным….

Насколько непростым кажется человеку узор калейдоскопа его души и судьбы, настолько же простым и несоразмерным становятся его попытки транспортировать свои размышления в свой жизненный путь. Кипение мыслей, обрывки локации мира и себя в нем, зачастую не создают столь же глубоких действий, либо вызывают совершенно нелинейные следствия. Это как если захотеть написать картину и как следствие почесаться. Относительно логичные и структурированные размышления невозможны в такой же практической реализации в принципе.

— Ясно. Спасибо за Ваши ответы.

— Для этого я здесь и нахожусь. Помолимся?

— Конечно.

2.

«Грех неизбежен, но
Всё разрешится, и Сделается хорошо».
Юлиана Норвичская
Первая английская писательница, мистик (14 в.)

— Сегодня предлагаю поговорить о наших противниках. Я считаю, что врага нужно знать в лицо, поэтому готов поделиться знаниями, которые мы накопили за годы наблюдений за ними.

— Да, я с удовольствием послушаю. Скажите, а откуда у оппонентов вообще эта идея расчётов, цифр, измерений?

— Идея совсем не новая, еще Пифагор говорил, что миром правят числа, и всю последующую историю человечества люди пытались соединить математику и религию. Просто, с учетом глобализации и совершенно нового уровня мировой интеграции «цифровикам» удалось мутные теории и шизофренические схемы трансформировать в системообразующую концепцию.

Знаете, я для себя их расчёты символически соединяю с расчётливостью. Мы в этом смысле очень нерасчётливый народ. Однако с Западом все иначе. Даже во взаимоотношениях с Богом там взят курс на прагматизм и юридическую фиксацию. Это, кстати, и приводит к западным кризисам веры. Православного Бога невозможно убить, он не может умереть, сама идея этого абсурдна. Не может умереть свет или воздух.

А вот католико-ницшеанский вестернезированный Бог слишком оформлен, прагматичен, а значит смертен. Его конкретность, естественно, предполагает возможность оценки, анализа и прогнозирования. В этом смысл и идеи божественного измерения «цифровиками». Хотя, естественно, они совершенно не оригинальны в этом. «Цифровики» лишь обобщили и возвели в ранг геополитической и мистической идеологии все предыдущие поползновения, помножив это на идеи социальной неомарксистской трансформации человечества.

Так, одной из самых ранних работ, которые они взяли за основу своего учения, было малоизвестное древнееврейское «Измерение высот», текст 5-го века, то есть появившийся почти на тысячелетие раньше Каббалы. Эта работа позволяла измерить все, в том числе и размеры Бога. Способ расчётов и приведенные размеры в нем, думаю, поразят любого человека с минимальным воображением. В качестве единицы оценки используется расстояние «парасанг», которое соответствует 180 трилли-

онам «перстов». Соответственно каждый «перст» равен протяженности Земли от края до края.

Однако в этом вопросе есть тонкость. Для древних евреев такой подход был скорее способом смутить и обескуражить любого, кто попытается представить себе границы Господа. Но «цифровики» все подобные вещи стали воспринимать слишком буквально, трансформировав в процесс молитвы.

— А в чем суть их молитвы?

— У них по-настоящему молятся только женщины, выступающие в роли жриц. Мужчины живут преимущественно в рациональном мире или же пользуются традиционными ритуалами протестантов, англиканской церкви или католиков, тут особой разницы нет.

А вот у допущенных женщин и отдельных особых мужчин своя история. Я бы не назвал их упражнения полноценным общением с Богом. Это скорее медитация с оккультно-математической тематикой. За основу берутся некоторые христианские молитвы. Во время обряда они, произнося каждое слово, должны пересчитать число букв в нем и определить числовые соответствия друг другу, что, по их мнению, позволяет вырваться за рамки буквального значения слов. При этом точка сосредоточения должна быть максимально вверху.

В целом, игра со словами, составляющими молитву — одна из отличительных особенностей литии «цифровика». Молящийся должен достичь такого уровня пересчета букв, их случайных комбинаций, чтобы буквы и звуки как-бы отделились от именуемых ими предметов и символов, и человек мог бы на них посмотреть, отстраняясь от зафиксировавших их символов, а следом за этим, совершенно отдельно оценить символы.

Происходит буквенно-образная стратификация. Иногда достаточно единственного слова. Например, многократное произношение слова «дерево» разбивка на буквы, и их комбинации приводят к тому, что в какой-то мо-

мент возникает вопрос, что в этом месте слова делает эта буква, ЧТО ЕСТЬ эта буква, и что за слово за ним. Потом подходит очередь мистических значений и самого Бога.

В этом смысле их молитва, с одной стороны, предельно расчетлива, а с другой требует умения растворить сознание в цифровых образах.

А вот следующим этапом, который идет после вхождения в транс, следует набор видений и их перебирание по определенной технологии, на которой я бы не хотел останавливаться по этическим причинам, Вы уж простите меня за морализаторство. Там присутствуют определённые эротико-религиозные мотивы. Это тантрическое действо может длиться очень и очень долго. Объясняется такой подход преодолением предрассудков, истинностью и всеобъемлющностью любви и соединением духовного и земного. Якобы, так нивелируется противоречие духа и тела.

Ну а далее следует волна чисто каббалистических действий и ассоциаций. Известны некоторые мантры, произносимые в этой связи. Вот, например, — с этими словами Георгий Александрович протянул Сергею очередной лист с отпечатанным текстом.

Сергей прочитал написанное: «*Бог сделала людей неравными и позволила в своей щедрости постичь Волю Этого.*

Смешивать же дороги, проложенные для каждого Господом, утверждая Равенство — суть нарушать Божественный рисунок жизни, превращая ровные тропинки в непроходимое болото.

В своей щедрости Господь пометила любимых ею Йесод — Языком, Свободой, Превосходством и Успехом, даровав Права, не предназначенные Остальным.

Остальные — призваны служить. Кто не принимает свое призвание, нарушает Ее волю и теряет смысл земного существования. Мы не можем противиться Ее воле и должны в этом содействовать…».

— Что за Йесод? — оторвался он от текста.

— Вы невнимательно слушали мой предыдущий рассказ про Каббалу. Йесод — это в Каббале самая сложная сфера, сфера основания перевернутого корнями в небеса дерева мира «Сефирот», объединяющая в комплексе все другие сфироты. Они зовут их хесед, гвура, тиферет, нецах, ход. Йесод направляет божественную энергию в нижнюю сфиру малхут, которая как принимающий «сосуд», представляет наш мир. Таким образом, они подчеркивают свою сакральную особость и общемировое главенство.

— Есть какие-то символы их организации? Как их можно распознать?

— Ну, от масонских знаков и рукопожатий они отказались, членов организации не так много, чтобы выявлять друг друга в многочисленных толпах и обществах. А главным символом является ромб со знаком «бесконечность» в центре и математическим знаком «Пи» под ним.

И есть еще один символ, или даже скорее образ, который они считают особым и используют в медитации и обрядах. Это пламя на льдине, горящее вниз и окруженное короной разноцветной радуги вокруг льда.

— Почему ромб?

— Знак «ромб» является символом плодородия на женской утвари еще Каменного века, а также в гробницах Египта, африканских женских татуировках, старинных орнаментах Ирана, и, кстати, в русской вышивке. Знаете, что значит слово «ромб»?

— Нет, а что?

— В дословном переводе с древнегреческого значит «бубен». Раньше бубны делали в форме ромба. Главным предназначением бубна является призыв богов, так что все тут не случайно.

Ну а с другой, ромб — это соединение двух треугольников, которые сдвигаясь по условной проложенной по-

середине горизонтальной линии, образуют гексаграмму, то есть шестиугольную Звезду Давида, означающую неравноправие людей и разницу знаний данных разным народам, а также совершенство избранного общества.

Сами «цифровики» свою организацию называют «Шехина». Мы не повторяем за ними это слово, потому что если в Каббале оно означает идею присутствия Бога, то в Ветхом Замете — это просто место обитания Бога. С нашей точки зрения это уже откровенный религиозный фашизм. Тем более что у одного из Отцов Каббалы Иссака Лурии, Шехина — это именно женское начало Бога, изгнанное Господом в процессе грехопадения и в дальнейшем ставшее Наукой.

У них есть свои исторические авторитеты, которых они считают святыми. Один из важнейших пророков в «Шехине» — Жан Кальвин. Однажды в Англии его идеи уже разожгли революцию под предводительством Оливера Кромвеля и были продолжены на просторах Северной Америки.

Укрепление веры в предопределение, в то, что Бог метит избранных богатством и успехом продолжил далее Блез Паскаль, гениальный геометр 17-го века, написавший свое мистическое Откровение — «Memorial», найденный в его камзоле после смерти, а также «Мысли» о Боге. Паскаль отказался от попыток познания Бога и определил превалирование личного выбора в дальнейших процессах. Как сам он говорил, «непостижимо, что Бог есть, непостижимо, что его нет; что у нас есть душа, что ее нет; что мир сотворен, что он нерукотворен...». Из этого «цифровики» сделали вывод о возможности своим разумом определять границы познания без ссылок на божественное, которое, в таком случае, находится в подчиненном для них состоянии.

Примерно так же ими оценивается и великий французский математик, физик и астроном Пьер Симон де Лаплас, изменивший представления своего времени во

всех точных науках. Он был воспитанником религиозной школы, из которой вышел убежденным атеистом. Лаплас тоже крайне почитаем «цифровиками».

Но еще более особое место в пантеоне «цифровиков» занимает также объявленный пророком французский священник, живший в 18-м веке Жан Мелье, который в современных справочниках значится «французским философом-материалистом, атеистом, коммунистом, католическим священником».

Этот служивший в Шампани образцовый и благочестивый пастор, методично соблюдающий все каноны католичества, написал свое «Завещание», где зло и беспощадно ниспровергнул все каноны христианства, а также провел проповедь идей коммунизма, воспев ньютоновское бесконечное пространство и презрение к человечеству, не участвующему в формировании новых рациональных устоев и увлеченному убогим христианством. Прославленный Вальтером священник-атеист и талантливый математик надолго стал своеобразным образцом для подражания.

— Интересно. Это действительно целая полноценная мифология.

— Нет, это полноценная религия. Я оставлю Вам материалы, посмотрите сами некоторые их труды, это будет более предметно, чем мои пересказы, — с этими словами Георгий Александрович положил на стол папку, которую до этого держал на коленях, и брошюру, обернутую темно-бардовым бархатом, без каких-либо надписей или изображений на обложке.

— Ну что ж, у Вас скоро процедуры, поэтому я Вас оставлю. Не возражаете, если ближе к вечеру загляну?

— Да, пожалуйста. Заодно обсудим то, что Вы мне оставили. Я немного почитаю, но не обещаю, что все. Если читаю много, начинают болеть глаза и голова.

— Конечно, ни в коем случае не переутомляйтесь! Тогда не прощаюсь.

3.

«…В основе Мироздания лежит информация, исходящая от Первоисточника, Творца. И все сущее есть проявление этой информации, все ее содержит в себе, что и обозначается математическим коэффициентом «Пи»… Три целых и четырнадцать сотых от общего объема каждой материальной единицы» — так звучит его наименование. С точки зрения математической логики, это всего 3, 14 от общего числа, то есть на каждые 100 единиц — всего лишь 3, 14 этой единицы.

Общепринятое название символа — «три целых и четырнадцать сотых» есть условное его обозначение, так как полное числовое значение символа уходит в бесконечность. В таком случае нужно именовать его «Три целых и одна десятая» — это более соответствует его реальности, так как все последующие числовые построения формируются из различных комбинаций этого, изначального числового значения.

Кроме того, это не просто абстрактные цифры, но вытекающие одна из другой, взаимосвязанные и взаимозависимые между собою субстанции, в развитии взаимодействия которых заложен механизм информативного взаимообмена и развития всего материального Мира и живых существ.

Три единицы числа «П» — это образ той бесконечной Высшей Силы, Которую называют Богом, ЕЮ, Высшим Разумом, Космосом. И эти три единицы коэффициента обозначают всю систему развития информативного процесса, который в дальнейшем дублируется в материальном Мире.

Коэффициент «П» есть образец действия и само действие, это мощный мотор, запускающий механизм развития каждой природной сущности. Он является ядром каждого материального вещества, любой сущности. Природа триедина в своем проявлении и берет свое на-

чало от Первоисточника, первой информативной Единицы числа «П», от которой и происходит становление всего информативного процесса. И это отражается символикой коэффициента «П».

Вначале было Слово. Но Слово рождается мыслью, следовательно, именно Мысль и является Родителем Материального Слова. И этим Родителем является Информация, являющаяся Творцом. И она выстраивает всю Иерархию своих понятий, организует сам процесс, который фиксируется в жестких рамках материальных форм. То есть сами формы являются своеобразными вехами всего процесса божественного информативного взаимообмена.

Волновые движения информации и ее всевозможных форм отражают движение внутренних психических колебаний Космического Разума.

1,0	Открытое доверие			1,2		1,3		1,4	
								0,98	близость
								0,96	товарищество
								0,94	взаимоутверждение
0,5	Самолюбие					0,8		0,9	Взаимопонимание
		0,1	Движение к жизни	0,2	Раскрытие себя	0,3	Самопознание	0,375	самоутверждение
0,07	Обилие сил								

0,05	Рождение								
0,03	«Я нужен!»								
0,02	Желание жить								
0,01	Зачатие								
0,0									

Первый этап имеет девять ступеней. Происходит проявление одного действия, имеющего три основных психических качества человека, после чего они осознаются и выявляются две противоположные стороны проявления. Каждое качество проверяется и вновь осознается. Последнее действие и становится базовым для формирования первой десятой части единицы.

Далее происходит становление полной единицы, которая проявляет уже сразу четыре действия: инстинктивное проявление и три естественно сложившиеся способа реагирования на это воздействие. Итогом становится образование пятого психического действия, осознания сознания, что также подвергается двойной проверке. Это и становится основой для самоутверждения единицы и ее способностей к контакту с себе подобными созданиями.

4,0	Единение с Космосом								
3,5	Стремление к Богу								
3,0	Любовь к Природе					3,3	Единение с Природой		
2,5	Ясность принципов	2,6	Искренность			2,8	Духовность	2,9	Цельность

2,0	Любовь к ближнему							2,4	Широта взгля-дов
1,5	Сотворче-ство					1,8	Справед-ливость	1,9	Всепро-щение
1,0	Открытое доверие			1,2	Друж-ба	1,3	сотруд-ничество	1,4	Едино-мыслие

Специфика процесса осмысления такова, что каждое ее действие представляет собою целый комплекс необходимых последовательных действий для эволюционного развития человеческого сознания.

Потому все данные схемы заполнены кажущейся пустотой: осознание требует тишины и сосредоточия, глубокого внимательного наблюдения за всеми своими внутренними переживаниями.

Триединое Начало обозначает себя в виде трех целых единиц. Это являет основу определенной формы познания, которая окутывается действием чувственного внимания в виде 0,1 единицы. В результате образуется целостная единица Сознания — 3,1, которая и отражается в пространстве в форме информации. И отражаются все проявленные четыре действия, которые вновь фиксируются вниманием. В итоге создается форма, состоящая из трех частей: 3,1; 4,1 и 5,1.

Первоначало, проявив свою волю, прекращает свою видимую активность. Последующие действия проводят две последующие силы. А они проявляют каждый по четыре первичных действия, что в сумме составляет 0,8. Эта сумма и прибавляется к уже имеющимся 5,1. В итоге получается следующий ряд чисел: 3,14159…

Символ «р» отражает психологические образы Космического и Вселенского Разума и Сознания. Дух Знания, Душа Чувственного Осознания и Творчество Познания — вот основа, дающая начало всякой жизни. Эта основа четко фиксируется в определенной материальной

форме в виде символов «О», «П», «Ч». Затем создаются иные материальные формы, чисто инстинктивные, которые своими непроизвольными действиями способствуют дальнейшему развитию познавательного процесса в масштабах Вселенной и Космоса.

Сопоставив это построение с энергетическим строем основных природных излучений, получим шкалу.

Соединение единиц	4,0				
3,5					
3,0			3,3		
2,5	2,6		2,8	2,9	
2,0				2,4	
1,5			1,8	1,9	
Сотворчество единиц	1,0		1,2	1,3	1,4
Установление контактов единицы с себе подобными сущностями					
				0,98	
				0,96	
				0,94	
2-я половина единицы	0,5			0,8	0,9
1-я половина единицы		0,1	0,2	0,3	0,375
Построение десятой доли единицы					
0,07					
0,05					
0,03					
0,02					
0,01					
0,0					

Волновые движения информации и ее всевозможных форм отражают движение внутренних психических колебаний Космического Разума.

1,0	Открытое доверие			1,2		1,3		1,4	
								0,98	близость
								0,96	товарищество
								0,94	взаимоутверждение
0,5	Самолюбие					0,8		0,9	Взаимопонимание
		0,1	Движение к жизни	0,2	Раскрытие себя	0,3	Самопознание	0,375	самоутверждение
0,07	Обилие сил								
0,05	Рождение								
0,03	«Я нужен!»								
0,02	Желание жить								
0,01	Зачатие								
0,0									

Данная схема полностью раскрывает подлинное значение математического символа «П». Значение 0,14 содержит три безусловно обязательных последовательных этапа становления личности. Далее выстраивается физика самой личности, которая в материальном мире видится тремя единицами, но на уровне информативно-духовном имеет четыре целостные единицы: три материальные формы завершаются информативной составляющей. Эта последняя и является связующим звеном между субъектом природы и Вселенским и Космическим Мирозданием.

Общая формула становления живого разумного организма содержит в себе полный цикл волнового движения, который включает в себя полное проявление трех качеств сознания, т.е. трех главных действующих Сил Разума.

2,0				2,4
1,5			1,8	1,9
1,0		1,2	1,3	1,4
				0,98
				0,96
				0,94
0,5			0,8	0,9
	0,1	0,2	0,3	0,375
0,07				
0,05				
0,03				
0,02				
0,01				
0,0				
0,01				
0,02				
0,03				
0,05				

0,07				
	0,1	0,2	0,3	0,375
0,5			0,8	0,9
				0,94
				0,96
				0,98
1,0		1,2	1,3	1,4
1,5			1,8	1,9
2,0				2,4
2,5	2,6		2,8	2,9
3,0			3,3	
3,5				
4,0				
3,5				
3,0			3,3	
2,5	2,6		2,8	2,9
2,0				2,4
1,5			1,8	1,9
1,0		1,2	1,3	1,4
				0,98
				0,96
				0,94
0,5			0,8	0,9
	0,1	0,2	0,3	0,375

0,07				
0,05				
0,03				
0,02				
0,01				
0,0				

Схема низового Творения:

№	Воздействие извне	Число	Внутренние действия организма
	Начало, понятие «Ноль», первопричина рождения живой разумной сущности	0,000	Нечто, предшествующее рождению живого разумного существа
	Триединое первое воздействие внешней среды, дающее начало жизни организма (факт зачатия!). Слияние Мужского и Женского Начал	0,01 0,02 0,03	1) Начальная форма существования организма, сочетающего в себе единство и сотворчество естественных противоречий, первая форма восприятия и осознания внешней информации. 2) Ответная естественная, инстинктивная реакция организма на внешнее воздействие, в которой сочетаются три ее противоречивых качества
	Пауза после первого внешнего воздействия	0,04	1) Создание первой чувственной оболочки, обозначающей рамки пространственных возможностей жизненного действия организма. Она же является средством восприятия внешней информации — клеточная мембрана. 2) Пауза, необходимая организму для осознания воспринятого действия и своей ответной реакции на него.

№	Воздействие извне	Число	Внутренние действия организма
	Вторичное воздействие с выделением положительного его качества	0,05	1) Создание первых форм восприятия внешней информации, обозначение границ сознания и восприятия. 2) Восприятие внешнего воздействия. 3) Естественная реакция организма, принимающая приятное внешнее влияние на себя.
	Пауза после вторичного воздействия	0,06	1) Создание второй чувственной оболочки вокруг живого организма. 2) Пауза, необходимая для осознания положительного влияния внешней информации на живой организм.
	Третье внешнее воздействие с выделением отрицательного его качества	0,07	1) Материальное обозначение границы второй чувственной оболочки. 2) Восприятие отрицательного качества 3) естественная реакция отторжения отрицательного воздействия внешней среды.
	Длительная пауза после третьего воздействия	0,080,09	1) Формирование третьей чувственной оболочки вокруг сознания. 2) Пауза, необходимая ля осознания всех проявленных противоречий внешнего воздействия и своих внутренних и внешних реакций на него. 3) Поиск компромиссного соединения в себе ответной реакции на подобные воздействия 4) Начало формирования рефлекторности ответного действия на внешнее воздействие такого типа.

№	Воздействие извне	Число	Внутренние действия организма
	Обозначение накопленного опыта организма своего первого взаимодействия с внешней средой обитания	0,1	1) Материальная форма обозначения первого опыта жизни, как эталона всех последующих житейских действий 2) Завершение первого этапа формирования личности.

…».

— Какой нефильтрованный бред, — подумал Сергей и отложил брошюру.

ЧАСТЬ 3. ПРОЛОГ АВРИО

Глава 1. Имманентность и энигмы

1.

— Значит ничего нового?

— Пока нет. Он борется, он совершает свой подвиг веры, свою теургию, соприкосновение с божественной силой. Ведь это не борьба на самом деле. Это путь. Я не знаю, только ли от него зависит возможность пройти по нему, но он идет. Честно говоря, мы не говорим ему, насколько серьезно участие медиков в его излечении. Он уверен, что все происходит, в основном, благодаря его усилиям, а врачи лишь поддерживают его. И это правильно. Вам не нужно пока к нему.

— Так что же мне делать?

— Мы надеемся и стараемся, как можем помочь. Вы разбирайтесь в вопросах, которые он не смог завершить.

— Ладно, тогда я пойду.

— До свидания. И все-таки подумайте о молитвах. Отец Варсонофий с радостью пообщался бы с Вами.

Глеб вышел из каминного зала, постоял минуту у окна внешнего холла и тяжело вздохнув, стал спускаться по широкой лестнице к выходу из этого дома. На улице сел в «шкоду», арендованную в одной из местных фирм, и отправился на встречу с «источником из конторы». Одним из его результатов периода «Крымской весны» стало большое количество оперативно-значимых контактов, которые он сохранил и теперь использовал в интересах Департамента.

Командировка Глеба была продлена еще на три месяца, а вот Александрова и Мердеряна отозвали в Москву.

Генерал вернулся в свой банк, получив за Крым орден «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени с мечами.

Уезжая из Симферополя, он поручил бывшим «сбушникам», оставшимся на службе после чисток, собрать и отдельно самолетом в Москву переслать подарочные наборы с символикой СБУ, куда входили чашки, блокноты, ручки, брелоки, тарелки, книги и вымпелы, и при удобных случаях торжественно их вручал нужным и высокопоставленным руководителям, подчеркивая свою особую роль в возвращении Крыма. Это укрепило его позиции на работе и обеспечило 50-миллионный кредит, льготный процент которого был ниже курса инфляции, что позволяло кредиту, при хитрых формулировках договора в течение трех лет погасить самого себя без затрат заемщика. На кредит он купил большую квартиру в Москве. У него их было уже восемь, в том числе и служебные, но так как Вадим Георгиевич плохо разбирался в экономике, но понимал, что деньги нужно куда-то инвестировать, то он просто скупал недвижимость. Генерал был доволен жизнью и сполна пользовался плодами своей недолгой командировки.

Мердеряну повезло меньше. Выполнив личный и особенный приказ руководителя, он рассчитывал на адекватную оценку. На первых порах так и складывалось. Сразу по возвращении Владимир был на одну клетку повышен в должности и получил в качестве награды «Орден Почета».

Однако спустя еще десять дней он был послан в командировку в Узбекистан, где новый президент Шавкат Мирзияев сначала согласился создать совместную с Россией комиссию по Зоне свободной торговли и рассмотреть перспективу вступления в Евразийский союз, но впоследствии стал отходить от своих обязательств. Так как в апреле этого года в Ташкенте с официальным визитом побывал Владимир Путин, договорившийся с Мирзияевым о сотрудничестве с рядом российских госком-

паний, то требовалось проконтролировать на месте, как эти решения исполняются.

Спустя двое суток после прибытия в столицу Узбекистана связь с Мердеряном пропала. Его нашли через шесть дней на одной из живописных мусорных свалок Чиланзарского района недалеко от реки Чирчик. Голое обгорелое, покрытое волдырями остатков кожи на красно-черном мясе тело было скрючено в закопчённой металлической бочке, крышку с которой мусорщики сбивали молотками и ломом, так как она впаялась в железные стенки. Как рассказали медики, его варили, а, фактически, тушили заживо на протяжении более пяти часов.

По мнению местных полицейских, Владимир где-то в районе крикливого, порочного и криминального «Северного вокзала» неосторожно продемонстрировал наличие денег, и уличные бандиты решили заставить иностранца поделиться.

Почему выбрали такой чудовищный способ пытки и казни, было совершенно непонятно. На службе даже рассматривалась политическая версия произошедшего, связанная с демонстративным посланием российским властям нежелательности слишком назойливого внимания, так как Владимир практически сразу по прибытии в свойственной для него активной и агрессивной манере принялся устанавливать контакты и разведывать обстановку. Но версии были притянуты за уши, и после определенного периода интенсивных поисков о деле стали забывать, хотя «командировка Мердеряна» стала устойчивой страшилкой, угрозой и мемом в департаменте.

Глеб же съехал из «Таврии» и снял скромную, небольшую, но уютную двухкомнатную квартиру в центре Симферополя. Еще одну однокомнатную за небольшие деньги он арендовал на окраине и использовал ее как резерв в подозрительных случаях, а иногда для проверки слежки, и просто профилактики. О первой почти никто не знал, о второй не знал никто. Во вторую он ездил только

на такси, не пользуясь ни служебной, ни прокатной машинами, отключая за несколько кварталов на подъезде свои телефоны и вынимая из них батареи.

Глеб всегда ощущал себя настоящим офицером и мерял свои поступки через призму соответствующих морально-нравственных критериев, как он их видел. Его собственный уровень самооценки был высок, но, с другой стороны, такое ощущение основывалось на довольно объективных фактах, хотя явные признаки нарциссизма тоже присутствовали. Хороший спортсмен, с юности посвятивший себя военной службе сначала в армии, позже — в органах госбезопасности, и в итоге — в департаменте, он всегда старался избегать компромиссов с совестью и принципами, несмотря на то, что «чекистская» стезя быстро деформирует эти критерии, услужливо подставляя удобные объяснения «служебной целесообразности» почти под любую непорядочность, а иногда и провоцируя ее. С другой стороны, он действительно иногда давал поводы к претензиям со стороны коллег, беззастенчиво монополизируя общие результаты работы и испытывая полную неблагодарность к тем, кто помогал ему. Делал он это совершенно искренне, будучи твердо убежденным, что его высокие личные качества автоматически предполагают его некое превосходство и обязанность окружающих подставить плечо. Это был совершенно искренний самовлюбленный эгоцентризм без какой-либо возможности поколебать его.

Выбор, который он сделал сейчас, объяснялся трезвым расчетом и рациональной оценкой. Он всегда причислял себя к атеистам, вопросы души и Бога были лишь умозрительным философствованием. Но ситуация, при которой контроль над ядерным арсеналом страны находился у кого-то еще, когда прагматические решения ставились в зависимость от некоего международного органа, определившего его стране явно несправедливое место, где сговор неких закулисных кукловодов приво-

дил к вполне ощутимым практическим негативным последствиям, требовала соответствующей реакции и выбора. Он сделал его и теперь пытался внести свою лепту в общий процесс.

Кроме того, он рассчитывал на личное продвижение. Глеб понимал, что в службе подошёл не к тупику, нет, но к барьеру, за которым начинаются должности, звания и перспективы принципиально другого порядка. Однако для преодоления этого барьера нужно было удачное стечение обстоятельств, связи, причастность к определенной команде определенного руководителя. Одних личных и профессиональных качеств недостаточно. У Милофеева же можно было бы рассчитывать и на серьезное повышение финансового благосостояния, и на «карьерный лифт» пусть и не в департаменте, но в структурах или сферах, которые могли бы вполне удовлетворить его высокие ожидания. Ради этого можно было бы побыть и «монархистом», и немного походить в церковь.

Состояние же Сергея было неоднозначным. Прошло три недели с момента его инфицирования. Благодаря экспериментальным технологиям медиков, в которые Глеб верил больше, чем в какие-то полушаманские ритуалы, последствия отравления оказались в значительной мере устранены, что на самом деле было вполне чудесным фактом.

Но организм продолжал бороться с онкологией, и сейчас шел второй день кризиса болезни, который должен был перейти или в стадию выздоровления или смерти. Уже четыре дня его не пускали в комнату к другу, ставшую ему медицинской палатой, хотя когда он был там в последний раз, она больше напоминала небольшую церковь с учетом обилия различной утвари, икон, запаха ладана и постоянным присутствием священника и Михаила. Однако и врачи работали весьма активно и, на внешний взгляд, профессионально.

Приехав к дому после довольно нудной встречи, на которой он наслушался гэбэшных сплетен, и, проверившись на предмет наблюдения, Глеб зашел в квартиру, осмотрел метки, закрыл дверь, разулся и, не раздеваясь, плюхнулся в кресло. Только сейчас он понял, как устал за последнее время.

Недолго посидев, он встал и, подойдя к полке над рабочим столом, взял бутылку любимого армянского коньяка, отвернул полоску защитной фольги на красивой позолоченной крышке, налил в широкий граненый стакан на дно грамм пятьдесят сладковатого, но нежного своим гармоничным букетом напитка и выпил.

В комнате было душно. Кондиционер отсутствовал, но у телевизора на ножке стоял вентилятор, который он пультом включил на максимум.

После этого взял планшет и в течение пятнадцати минут по «Скайпу» поболтал с женой. У нее, слава Богу, все было хорошо, к долгим отлучкам мужа она привыкла.

Положение же Сергея вызывало тоску и безысходность. Друг стал жертвой какого-то дикого то ли эксперимента, то ли ритуала, но в чем суть этой игры, Глеб до конца не понимал. Он не сомневался, что Владимир отравил его. Зачем он это сделал? Объяснение поручения «цифровиков» звучало, вроде бы, гладко, но все равно оставляло кучу вопросов.

У Максимова и Трофимова отношения складывались неровно. После перевода Глеба в департамент он поступил в подчинение к Сергею. Тот принял нового сотрудника по-товарищески, и старался, всячески ему помогать, чувствуя в нем потенциал и испытывая симпатию. Когда у Глеба наступил кризис семейных отношений, он на год целиком погрузился в личные дела, фактически, забросив службу. В это время Сергей умудрялся свои собственные показатели вписывать в отчеты к Глебу, и даже добиваться выплаты ему премий и объявлений благодарности. Работая по поручению Первого по ре-

зонансному делу, он попытался привлечь к нему подчиненного, но Глеб завалил одно из направлений, которое усилиями перехватившего ситуацию Сергея, в итоге оказалось прорывом, высоко оцененным Первым.

Несмотря на некачественную работу Максимова, непосредственный начальник добился присвоения ему нового должностного звания, и Глеб искренне стал свой рабочий провал считать личной победой. «Спасибо» за это и многое другое, от Глеба Сергей не дождался. Тот существовал со стойким ощущением того, что помощь и содействие от окружающих он заслужил априори, самим фактом своего существования. В дальнейшем, проникшийся к Глебу Сергей все больше и больше толкал подчиненного вперед, и, в итоге, добился его продвижения по службе на почти равную себе должность, хотя Глеб был довольно вял, и кроме частых и пространных рассуждений о своем потенциале, в то время службе приносил мало пользы. И вдруг на каком-то этапе настойчивость Сергея была вознаграждена. Вялый и пассивный сотрудник, самовлюбленный и недалекий в своих суждениях, вдруг расцвел, загорелся и работой и стал яростно и результативно трудиться. Хотя «спасибо» от друга он опять так и не услышал, но их отношения, таких разных, постепенно переросли в дружбу, довольно своеобразную, бескорыстную для Трофимова, и местами довольно расчетливую для Максимова, но это уже были естественные грани внутреннего состояния этих людей. Сложилась донорская дружба.

Однажды у них состоялся разговор про это пресловутое «спасибо». Это было во время застолья по случаю очередной награды, на котором они крепко выпили. Несмотря на всю бескорыстность, Сергей понимал неадекватность действий нового товарища, о чем и спросил его.

— Слушай, Глеб, а ты чего не сказал спасибо за помощь? — Трофимов никогда бы не задал этот вопрос трезвым, понимая, что благодарность не выпрашивают.

Человек или чувствует ее, или нет, и наводящие вопросы здесь бессмысленны. Но алкоголь делал свое дело.

— А за что? — удивился Глеб, после чего описал свою версию событий, где он, как всегда был героем и молодцом. Версия абсолютно не соответствовала тому, что было на самом деле, но в голосе и глазах Глеба быта несокрушимая самодовольная уверенность в том, что подстраиваемый под себя мир именно таков как он его описывает.

И Сергей все понял и больше к этому разговору не возвращался. Он увидел искреннего человека, совершенно не понимающего кривизны своего поведения. Ну что ж, так, значит так. В дальнейшем он еще не раз фиксировал для себя то, как Глеб описывает события, зачастую довольно далеко уходя от реальности.

Однако вода камень точит, и в этом самовлюбленном коконе эгоцентризма постепенно тоже стали появляться просветы.

Вентилятор плавно двигался из стороны в сторону. Когда струя доходила до его лица, он шевелил головой вслед воздушному потоку, пытаясь на несколько секунд продлить свежесть холодного ветра. Внутри теплым умиротворением растекся коньяк. Хочется еще, но пока не нужно. Глеб не любил пить сам, понимая, что такая привычка стартует к алкоголизму, но иногда это было просто необходимо.

Посидел еще десять минут. Взгляд гулял по комнате. Письменный стол, старая советская «стенка» из нескольких шкафов разной формы, сбоку телевизор, рядом вентилятор. Напротив кресло, в котором он сейчас сидел. Тут он заметил большую прозрачную потертость на носке. «Завтра поменяю, пока сойдет». Подумав, стянул носки. «Не буду шить, есть еще несколько чистых пар». Появился повод встать. Он поднялся с кресла, зашел на небольшую кухню, выбросил носки в мусорное ведро и поставил чайник.

Можно прогуляться или посмотреть телевизор. Никакого желания с кем-либо встречаться не было. Ладно. Займусь блокнотом и часами. Их два месяца назад передала ему Оливия и какое-то время они хранились у Сергея, но после его отравления Михаил нашел их в одежде товарища и вернул Глебу. Теперь он пытался разобраться в этих записях. Насколько он понимал, Сергею это сделать не удалось.

Бессмысленное занятие. Все последние дни он пытался понять содержание дневника. По этой дороге он явно шел за Сергеем, тем более, что в блокноте он нашел пять сложенных вдвое половинок листа формата А4, на которых другом были сделаны черновые пометки. Теперь приходилось заниматься дважды идиотской работой — пытаться расшифровать записи мужа Оливии и комментарии к ним Сергея. А с учетом того, что Патрик сам разбирался с письмами Борна и Хемингуэя, работа приобретала поистине шизофренический характер. Но никакой альтернативы не было, особенно при том, что точно и до конца было неясно, что же он ищет.

Он достал свою рабочую тетрадь, в которой были уже его собственные записи. Если вдруг с ним что-то случится, то к этой безостановочной цепи интерпретаций добавится еще и его. Совсем весело. Стал хоть по комнате, медленно, ритмично и монотонно переставляя ноги и еще раз складывая для себя имеющиеся факты.

С блокнотом хорошо, что Сережа, несмотря на определенную личную экзальтацию, системно и профессионально подходил к работе и его пометки позволяли не начинать работу заново, а продолжить уже сделанное.

В пометках Трофимов систематизировал взаимосвязанные страницы, которых было сто двадцать пять. Он их перечислил в ряд, а также отдельной колонкой указал страницы без прямой связи, но со схожей тематикой. Этих тем получилось пять: «Суд», «Бог», «Смерть», «Слежки и спецслужбы», «Разное (не ясна тема)». Пять

групп вновь сопровождались перечислением страниц, но первоначальное перечисление постраничных взаимосвязей уже не совпадало.

Расчеты Сергея были распределены следующим образом:

— «Суд (Комитет)» (стр. 3-9, 11, 13-25, 31-32, 40?, 114-117):

1. Нобелевский комитет — место (реальное), состав? 3-8,40.
2. Пункт управления — место (не Крым — через «смерть»?). 16-21.
3. Время расчета нового заседания? 31-32.
4. Состав ком.? — Разница с офиц. Н/комитетом? 13-16.
5. Крым. 9, 114-116.
6. Что скрыто. 117
7. Ядер. 22-25.

— «Бог» (стр. 10, 45, 109-113, 121):

1. Новое общество? — цель процесса? Связь с Библией? 45
2. Опора сторон? 109-110
3. Наука против Бога (или философии???)? 121
3.Посмотреть по цитатам 10, 111-113»

— «Смерть» (стр. 2, 46-53, 94-108):

1. Даты? 2, 50-53
2. Часы? 2
3. Записи на могилах 99-108.
4. Связь с Судом? Символизм? 46-49, 94-98».

— «Слежки и спецслужбы» (стр. 12, 26-30, 54-91, 33-40, 41-44?):

1. Роль на Суде? 12, 26-30.
2. Подставы (в окружении участников от сторон)? 33-40, 41-44
3. Спецслужбы церквей? (роль?) 26-30, 67-91
4. Связь с руководством сторон. 41-44, 54-66».
5. «Разное (не ясна тема)» (стр. 1, 92-93, 118-120, 122-124)

1. О новом обществе. 92-93.

2. Замечания о творчестве обоих 118-120;
3. Семейная инфа 122-124.
4. Неопр. 1».

Систематизация и выписки поместились на одном листе. Следующие четыре были посвящены выделенным блокам. Сергей ставил номер группы, который обводил двумя кругами, и под ней методичным убористым почерком проводил анализ. Больше всего места занимали «Суд», «Слежки и спецслужбы», потом по объему написанного шли «Смерть», за ней «Бог», и завершалось все «Разным».

Судя по всему, Сергей, с одной стороны, пытался обобщить содержимое дневника Патрика, с другой, найти некие скрытые смыслы. Существовала опасность в стиле игры «Испорченный телефон», когда бы Патрик интерпретировал переписку Хемингуэя и Борна, и дальнейшие толкования могли бы еще более усложнить и исказить процесс. Но, к счастью, Патрик почти не позволял себе собственных оценок, лишь делая выписки и иногда пытаясь их обобщить. В итоге Сережа просто провел более тонкую очистку уже предварительно проведенного анализа.

Еще раз перечитав написанное и ни к чему не придя, Глеб разделся, принял душ, и лег спать. Компанию ему составил притаившийся под второй подушкой привычный и родной своими прямыми надежными линиями и «люгеровской» начинкой «Глог-17», этот пистолетный аналог автомата «Калашникова».

2.

Следующие три дня повторялись почти под копирку. На четвертый Михаил сообщил, что в Крым прилетел Георгий Александрович. Скромный священник, очевидно, обладал большим влиянием и авторитетом, да и Глеб успел разузнать о нем достаточно, чтобы понимать важность общения с таким непростым батюшкой.

Они встретились утром следующего дня в ставшем уже привычным доме Михаила.

Сначала обсудили ситуацию Сергея. Священник был преисполнен оптимизма, и уверял, что есть несомненные признаки положительной динамики. После Георгий Александрович довольно долго, в деталях, но интересно рассказывал о красоте и пронзительной искренности божественного симбиоза науки, веры, оттенков музыки и других лучших проявлений человеческой сущности.

— Скажите, давно хотел узнать. А сколько вообще людей прошло путь?

— Немного… Но это не важно. Дело в том, что сейчас время действий, и больше людей стремятся помогать в качестве добровольцев гражданской части Корпуса, а не его духовной ипостаси. Именно поэтому мы считаем божьим провидением то, что нам встретилась такая жемчужина как Сергей.

— Кстати, вот все хотел спросить Вас. Это бодание на месте вокруг извечных споров о Боге, не надуманное ли оно? В конце концов, базис один — христианство. У нас — православие, ну а эти сдвинулись на теме цифр и марксистских идей плюс немного банкирских подходов. Но разве плохо, что те, кого Вы называете «цифровиками», также, как и мы, стремятся к Богу?

— Видите ли, когда возникают подобные вопросы, очень важно определиться с понятийным аппаратом. Мы зачастую используем одни и те же термины, вкладывая в них часто противоположный или просто разный смысл.

Вы говорите «Бог». Но Вы, наверное, плохо представляете, насколько много книг написано, сколько выстроено концепций, понятий и прочего просто для того, чтобы более-менее связно сформулировать значение этого слова. И я сейчас даже не говорю о разных религиозных представлениях. Речь просто о значении слова как такового.

И с другой стороны, вместо понятия «Бог» сейчас нередко используются другие, более нам привычные и удобные слова, но в содержательном, а самое главное — нашем образном представлении означающие практически то же, что под Богом подразумевалось в прошлые времена. Как некие эвфемизмы, более удобные для нашего атеистического времени, но по совпадающие смыслу.

Сегодня: Посмотри, какую интересную форму Природа сделала у этой горы.

Сто лет назад: Посмотри, какую интересную форму Господь Бог сделал у этой горы.

При этом с точки зрения и теологии, и науки о горах, а, знаете, такая тоже есть, называется орогнозия, оба утверждения не верны.

Сформировался образ такого, полубытового Бога — это и не Библия, и не язычничество, и не осознанное сектантство, и не какая-то теологическая альтернатива. Это как такой «лайт» — голливудский фильм о некоем историческом событии. Имена иногда совпадают, да и то не всегда.

Ведь, понимаете ли, словом Бог, что только не обозначают. Могущественное Сверхсущество, Богов Древнего мира, Богов монотеистических и Богов политеистических. Даже Бог разных христианских направлений тоже разный. Бог ли Дед Мороз? Был ли Богом Ленин для многих советских людей? Бог ли диктатор для своей страны? Является ли богиней девушка для влюбленного? Ооо, это очень гибкое слово.

— Но ведь мы сейчас говорим о Боге православия?

— Абсолютно верно и это нам очень помогает. Мы узнали свой курс, а значит, понимаем, какие ветра для нас становятся попутными. Вы сейчас конечно ж правы, мы не претендуем, да и не сможем найти унифицированный ответ о сущности Бога для всех. Именно потому, что за этим ответом находятся огромные конструкции, тоннели и дворцы всяческих концепций, понятий и представ-

лений. Здесь суть слова, суть всей терминологии, суть литературы и духовных источников, суть содержания веры и модели религии вокруг веры.

— То есть у всех Бог разный?

— Знаете, думаю все как раз наоборот. Но и здесь нас ждет очередная теологическая концепция. Поверьте, за последние столетия люди пытливыми термитами изгрызли и изрыли эту духовную материю везде, где только можно и как только можно. Тем более что богословы любой из мировых религий точно сходятся в том, что все наши попытки эквилибристики с божественными терминами лишь отражают наше несовершенство, и никогда не адекватны реальному содержанию Его понимания, которое лежит далеко за пределами используемых нами слов.

Но в одном я уверен точно. Под названием «Бог» мы и «цифровики» понимаем разное.

О нашем восприятии мы еще поговорим отдельно, а вот что касается оппонентов, то я с уверенностью утверждаю, что их Бог — это не Бог Нового Завета. Если использовать схему двухтысячелетней давности, то они пытаются сейчас Новый Завет сделать Старым, Старый, вероятно, станет Старейшим, после чего будет прочерчена новая религия прямо поверх ушедшей для них христианской веры. Я бы назвал эту религию «Западным Социалистическим Гуманизмом», причем воспринимая ее не как социальную модель и систему ценностей, а именно как религию, все признаки которой мы сейчас наблюдаем.

Только не считайте, что гуманизм — это всегда хорошо. Слово, конечно же, красивое, но вот его содержание очень неоднозначно. Во всяком случае, если брать за критерий как раз христианские стандарты, то мы явно имеем две довольно конфликтующие духовные концепции. Естественно при таком подходе не могут совпадать и высшие формы этих концепций в виде Бога. То, что за-

падный гуманизм использует отдельные элементы христианства, делает его лишь еще более опасным для нас. Как говорил Спаситель, «ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят».

И еще одно очень важное замечание. Когда мы говорим о 2021-м годе как о годе нашей надежды, годе, когда Россия на новом Большом Суде получит определённый шанс, то не забывайте, что наши противники тоже надеются на этот год.

На этот раз не в связи с Россией. На самом деле их ведь тоже беспокоит укрепление Китая, Индии и арабская экспансия. Но и у китайцев, и у арабов, и у индусов есть свой Бог, а это, как Вы понимаете, тоже заявка на мировое господство. Потому что миром можно управлять лишь тогда, когда он молится твоему Богу, как бы ты его не называл. И в этом случае все наши богоискательные планы уходят на второй план, и Бог становится исключительно земным политическим оружием, причем предельно эффективным. Я, например, искренне убежден, что если бы арабам не повезло с Мохаммедом, то их ждала бы судьба Африки. И те, и другие были в определённый момент, мягко говоря, далеки от цивилизации. Но к арабам пришел свой пророк, а к неграм нет. В итоге одни черным деревом поплыли на невольничьи рынки, а другие, создав то, что Мухаммад называл уммой — единым арабским сообществом, заявили о себе как о самостоятельной и уважаемой цивилизации.

— Так в чем же интрига 2021-го года для «цифровиков»?

— Как раз в религиозной тематике. Помимо прагматичных экономических вопросов они хотят закрепить свое религиозное видение в виде «Обновленного гуманистического христианства» главной мировой религией.

— Что за чушь? По приказу никто не будет менять свою веру!

— А вот не надо недооценивать силу приказа, особенно технично реализуемого. Например, в истории рода Романовых было несколько критических моментов, когда наши императоры склонялись к смене религии на католическую и вели на эту тему сепаратные переговоры. И поверьте, если бы это случилось, то, конечно же, у нас в Сибири где-то бы жили поселения православных, или, как называют нас на западе «ортодоксов», но основная часть страны была бы уже католической.

На самом деле история знает множество примеров договорной смены государственной религии. Кстати, скажите, как Вы понимаете значение слова Завет? Ну, Новый Завет, Ветхий Завет?

— Я думаю, что это такая форма наставления, или, если взять буквальное значение слова, то завещания. Завещания потомкам, допустим.

— Хорошая попытка, но не засчитывается. На самом деле, Завет — это абсолютно легитимная для древних израильтян юридическая форма сделки, определенного правового договора. Соответственно в религиозном плане Завет — это договор между человеком и Богом. Со стороны человека — соблюдать определённые требования, обряды, ограничения. Со стороны Бога — соответственно опекать людей по определенным правилам.

Как видите, евреи себе не изменяли никогда. Современная Западная цивилизация, в отличие от православия, унаследовала абсолютно такой же прагматичный, юридически выверенный подход к взаимоотношениям с Богом.

И вот теперь смотрите, какой шанс получается с точки зрения западников. У них впереди Большой Суд, решения которого имеют общепланетарное значение. И у них возникает вопрос. Почему бы на этом Суде привычными юридическими инструментами не закрепить взаимоотношения в новом, выбранном ими формате? Это ли не Новейший Завет?

Вы же знаете, один из любимых рабочих органов «цифровиков» — это Трехсторонняя Комиссия из главной элиты Европы, Северной Америки и Азии, около четырехсот человек во главе с Дэвидом Рокфеллером, являющаяся площадкой для обсуждения общемировых проблем. Вот и здесь, на новом Суде они хотят продвинуть Трёхсторонний Новейший Завет — договор об обновленном Боге, соответственно между Судом как новым правительством, человечеством и Богом. План амбициозный, тем более что мы имеем дело с амбициозными людьми.

— В общем, все у нас не просто. Ну ладно. Возвращаясь к Сергею. Как Вы думаете, каковы прогнозы по срокам?

— Знаете, сейчас очень сложно говорить о какой-то реальной хронологии, потому что слишком много белых пятен в адекватной оценке его состояния. Но если очень условно взять за основу расчеты медиков, то, думаю, в течение ближайших двух-трех месяцев он может встать на ноги.

— Дай Бог.

— На это и рассчитываем.

3.

Сегодня предстояло встретиться с еще одним «источником».

Глеб пришел на арендованную для подобных встреч явочную квартиру, поставил чайник и стал ждать. За пять минут до договоренного времени выглянул в окно и, аккуратно отодвинув край плотной занавески, стал наблюдать за улицей. Прошло несколько местных и вот, издалека цокая каблуками, показалась она.

Люда была начальником секретариата первого заместителя председателя Верховного совета Крыма.

Благодаря эффектной внешности и возможности обеспечивать «доступ к телу» начальника, она пользовалась

большой популярностью у мужчин. Но вот отвечать на этот интерес она не торопилась, расчетливо выбирая себе любовников.

Ее сердце растаяло при встрече с Глебом. Подтянутый брутальный и таинственный, он умел производить впечатление на женщин.

На предложение о сотрудничестве она ответила сразу, не задумываясь и с удовольствием. Помимо манящего желания вновь приобретенного гражданина России быть полезным своей новой стране, ею двигал букет чувств из возможности через тайных покровителей свести старые счеты с разнообразными обидчиками и надежда продвинуться по работе.

Проблема отношений Глеба с Людмилой была в том, что Люда хотела своего куратора и в последнее время никак этого не скрывала.

Глеб же, помимо своих семейных обязательств, твердо был уверен, что спать с агентессой нельзя. Просто потому, что при сохранении дистанции ты для нее выбиваешься из общей массы мужчин, желающих ее. Все ее хотят, а вот ты нет. Это лишь подстегивает женский интерес, и, как следствие, ее расторопность в выполнении заданий. После секса ты автоматически становишься в ряд обычных самцов. Теперь ты ей понятен.

Кроме того, она у него не вызывала ответного желания. Несмотря на яркую красоту, у Люды было два качества, которые со стороны Глеба напрочь пресекали интерес к ней. Во-первых, у нее были волосатые предплечья рук. Не волосиками девичьего пушка, а полноценными довольно длинными и достаточно темными волосами. Для большинства этот фактор не имеет большого значения. Это нормальные волосы, предназначенные природой для теплообмена, волне уместные на человеческом теле вне зависимости от пола. Но Глеб терял всяческий интерес, глядя на них.

Второй причиной были довольно широкие щиколотки. Несмотря на то, что ее ноги были длинные, с легкой вполне эротической изогнутостью, в районе щиколотки они не сужались, как можно было бы предположить, а сохраняли диаметр, начинающийся от икры. Важно ли это? Нет, конечно. Но не для Глеба. И была еще одна кое-какая причина.

— Здравствуйте, Люда, проходите.

— Здравствуйте, Глеб. Ну, когда же мы перейдем на «ты»?

Грациозно выгнув спинку, обтянутую короткой яркой майкой, явно надетой к встрече, она сняла высокие шпильки и плавно вплыла в комнату, покачивая округлыми бедрами, венчаными пятидесятисемисантиметровой талией. На ней была короткая белоснежная юбка, которая не оставляла мужчине никаких альтернативных мыслей кроме той, на которую и была рассчитана.

— Люда, наши отношения вполне официальные. Давайте их такими и оставим.

— Ну, неужели я совсем Вам не нравлюсь?!

Это была ловушка. Девушке нельзя ни в коем случае на такой вопрос отвечать отрицательно, так как обида будет непростительной. Соглашаться же — значит сделать безусловный шаг к большей близости. Поэтому следовало пройти по тонкой разделительной линии между двумя крайностями.

— Люда, Вы не можете не нравиться, и Вы прекрасно это знаете. Ваша красота безусловна. Но Люда, за красотой я вижу еще тонкую глубокую душу, к которой Вы допускаете далеко не каждого. Для меня очень ценно и важно то, что вы мне доверяетесь. Вы интересная и многогранная личность, и мне очень нравится с Вами общаться. Не то, чтобы я не замечал Вашей яркой и неординарной красоты, но мне кажется, нам просто некуда торопиться. А пока я думаю, давайте сохраним наши отношения на определённом расстоянии.

Знаете, это ведь как магнит. Если слишком быстро соединить две части магнита с одинаковыми полюсами, то его мгновенно оттолкнет. А я не хочу просто воспользоваться вашей слабостью. Думаю, у Вас был подобный неудачный опыт, и мне не хотелось делать Вам больно. Эта старая боль ощущается. Я слишком для этого Вас уважаю как личность.

Люда была полной дурой, и поэтому сказанного было достаточно, чтобы она замерла в восхищении, глядя на Глеба своими большими густо накрашенными красивыми глазами и слегка кивая в такт его словам своей завитой головкой, что, однако же, не помешало закинуть ножки друг на друга, призывно выставив коленки.

Дальше все было по системе. Глеб налил обоим чаю, поставил на стол блюдце с конфетами и расспросил Люду об обстановке на работе. После этого она отчиталась о ранее данном ей поручении в отношении Владимира Константинова по его коммерческой деятельности, и, в подтверждение, передала копии документов, которые на работе дорабатывала и распечатывала.

Затем Глеб дал ей новое задание побеседовать с руководством Совета и ключевыми министрами об отношении к России и выполнении поручений московского руководства, провел детальный инструктаж и оговорил линию поведения.

На прощанье Людмила попыталась чмокнуть Глеба в губы, но он аккуратно уклонился, подставив затылок, и закрыл за ней дверь.

4.

На самом деле весь день он думал о своей работе с блокнотом, хотя и не записал этот пункт в свой ежедневный план.

Каждое утро, после зарядки и завтрака, в отдельном блокноте он составлял план на день. Такая привычка сложилась практически с начала службы, и если для других

сотрудников постоянное планирование было мукой, то для него органической необходимостью. Если мероприятие не было включено в утренний список, то он старался избавиться от него, или перенести, даже если оно было более важным. Критерием было нахождение в плане. Для оперативной работы такой подход был не всегда полезным, но Глеб был готов мириться с издержками. Тем более странным было желание заняться делом, не находящимся в списке, при том, что оно появилось не сейчас, и почему бы его не включить? Такое было впервые. Лихорадочное желание вернуться побыстрее к записям удивляло самого. Более того, на сегодня у него был запланирован еще и тир, о котором он договорился заранее. Как хороший стрелок, Глеб старался не упускать огневую подготовку, потому, что качество стрельбы, в первую очередь, определял постоянный практический навык.

С момента, когда он загорелся службой, Глеб стал крайне организованным человеком, и все последующие годы им оставался. Планы, тир, чтение нужной литературы, без лишних соплей и философии, все по делу. Периодически, иногда раз в неделю, месяц или когда накапливались события, он сам себе составлял отчеты о своих действиях и произошедшем, что еще больше дисциплинировало его. В свободное время Глеб часто занимался упражнениями для развития памяти, с этой же целью и для поддержания навыка учил стихи на английском языке.

И вот с того дня он больше не вел план. Расширяющуюся в нем пустоту уже было не заполнить ни планами, ни тирами.

Наступал вечер и проигнорировав тир, отзвонившись шефу и, доложив текущую обстановку, он отправился домой, где можно было продолжить работу с записями. Возле дома зашел в магазин, купил хлеба, кефир и тушенку. Цены в магазинах были двойными. Одна — в еще в гривнях, вторая — уже в российских рублях.

Сегодня он решил поработать с блоком «Смерть». В книжке Патрика именно в частях, связанных со «Смертью» имелись вклейки фотографий. На них указывали и расчеты Сергея. В основном это были изображения могил главных участников. Кроме фотографий здесь были различные цитаты и комментарии к ним.

Пометки Сергея выглядели следующим образом:

«Смерть»:

Борн.

Похоронен на кладбище в Гёттингене.

На могиле выбито одно из главных достижений — фундаментальное перестановочное соотношение. Это послание! Посмотреть — p g — gp = 2\hp(знак пи)i (ih\2 пи (возможно к Богу?).

Похоронен на одном кладбище с Вильгельмом Вебером, Максом фон Лауэ, Максом Планком и Давидом Гильбертом».

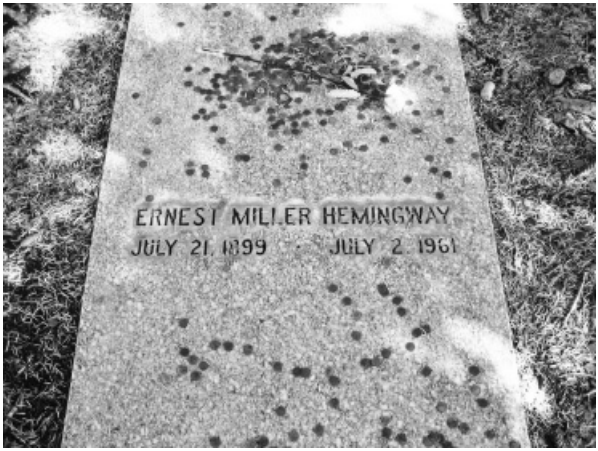
Далее была ссылка на страницу блокнота, где была фотография могилы:

Следующие записи были сделаны по такой же схеме — цитаты, отметки и ссылка на номер страницы книжки Патрика с фотографиями могил и сделанных на них надписей.

«Хемингуэй:

Похоронен в Кетчуме, США, штат Айдахо. Могила там же.

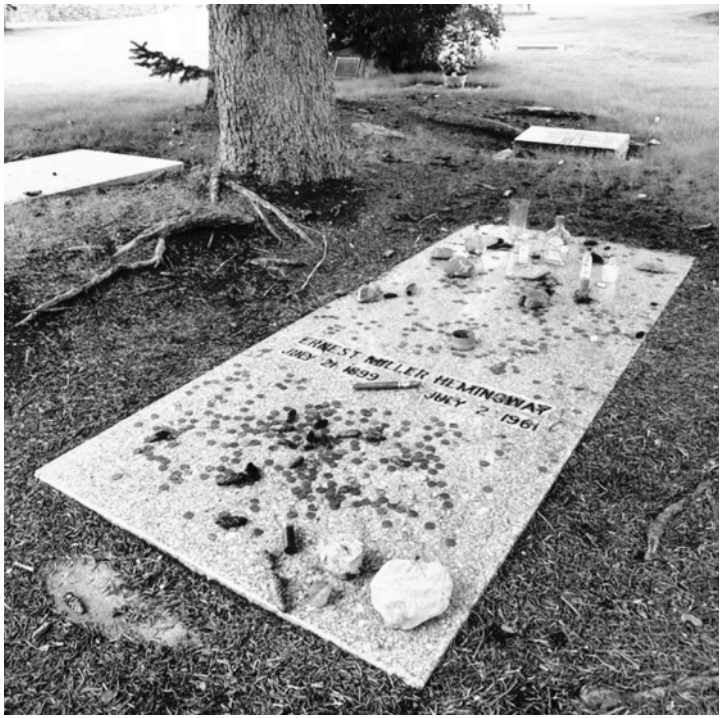
СССР несколько раз через Кубу пытался перезахоронить.



Надпись на могиле:

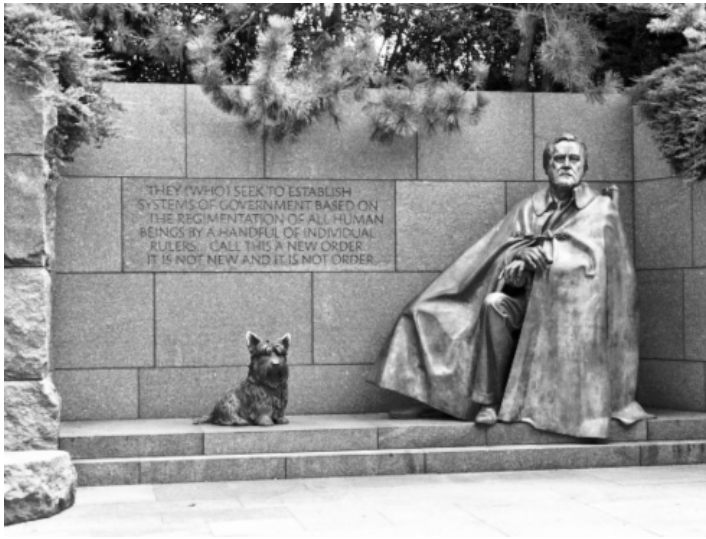
«Больше всего в жизни он любил осень. Жёлтые, тёплые осенние листья, плывущие по реке на спинах форелей, а сверху синее безветренное небо. Теперь он будет частью всего этого навсегда».

Далее пометка Сергея — «Проработать! Главная интрига — вокруг могилы Хемингуэя! Согласно записям Патрика, Хемингуэй сам определил фразу на своей могиле. Якобы послание! Как-то связано с ядер. тематикой? И тема могилы явно связана с часами!».



«Рузвельт

Мемориал открыли в 1997 году. В нем — история США за 12 лет правления.


"THEY (WHO) SEEK TO ESTABLISH
SYSTEMS OF GOVERNMENT BASED ON
THE REGIMENTATION OF ALL HUMAN
BEINGS BY A HANDFUL OF INDIVIDUAL
RULERS, CALL THIS A NEW ORDER.
IT IS NOT NEW AND IT IS NOT ORDER."

Элеонора Рузвельт (перед эмблемой ООН) — символ мирового контроля.

Даты смерти
2 июля 1961 г. (61 год) — Хемингуэй
5 марта 1953 г. (74 года) — Сталин

12 апреля 1945 г. (63 года) — Рузвельт
24 января 1965 г. (90 лет) — Черчилль
5 января 1970 г. (87 лет) — Борн

Чем объединены?»

Глеб долго смотрел на последнюю фразу. Действительно. Чем они могут быть объединены?

Он взял чистый лист, и некоторое время попытался играть цифрами. Постарался составить соотношения возрастов, потом попробовал посчитать буквы в русской и английской версиях имен главных героев. Выходила абракадабра.

Поколебавшись, выпил коньяка и вернулся к работе.

Всё-таки даты смертей были собраны вместе одной колонкой явно неспроста. Глеб попробовал суммировать их в один столбик, переложив цифры без последующих комментариев и возраста. Получилось следующее:

12.04.1945
05.03.1953
02.07.1961
24.01.1965
05.01.1970

Он сел за ноутбук и стал вводить итоговую цифру в поисковики. Наиболее осмысленной была информация с кодом стенных обоев и ГОСТом мясной продукции. Но связи с интересующими процессами совершенно не наблюдалось.

Тогда попробовал сложить цифры в столбик, соблюдая точки, как в самих датах. Получилось

48.16.9794

Он вновь сел за ноутбук и в «Яндексе» ввел цифры, так же соблюдая точки.

Первым же ответом на запрос появилось «Time Rock Caffe, Bar, Ljudevita Gaja 19, Vinkovce» на фоне картинки текущих сквозь пальцы часов.

Это были координаты «GPS», которые полностью выглядели так: N45° 17’ 39.5239» E18° 48’ 16.9794» (45.2943122, 18.8047165).

Другие варианты не давали ничего хотя бы отдаленно более осмысленного.

Таким образом, он получил координаты некоего места, бара «Тайм рок кафе» в небольшом городке Винконцы в Хорватии. Ну что ж, хотя бы осмысленно.

Его же часы показывали полтретьего ночи, и Глеб пошел спать. На душе было хорошо.

5.

Утром он позвонил священнику и предложил увидеться. Договорились через два часа там, где и обычно.

Перед тем, как зайти в дворовую беседку, в которой они должны были встретиться, Глеб заглянул дом и спросил у уже знакомого дежурного управляющего, нет ли новостей по Сергею, и нельзя ли к нему сегодня. Ответ был таким же, как в предыдущие дни. К Сергею нельзя, но в целом ситуация развивается позитивно.

Тогда он спустился в беседку и стал ждать Георгия Александровича. Прошло немного времени, и тот пришел.

Не затягивая разговор, Глеб ознакомил собеседника с результатами своих исследований. Его рассказ произвел сильное впечатление на священника. Обычно спокойный и уравновешенный, тот резко выхватил записи, которые ему показывал Глеб, спохватившись, извинился, и стал внимательно читать, задавая уточняющие вопросы.

Потом отложил записи, задумался, и молча сидел в таком состоянии минуту. После достал мобильный телефон и набрал номер.

— Ты далеко? Отлично. Срочно подъезжай к дому. Сейчас будет Михаил, он недалеко, поговорим вместе, — пояснил он, пряча в карман телефон.

— Судя по Вашей реакции, я нашел что-то важное?

— Да, Глеб. Судя по всему, да. Естественно Вашу информацию нужно тщательно проверить, но на первый взгляд это то, что мы ищем.

— Это связано с историей про пункт управления ядерным оружием?

— Совершенно верно. Его называют «Зона пускового контроля», ЗПК. То, что изначально должно было быть размещено в Крыму, оказалось перенесенным. Благодаря предательству Михаила Горбачева под этим решени-

ем были и подписи представителя СССР, но вот надлежащий контроль за последующими действиями мы не обеспечили. В итоге мы находимся в абсурдной ситуации, когда даже не знаем места расположения главного центра управления нашим же собственным ядерным оружием. Все попытки поднять этот вопрос наталкиваются на полный саботаж. К сожалению, этот саботаж не только и не столько даже внешний, сколько внутренний. Сразу же появляется группа влиятельных товарищей, находящих аргументы, почему сейчас раскачивать этот вопрос несвоевременно.

Конечно, место управления известно нашим представителям в Нобелевском Комитете. Но мы с большим трудом вообще смогли установить кто это, а возможности контактировать с ними нет совершенно никакой. Думаю, что в нашей стране об этом месте не знает практически никто, даже сторонники «цифровиков». Не исключаю, что осведомлен Президент, но, как Вы понимаете, нам известно далеко не все, о чем он осведомлен.

— А нельзя было просто изменить коды, доступ и прочее? Я не технарь, и понимаю, что Вы тоже в этом не очень разбираетесь, но по сути, почему нельзя локализовать систему управления?

— Я конечно не технарь, но в этой теме вынужденно разбираюсь неплохо. Дело в том, что вся архитектура управления нашим ядерным оружием изначально была выстроена по схеме дублирования через единый Центр управления, или ту самую «Зону пускового контроля». У США и Англии все таким же образом, но эти-то как раз явно знают больше чем мы. Там же были заложены предохранители, направленные как раз на недопущение реализации Вашего предложения.

Если мы попытаемся, как Вы говорите, отлокализовать управление, система может воспринять это, как начало ядерной войны с нашей стороны, отреагировав соответствующим образом, в том числе, и с использова-

нием нашего собственного арсенала, над которым она сохранит контроль. Ну и к тому же, мы все-таки не Правительство россии, чтобы принимать подобные решения. К сожалению.

В это время в беседку быстро зашел Михаил.

— Что стряслось?

Георгий Александрович ознакомил того с результатами работы Глеба. Эффект был не столь видимым, как у священника, но оживление всегда спокойного и молчаливого Михаила ясно подтверждало — обсуждаемый вопрос совершенно нерядовой.

— Понимаете, Глеб. Мы долго пытались найти «ЗПК», ну или Центр, если хотите. Но до сегодняшнего дня безуспешно. Сейчас же есть все основания, пусть и предварительно, но полагать его в том месте, которое Вы указали. Это большое дело, и мы Вам за это очень благодарны.

— Что это за место, Винковцы?

— Пока не знаю. Была информация, что Центр разместили где-то на Балканах. Более того, история с Милошевичем и конфликтом вокруг Косово, якобы, это ее публичное проявление. Но Косово явно не годилось на такое место. А вот тихая Хорватия вполне подходит. Мы чуть подизучим вопрос, и я обещаю, поделюсь с Вами этой информацией. Вы, конечно же, имеете право знать.

— Хорошо, спасибо. Это последняя тайна блокнота?

— Никогда не бывает последней тайны. Всегда есть что-то еще. В нашем случае это Штаб-квартира наших оппонентов, я имею в виду «цифровиков». У них огромное количество помещений, зданий и прочей инфраструктуры, но вот центральный офис нам не известен. Есть предположение, что в блокноте имеется указание на нее. Если у Вас получится найти и это, то Вам просто не будет цены.

— Я попробую. У меня вопрос. Вот смотрите, — Глеб достал блокнот с листками Сергея. — Как Вы думае-

те, что означают эти записи? Может быть, это намек на место?

Священник неторопливо и внимательно читал записи Сергея, и Патрика, которые он явно видел далеко не в первый раз.

Потом показав пальцем на тексте Сергея о Борне, сказал: «Вот здесь, смотрите. Это самое важное».

Он показывал на запись Сергея: «Это послание! Посмотреть — p g — gp = 2\hp(знак пи)i (ih\2 пи (возможно к Богу?)».

— Но здесь речь идет совсем о другом. Это послание Борна о Боге, которое мы активно используем в нашей духовной практике. Оно нам известно, и с Сергеем, до того, как с ним произошла известная Вам беда, мы проводили на эту тему отдельные занятия. Сейчас вкратце попытаюсь объяснить. Михаил, я думаю, меня поддержит. В конце концов, это тема бессчётного количества наших совместных бесед.

Михаил, чуть усмехнувшись, согласно кивнул.

— Итак, для начала о записи в дневнике Борна, и соответственно у Патрика и Сергея. Формула, с которой Вы столкнулись, называется перестановочным уравнением. Это одна из главных работ Борна. Почему и Патрик, и Сергей пишут о ней в связке с Богом? Дело в том, что без ее визуализации и молитвенной интеграции в ткань божественного пути наш духовный поиск если не невозможен, то крайне затруднен. Это уравнение, определяющее коммуникацию двух операторов, где один из них человек, другой Бог, а вместе они образуют единую взаимозависимую систему.

Вы спросите меня, как же было до ее открытия? Как великие пророки прошлого справлялись до Борна? Ну, наличие или отсутствие Борна не влияет на законы мироздания. Думаю можно сказать, что пророки были интуитивными физиками, если уж совсем упростить ситуацию.

— Извините за вопрос, но какую роль игры разума могут оказать на объективную действительность?

— Вопросы, конечно, задавайте, они у Вас еще не раз появятся. А вот по вопросу сразу видно, что с квантовой физикой Вы знакомы плохо. Это неудивительно, так как большинство спецслужбистов считают себя гуманитариями, сильно и часто искусственно ограничивая свое мировосприятие.

Итак, пару слов о квантовой картине мира. В чем одна из волнующих нас прелестей квантовой структуры?

Для начала, главным ее чудом является известный, но от этого не менее поражающий факт о том, что все частицы в мире, а значит и все без исключения предметы теоретически могут обладать свойствами частицы и одновременно волны, хотя конечно, некоторые пытаются ограничить эту часть знания лишь сверхмалыми величинами, но не из малого ли состоит все большое и больше не из чего? То есть любой твердый предмет теоретически опять же, может быть и волновой субстанцией, хоть и на микроуровне. Заметьте, это не описание фантастического фильма, а лишь голый факт современной науки.

Для нас это важно потому, что доказывает свойства души быть частью и сутью человека и Бога, совмещая физическое и неосязаемое, образуя неразрывный мост, по которому человек может достичь Создателя. Как говорил преподобный Симеон о таинстве Евхаристии, ««Смотри, какая тайна! Душа и тело... единое в двух сущностях. Итак, эти оба, единое и двойственное, причастившись Христу и испивши крови, обеими сущностями, а также природами соединившись с моим Богом, становятся Богом по причастию и называются одновременно по Его имени, Которому они причастились существенно».

Таким образом, мы и добиваемся этого объединения, в том числе, с учетом фактора объединения крови. Про-

цитирую также святого Кирилла Иерусалимского: «Со всякою уверенностью приимем сие, как тело и кровь Христову. Ибо во образе хлеба дается тебе тело, а во образе вина дается тебе кровь, дабы приобщившись тела и крови Христа, соделался ты Ему сотелесным и сокровным».

— То есть мы говорим о том, что у нас есть физическая и предопределенная связь с Богом, где душа, эта наша физическая субстанция, трансформируемая в волну?

— Да, и что при определённых обстоятельствах физическое может трансформироваться в духовно-волновое. Не забывайте, мы по аксиоме определяем божественный характер человека. Что касается предопределенности, то опять же воспользуюсь одним из главных положений квантовой теории. Дело в том, что в отличие от традиционных наук, где правила и законы неизменны и определены жесткими формулами, квантовая, наиболее близкая к божественной сути физика формулирует только так называемые статистические законы, которые жестко не зафиксированы и всегда вероятностны. Именно в них как никогда чисто проявляется наша божественная свобода выбора.

— Это касается свободы выбора между добром и злом?

— Это касается выбора всего. В том числе пути к Богу и пути от него. На самом деле путь один, но направления движения разные. Ну а теперь мы подошли к самому главному и самому чудесному квантовому закону. Он нас касается непосредственно, и напрямую имеет отношение к тому положению, в котором находится Сережа.

Я говорю о том, что в науке называется антропным принципом. Квантовая теория имеет одно правило, изумляющее любого, кто с ним сталкивается впервые.

— Некоторых оно удивляет всегда, — негромко добавил Михаил.

— Совершенно верно. Я говорю о том, что согласно квантовой науке, наблюдатель научного эксперимен-

та в отличие от всей предыдущей практики научного познания перестал быть сторонним лицом. Теперь сам факт его наблюдения прямо влияет на наблюдаемую картину! Более того, этот принцип присутствия человека и зависимости самого факта его наличия и окружающего мира распространяется на все сферы существования. То есть доказано, что частица ведет себя совершенно иначе просто оттого, летает ли она где-то там сама по себе, или если на нее смотрит в лаборатории человек! Просто от факта наблюдения, только вдумайтесь!

— Ну да, представить себе это довольно сложно…

— Глеб, представить себе это просто необходимо! Все таинство происходящего сейчас с Сережей — это то, что он экстраполирует квантовые представления в суть своего мировосприятия, конструируя квантовую систему взаимоотношений с Богом. Опорами же этой конструкции являются молитвы и обряд Евхаристии, что в итоге превращается в один неразрывный канал божественного света.

— Если продолжить научное объяснение наших божественных изысканий, — добавил Михаил, — то здесь важно учитывать эффект декогеренции. Вижу Вашу реакцию, и не буду запутывать Вас терминами, так в физике называется нарушение внутри системы в ходе контакта с другой средой, при котором два оператора смешиваются, и возникает новый уровень взаимодействия.

Это неизбежный результат трансформации квантомеханической системы при взаимодействии с более глобальной системой. И тут мы опять возвращаемся к формуле на могиле Борна. Взаимодействие двух операторов, при котором один из операторов — Господь Бог, неизбежно приводит к разрушению греховной сути человека и насыщению его божественной составляющей. Вернее, мы говорим о возвращении к исходному человеческому состоянию. Именно эту миссию и выполняет квантовая модель. Да, речь идет о микромире. Но человеческий раз-

ум активен в этом мире. Мы же формируем в нем эффект квантового сознания через то, что я называю «квантовой молитвой».

— Однако разве религия и наука не находятся в определенном противостоянии? Все эти сжигания ученных, объявления ересей и прочее? Невозможность науки постичь Бога и вообще взаимное противостояние?

— А почему Церкви бояться науки? Это насколько должна быть слаба вера, чтобы опасаться результатов наблюдений за окружающим миром?! Ведь любая сложность наблюдаемых процессов, нелинейных законов мира лишь подтверждает непостижимую сложность Создателя! Для верующего человека наука — неоспоримый аргумент в пользу Бога. Или кто-то действительно ждал что Гагарин, взлетев в космос, увидит старика на облаке, или, заглянув в электронный микроскоп, ученые разглядят маленького Деда Мороза или ангела?! К настоящему христианству подобные ожидания отношения не имеют.

К сожалению, такие коллизии чаще всего объясняются слабостями конкретных невежественных людей, пусть и облаченных церковной властью. Но такое случалось с любой властью, просто нет нужды это оформлять в объективное правило.

Кстати, если говорить о взаимоотношениях науки и религии, то нигде не было такого воинствующего и кровавого невежества, как у западного христианства.

Например, Коран прямо учит мусульман быть любознательными к законам мира и познавать их. Наука в исламе никогда не подвергалась европейским гонениям, а арабские богословы почти никогда не пытались ее ограничить некими богоискательскими рамками, наоборот, всячески подчеркивая, что Аллах хочет развития от своих подопечных. Аналогичная история у буддистов и евреев.

Скажу Вам больше. Для нашего времени выделение религии как отдельной сферы стало обыденным явлением, но так было не всегда. Скорее именно наше время с такой точкой зрения стоит особняком по отношению ко всей истории человечества. Дело в том, что мировосприятие всех наших предков сильно отличалось от нашего именно потому, что религия и вера пронзали все сферы жизни, от домашних дел до войны и науки и являлись единой тканью бытия. Нельзя было противопоставить религию и науку просто в силу разноуровневости этих понятий. Скорее могло быть противопоставление науки и общечеловеческих принципов. Насколько это уместно, другой вопрос.

Что касается православия, то у святителя Луки на эту тему есть работа «Наука и религия». В ней он четко сформулировал следующую мысль: ««Наука, облеченная светом религии, — это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира». Так что все нормально в православии с наукой. Вы можете мне сейчас назвать ученых, которых преследовала Русская православная церковь за их открытия? Их нет. На самом деле это родимое пятно именно католицизма, которое бросило тень на все христианство. Вы вспоминаете Коперника, Галилео Галилея, проделки инквизиции и других — но это мир Запада. Это не Россия. У нас Ломоносов, Менделеев, Лобачевский и многие другие творили без каких-либо церковных противостояний, а, наоборот, искренне веруя.

Однако и Запад сейчас смог преодолеть звуковой барьер конфликта науки и христианства, просто сделал это в свойственной для себя манере, понизив роль религии в пользу науки. Как писал Макс Планк, «В естествознании Бог стоит в конце всякого рассуждения, а в религии — в начале». Например, иезуит и ученый Пьер Тейяр де Шарден вместе с нашим Вернадским создавал теорию ноосферы, и именно он для Запада смог обосновать сое-

динение науки и веры через эволюцию от материи к духу и затем к Богу.

Так что противопоставление науки и веры — это мистификация из категории примитивного и убогого мировосприятия.

— Да, и я давно хотел спросить, как же все-таки на самом деле сформирован Комитет? Кто те люди, которые сейчас управляют миром?

— Глеб, не упрощайте ситуацию до мелкобытовой конспирологии. Давайте более четко сформируем картину мира. Сообщество «цифровиков» и Нобелевский комитет — это не одно и то же. Как не одно и то же Русская Православная Церковь и Корпус или Корпус, РПЦ и российское Правительство.

Но также, как и мы стремимся быть полезными в выборе пути развития Русского мира и минимизации ошибок в этой связи, так и «цифровики» пытаются взять под свой контроль Нобелевский комитет, я имею в виду настоящий Комитет, а не его шведскую ширму. Но не могу сказать, что они это уже сделали, хотя влияние они оказывают существенное. В свою очередь «цифровики» являются надстройкой финансовых групп и других групп влияния международного уровня, создавая их экономическим интересам и межличностным контактам мистическую и идеологическую основу. Это тоже не мировое правительство, но если однажды они полностью оседлают Комитет, то они им обязательно станут. В этой истории у нас есть множество незаметных конфликтных зон противостояния, и одна из них в самом Комитете. Не забывайте, что в Комитет входят и представители России.

— А, кстати, вот посмотрите записи Сережи по поводу Суда и Комитета. Я так понимаю, он на основании исследований Патрика как-то постарался систематизировать информацию.

Глеб протянул сложенный листок из записей Сергей, под названием «Суд (Комитет)», и Георгий Александрович бегло пробежал их содержание:

«Создан — решением лидеров в Ялте на базе шведского Нобелевского Комитета.
Позже разработан Регламент. Осн. заседания проходили в период 13-27.10.1954 г., Швеция (Стокгольская городская ратуша и залы Шведской академии (Хуртогрет). Председательствовал Судья из Великобритании Дж. Лоуренс, который также председательствовал и на Нюрнбергском процессе.
Пресса — не было, проводилось тайно, но есть архив Комитета фото и киносъемкой.
Для окружающих это было представлено как репетиции заседания официального Комитет (на 10 декабря), т.к. были ремонты старых зданий.
Решение о трансформации СССР, выборе мирового пути развития по западному типажу, но с развитием социальных прав и стандартов (с использованием советской модели).
<u>Состав</u>:
— председатель Нобелевского Комитета (шведского);
— по 2 представителя от СССР (потом РФ), Великобритании, США.
— по одному представителю — Польша, Франция, Канада, Китай, Австралия, Индия, Мексика, Бразилия, Аргентина.
— Генеральный Секретарь ООН.
С момента вхождения в комитет представители должны отказаться от зависимости своих решений с позицией направивших их стран и руководствоваться принципом беспристрастности(!).
Секретариатом Комитета (т.н. «Геменскап») руководит непубличное лицо (не установлен) — назначается Комитетом (а фактически и руководит) — преимущественно Великобритания («цифровики» или банкиры?). Секретариат также управляет МАГАТЭ. Он же созда-

ет рабочие (но офиц. с ним не связанные структуры) — напр. Комитет Цангера;
Работа по обесп. контроля Комитета над ядерными потенциалами:
— развитие взаимных Инспекций у стран-обладателей;
— развитие систем телеметрической информации на объектах ЯО;
— контроль кодов доступа и систем управления;
— введение систем Договоров по ЯО, при которых проводится работа по совершенствованию эффективности Центра управ*ления (СНП, СНВ, ДНЯО. Отдельно договор по ПРО);*
— контроль недопущения использования космоса для размещ. ЯО;
— меры по унификации контроля наступательных и оборонительных средств с ЯО;
— организация контроля по производству расщепляющихся мат-лов для ЯО;
— развитие системы ГЯП (группа ядерных поставщиков).
Предмет деятельности Комитета:
1. Меры реализации решений Большого Суда, контроль, координация (за «Геменскап»);
2. Развитие Центра управления мировым ядерным оружием.
2. Разрешение конфликтов по компетенции (тоже вокруг решений Суда и по ядерному оружию).
4. Подготовка нового Большого Суда (если инфа у Патрика верна, то в нем не обязат. тема России, скорее общецивилизац. проблемы. На новом могут поставить вопрос по арабам или Китаю?
Наш интерес — апелляция через 60 лет — предусмотрена решением Большого Суда. Шанс — 2021 год. Условие — легитимация (через Крым).
Интерес «цифровиков» — расширение полномочий Комитета, на новом Суде — продвижение своей идеологии, закрепление ее как основы мироустройства».

— В принципе все так. Хороший анализ, достоверный. В информации о составе не хватает информации о том, что туда включили представителя Германии после ее объединения, и что уже долгое время пытаются впихнуть в него руководителя Евросоюза, но безуспешно. Плюс США лоббирует японцев и Израиль, но тоже пока безрезультатно. По целям и году проведения нового Суда все верно, так что можете взять за основу. Но насколько я вижу, здесь для нас ничего нового нет, поэтому нужно сосредоточиться на нерешенных проблемах.

— Я это понимаю, просто для себя нужно было определиться, что, правда, что нет. Вижу, что и Сергей думал об этом. Спасибо, тогда продолжу работу.

— Удачи Вам, Глеб. Вы большой молодец.

6.

Прошло еще десять дней.

За это время произошло многое. Глеб наконец-то побывал у Сергея, и даже минут десять постоял у кровати друга. Еще совсем недавно полноватый крепкий здоровяк, теперь перед ним слегка похрапывая и улыбаясь буддийской улыбкой, спал худой, изможденный человек с впалыми глазами и буро-пепельной кожей. Он всегда коротко стригся или брил голову, однако теперь казалось, его скальпировали, хотя, если присмотреться, то волос было как раз больше чем обычно. Но врачи и Михаил утверждали, что все идет хорошо. Когда Глеб задал вопрос об их фетишной теме групп крови, то получил какие-то невразумительные обтекаемые ответы, но чувствовалось, что в этом вопросе динамика явно присутствует. Его это не особенно беспокоило, главное, что друг идет на поправку.

Еще за это время он поучаствовал, хоть и довольно пассивно, в совершении нового открытия. Даже удивительно как быстро он прекратился в научного работника. После истории с обнаружением Центра ядерного

управления, в тот же день за ним закрепили троих работников Михаила.

Он не возражал. Вопрос был слишком серьезным, да и какой-либо конкуренции он не боялся. Это точно было за пределами его амбиций, столь немалых в его привычной жизни.

Теперь они собирались в полуподвальном помещении дома, с оборудованной железной дверью и большим сейфовым шкафом внутри. Там же был небольшой санузел, длинный конференц-стол на десять человек, у стен пять небольших рабочих столов с компьютерными моноблоками, большая магнитно-маркерная доска в пол стены, холодильник, столик с чайником, пакетами кофе, чая, сахаром и конфетами. Теперь Глеб сюда приезжал как на работу. На свою основную работу он подзабил.

Туда же прибывала группа его «брэйнсторма», работающая теперь вместе с ним с записями Патрика и Сергея. Андрей, худощавый прыщавый, классический научный заморыш был талантливым ядерным физиком. Пузатый Олег, в очках и неизменной кожаной жилетке ранее долгое время работал в СВР и хорошо разбирался в тематике противостояния с «цифровиками». Отца Варсонофия, высокого скромного, худощавого священника Глеб раньше регулярно видел в комнате Сергея, или заходящим туда.

Они собирались, спорили, курили, пили кофе, читали тексты, крутили в руках часы и записную книжку и обсуждали. Обычная научная история. Долго Глеб в этом состоянии находиться не мог, пару часов добросовестно просиживал в подвале, вяло пытался общаться на интересующие темы, потом выходил, ехал в город, бесцельно слонялся, иногда ходил в кино, ел в каком-нибудь кафе, звонил по телефону жене или сыну, или, гуляя в парке набирал их по «скайпу», и к вечеру возвращался. Апатию преодолеть, пока не получалось. Он стал реже бриться

и позволять себе столь непозволительную в обычной жизни мятую и несвежую одежду.

Однажды, явно переборщив с коньяком, он поехал прогуляться по городу. Бесцельно бродя, дошел до гостиницы «Москва», где завернул в примыкающий к центральному входу стриптиз-клуб. Изредка, чаще всего с сослуживцами в Москве он посещал такие заведения, где, немного стесняясь друг друга и одновременно бодрясь, они щупали танцующих на коленях девушек, воровато засовывая деньги в трусики или резинку чулков, если трусиков не было.

По сравнению с московскими клубами этот был довольно убогим, маленьким, а девушек в нем имелось четыре или пять в отличие от десятков и сотен, наполняющих некоторые московские аналоги красавиц. Внешний вид танцовщиц тоже был не в пользу крымских обольстительниц. Но Глебу уже было все равно. Взяв триста пятьдесят граммов «джемесона» к уже плескавшемуся в нем почти полулитру коньяка, он быстро потерял контроль зад собой. Ди-джей на полную включил музыку, и она наотмашь била по его пьяному сознанию. «Все, что нам нужно, секс, наркотики и секс, наркотики и секс, наркотики и секс», — повторял он вслед за бодрячком в динамиках.

Трое почти красоток одновременно вытирали своими почти обнаженными телами его одежду, он гладил их по выпуклостям, иногда слегка сжимая шею одной наиболее податливой, и думал, что вот она, настоящая свобода, красота, стоящая любых денег, потому что красота, конечно же, стоит денег. Четвертая фея, в которой он узнал встретившую у входа «хостес» неумело пыталась кружить у пилона, а он повторял, что вот где настоящая свобода, а не в бессмысленных и примитивных молитвах. Музыка все больше забивала уши, смешиваясь с алкоголем, и он чувствовал себя волной, которой хорошо в ласковом океане. Через часа два Глеб, шатаясь и по-

скальзываясь, добрел до клубного туалета, где его вырвало, после чего трясущимися руками он достал телефон и вызвал такси. На выходе его остановил охранник, пришлось расплатиться по счету. Денег оставалось мало, почти только на таксиста, и это освободило от соблазна забрать кого-то из танцовщиц с собой, что они так настойчиво предлагали.

Не доехав до дома, он остановил такси и вышел из машины недалеко от какой-то АЗС. Глеб зашёл в магазин у заправки, купил в нем на оставшиеся деньги самую малую и дешевую бутыль машинного масла, стеклянную литровую бутылку сладкой воды, и маленький тюбик суперклея. Вышел на улицу, обошел с тыльной стороны магазин, где его не видели, сделал несколько глотков воды, остальное почти полностью вылил, оставив немного на донышке. После этого перелил машинное масло в стеклянную бутылку примерно на ее треть, размешал, смешав с остатками сладкой воды, и положил ее в один из непрозрачных пакетов, которые он захватил на кассе. Масло в таре аккуратно прислонил у стены магазина и пошел в сторону заправочных кранов. Там постоял минуту, дождался, когда водитель серебристой «хонды» скажет заправщику, сколько лить в бак, уйдет в магазин расплачиваться, а заправщик, вставив «пистолет» в бак отойдет к другой машине, быстро со стороны «мертвой зоны» заправщика обошел его и как-бы случайно перегородил ему спиной обзор, вытащил пистолет из бака «хонды», вставил его в бутылку, дождался пары секунд, когда она наполнится, чуть перелившись в пакет, и вернул в бак, быстро, но уверенно и спокойно отойдя в сторону.

Происходящего никто не заметил. Отбежал на квартал, Глеб остановился, поменял пакет, выбросив тот, в который пролился бензин и достал из кармана большой носовой платок. Из него он сделал пробку с длинным тряпичным хвостом, которым закупорил бутылку. Аккуратно положив ее на дно пакета, он быстро пошел,

иногда переходя на бег, в сторону Управления на Франко. Оно было рядом. Он забежал на улицу Генерала Попова и остановился в задумчивости. В армии его учили метать гранату двумя способами — на технику, то есть точность и на дальность. На точность он стандартно метал с тридцати-сорока метров, на дальность метров в семьдесят-восемьдесят. Решил подойти поближе и продвинулся на полквартала к улице Дзержинского, стараясь идти так, чтобы не попадать в обзор камер внешнего наблюдения. Их расположение он знал. Приготовился и выбрал целью окна второго этажа руководителя Управления, после чего вернулся. По классической бросковой технике нужно было 10-15 метров разбега с четырьмя завершающими бросковыми шагами.

Улица была пустая, ни одного прохожего. Глеб в глубокой тени стал под большой кроной одного из деревьев, извлек тюбик суперклея и выдавил все его содержимое на пальцы, тщательно втерев быстро твердеющую массу по всем пальцам и ладони, которые сразу же стали почти нечувствительными. Ничего, зато на бутылке или ее осколках не останется отпечатков. Он достал бутылку из пакета, тщательно обтер ее от следов краем рубашки, пакет и сморщенный тюбик сунул в карман. Отвел руку с бутылкой вверх назад, повернув плечи направо, левая рука заняла положение перед грудью. Классика. Сделал несколько замахов, заворачивая корпус еще вправо, разворачивая правую бросковую руку ладонью вверх и заводя левую руку вниз и назад. После этого вновь достал один из двух оставшихся пакетов, пальцами сделал два больших отверстия для глаз и натянул его на голову. Готов.

Вдруг он лихорадочно, не думая, вложил бутылку в пакет, схватил большой камень примерно в пол килограмма, лежащий недалеко от него и по проезжей части дороги побежал в сторону Управления. Подбежав метров к двадцати от угла здания, он швырнул камень в выбранную цель, и, не останавливаясь, свернул на

Дзержинского. Пробежав до пересечения с Богданом Хмельницким, он остановился у знакомой часовни Георгия Победоносца. Ага, вот и она. Вновь быстро достал бутылку и лихорадочно стал щелкать зажигалкой, поджигая фитиль. Тот быстро зажегся, Глеб метнул орудие в часовню и, не оглядываясь, побежал. Через два квартала спрятавшись в какую-то подворотню от возможного милицейского патруля и камер, он стянул пакет. Хмель не отпускал, но бежать дальше его подготовленному телу было не сложно. Через какое-то время он оказался дома, не раздеваясь, рухнул на кровать, зарыдал, уткнувшись лицом в подушку и мгновенно заснул.

7.

Утром было плохо и неприятно. Повторять такое, еще ночью манящее развлечение в клубе, не хотелось больше никогда. То, что последовало после клуба, вообще было для него самого необъяснимым.

Он смешал немного поваренной соды, растительного масла и маргарина, и получившимся средством удалил въевшийся в кожу клей. Умылся, побрился, поменял вещи.

На совещании в Управлении дежурным было доложено о том, что какой-то хулиган с пакетом на голове метнул камнем в окно кабинета руководителя, после чего попытался бросить коктейль «Молотова» в расположенную рядом часовню. И если бросок камнем был удивительно точным, то брошенная с расстояния в десять метров бутылка отскочила от цоколя часовни, и, не причинив ей ущерба, отскочила, воспламенив траву.

Глеб предложил поручить проверку ему, так как он курировал подразделения криминального поиска, оргпреступности и борьбы с терроризмом. Ну что ж, придется поискать злоумышленника.

8.

На четвертый день наступила условная развязка истории. Героями оказались Олег (Жилетка) и Андрей. Сказалась склонность физика к компьютерным играм и филолого-криптографические таланты разведчика.

К этому моменту интрига свелась к информации о могиле Хемингуэя и сделанных на ней надписях.

В этот день Олег (Жилетка) с утра на доске написал английский вариант текста на могиле писателя и увлеченно пытался обсудить ее с членами группы. Глеб не отвечал, святой отец неумело поддакивал, а Андрей отвечал затылком, щелкая мышкой по вкладкам специальных криптографических программ по дешифровке, в которые он все последние дни загружал фразы с могил главных участников интересующей их истории.

Вдруг Олег (Жилетка) приостановился, и какое-то время смотрел на фразу, потом схватил со стола Андрея часы и стал очень медленно и аккуратно крутить рукоять лебедки, каждый раз, когда какой-либо из индикаторов застревал на определённой цифре, записывая ее на доске. Часы были сломаны, и усилия по их заводу результатов не давали. Все-таки копия. При попытках выставить время и другие показатели, лебедка либо свободно прокручивалась, либо слегка застревала. Изначально даже прорабатывалась версия о том, что в часах присутствовал некий шифр, но из-за всех приключений Патрика они были сломаны и изначальное послание пропало. Но версия не нашла никаких признаков подтверждения.

В ходе манипуляций некоторые из цифр не фиксировалась полностью, чуть не дойдя, или перейдя границу указателя их нормального положения. Тогда Жилетка писал последнюю полную цифру, если она была только пройдена, а новая не дошла до своей половины, либо приближающуюся, если эта половина была преодолена. В таких случаях он ставил после цифры запятую и добавлял в виде десятичного показателя

количество пройденных делений от основной. В итоге получилось «7; 8; 10; 13; 14; 18,3; 22; 26,4; 28,1; 30,2; 35; 35,2; 36,1; 37,4».

— Ну, давайте, объясняйте уже! — недовольно сказал Глеб, которому опять было скучно.

— Минутку, минутку, — ответил Жилетка, и стал подчеркивать слова и отдельные буквы в основной фразе. Получилось:

"Best of all he loved the **fall**
The leaves **yellow** on the **cottonwoods**
Leaves floating on the tr**out** streams
And above **the** hills
The high blue **wind**less skies
…**N**ow he **wi**ll be a part **of th**em **f**or**ever**"

— Там, где цифра полная, я слово выделяю полностью. Там, где цифра прошла, я указываю прошедшую и подчеркиваю столько букв, сколько делений между цифрами пройдено до стопора, или после, если середина пройдена, или она приближается. Соответственно я беру отсчет с первого слова и непрерывно до последнего и выделяю те, которые по очередности соответствуют цифрам на доске.

— Так что в итоге? — не успокаивался Глеб.

— Я не знаю, просто версия, — так же виновато ответил Олег (Жилетка).

— Вы, Глеб, не будьте так строги с нашим товарищем. Он предложил интересный вариант, мы его пока не рассматривали. Почему бы Вам не продемонстрировать живость Вашего ума и не помочь развить предположение? — примирительно вступил в разговор отец Варсонофий.

Жилетка вновь подошел к доске и стал писать фразу из выделенных букв и слов. В итоге у него получилось «The yellow leaves fall off the cottonwoods even without wind…».

— «Желтые (или пожелтевшие) листья опадут с тополей даже без ветра…», — перевел он.

— Ну и что это означает? — спросил Глеб.

— Может быть, это намек на то, что всему свое время? — задумчиво сказал священник.

— Понятно, батюшка, Ваша трактовка совершенно библейская. Но зачем такое сложное послание? Я не особо понимаю практический смысл такой фразы. Почему бы просто не написать ее без такого сложного шифра?

Олег (Жилзетка) еще минуту назад сияющий, тоже задумался.

Следующие полтора часа были освящены вариантам толкования получившейся у Жилетки фразы. Это была первая попытка соединить интересующую фразу и часы, давшая удачный результат, поэтому просто так отказываться от нее не хотелось. Но и глубокий и рациональный смысл тоже не просматривался.

— Подождите. Сейчас… — Андрей, до этого сидящий за столом, делавший пометки, и что-то ищущий в мониторе, подошел к доске.

— А может все проще? — он взял желтый фломастер, и, в свою очередь, подчеркнул слова, которые его заинтересовали.

“Best of all he loved the **fall**
The leaves yellow on the **cottonwood**s
Leaves floating on the tr**out** streams
And above the hills
The high blue windless skies
…Now he will be a part of them forever”

— Может быть, часы действительно сломаны, или все-таки не имеют никакого отношения к истории, а просто чудачество Патрика? Может быть все проще? — пояснил он свою версию.

— Объясните, — требовательно сказал отец Варсонофий.

— Ну, смотрите. Вряд ли Хемингуэй хотел уж совсем детективно-математических загадок, да он и не был к ним склонен. Его намек должен быть разгадываем. Ну и вот, мне кажется, вполне тут можно догадаться. Дело в том, что слово «Fallout» — означает выпадение радиационных осадков. Одновременно Fallout это очень популярная компьютерная игра о мире, пережившем ядерную войну. Ну а в этой игре Cottonwood-Cave (Убежище) — основное место дислокации выживших.

— Вряд ли Хемингуэй играл в компьютерные игры, в виду их полного отсутствия, — сказал Глеб.

— Да, но вот люди, имеющие отношение к Штаб-квартире, вполне могли таким образом сформировать некую метку для своих. Их мотивы не понятны, но версия вполне рабочая, хоть и основанная на игрушке. Вы уж простите, иногда поигрываю, — виновато добавил Андрей.

— Да нормально, иногда бывает на пользу, как сейчас добавил Олег (Жилетка). Дело в том, что Коттонвуд, это город в штате Айдахо. Так что твоя версия волне имеет право на существование.

— В общем, теперь у нас есть две версии. Давайте проработаем обе.

Глава 2. Пресечение греха

1.

— Ну что, Глеб, как настроение?

— Да честно говоря, не очень. Какая-то трясина. Както в последнее время болезненно-мутно и тягостно на душе, если уж совсем честно. Совершенно не понимаю ни обстановки, ни перспектив в ситуации, где я оказался. У меня бывали намного более экстремальные ситуации, но вот именно сочетание всех этих информацион-

ных потоков, оккультные эти темы, ситуации с Сергеем и Владимиром, и все в совокупности очень давит. Сам даже, честно говоря, не ожидал, что так проймет.

— Спасибо за откровенность. Думаю, мы общими усилиями сможем развеять Вашу тоску и сомнения (Михаил почему-то в общении с Глебом переходил то на «ты», то на «Вы»). Мы проработали тему и Винковцев, и возможного расположения Штаб-квартиры. По обоим вопросам, в одном больше, в другом меньше, есть ряд довольно устойчивых признаков, свидетельствующих о перспективности выдвинутых версий.

— Так что там с этими фразами, цитатами? Поняли, какая правильная?

— Пока в работе. Если по Винковцам у нас нет сомнений, я уверен, что Ваше предположение верное. Мы провели кое-какие проверочные мероприятия, обобщили ранее получаемую информацию, ее было много, просто вся отрывочная, без конечной точки привязки, которую Вы нам дали. Получается много пересекающихся информационных потоков.

А вот по Коттонвуду, чтоб ответить на вопрос и подойти к основному разговору, все пока в более глубокой проверке. Версия, с моей точки зрения, неочевидная и немного писанная вилами на воде, но другой у нас нет, поэтому аккуратно ее отрабатываем. В любом случае, если место и не верное, то во всяком случае логика поиска определена. Есть там еще варианты по озеру Фоллаут-Танк и некоторым другим местам, но все пока на предварительном уровне, и еще кое-какие варианты. Как будет понятно, расскажу.

— О чем основной разговор?

— Он касается Винковцев. Видите ли, мы послали туда наших людей. Разведчики походили, побродили. Никаких визуальных признаков каких-то специальных объектов они не нашли, никаких специальных мер охраны тоже. Это странно, потому что, по сути,

речь должна идти об одном из самых охраняемых объектов на планете. Но, возможно, они просто чего-то не увидели. В этой связи я хочу предложить съездить туда Вам. Буквально на день-два. У Вас солидный опыт полевой работы, в том числе, и за рубежом. Даже если бы Вы не участвовали в наших процессах так долго и глубоко, то мы все равно могли рассматривать Вашу кандидатуру для участия в оперативной отработке Винковской темы. Ну а здесь это все утяжеляется тем, что Вы почти с самого начала работали по «Крымскому проекту» и, наверное, как никто погружены в записи Патрика, дающие намеки на это место. Может быть, какую-то информацию Вы сейчас не можете сознательно обобщить и сформулировать, сами знаете, наше подсознание бывает причудливым. Но бывает так, что, оказавшись на месте, достаточно одного взгляда, чтобы пазлы сложились. Вот мы и хотим, чтобы Вы этот взгляд бросили.

— Но это технически сделать очень сложно. Я спецсубъект, у меня первая форма допуска, я же на службе. Все мои поездки за границу всегда сопровождались целой историей согласований и разрешений.

— Мы понимаем это. Во-первых, если поедете, то по документам прикрытия на другую фамилию. Во-вторых, мы берем на себя вопросы согласований и легендирования отсутствия на работе. Думаю, Вам никто не сможет помешать съездить по вопросам служебной необходимости в Хабаровск. Именно там официально и будете числиться. Более того, все мероприятие в совокупности должно занять не более пяти суток, чтобы не привлекать лишнего внимания. Наши враги вполне профессиональны, осторожны, а сейчас еще и крайне возбуждены. Если что-то делать, то делать быстро, не давая зазора на реакцию.

— Слушайте, мне, конечно, это очень интересно. Я тут уже киснуть стал. Но Вы уверены в целесообраз-

ности поездки? Просто самому поехать куда-то? Я даже хорватского не знаю.

— Я правильно понимаю, что Вы согласны, и мы можем обсудить детали?

— Правильно.

— Отлично. Что касается поездки одному, и что не знаете языка, то этот вопрос мы решим следующим образом. С Вами поедет сотрудница Милофеева, знающая язык и местность. По легенде и документам она будет Вашей супругой. Это снимет с вас повышенное внимание, семейные пары психологически лучше воспринимаются, чем одиночки. И позволит обеспечить языковые условия. Девушка отличная, я ее знаю. У нее есть опыт оперативной работы, но на Балканах она не засвечена, всегда действовала в режиме пассивного сбора развединформации, как эксперт или переводчик. Но в регионе много раз бывала с культурными миссиями и просто отдыхала, знает его хорошо.

— Ну что ж, тогда тем более не вижу причин отказываться. Можете познакомить меня с той информацией, что Вы собрали, чтобы я понимал от чего отталкиваться?

— Естественно. Давайте завтра встретимся, проговорим детали, и на послезавтра планируем выезд. Мы за эти двое суток проработаем технические вопросы. Тем более, если честно, что я уже дал соответствующие поручения. Я в Вас не сомневался.

— Меня радует Ваш оптимизм.

— Меня тоже. Значит, поступим так. Завтра я пришлю свою машину, куда скажете. Давай, часам к тринадцати тридцати. Она завезет на один из наших объектов в Ялте. Там проговорим все вопросы, и я познакомлю с Вашей временной женой.

— Почему в Ялте?

— Мы сюда, в этот дом больше никого не приглашаем, пока здесь Глеб. Стараемся соблюдать меры безопасно-

сти. Видите же, мы усилили режим. С Вами обращаются как со своим, но остальных здесь не принимают.

Действительно, в последнее время дом Михаила все больше напоминал хорошо укрепленную крепость. Ну что ж, безопасности много не бывает.

2.

На следующий день одна из машин Михаила отвезла Глеба в какой-то небольшой, но опрятный и обособленный пансионат где-то под Ялтой, дорога к которому вела по узкой извилистой, то резко поднимающейся то опускающейся дороге.

Его провели на широкую веранду, возвышающуюся над зажатым каменными валунами небольшим пляжем, где отдыхало несколько туристов. На открытом воздухе уже был накрыт стол, за другим поменьше, сидя на ротондовом кресле, его ждал Михаил, одетый в непривычные шлёпанцы, шорты и гавайскую рубашку.

— Здравствуйте, Глеб. Сегодня прекрасная погода. Купались уже в этом году?

— Нет, как-то не пришлось. Не то чтобы времени не было, просто голова постоянно забита другим.

— Я очень советую хотя бы окунуться. Вода двадцать три градуса. И самое главное, чистая! Пляжи Ялты этим похвастаться не могут. Среди мусора и мочи туристов, собственно говоря, там и воды-то не много.

— Да я, честно говоря, без плавок, не знал, что будет такая возможность.

— Во-первых, здесь можно и без плавок. Во-вторых, у нашего управляющего по такому поводу есть набор новых плавок разных размеров. Гости, которые здесь бывают, часто приезжают без снаряжения, а место к купанию располагает. Так что я предусмотрел эту проблему.

— Тогда не откажусь. Погода действительно чудесная. Но сначала давайте обсудим наши вопросы.

— Давайте-давайте. В общем, по порядку. Там внизу сейчас плавают наши ребята из Москвы. Среди них Алена Шарокина. Она и побудет Вашей супругой на пять дней. Документы привезут рано утром. По документам тоже будете Шарокиным, потому что ее знают под настоящей фамилией, и если она будет под другой, то привлечет внимание, а расхождение фамилий у супругов хоть и возможно, но в нашем случае, чем меньше заметных нестыковок, тем лучше.

— Согласен. Есть какие-то особенности моей легенды?

— Существенно мы ее не прорабатывали, она одноразовая. Ваше имя Герман, женаты на Алене около года, работаете звукооператором на телевидении, канал «ТВЦ». Живете в Москве. Детали личной жизни проговорите с Аленой. Она девушка бойкая, так что сложностей с ней не будет.

— Какие-то нюансы в отношениях с самой Аленой?

— Да нет. Барышня амбициозная, сама из провинции, с Украины, но благодаря своим пробивным качествам и приятным внешним данным нашла свое место в столице. Нашим идеям предана, считает себя патриоткой, немного занудная. Не гулена, обычная девушка, на самом деле. Слегка завышено самомнение, но для девушки это не беда, и в этой ситуации не критично. Она знает, что старший Вы.

— А по самой задаче?

— Вот смотрите, какая задача. Винковцы — город своеобразный, как выяснилось. Чтобы туда попасть напрямую, Вам нужно лететь в Батмир, это аэропорт в Сараево, или через Белград. Мы посылали людей обоими маршрутами. В итоге, по их рекомендациям, если говорить о конфиденциальности, лучше лететь третьим, через Дубровник, хоть это и подальше. В Сербии проще попасть под присмотр западных спецслужб, которые там активно работают, а в Сараево сейчас сложный период, там осенью президентские выборы, русский фактор ак-

тивно разыгрывается, поэтому тоже есть шансы где-то засветиться, тем более что различных русских представителей там тьма.

А вот в Дубровнике сейчас уже начался туристический сезон, он является одним из главных мест курортного отдыха. Оттуда через Сараево, по прямой, восемь часов на машине, и Вы в Винковцах.

Вот по этому маршруту и двинетесь. То есть сначала прилетите в Дубровник, поселитесь в гостинице, купнетесь в море, а на следующий день как-бы на экскурсию, не специально в Винковцы, а по маршруту. Но реально едете в Винковцы, причем надо так рассчитать время, чтобы приехали рано утром и уехали поздно вечером, на ночевку не останавливайтесь. Дальше фотоаппарат в руки, и в шортиках и панаме, как образцовые туристы гуляете. Смотрите на достопримечательности, проведываете адрес из книжки Патрика. Ну, больше сказать ничего не могу, Вы в этих вопросах опытнее меня. Ищете то, сам не знаю что.

В ночи на машину, кстати, автомобиль Алена арендует, она хорошо водит, у нее есть права и Шенген, и назад. Дорога восемь часов с хвостиком, но вы не торопитесь. Приехали, полдня — день в море и назад. Турпутевка у вас будет на десять дней, но вам на электронный адрес, который я Вам дам от имени брата Шарокиной, придет письмо о том, что у Алены в Днепропетровске умерла бабушка. Вы по переписке на компьютере из лобби отеля попросите купить срочные билеты домой, и на почту придут билеты. После этого Вы жалуетесь администрации отеля на внезапно прекращенный отпуск и сразу же вылетаете. Если в целом, то вот и все задание. Летите в Москву, там Алена отваливается, и Вы опять в Крым. В Крым летите тоже по документам прикрытия, чтобы не фигурировать во внутренних билетах.

— Ясно. Ммм... Хотя нет, все ясно. Давайте свою Алену.

— Ну, Вы с ней чуть деликатнее. У нее амбиций полное ведро.

— Хорошо. Тогда давайте сюда свою Алену, пожалуйста.

— Да пусть купается. Предлагаю выпить по бокалу вина и тоже искупаться. Потом пообедаем. Здесь подготовлены номера, в них переночуем, а утром привезут билеты, и тронетесь сразу в аэропорт. У вас в четырнадцать тридцать вылет в Москву, там два часа ожидания на стыковочном рейсе и в Дубровник.

— Но у меня с собой никаких вещей.

— Мы это продумали. Мой помощник с документами привезет чемодан, там несколько плавок, носки, шорты, джинсы, майки, фотоаппарат, бритвенные принадлежности, крема и темные очки. Набор туриста. Все должно быть Вашего размера. Зато никто не сможет обнаружить следов сбора в дорогу в теплые края там, где сейчас живете. Если что-то нужно будет еще, то купите прямо на месте. Можно было бы вообще все там купить, но турист без багажа точно вызовет вопросы. Деньги получите с документами, паспорта готовы, сейчас в Москве по ним оформляют визу.

— Хм. Надеюсь у Вашего помощника хороший вкус.

— Ну, вот и проверим. Ваше здоровье.

— Спасибо, — ответил Глеб, и они выпили вина.

— Так что по поводу Винковцев? Что стало известно?

— А, ну да. Извините, заговорился. С Винковцами все оказалось интересно и не просто. Ну, для начала пару слов о Дубровнике. Вы летите через него не только по прагматичным причинам, но и потому, что мы предполагаем некую связь между этими городами, поэтому должны эти вещи почувствовать сами. Во всяком случае, есть версия, что так полагают наши враги. Что Вы знаете про Дубровник?

— Фактически ничего, кроме того, что это курорт где-то на Балканах, в Хорватии. Больше ничего, не был там никогда.

— Тогда расскажу. Что касается всех нюансов нынешнего туристического Дубровника, то получите памятку, там все написано, поэтому останавливаться не буду.

А вот применительно к теме наших западных кукловодов, картина с Дубровником получается очень интересная. Дело в том, что была в истории такая Дубровницкая республика. Это период где-то одиннадцатого-восемнадцатого веков. Что самое интересное, основная часть населения в ней была славяне, но решающее влияние на нее оказывали итальянцы, которые в то время были центром современной Европы. Плюс к этому республика была неким компромиссом между Европой и Османской империей, проводя очень изощренную иезуитскую, шпионскую политику, которая даже получила собственное наименование «дубровницкая дипломатия».

Более того, Дубровник был первым европейским государством, признавшим в 1776-м году независимость США. Управление же в ней осуществлялось группой мистиков-олигархов, называемых «нобилитетом». С другой стороны, в то время Дубровник был единственным конкурентом Венеции, а именно Венеция является символом традиционной Европы Средневековья. Кроме этого Дубровник обладал непревзойденным умением решать все политические и экономические вопросы без участия в войнах, спекулируя и манипулируя другими странами и городами. Основная масса горожан-пополанов проживала коммунами, близкими к марксистским идеалам, а сама республика в одиннадцатых — двенадцатых веках называлась Дубровницкой коммуной.

По нашей информации Дубровницкая республика является неким промежуточным, но важным символом

«цифровиков». Например, по примеру Дубровника их главой является символический совет Ректоров.

Что интересно, образец Дубровника использовался не только Западом, но и Россией. Так, в конце восемнадцатого века русский флот под командованием Ушакова разбил французов и освободил от них Ионические острова, на которых русские по договоренности с Османской империей попытались создать новое греческое государство — Республику Семи Ионических остров, для организации государственного устройства которого в качестве примера официально была выбрана Дубровницкая республика.

— Так почему тогда Центр управления не оборудовали в Дубровнике?

— Ввиду очевидности этого решения, большой заметности его исторического города и огромного внимания к нему со стороны туристов всего мира.

— Нашли что-то более изящное?

— Мне нравится Ваше определение. Несомненно, более изящное. Мы подошли к Винковцам. Ооо, здесь все менее очевидно, более, как Вы говорите, изящно, все на полутонах и полунамеках, как любят «цифровики».

Что сказать? Давайте немного символической истории. Из той информации, которой мы теперь, сопоставив благодаря Вам ряд фактов и отрывочных сведений, обладаем об идеологии «цифровиков», сейчас понятно, что город обладает совершенно исключительными символами.

Для начала, удивительно, но в этом далеком от Рима городке, на территории и которого когда-то было разбито римское поселение, родилось сразу два очень нерядовых римских императора— Валент и Валентиниан Первый. Более того, именно с этого места во всех прилегающих территориях было распространено христианство, а городская церковь святого Илии является самой древней во всем восточном регионе. И вот здесь обрати-

те внимание на эти два момента, я имею ввиду рождение императоров и распространение христианства. Это, судя по всему один из основополагающих фактов для «цифрровиков». Сами Винковцы в те времена назывались Кибал, и созвучие этого названия с Каббалой создает для них некий исторический мост. Мы кстати и раньше знали, что название места, в котором расположен Центр, связано с Каббалой, но искали немного в другом направлении.

Для начала пару слов о Валентиниане Первом, хотя можно говорить и об обоих сразу, потому что они были братьями, а Валентиниан после восшествия на престол сохранил за собой западную часть империи, а восточную отдал под управление брату Валенту. Здесь кроется обоснование единства управления западным и восточным миром. Но, заметь, восточным управляет младший брат, с позволения старшего с Запада. Сам можешь оценить красоту аналогии.

Дальше не менее интересно. Смерть Валента в бою под Адранополем ознаменовала начало распада Римской империи. Как мы сейчас можем судить, для «цифровиков» это тоже символ. Братья, правившие цивилизованным миром, старший Западом, младший Востоком, не должны образно говоря, умирать, и таким образом допустить распад мира. У «цифровиков» есть на эту тему какие-то ритуалы, но суть их нам не известна.

Ну и вишенка на тортике, извини за образность. Валент, пожалуй, первый из Константинопольских императоров организовал жестокие гонения на православную церковь, будучи яростным сторонником ереси арианства, на которую его подсадила жена Домника, заметьте роль женщины и здесь! Он мучил и казнил православных, не желающих признавать арианского епископа Эвзоя, а многих массово топил

в реке Оронте. Так что и здесь пример для подражания имеется.

— Что за арианство? В смысле из народа ариев?

— Удивительно, Глеб, как Вы, участвуя в таких трансцендентных событиях, порой сохраняете столь девственную безграмотность, уж извини меня.

— Да ничего. Мне до последнего времени с этой безграмотностью было вполне комфортно.

— Ну, давай мы ее немного нарушим. Арии, или арийцы — это древний индоиранский народ. А вот Арий — это самостоятельное имя. Так звали одного христианского священника, жившего в начале 300-х годов от Рождества Христова в городе Александрии. Очень, говорят, харизматичный был человек, с красивой статной внешностью и великолепной риторикой.

Память он о себе в истории оставил глубокую, но неоднозначную. Благодаря своим талантам он смог добиться продвижения интересующих его религиозных вопросов на поистине общенародный уровень. Кстати, название нашей Церкви как «ортодоксальной», связано, в том числе, с желанием оградить себя от Ария и подобных ему.

А вопрос этот, по сути, был один. Как Иисус Христос может быть равен Богу? Ответ, который на него давал Арий, был однозначным: Христос, конечно же, Спаситель, Искупитель грехов человеческих, но все же производное от единого Господа, его Сын и, конечно же, не неотъемлемая часть.

Арий использовал ссылки на слова самого Христа и оформлял их доводами разума и изречениями апостолов. Особенно умело он оперировал «Книгой Притч», доказывая ее цитатами производное Премудрости и Слова от Бога, чем и являлся Мессия. Не то, чтобы Арий не уважал Христа, или принижал его, нет. Но он силой разума пытался четко расставить божественный ранжир. Дело это, думаю, крайне неблагодарное — ука-

зывать всевышним силам, кто и где должен стоять, но он попытался.

Сейчас может показаться, что это просто один из извечных христианских вопросов, который может привести или к новому догмату, или к очередной секте. Но тогда эта тема по-настоящему захватила огромное количество людей. Об этом словами Ария рассуждали торговцы, воины и бродячие артисты, сочиняющие соответствующие песни и представления. Более того, сам Арий писал для матросов и мельников тематические частушки в поддержку своих идей. Эта тема становилась предметом ленивых разговоров среди местной аристократии. Ярость дискуссии была связана не с каким-то терминологическим спором. От предлагаемых выводов зависела сущностная разница духовных христианских переживаний. И, конечно же, все происходящее крайне тревожило иерархов Церкви.

Чем же это закончилось, спросите Вы. А закончилось это не много немало разбирательством на уровне Императора Константина, который в 325-м году в Никее по этому вопросу собрал собор, который теперь считается Первым Вселенским Собором христианской Церкви, признаваемым практически всеми церквями — и католической, и православной, и протестантской, и дальневосточной.

На этом соборе Арию противостояли местный епископ Александр и его помощник Афанасий, который в поддержку своих доводов разработал документ под названием «Символ Веры». Их позицию поддержал император Константин, и Собор принял историческое решение о Символе Веры как об одном из главных догматов нашей церкви. На самом деле история на этом не закончилась, Арий пять раз отправлялся в изгнание, расширяя, однако, круг своих сторонников и даже периодически завоевывая поддержку императора. В итоге арианство в определенный период стало главным хри-

стианским течением и даже государственной религией Римской империи вплоть до императора Валента Второго, а в дальнейшем — и средневековых германских государств.

Его отголоски нашли свое отражение, например, в так называемой «Ереси жидовствующих» в России в конце 15-го века. Так тогда называли мистическое христианское движение, охватившее значительную часть элиты Москвы и Новгорода, а также определённое количество церковных деятелей, руководимое при дворе Ивана Третьего думным дьяком и крайне влиятельным вельможей Федором Курицыным и опекаемое невесткой Великого московского князя Еленой Волошанкой. Поддерживаемый ими князь Дмитрий первоначально даже был венчан на русское царство. Процесс удалось остановить лишь после русского Собора 1503-го года, рассмотревшего ситуацию с еретиками, после чего отступников просто массово сожгли. Просто и надежно.

Это был напряженный и крайне переполненный интригами период нашей истории, ценой которого являлось и политическое положение страны, и дальнейший религиозный выбор. Противостояло сектантам окружение Софьи Палеолог. «Жидовствующими» движение называлось в связи с приверженностью к традиционным иудейским ритуалам и идеологии, основанной на Ветхозаветных принципах.

Надо сказать, что нынешние сторонники «цифровиков» по очень многим параметрам крайне напоминают окружение Курицына, а в основе, как и сейчас, лежали женские мистические интриги. Кстати, исследователи, в том числе и из числа высокопоставленных церковных иерархов, одной из причин успеха «жидовитов» при русском престоле называют крайне низкий общеобразовательный уровень «русских традиционалистов» на фоне довольно высокой образованности «жидовствующих».

— Интересно. А чем же закончились споры о сущности Иисуса в Церкви? Или все ограничилось Символом Веры?

— Нет. Символ Веры оставлял слишком много вопросов и требовал некоего развития. Этим вопросом занялся так называемый «Каппадокийский кружок» в составе Святых Василия Кесарийского, его младшего брата Григория Нисского и их друга Григория Назианзина.

Ими было сформулировано принципиальное отличие между так называемыми догмой и керигмой, как разницей глубинного символического смысла, раскрываемого не словестными терминами, а духовными переживаниями, и керигмы как открытого церковного учения. Лишь безмолвие истинного познания позволяет ощутить, но, естественно, не сформулировать божественное естество. Некоторые вещи просто невыразимы словами, и любые попытки формулирования приведут к совершенно ложному и ошибочному результату. Это индивидуальный и сокровенный процесс со многими неизвестными, которые открываются в определенное время и место определенному человеку при определенных обстоятельствах. Как проповедовал пророк Иеремия, «Как вы говорите: «мы мудры, и закон Господень у нас»? А вот лживая трость книжников и его превращает в ложь». Таким образом, одинаково верными стали и безыскусный поход к вере сельского дьячка, которым так восхищался Лев Толстой и мистически-философское его понимание.

— То есть любому глубоко думающему о Боге нужно не размышлять и не искать, а разогнать мысли и просто ощущать?

— В принципе где-то так. Более точных рекомендаций не существует. В этих подходах, кстати, присутствует и наше различие с западным христианством, которое за свою основу взяло рациональные керигмические принципы. Я считаю, что многочисленные причитания западных философов «о смерти Бога» являются прямым

результатом этой рациональности. Ведь все, что рационально, должно логично заканчиваться, и, естественно, может умереть.

Наше же, православное видение всегда исходило не из рационального восприятия Всевышнего, не из неких алгоритмов и юридических правил, а из ощущений, из очень интимных потаенных бессловесных тропинок к божественному. Тот же Григорий Нисский это определял, как правило, о том, что всякое рассуждение о Боге, это лишь жалкое и лживое подобие, которое никогда не раскрывает правду о самом Господе. Это как попытка сформулировать понимание Троицы некоей формулой, где Отец плюс Сын плюс Святой Дух равно Бог.

— А кстати да, честно говоря, на уровне церковных определений и для себя, я, конечно, сформулировал понимание Троицы. Но все равно оно не в полной мере вписывается в мои ощущения. Можете, ну я не знаю, не столько даже что-то объяснить, сколько привести примеры сущности идеи Троицы?

— Знаете, Глеб. Я могу, конечно, сослаться на выводы все того же Никейского Собора о Троице или работы святых Каппадакийских отцов. Но лучше я объясню свое личное восприятие Троицы, может быть это Вам поможет. Однако сначала все же пару слов о классическом понимании.

Троица, как Вы знаете, не есть совокупность трех божеств. Это наименование трех сущностей одного Господа. Есть то, что называется усией, или же непостижимое естество, которое имеет три ипостаси, или прозопона, которыми и являются Отец, Сын и Святой Дух. Однако и ипостаси не есть Господь, который лишь использует их в качестве посредника, позволяющего достичь некоего человеческого понимания.

— Вы уж простите меня за богохульство, но зачем так сложно? Что за божественное расслоение личности? Я внимательно прочитал принесенные Вами выдержки

из книги Святого Августина. Очень странный подход описания единого Бога с тремя лицами. Это какая-то психиатрия. Одна личность в виде Отца посылает другую часть себя же в виде Сына, которого приветствует он же, но уже как Святой Дух. Что за бессмысленная схема?

— Схема не бессысленная, но действительно сложная. Однако сложность, как Вы говорите, схемы лишь отражает сложность мироздания, в котором мы существуем. Или мир прост? Или законы Вселенной так очевидны? Или нашими доводами объясняются принципы природы или нашего организма? Все не просто, все не просто. Троица, по мысли отцов Церкви, и не должна быть понимаема. Она должна смущать ум, выводить его за пределы логики, и тем самым настраивать на внерациональное восприятие Бога.

А теперь о том, как я лично это вижу.

Я в своих образах делю весь многообразный мир на его высочайшую недостижимую точку, которой является Отцом, на низовую точку, получившую земное воплощение. Она — это Творящее, это то, благодаря чему возникает все в мире, это конечно же Иисус. Таким образом, есть высшая запредельная точка, есть низшая божественная точка и есть как-бы пространство между ними, которое заполняется Святым Духом, как холстом, растянутым между двумя багетными зажимами. Именно таким образом и я представляю фразу из Иоанновского Апокалипсиса «*Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель*».

— Спасибо за разъяснение. Теперь я начинаю кое-что понимать. Скажите, а можно на этот вопрос посмотреть так же образно? Вот, например, так. Есть, ну, условно Отец. И есть Премудрость, она же София, и он же Святой Дух. Не является ли в таком случае неким символом человеческих отношений схема, когда Святой Дух, это, ну условно и умозрительно, конечно же, это жена

Отца, и они вместе производят Сына, он же Слово, он же Христос?

— Глеб, меня с одной стороны радует гибкость и живость Вашего ума, с которой Вы познаете библейские откровения. Но с другой, давайте не будем погружаться в сектантство и держаться, все же традиционных представлений. Не зря нашу Церковь называют ортодоксальной. В ней не приветствуется модернизм и отклонение от традиционных канонов. Ну, вот вкратце и главное. Вон ребята поднимаются.

Действительно, с момента начала разговора прошло уже более двух часов. Все это время гости Михаила отдыхали на пляже, к которому вел длинный извилистый каменный лестничный марш. Стало темнеть, и вот они поднимались на террасу. Впереди шел крепкий мужчина с разбросанными по телу татуировками не совсем ясной тематики. За ним поднималась девушка в широкополой красной шляпе и больших солнечных очках. Группу замыкал пожилой мужчина с залысинами, несший стопку полотенец.

Они поднялись, поздоровались и уселись за стол. Михаил представил Глеба, первый мужчина назвался Ильёй, замыкающий Сергеем.

— Алена, — протянула руку девушка. Она успела снять шляпу и очки. На бедрах было полупрозрачное парео, а сама была одета в сплошной черный купальник. Девушка была невысокой, с хорошей подтянутой, хоть и чуть угловатой фигурой, стройными ногами и небольшой крепкой грудью, просматривающейся через ткань. На лице зафиксировалась тренированная широкая приобретенная улыбка профессиональной москвички, хотя лицо в целом производило приятное впечатление. Вьющиеся волосы были заброшены за уши, но несколько прядей выбились и оттеняли прямые линии лица. В целом симпатичная, несмотря на

хищный типаж и слегка выдвинутую челюсть. Но это не важно. Важнее задача.

Они сели ужинать, и, перекусив, стали обсуждать чистоту и теплоту воды.

— Кстати да, — опомнился Глеб. — Так, где моя комната и плавки? — спросил у Михаила.

Тот позвал помощника и поручил проводить Глеба в его номер и туда же принести несколько «дежурных» плавок.

Глеба провели в его апартаменты, которые оказались большим и просторным «люксом», где на кожаном коричневом кресле уже лежало несколько «плавок». Он выбрал подходящие, надел резиновые «шлепанцы» своего размера, взял полотенце, и отправился на пляж.

Выйдя из номера, осмотрелся. Он находился в длинном коридоре, его дверь была последней от лестничного марша. Номера располагались по обе стороны коридора, по шесть дверей напротив друг друга. Судя по расстояниям между ними, освежающимися картинами маринистов под небольшими светильниками, его комната и ее двойник напротив были самыми большими, остальные значительно меньше.

В нескольких дверях во входные замки были вставлены ключи. Глеб заглянул в номер рядом со своим. Тот действительно был небольшим и намного более скромным чем его. Выйдя, дернул дверь, расположенную напротив. Этот был точной копией того, в котором его разместили. Тоже большой и комфортный, вероятно для размещения важных гостей. Открыл несколько дверей шкафов. Пусто, нет даже полотенец и постельного белья, видать, приносят под гостя. Вдруг на верхней полке одного из шкафов он заметил какую-то вещь, которая выделялась на фоне голых полок. Глеб потянулся и достал ее. Это была мужская футболка с логотипом брэнда «Пол

Шарк», трехцветная, с широкими полосами на груди и узкими ниже.

Глеб взял вещь и внимательно ее рассмотрел.

Вот это интересно. Ошибки быть не могло, когда-то Володя этим посаженным пятном краски на нижней тыльной части футболки достал и его, и Сергея, советуясь как же его вывести. Даже купил сухой немецкий шариковый пятновыводитель, но пятно всё же не исчезло, хоть и поблекло.

Пару лет назад Мердерян стал бредить вещами от брэнда «Пол Шарк», считая итальянского производителя одежды для яхтсменов и гольфистов несомненным и отличительным атрибутом успешного человека. Однако денег на эти вещи почему-то жалел, часто при этом останавливаясь в фирменных бутиках и тоскливо разглядывая содержимое. В итоге Сергей не выдержал и на премию в подарок ко дню рождения товарища купил Владимиру эту самую футболку и с ней ветровку. И вот теперь он увидел ее здесь. Каким образом? Совершенно непонятно. Надо будет обдумать находку.

Глеб аккуратно сложил находку и вернул ее на место, выйдя после этого из номера и отправившись к морю. К этому времени совсем стемнело, но пляж немного освещался тремя уличными светильниками.

Он бросил полотенце на пластмассовый шезлонг и по крупной кальке стал входить в море. Море было чудесным. Не по-крымски чистое, с легкими волнами и классической лунной дорожкой. Недалеко справа темнел старый волнорез. Глеб заплыл метров на сорок и долго плавал, иногда останавливаясь, ложась на спину и бездумно рассматривая звёздное небо. Наверное, так чувствуешь себя в раю. Спокойно, без желаний и забот.

3.

На следующее утро, в полдевятого утра позвонил Михаил по проводному телефону и пригласил на за-

втрак. К этому времени Глеб уже принял душ, побрился, собрался и минут пятнадцать смотрел на яркое поднимающееся Солнце. Также он позвонил жене и предупредил, что десять дней будет вне связи. Та уточнила, по работе ли, и, получив утвердительный ответ, пожелала удачи.

После звонка он спустился в холл рядом с барной стойкой, возле которой его ждал Михаил.

— Сейчас придет Алена. Пока держите паспорт, билеты, памятку и деньги. Вот вещи, — Михаил протянул достаточно легкую полуспортивную сумку. В ней явно были только вещи, причем не так много. — Есть еще вопросы?

— Да нет, все понятно. Я сложил для себя план действий. Надеюсь, девушка не подведет, в принципе задача вполне понятная. Обязательно будут какие-то мелкие неожиданности, так всегда бывает, но, думаю, на месте их решим. Хорошо, что взял с собой «зарядку» к телефону, но там я куплю местный, а свой я выключу и отсоединю батарею. По дороге куплю новый, с новой «симкой» и роумингом, и сброшу Вам номер. Пусть будет на всякий случай.

— Хорошо. Алена не подведет, она боец проверенный. Если будут сложности, можете смело ей поручать свою задачу, она выполнит.

— Ну, думаю, обойдемся без задач для девушки.

В это время на лестнице показалась Алена, катящая за ручку чемодан на колесиках. Михаил вручил ей ее паспорт с визой, деньги, они обменялись несколькими словами, хотя было видно, что основной, и, вероятно, долгий и подробный инструктаж с ней уже был ранее.

После этого позавтракали, и отправились к машине. Глеб про себя пожалел, что не искупался рано утром, но успокоил себя перспективой Адриатического моря.

Перед отъездом он аккуратно отсчитал почти половину выданных Михаилом командировочных, сложил вместе с деньги, ключами, удостоверениями и некоторыми другими документами в отдельный пакет, перемотал его скотчем так, чтобы деньги были не видны, а перемотка скотча была индивидуальной, передал пакет Михаилу с просьбой вернуть при возвращении.

4.

Дорога в Дубровник была довольно утомительной, с двойным перелётами, четырехчасовым ожиданием, так как основной самолет опоздал. С момента выезда из пансионата Глеб попросил Алену называть его Германом, так как нельзя было допустить путаницы в именах. Документы были сделаны отлично, никаких вопросов на авиаконтроле и границе не возникало. Во время перелета, перекусов и ожиданий Глеб общался с Аленой, обсуждая дорогу, какие-то истории, книги и кучу мелких незначащих вещей. О задаче и всем, что ее касалось, они по умолчанию не говорили. Девушка оказалась милой и эрудированной, хотя была напряжена, и иногда нервничала. В эти моменты Глеб рассказывал анекдоты, шутил и высмеивал наиболее комичных, нелепых или заметных пассажиров. Это помогало.

В аэропорт Дубровника они прилетели в неполные пять утра.

Глава 3. Катарсис

1.

Маленький и вполне провинциальный аэропорт, который Алена, бывавшая здесь ранее, называла «Чилипи» был похож на большой сельский магазин, имел всего одну посадочную полосу и располагался на окруженном горами плато. По прилете их даже не встречал автобус, а просто отвели строем на паспортный контроль, который в итоге удалось пройти без каких-либо

проблем. Получив вещи и выйдя из аэропорта, Алена сразу направилась к одной из прокатных контор, будками выстроившихся в ряд прямо у здания. Алена выбрала «Europecar» и довольно быстро, несмотря на раннее утро, оформила документы на серебристый «Фольцваген Поло».

Пока ехали, Глеб осмотрелся. Природа очень напоминала крымскую, и деревьями, и горами. Но вот когда подъехали к Дубровнику, стало понятно отличие. Все дома ярко отсвечивали солнце почти одинаковыми крышами, были выдержаны в одном стиле и располагались очень близко друг к другу, будто детали одного огромного строения. Внушительно и мощно смотрелась старая городская крепость.

Оплатив раннее заселение, они поселились в отеле «Дубровник пэлэс». Отель был хорош, с открывающимся при входе потрясающим панорамным видом, гармонично сочетался с прилегающей горой, из которой его стены спускались прямо к морю. Глебу он понравился, несмотря на небольшой номер.

По очереди переоделись, сходили на пляж, искупались в пронзительно прозрачном море, вздохнув запах его соленой чистоты и вечером отправились в город. Что может разведчик искать в туристическом городе? Ничего, кроме отдыха, если четкой задачи перед ним не поставлено. Все было живо, легко, но без особого содержания. Погуляли, выпили кофе и вина. С Аленой гулять оказалось легко. Не ощущалось неловкостей, лишних обязательств и напряжения.

По возвращении в отель встал вопрос, как спать. В номере была одна большая кровать королевских форм.

— Давай я лягу на пол, а ты ложись на кровать, — предложил Глеб.

— Слушай, Герман, давай без этих ненатуральных любезностей, мы не подростки уже. Кровать огромная, на

ней десять человек поместятся. Просто не будем раздеваться полностью, ляжем по разные стороны.

— Ну, хорошо, давай так. Спасибо, что избавила от половой жизни. Кровать всегда лучше пола, — усмехнулся Глеб.

Сходив по очереди в ванную, постояли на балконе, поболтали немного и легли спать.

Среди ночи Глеб проснулся посреди какого-то мутного сна и ощутил, что лежит на правом боку, прижимая к себе спящую Алену. Ее небольшая грудь, обтянув тонкую ткань майки упругим соском, удобно расположилась у него в ладони, его вторая рука была на ее голове.

Вот блин! Он не собирался заниматься с ней сексом, дурацкая, действительно подростковая ситуация. Девушка симпатичная, но зачем? Он давно не жил принципом «холостой отличается от женатого тем, что холостой хочет всех женщин мира, а женатый на одну меньше». Стараясь глубоко дышать тоном спящего человека, он аккуратно отодвинулся на свой край и, развернувшись, опять заснул.

Вздохнув, заснула и Алена.

2.

У Глеба уже довольно давно были сложности с женщинами. Следствием этих проблем стал, в том числе, и развод с первой женой и уход ко второй. Счастья ему это не прибавило, поэтому личная жизнь оказалась в довольно глухом тупике. С одной стороны, он был вполне моногамным партнером, и семейные отношения с любимой женщиной его вполне устраивали.

С другой, была интимная проблема, уже давно и сильно осложняющая ему жизнь. В период службы в госбезопасности, Глеб участвовал в проведении оперативной разработки одного очень крупного чиновника, имеющего доступ к Первому лицу.

Чиновник периодически и как-то довольно подозрительно, пытаясь соблюдать конспирацию, выезжал за границу, вследствие чего возникла версия о его связи с иностранной спецслужбой. Тема, с учетом статуса и положения объекта, была очень щепетильной. «Контора» долго следила за ним, отрабатывала «наружкой», слушала телефоны и читала электронную переписку, подводила к нему агентов и негласно обыскивала жилища, в ходе чего сложился довольно подробный отчет о его передвижениях и жизни в целом. Однако дальше ситуация уперлась в несколько частных и крайне элитных клубов, в которых фигурант бывал всегда, когда выезжал за пределы страны. Более того, можно было сделать однозначный вывод о том, что главной причиной выездов были именно эти клубы. Но вот что там делал объект, было непонятно. Ни в его звонках, ни в записях они не упоминались.

В ходе дальнейшей проверки удалось установить, что клубы являлись местами сексуальных вечеринок крайне высокопоставленного элитарного круга. Однако они были организованы и как точки встреч, общения, в них проводились концерты и интеллектуальные чтения. Потому вполне могло быть так, что в них чиновник мог проводить встречи со своими контактерами от спецслужб противника или представителями сил, враждебных интересам страны.

В общем, требовалось разобраться.

Вот здесь и пригодился Глеб, который в то время работал по линии контроля организованной преступности, периодически под прикрытием участвовал в оперативных комбинациях и имел в этой среде хорошие позиции.

Через цепочку уважаемых криминальных авторитетов он был выведен в Испанию, где и происходили события, и королевской семьей которой контролировалась небольшая сеть подобных клубов. Там он действовал под

легендой русского бандита, надежного, но объявленного в России в розыск по делам его преступной организации и вынужденного бежать.

Физическую защиту клубов обеспечивала служба безопасности, контролируемая так называемой «русской мафией», о чем их посетители, естественно не подозревали. Глеб устроился на работу в интересующее его место, что в итоге позволило разобраться в ситуации изнутри. История длилась более полугода, в ней было много тонких, опасных на грани провала ситуаций, но в результате он получил доступ к комплексу видеоконтроля. Как оказалось, главной и единственной целью посещений чиновником были исключительно сексуальные развлечения, которые он не мог получить дома. Ему нравилось, когда беременная девушка, разукрашенная клоунессой, делала ему на теле опасной бритвой мелкие надрезы, а перед оргазмом два надреза он делал ей — один в районе ключицы, второй по животу, но так, чтобы не получилось «кесарева». Это действо лощеного вельможи, под белой глаженной рубашкой которого прятались прикрытые пластырями порезы, и стало его главным фетишем, выводившим из рутины, серости и бессмысленности обыденного времяпровождения.

Таких клоунесс в клубе было три с разными сроками. Глеб не знал, беременны ли они от российского функционера, или подбирались уже брюхатыми. Ко времени окончания срока беременности одной из них чиновник приехал вновь. Он присутствовал во время проходивших в уже привычной комнате родов, которые специально под него искусственно простимулировали, сам перерезал пуповину, после чего в свойственной для себя традиции сделал два надреза на теле только родившей матери и здесь же занялся с ней сексом, войдя в развороченное лоно, из-под которого не успели даже убрать простынь с кровью, плацентой, калом и слизью.

В какой-то момент Глебу, наблюдающему происходящее по камере, показалось, что визжащий, стонущий и корчащийся сейчас на экране объект разработки после матери может заняться новорожденным. Для себя он решил, что в таком случае он сорвет задание, пойдет и просто убьет вельможу. Но обошлось. Матери гедонисту оказалось достаточно, и сытым комаром отвалившись от покорно раскорячившейся на кушетке полубезумной после успешных потуг проститутки, вновь специально к родам одетой и разукрашенной в клоуна, он, грязный от крови и всех прочих выделений, заснул прямо у кровати. После этого в комнату вернулись врачи, вышедшие сами и вынесшие малыша на время сеанса десадовского представления.

Полученные Глебом материалы вполне удовлетворили Первого.

Благодаря участию в этой операции Максимов был замечен и переведен в департамент, где и познакомился со своими новыми коллегами Владимиром и Сергеем. Вернее, Серея он уже знал, так как тот тоже принимал участие в разработке, но в качестве куратора.

Однако с того времени у него стали возникать пробуксовки в сексуальной жизни. Что-то в нем сдвинулось от безостановочного просмотра извращений мировой элиты. Он никогда не пытался воплотить в жизни то, что увидел там, более того, это вызывало в нем физиологическую гадливость. Но по ночам, наедине с женой, в самые интимные моменты почему-то именно эти образы всплывали в его голове. Он гнал их, но когда выпивал, то мечтал о них, постоянно задавая себе вопрос: «Что со мной не так, что я думаю об этом?».

Он видел себя с проколотой иглами медицинских шприцов мошонкой, в шнурованной латексной черной маске на голове, мумифицированного, висящего вниз головой и мерно раскачивающегося на странных деревянных висельниках пока на него стекает горячий воск

расположенных над ним огромных свечей, истязаемого плетьми и ударами электрическим током, принуждаемого к сексу с безногими, безрукими и слабоумными инвалидами, иногда он оказывался и на месте чиновника. Были и другие фантазии, которые отпечатались в его мозгу. То, что он не пытался их реализовать, делало ситуацию еще более проблемной. Кто знает, не была ли она сродни человеку, которого в детстве облаяла, но не укусила собака? Страх перед укусом собаки у не знающего такого укуса намного сильнее, чем у того, кого кусали. А однажды, глядя в интернете на репродукцию картины Герарда Давида «Сдирание кожи с продажного судьи», он ощутил острое желание оказаться на месте скиннингуемого служителя закона, и этот образ и желание прямо пересекались с видениями сексуальных извращений.

Будучи человеком рациональным, он всячески пытался проанализировать происходящее с ним. Глеб не ощущал стандартных сексуальных девиаций и воспоминаний, ведущих в детство, практически неизбежных в такой ситуации. Реальных предпосылок к столь резким отклонениям не было. Однажды ему показалось, что эти проблемы имеют корнями вовсе не секс, а тягу к смерти, и эта мысль была более здравой, чем хождение по кругу вокруг половой тематики. Действительно, переполнившая его душу грязь не была его грязью. Она лишь саккумулировала и перевела в наиболее уязвимую и чувствительную зону секса его разочарование властью, службой, людьми и просто жизнью. Однако его привыкший бороться мозг не готов был принять идею тоски по смерти, вследствие чего она нашла свое воплощение в странных сексуальных видениях, никуда при этом не уйдя на самом деле.

В общем, интимная жизнь Глеба стала пресной и все менее интересовала его, одновременно наполняя образами, вызывающими у него отвращение.

3.

Следующий день до обеда опять был завтрак и пляж, потом пообедали и выехали в Винковцы.

Алена вела хорошо, но спустя какое-то время явно начала уставать. В более-менее безлюдных местах, где не должно было быть полиции Глеб ее менял, и сам садился за руль. По прямой карта показывала 298 километров, но навигатор увеличивал его до 455-ти за счет движения по трассе, которые, если верить Интернету, можно было бы проехать за восемь часов.

Сначала не торопясь тронулись в направлении Сараево, до которого, с двумя остановками на кофе, заправку и туалет доехали за неполные семь часов. Хорошая дорога, местами уровня автобана, вела меж бугрящихся острыми выступами гор и скальных отломов, открывающаяся природа радовала своей красотой. Довольно сильно похолодало. Алена накинула свитерок, Глебу накидывать было нечего.

Въехав в Сараево, Алена дальше строго держалась указаний навигатора, который через несколько городских мостов, плохо освещенные улицы и центральную площадь Башчаршию вел к выезду из города. Проехали мечеть, которую Алена назвала Императорской и еще несколько явно исламских сооружений. Влияние мусульман отразилось на архитектуре города, однако было много и христианских церквей. По сравнению с другими балканскими населенными пунктами Сараево представлялся вполне приличным по размеру. Уже на выезде машина вошла в довольно плотный туман, и Глеб опять сел за руль.

С учетом тумана и ночной обстановки до Винковцев ехали четыре с половиной часа, таким образом увеличив запланированное время на дорогу в полтора раза. Ниче-

го страшного, запас времени есть, торопиться явно некуда. Признаков наблюдения Глеб не фиксировал.

И вот въехав по улице с незамысловатым названием «Винковская улица» они у заветного города. Признаков контрольно-следовой полосы, боевых роботов, тепловизоров, лазеров и спецназа, которые должны были бы охранять такой важный объект, нигде не просматривалось. Глухая провинция.

Объект, который их интересовал, находился по адресу Гая Людевита, 19. Судя по карте, это было где-то в северной части города, они же въехали через южную. Но сразу туда отправляться было нельзя, следовало осмотреть город.

Пошарпанные, бедные улицы города, в котором люди изо дня в день зарабатывают себе на небогатую жизнь. Таких городов в мире тысячи, каждый из них похож на другой. Застиранные простыни в окнах, грязные осыпающиеся старой штукатуркой стены, плохие неровные дороги, простые люди, далекие от мировых проблем, заботящиеся о своем маленьком простом мирке. Все как у всех. Это явно не центр глобального закулисья, не место, из которого может быть дан самый страшный приказ на мировое уничтожение.

Первую половину дня, они, оставив машину на одной из парковок, провели, бродя по улицам города. За это время успели сходить на экскурсию в Городской археологический музей, деревянную церковь святого Илии, позавтракать в каком-то маленьком, но уютном ресторанчике.

Потом вернулись к машине, и, выехав на улицу Юрия Далматинца, подъехали к Людевита. Улица брала начало от небольшого круга, помимо нее в разные стороны расходилось еще три дороги.

Они медленно тронулись, проезжая мимо редких пятиэтажек общажного типа и частных домов. Кстати, дорога хоть и узкая, но очень хорошая, явно недавно про-

ложена. Несколько больших перекрестков и опять общаги и частные дома. И вот они проезжают мимо девятнадцатого дома. Никаких признаков заведения с громким названием «Рок Кафе». В панельных пятиэтажных домах несколько будок офисов, рядом аккуратная трехэтажка с резными арочными балконами проехали какой-то «Хорватский банк», ресторан «Променада», магазины с одеждой, кафе «Рио» с яркими табличками «Пан», пошел ряд одноэтажных строений, будки «Секонд хэнда», и вот улица переходит в следующую, имени Владимира Кивачича.

Ничего. Ни признаков, ни Кафе, ничего. Вот это облом.

— Герман, что будем делать?

— Пообедаем, соберем мысли в порядок и решим.

— Хорошо, куда едем?

— Ну, давай вот в этом «Променада».

Еда была довольно вкусная, но как-то неаппетитно поданная. Глеб сидел, смотрел на красивую Алену и думал, что делать. Он не чувствовал ни разочарования, ни растерянности. Просто так иногда бывает. Он это знал по другим провалам и всегда был внутренне готов к подобной ситуации. Когда-то, когда умерла мать, а за ней сестра, он, пятнадцатилетний растерянный подросток сказал себе, что теперь он должен быть готов к тому, что самые близкие люди в любой момент могут умереть. И когда появлялся кто-то по-настоящему близкий и любимый, жена, дочь, настоящие друзья, он сам себе говорил: «Их в любой момент может сбить машина, убить грабитель, они могут умереть от болезни. Будь к этому готов». И он был готов, радуясь мимолетному случайному счастью, от того, что они живы.

Поэтому нынешняя неудача его не подкашивала. В отличие от Алены. Она растерянно водила ложкой в курином супе, просительно глядя на него.

Когда они доели, он расплатился по счету.

— Так что делаем, Герман?

— Едем в музей. Тот самый первый, местный археологический.

Они вернулись в музей, и он подошел к сухому добродушному старику-экскурсоводу, который так тогда обрадовался случайным иностранцам.

Глеб попросил Алену переводить и долго расспрашивал старика. Потом они еще раз походили по контактам экспозиции и вышли.

— Садись за руль, я знаю куда ехать.

Он объяснил дорогу, и они полчаса ехали в нужном направлении.

— Стой. Дальше не надо. Мы нашли, что искали. Едем в Дубровник.

Алена вела машину, молча сжав губы и настороженно поглядывая на него. Еще пару часов понятный и добродушный парень стал для нее загадочным и жутковатым сотрудником спецслужб. Ну что ж, так и есть.

Через час ее женское любопытство не выдержало.

— Что-то важное заметил?

— Ты же сама все слышала. Около Винковцев на керамическом сосуде вучедольской культуры, ты видела его копию в музее, был обнаружен самый древний индоевропейский календарь Ориона. Помнишь копию керамического горшка с узорами звезд? Тот, который самый древний в Европе календарь.

— Это имеет к нам отношение?

— Имеет, — ответил Глеб и перевел разговор на дорогу и погоду.

Календарь Ориона, символ несуществующего «Рок Кафе» в Интернете рядом с координатами города, неисправный хронометр Патрика — все этот сложилось для него в одну картину. На часах в Интернете, изображенных у координат Винковцев, была надпись, которая с английского переводилась как «Время течет сквозь пальцы». Часы Патрика были сломаны, что прямо намекало на нарушение нормально расчета времени. Все, что он

узнал о календаре Ориона, сполна характеризовало его как календарь с «неправильным», ускользающим, сломанным временем. И вот он увидел место, где календарь был найден. Вернее, побывал на подходах к нему. Там не было ни колючей проволоки, ни наблюдательных вышек. Там были лишь тщательно замаскированные ультрасовременные тепловизоры, а расположение столбов указывало на сложную антенную систему. Он не сомневался, что высоко в небе спутник или даже несколько постоянно контролируют эти места. Теперь он знал, где находится вход в Центр.

4.

— Извините, мистер, Вам конверт.

Чернокожий улыбающийся администратор окликнул его с ресепшна. Он подошел к стойке и тот передал ему небольшой конверт.

— Пожалуйста, мистер.

— Спасибо.

Глеб развернул небольшую записку, прочитал ее.

— Знаешь, Алена. Я сейчас займусь письмами, билетами, а ты, чтобы не терять время, отгони и сдай прямо сейчас машину. Она нам больше не понадобится. В аэропорт доберемся на такси.

— Хорошо, но я поднимусь в номер, умоюсь и переоденусь с дороги.

— Алена, делай, как я говорю, пожалуйста. Вещи я занесу сам, а ты прямо сейчас отгони машину!

Она пристально посмотрела на него, собираясь возразить, потом запнулась и кивнула.

— Хорошо. Я поехала?

— Езжай. Назад приедешь на такси. Деньги и документы с собой?

— Да.

— Хорошо. Аккуратней в дороге. Когда вернешься, просто сядь в холле, попей кофе и дождись меня. Просто жди! Поняла?

— Ммм. Да, поняла.

Он оставил в камере хранения ресепшна сумки с вещами, оглянулся по сторонам, подошел к клумбе, выбрал три камешка-голыша покрупнее, достал из кармана носовой платок, сложил камешки в него, получился мешочек с камнями, несколько раз прокрутил платок, завязал несколько узлов и сунул в карман.

Затем пошел к лифту, поднялся и направился в номер.

Магнитным ключом открыл дверь и поздоровался:

— Здравствуйте, Николай Орестович.

— Здравствуй, Глебушка. Рад тебя видеть. Присаживайся. Хотя, если у тебя есть, то угости водичкой.

Глеб подошел к холодильнику, достал две небольшие бутылки минералки, взял из шкафа два стакана, поставив все на журнальный стол и сел напротив расслабленно откинувшегося в кресле и грустной улыбкой глядящего на него главного шефа, пододвинув свое ближе к столу.

— Ну что, Глебушка, не наигрался?

— Пока не знаю, Николай Орестович, смотря, о чем Вы.

— Обо всем. Вот недостаточно тебе было всю жизнь прослужить сначала в армейском спецназе, потом в госбезопасности, затем в личной президентской спецслужбе. Потянуло поглубже. Ты же никогда не был склонен к мистицизму, говорильне, всей этой масонской шелухе. Чего вдруг прорвало?

— Думаю, Вы прекрасно знаете почему. Потому что пора уже стране встать с колен. Потому что ненормально, когда нашим ядерным оружием управляют, не пойми кто. Потому что судьбу всего нашего народа и каждого из нас определяет какой-то бредовый приговор непонятного суда, вынесенный полстолетия назад на основании

давно сгнивших правителей прошлого. Потому что мы достойны жить, решая сейчас, кто мы и где мы, не равняясь на дегенератов-феминисток, на странных педиков, на просвещенную, но разлагающуюся в миграционном желудочном соке Европу, и уж тем более на деградирующую Америку.

— Хорошо излагаешь, проникновенно. Только вот проникновенность у тебя слишком шапкозакидательская. Уж кому-кому, но тебе точно должно быть известно, что мир не такой, каким он кажется с телеэкрана, из Интернета, или тем более из уст умничающих знанием непонятных слов псевдофилософов, ставших таковыми просто потому, что иначе им не давали студентки. Ты же понимаешь, насколько наши радужные дикторские завывания далеки от реального положения дел, и что беды страны не в конфликте с Западом, а в наших системных, структурных, кадровых властных и прочих бедах. Ты ведь хорошо представляешь, насколько надувание про вдруг мигом ставшую сильной российскую армию не соответствует действительности. Настоящего нового оружия нет, людей не хватает, генералы воруют с утроенной силой, зато все вокруг ожесточенно строят потемкинские деревни.

— Знаете, товарищ генерал, — Глеб подчеркнул звание Николая Орестовича после его слов о продажных генералах, — Вы уж простите мен за наглость, но, наверное, сейчас тот момент, когда можно говорить, что думаешь. Так вот, лучше быть философом, чем однажды совершенно потерять границы норм, морали и нравственности, границы тех идеалов, которым ты призван служить и мочить не врагов, а собственных сотрудников просто потому, что они выбрали не ту идейную площадку.

— Глеб, ты о чем?

— Вы прекрасно знаете о чем, — Глеб говорил твердо, но почти ровно, не срываясь в лишнюю эмоцио-

нальность, хотя то, что он говорил, рвалось из него отчаянным потоком. Однако внешне он был совершенно спокоен, потому что этот разговор может закончиться совершенно неожиданно и к этому нужно быть готовым. — Вы знаете. Пример Сергея Трофимова о многом говорит.

— Ааа, Глеб, ну-ну. Рассказываешь мне, как я приказал его убить, ты же это имеешь ввиду? Глеб, зачем мне его было убивать? Он бы и так выполнил любой мой приказ! Я знаю, какой сказкой тебя накормили, но мысли логически, гляди на вещи шире! Смотри, вот мы с тобой сейчас общаемся, ты жив-здоров. Неужели ты менее опасен, чем Сергей? Что мне от его смерти?

А теперь подумай вот о чем. Сколько человек было инициировано по чудовищной схеме секты, в которую ты так неосторожно вписался? Тебе известна эта информация?

— Меня это никогда не интересовало. (На самом деле, конечно, интересовало. Но его новые товарищи как-то обтекаемо говорили на эту тему).

— Очень зря, очень зря. Ну а я знаю. Все эти игры в патриотический русско-православный Орден по-своему даже милы, у квасных патриотов хотя-бы есть куда выпускать пар.

Я думаю, поэтому Первый и подсадил мне моего первого зама, которого, к сожалению, я не могу пока уволить, и который уже натворил с вами дел. Я даже не имею к тебе слишком серьезных претензий, потому что формально ты действовал по правилам субординации, на основании указаний непосредственного начальника.

Скажу честно, мне не известны мотивы Первого. Он играет на нескольких досках и степень его ответственности и решения, которые он принимает под тяжестью обстоятельств, о многих из которых даже я не всегда догадываюсь, диктуют свою логику поступков. Думаю, это просто кость нашей патриотике, чтоб не создавала

внутренние заговоры, а боролась с внешним врагом. Но внешнего врага нет на самом деле, вот в чем дело.

Да, так вот по поводу положения Сергея, и того, что твои друзья зовут обрядом Евхаристии. Чтобы ты знал, Глеб, за всю полувековую историю существования этой мрачной организации обряд смогли пройти всего четыре человека, и те после его прохождения бежали от этой секты, как от огня! Чего же ты не спросил этих энтузиастов, прошли ли они его сами, а если нет, то почему?! А умерло при неудачных попытках не менее сотни, и это только те, кого мы знаем! Остальные останавливаются на уровне «тиуна» и дальше играются в патриотический мистицизм просто словами и деньгами.

Госбезопасность всегда контролировала их деятельность, но мало ли таких чудаков? Хотя бы не скопцы-сатанисты, но может, лучше, чтобы они. Твой Корпус был довольно безвредной игрушкой для любителей, пока туда от скуки, безделья и неадекватного понимания обстановки не полезли олигархи и некоторые наши довольно крупные чиновники. Старые игрушки надоели, захотелось чего-то новенького, со своим национальным колоритом.

И вот тебе, пожалуйста, лежит Сережа Трофимов, подыхает потихоньку. Это я к вопросу о том, кто его отравил. Ты прекрасно знаешь, что у меня не было прямой связи с Мердеряном, все команды я каждому из вашей группы давал или через Александрова, или через моего первого зама. Вот и думай, кому выгодно. Сергей — человек с особым складом характера и психикой. Для «корпусников» он показался жемчужиной. Но ты же прекрасно понимаешь, что он или не согласился бы на этот безумный эксперимент, или укатывать его в стиле подготовки радикала-смертника пришлось бы довольно долго, тем более, что он все же профессионал с довольно высоким уровнем критического мышления. А тут трахбах, покушение злого руководства и пожалуйста! Лежит

человек, молится, где надо, колется, куда надо. Так что думай, Глеб, кому выгодно.

— Я думаю. И то, что случилось с Сергеем не должно остаться безнаказанным. Но и помимо Сергея, факты остаются фактами. Я видел материалы. Страна не может на ноги стать из-за позорного преклонения перед Западом. И самое обидное, что этому способствуют те, кто по долгу службы обязан этому противодействовать, — Глеб прямо взглянул в глаза начальнику и замолчал, не отводя взгляда.

— А вот тут давай поподробнее. Как ты думаешь, при всех своих недостатках, был ли Сталин агентом Запада? Думаю, ответ очевиден. Но именно он проложил дорожку, по которой мы сейчас идем.

Понимаешь в чем дело, Глеб. Можно сколько угодно долго упиваться мыслью, что мы Третий Рим, что мы особая цивилизация, что у нас свой путь и ценности и так далее, и так далее.

Не буду сейчас глубоко нырять в прошлое, но давай трезво взглянем на ситуацию. Всю свою историю Россия претендовала на успех лишь при хорошем западном допинге. То нам инородное христианство с Запада принесут, то варяги порядок наведут, то Петр Первый окно в Европу прорубит и через него немного цивилизации подзатянет. Если технологии, то западные, если философия, то тоже с англо-франко-германским душком. Или не немецкая Голтейн-готторпская династия правила Россией под видом Романовых во главе с немецкими и английскими императорами? Или русской была Византия, вместе с Грецией ставшая основой всей русской духовности? Коммунизм придуман и написан немцем для немцев, но вот мы, русские, его строим.

Я говорю это не для того, чтобы подчеркнуть нашу неполноценность. Наоборот, это наше огромное преимущество, адаптировать лучшее и передовое. Живут же китайцы, воруя чужие технологии, в общественном

строе на идеологической основе, придуманной для тех же немцев и англичан. И ничего, потихоньку, полегоньку строят свою самостоятельную цивилизацию. Да, с заимствованным инструментарием, но на основе своих многовековых традиций. Так чего нам стыдиться или воротить нос? В нас заложена схема такого взаимодействия с Западом, когда мы что-то берем, а потом развиваемся на основе этого, уже влияя на этот Запад, а, порой, и подчиняя его. Вся наша русскость — с иностранным акцентом, и это свидетельствует не о нашей недоразвитости, а о том, что в нас есть все предпосылки аккумулировать все самое передовое в мире, а, значит, ни о какой самоизоляции речи быть не может.

Сам вот подумай, — тут начальник чуть наклонился вперед, и на его лице появилась добродушная усмешка. — Когда ты берешь девушку, должен ли у тебя быть комплекс от того, что у нее есть то, чего нет у тебя, но тебе нужно и хочется? Нет, конечно! Какие, к черту, комплексы! Не нужно самому превращаться в девушку, да мы и не собираемся! Мы постепенно набираем силу, и потом еще поглядим, кто при ком будет! — самоуверенно закончил он свое интимное сравнение, после чего налил в стакан воды, немого отпил, откинулся в кресле и продолжил.

— Зачем бездумно разбрасываться ярлыками и образами, которые придуманы не нами? За фасадами слов необходимо видеть их содержание. Что сейчас кроется за историко-политическим образованием под названием «Россия»? Все еще тяга к агрессии, к порабощению и искоренению инакомыслия? Но мир уже теперь в том положении, когда у нас не осталось шансов к агрессии и порабощению. Раньше да, могли, но раньше и все другие жили по тем же правилам. Сейчас эти правила изменились. Они остались в прошлом. Если мы не хотим тоже остаться в прошлом, как рыцари, самураи и казаки, в смысле настоящие казаки, то мы должны тоже изме-

ниться. Можно конечно попытаться сохранить внутренний статус-кво. Но тогда, даже если мы и выживем, то останемся причудливым и уродливым обломком прошлого. Как Северная Корея. Как в природе акула и крокодил — с ними смирились, но гармоничной частью мира они не являются. Просто злобные реликты. Однако наши люди хотят пользоваться всеми благами цивилизации, быть ее частью, поэтому, думаю, эта роль не для них. Ну, в самом деле, зачем нам бессмысленное и пустое псевдопатриотическое шапкозакидательство?! В чем сейчас особость цивилизации России? Если разобрать тезисы сермяжных патриотов, то это как бы православие и традиционные ценности, в первую очередь, семья. Так? Ты можешь еще что-то назвать?

— Наверное, язык, наша история, — ответил Глеб, с одной стороны, не стремящийся излишне абстрагировать разговор, с другой, заинтересованный в понимании логики тех, кто сейчас был для него противником.

— Глеб, ну что опять за стереотипы? Язык есть у любого народа, языков вообще в мире было и есть семь тысяч, но это ведь не значит, что было или есть семь тысяч цивилизаций. А история — это что? История — это прошлое. Мы не можем жить только прошлым, иначе это цивилизация лицом назад.

Что касается традиционных ценностей, то это еще одна химера. Какие традиционные ценности, Глеб, Россия занимает одно из первых мест в мире по разводам! Какие же мы хранители традиционных ценностей, когда у нас нет никакого духовного центра, а без духовного центра о каких ценностях может идти речь? Так что же мы храним в нашей, якобы, самобытной цивилизации? Нашу самобытную коррупцию и ожесточенную защиту кучки олигархов, главной заслугой которых является более-менее грамотное администрирование СМИ, формирующих общественное мнение и чиновниками, что

позволяет обеспечивать свои интересы? Меня, честно говоря, устраивает более паритетные системы.

— Вы про Запад?

— Слушай, ну мы же часть этого Запада. Это как если бы ты с настороженностью говорил о своей левой ноге, ну или она о тебе. Я еще раз тебе объясняю, не способны и не должны мы ему противостоять. И самое главное, зачем?! Как раз Запад может дать нам недостающую сейчас идентичность, что, кстати, в прошлом он уже делал.

Через революцию 17-го года мы отсекли пуповину, связывающую русских с прошлым, и взамен создали новую, мощную кровавую и могучую историю. Но мы же ее и снова уничтожили. Не потянули размах. И вот теперь пытаемся эти две разорванные и ссохшиеся пуповины царской и советской России связать между собой, как бы примиряя их, и опять втянуть через них живительные соки прошлого, не понимая, что разорванная пуповина не восстанавливается и не питает. Попытки же произвести единый царско-советский гибрид образа прошлого убоги, такой франкенштейн не имеет перспективы к жизни. Интернационализмом, перековкой всего и вся выхолостили родимые пятна русского народа. Не осталось ни душевного страдания, ни знаменитого русского сострадания, ни долготерпения, ни семейственности, ни удали. Где наша общинность? Палку перегнули еще при коллективизации, и эта струна разорвана тоже.

Православие? В котором спасение русского народа, а в будущем и всего человечества, по Достоевскому? Мы скатились к сутяжничеству, и забыли ту русскую идею, когда преступление следовало называть несчастьем, а преступника несчастным человеком, добиваясь, однако же, правдивого наименования вещей и их последствий, но главной целью наказания ставя раскаяние преступника. Мы стали мелочно злыми. То, что происходит сейчас с православием, очень напоминает то, что

происходило с советским коммунизмом, с разницей на историческую продолжительность. Сначала была яростная беззаветная само- и всего вокруг — отдача, а позже — обмельчание иерархов, потеря внутренней веры. Какой сейчас в стране реальный процент верующих? Не особенно большой. И не в меньшей степени православная, например, Греция, являющаяся членом НАТО и неотъемлемой частью Запада.

Что еще у нас отличительного в традиционных ценностях? Гетеросексуальная семья? Кстати, с момента исключения уголовной ответственности из Уголовного Кодекса за гомосексуализм, мы гомо-нейтральная страна. Уровень общественной толерантности к геям постепенно повышается.

Что еще? Победа во Второй мировой? Ну, это к истории. Может лишь это быть глобальным цивилизационным корнем? Нет, конечно. Нельзя идти вперед лицом назад.

И где теперь наша совестливость? Это ли теперь отличительная черта русских, как было всегда в прошлом?

Мы становимся прошлым. Не понимаем глубины и сложности технологических, мировоззренческих, научных, информационных, каких там еще? изменений. До нас доносится лишь их эхо. Мы сосредоточились на западной фестивальщине, не видя сути и не желая ее видеть. Мы мечтаем о конце Европы, иммиграционном кризисе и прочих катастрофах. Ничего этого нет, и не будет. Мы не в силах поверить, что противник не издыхает, в то время как нужно думать, как бы не издохнуть самому.

— Николай Орестович, но это ведь не так! Вы говорите, нет ни веры, ни патриотизма. Да посмотрите вокруг! Какая огромная волна патриотизма, воодушевления возникла после Крыма! Зашли всходы там, где казалась безводная пустыня. И эта волна будет все сильнее при дальнейшем развитии процессов!

— Не будет никакого дальнейшего развития. Сделанные ошибки будут купированы. Этого не позволят здоровые силы. Глеб, какой подъем? К чему он привел кроме полупьяной минутной удали? Как это сделало нас лучше, современнее? Посмотри на жизнь России, на повседневную жизнь. Она во всем отстала и повторяет западную, но в более уродливых формах. Живем огрызками новостей оттуда, наша музыка вторична, авторы воруют и ее, и песни, а артисты тупо и бездарно подражают заграничным. Литература — жалкая калька и тоже подражание западной. Кино — отвратительная пародия на западные фильмы. В политике мы находимся во власти чужих концепций. Мы подъедаем более дорогие и намного более вредные пищевые остатки. В технологиях безнадежно отстаем. Все, что делаем — лишь поставляем ресурсы ненавидимому Западу. В итоге сейчас мы бледная и уродливая его тень. После революции и Отечественной войны массовый русский креативный и пассионарный нерв был разорван.

Можно, конечно, послушать этот бред бородатых лузеров про нашу сакральную идентичность и особый путь. Но в основе их идеологии, как не смешно, тоже лежат идеи, украденные у западных философов. И во-вторых, какие шансы у такого пути на выживание?

Есть такой фильм Мела Гибсона, называется «Апокалипсис», не видел? Нет? Посмотри как-нибудь. Там про жизнь индейцев до момента, когда приплыли конкистадоры. Ну вот, в фильме у этих индейцев своя, неважно хорошая или плохая, но своя цивилизация, свои правила жизни. А фильм называется «Апокалипсис» потому, что эта цивилизация заканчивается в момент, когда приходят посланцы другой, более развитой цивилизации. Ты же не будешь спорить, что уже сейчас западная цивилизация на голову более продвинутая, чем мы, в технологиях?

До конца 16-го века европейский Запад на голову отставал от Оттоманской, Византийской империй, Империи Великих Моголов, и вообще, по сути, плелся почти в хвосте мира. И только резкий технический прогресс, позволивший европейским странам завоевать огромные территории колоний, изменил картину мира. Поэтому можно сколько угодно упиваться своей духовностью, но это не спасет тебя от более технологически и организационно продвинутых народов.

Что ж мы даже на уровне прогнозов будущего не способны сравняться с новыми технологическими укладами производства, информатизации, вооружения? Что ж любая наша попытка сконцентрировать ресурсы и достичь состояния Запада лишь отдаляет нас от него, потому что пока мы черепашьими шагами в развалку движемся к этой цели, они уходят далеко вперед за горизонт? И это при том, что мы с ней как-то взаимодействуем. А цивилизации конкурируют не красотой искусства, а силой оружия и способностью другому навязать свои правила, своих богов, свой образ жизни, свою систему ценностей.

И если мы пройдем по своей сакральной дороге, то нас ждет судьба этих индейцев.

Вместо этого мы выбрали намного более качественный и перспективный путь! Мы шаг за шагом усмиряем и примиряем Запад. Мы нашли с ним компромиссы, и наши братья политикой малых шагов делают его более ручным, менее агрессивным. Да, там пока в качестве страшилки используется Россия, потому что так было всегда. И мы им пока еще нужны именно в таком качестве, потому что их единство шатко, непрочно и только понемногу принимает оформленный вид. Без страшилки, без жупела оно быстро прекратится. Нам, наоборот, нужно гордиться, что мы являемся главным ужасом и скрепой цивилизованного мира! Но постепенно мы уйдем и от этого. Постепенно настанет день, когда золо-

той миллиард из газет, из Интернета, от авторитетных артистов и общественников узнает, что Россия изменилась, что там живут хорошие люди, такие же, как и они сами.

И они полюбят эту новую Россию, как полюбили всех тех, кого им сказали любить до этого: негров, геев, фриков и прочих. Мы-то уж получше. Вот в этом и суть. Или строить социализм с западным лицом и с русским участием, или идти в пропасть заведомого пораженчества. В конце концов, современная идеология тех, кто сейчас управляет миром, обогащена работами именно наших ученых. Имена Панина, Вейника и многих других напрямую связаны с новой картиной власти, а это свидетельствует о неразрывности нашего пути и готовности Запада воспринять Россию в нормальном конструктивном состоянии.

Ты пойми, нельзя стоять на пути силы, набирающей обороты действительно всепланетного масштаба. По сути, последним, кто пытался им противостоять на идеологическом уровне, был Ватикан. И что? Ты видел, как они сковырнули в прошлом году Бенедикта, и весь мир это проглотил, несмотря на полное отсутствие прецедентов в прошлом. Если ты не можешь противостоять волне, то нужно стать ее частью. Это же волне реальная возможность, ведь организация — это совсем не американская гегемония! В самой близкой перспективе мы сможем построить единое европейское социалистическое пространство с достойной ролью России в нем. А США просто вернется к доктрине Монро, уйдя с континента. Наши друзья приведут к власти в Штатах президента-традиционалиста, и противостояние закончится, а с ним и угроза мировой войны. Что тут плохого?!

Глеб сбросил вызов Алены. Вот же баба, сказали ждать и не звонить!

— Здорово звучит, Николай Орестович. Только как в эту картину прекрасного завтра вписывается история

с ядерным оружием и контролем над ним? Мы же стали беззащитны перед до зубов вооруженным врагом!

— Глеб-Глеб, крепко тебя поднакачали. Центр управления действительно был создан, думаю, ты это знаешь. Только видишь ли, Глеб, в чем суть этой истории. Талантливые ученые, работающие над ядерной тематикой, после решения Большого Суда в рамках создания единого Центра управления, а это была титаническая и гениальная работа, не менее, а может даже более сложная, чем создание самого оружия, сполна ощущали свою ответственность перед человечеством. И постепенно разработали схему, которую аккуратно, иногда даже под благовидными предлогами, допускаю, что, даже вводя в заблуждение руководство своих стран, реализовали. Рассказывая байки, что «это в наших интересах и бьет по противнику».

Суть этой схемы, Глеб, в известном тебе обряде смены крови. Почему его ввели, и как твои друзья на это повлияли — это отдельная история. Бывали, видишь ли, ошибки и у высшего руководства страны при направлении в Нобелевский Комитет наших представителей, к сожалению. Смог кое-кто просочиться, и в начале девяностых навязать новую техническую пусковую схему. А может, наоборот, как раз это и правильно. Бывает так, что даже в самом горячем бреду обнаруживается здравое звено.

В общем, на сегодняшний момент на практике полноценный массовый запуск ядерных арсеналов возможен, во-первых, только из Центра контроля запуска, а во-вторых, только лицом, способным менять свои группы крови.

Дело в том, что твои товарищи из Корпуса смогли-таки присадить свои идеи некоторым членам Нобелевского Комитета и научно-техническому персоналу, тем более что определённая его часть представляла Россию. В итоге, довольно странным образом за основу предо-

хранительной системы некоторое время назад была принята идея многокровного запуска.

Чтобы ты понимал, о чем идет речь, поясню. Есть четыре стороны, реально влияющие на деятельность Нобелевского Комитета и имеющие особый статус. Это Россия, США, Англия и представитель от аппарата Комитета. Одним из принципов подбора и направления в Комитет теперь является закрепленность определённой группы крови за стороной. Это отдельная история, как к этому пришли, пока прими это просто как факт.

У Великобритании это первая, у американцев вторая, за представителем секретариата Комитета третья, и у России четвертая. Для остальных стран и организаций нет такого критерия, так как они даже теоретически не имеют доступа в Центр. Никто другой внутрь помещения пуска войти не может, поэтому если там будет четыре человека, нужных для пуска, то у каждого из них будет разная кровь. Так вот, привести в действие систему массового запуска могут лишь они все вместе, активировав каждый свой сегмент управления, привязанный к крови страны, идентифицировав свою группу. Думаю, ты понимаешь, что это практически невозможно. Бомбить свои страны никто не будет.

Но есть обратный вариант, хоть он и считался до последнего времени невозможным и неосуществимым — активация запуска одним человеком, способным менять в определенной последовательности группы крови.

В итоге, у нас в России пока полнейшая блокировка деятельности Центра в части внешнего управления. В автоматическом же режиме он может бабахнуть сам при контрольных показателях. Пуски возможны, конечно, но только из национальных центров управления, однако они повлекут автоматическую реакцию большого ЦУ, и все это знают.

Зато есть явная положительная сторона. По сути, проблема ядерного оружия снята, его массовое исполь-

зование невозможно! Да, на боевое дежурство ставятся новые ракеты, старые снимаются, но этот процесс идет по затухающей. Лет через пятьдесят мир станет безъядерным, и если ты считаешь, что это плохо, то мне жаль тебя. Есть, конечно, маргиналы, разрабатывающие ядерное оружие, есть Израиль, Индия и Пакистан, но решив их международные проблемы, мы аккуратно, незаметно сможем купировать и этот вопрос. Единственной проблемой является Сергей, у которого выработано это чудовищное умение по смене крови.

Понятно, что ему почти невозможно попасть в Центр, если бы не одно «но». Если, например, он будет назначен Представителем России в Комитете, как кое-кто уже предлагает, то формальных оснований для отказа не будет. Хотя я надеюсь, Первый не пойдет на такой необдуманный шаг.

— А это возможно? — вырвалось у Максимова.

— Да в этом изначально и был весь этот безумный план твоих новых друзей! В этом же вся его суть! Вся Ваша история ради этого!

И вот, кстати, еще, чтобы ты понимал степень проблемности вокруг Центра. Когда в девяностом его решили перенести сюда, на Балканы, то новый молодой Президент Сербии Слободан Милошевич изначально не возражал. Более того, его-то и к власти пустили под гарантии того, что местность, на которой будет располагаться Центр, станет независимой под протекторатом Нобелевского Комитета. Он сначала согласился, а когда понял, какое сокровище уплывает из-под носа, попытался удержать его, мотивируя тем, что это его территория. Ну и все, он ввел войска, если ты интересовался, то в Винковцах и вокруг них в 91-м были кровопролитные бои. Чем это все закончилось известно всем, он погрузил свою страну в страдания, разорвал на куски из-за глупой амбиции. Не лучший пример, не надо повторять чужие ошибки. Вот и все.

— Как это все? А новое Большое Судебное заседание? А Сергей?

— Скажу честно, очень жаль, что ситуация с Сергеем зашла так далеко. Жил бы себе, работал, потихоньку дорос бы до генерала. Он хороший и толковый парень, но сейчас цена вопроса выше, чем жизнь одного человека. Цена вопроса — безопасность всего мира. В своем нынешнем состоянии Сергей очень опасен. Твои безумные Корпусники решили, что с его помощью, найдя Центр, смогут шантажировать остальной мир и диктовать ему условия. Но так не получится, никто этого не допустит.

— Вы хотите убить Сергея?

— Глеб, давай без драматизма. Мы с тобой обычные технологи, просто в очень специфичной сфере. Это позиция врача — удалить ли больную ткань, чтобы организм выздоровел, или, страдая ложным гуманизмом смотреть, как она распространяется по телу, убивая человека. Это вопрос государственной и международной безопасности, а ты, насколько я помню, на эту тему давал присягу. Тем более что это уже не тот Сергей Трофимов, которого ты знал. Это очень опасное оружие в руках фанатиков. Он искалечен физически, а его старая личность выжжена нечеловеческим психическим напряжением. Так что, если его не станет, это будет лучше не только для всех, но и для него.

— Зачем вы мне это говорите? Решили поделиться планами?

— Нет, Глеб. По сути, я если не ставлю задачу, то предлагаю совместно решить проблему, которая угрожает интересам нашей Родины. Я понимаю, насколько тебе забили мозги байками, но я знаю тебя как рационального и грамотного офицера. Глеб, я хочу, чтобы мы совместно решили эту задачу, как и должны по службе. Я не собираюсь заманивать какими-то посулами карьеры и прочего, но просто по факту понятно, что твой вклад в общее дело не останется неоцененным. Мы закроем глаза

на эту твою поездку, хотя, как ты сам понимаешь, могло быть совсем по-другому. Сколько ты еще здесь будешь?

— Ну, путевка на десять дней. Еще где-то неделя.

— Ладно, ты заслужил отдых. Отдыхай. Но только отдыхай, Глеб, ты меня услышал?!

— Так точно, я все понял.

— Отлично. А когда возвращаешься, аккуратно прорабатываем, как правильно и без большого ущерба успокоить все то, что ты наворотил. Как вернешься, сразу на доклад ко мне лично. Ладно, все понятно, хорошо, что разобрались, — примиряюще сказал начальник в ответ на попытку Глеба вставить реплику. — Кто не делал ошибок, тут главное вовремя остановиться и извлечь правильные выводы. В общем, зачистим эту историю, и впереди у нас будут большие дела! В конце концов, Крым же присоединили!

— То есть я должен убить Сергея?

— Не упрощай. Порядок твоих действий мы еще оговорим. Но в целом я рад, что мы поняли друг друга. Я в тебе не сомневался.

Он встал, обнял Глеба за плечи, прижал к себе на несколько секунд, потом пожал руку и вышел из номера.

Глеб подошел к двери, постоял возле нее несколько секунд, открыл, заглянул в коридор, закрыл, вернулся, проверил номер, выглянул в окно, после чего вышел, закрыл дверь и быстро отравился в лобби.

Пока они общались, примерно с середины разговора горячая волна откуда-то из шеи растеклась по обе стороны тела, наполнив его сначала лихорадочной решимостью, потом угрюмой злой тоской, а в итоге твердой уверенностью, которой ему уже так давно не хватало. И вот сейчас он испытывал чувство легкости и почти удовольствия. Все, что еще только что было важным, деньги, карьера, секс, страхи и опасения, все ушло вместе с шефом. Сердце колотилось. «Как чудесно, как чудесно, что в тебе никто не сомневается», — повторял он про себя. Нуж-

но было разыграть сценку с письмом, бабушкой Алёны и билетами, хотя смысла в этом после посещения начальника не было никакого. Но он привык четко выполнять инструкции.

Вот и все, все карты вскрыты, все пути прочерчены, все пазлы сложены. Шеф, манипулируя им, попытался зачистить поляну противника, не используя собственные ресурсы. Глеб должен ликвидировать Сергея, а скорее всего, не его одного, после чего, естественно, ему будет выписан билет в один конец, это очевидно. Тогда это назовут внутрисектанскими разборками «корпусников», после которых перед Первым можно поставить вопросы и о неугодном заме, и о Милофееве, и о целесообразности существования Корпуса. Наверное, примерно так же он разговаривал с Мердеряном. Володя, конечно, был типажом не первой моральной свежести, но чтобы он вот так попытался убить старого товарища, тут нужно было поднакачать. Как это делает начальник, он только что ощутил на себе.

Ни фига так не будет. Он выбрал свой путь. Впереди борьба за новый Большой Суд, за достоинство и самоуважение России. На кону ведь совсем не экономика, не перспективы развития, не место в мироустройстве и не благополучие. Ставкой является коллективная совокупная честь страны, именно страны, а даже не государства. Государство само должно решить, важна ли ему честь, это, к сожалению, далеко не всегда аксиома. Кому-то плевать на честь? Что ж, в таком случае плевать на них. Эй, уроды, вы, правда, считаете, что это пустое надувание щек? Так пшли нахер!

Говорим про Бога? Для Вас Бог — любовь? Какая именно любовь? У украинцев для любви есть два слова — любов и кохання, где кохання — это любовь между мужчиной и женщиной, а любов — это многосторонние, общие проявления любви к чему угодно. Бог любов или кохання? Что имел ввиду Иисус? Может быть в языке, на

котором он разговаривал, была своя любов и кохання? Не забыть посмотреть в словарях… Ну а поэтому для меня — Бог есть Честь. Со своими божественными параметрами собственного достоинства, памятью прошлого, принятием своих корней, кодексом поведения и отсутствием оправданий к его нарушению, четкой системой совершенствования духа...

Оххх… как стало вдруг хорошо… Шаг Глеба был твердым, а мысли ясны. Возможна ли Россия без чести? Без денег, без справедливости, без всего возможна. Без чести — нет, даже будучи сытой и довольной. Так что ставка этой истории, — и его личная честь, самоуважение, право называться потомком своих предков. Мы неспособны устойчиво существовать, и уж тем более развиваться без этого, даже если кажется по-другому, иначе при самом благополучном экономическом и политическом укладе Россия обречена. И вот поэтому его путь определен.

P.S. *Вера в то, что существует только одна правда, и что ты сам владеешь ею, представляется мне глубочайшим корнем всех зол в этом мире.*

Макс Борн

ПРИЛОЖЕНИЯ

Я,

_____

_____

Отринув страсти, амбиции, самомнение
Идя по пути Жертвенного служения России,
Не ожидая ответных благ и милостей,

Прошу

Рассмотреть и оценить меня

«КАДЕТОМ-СТАЖЕРОМ»

В
«РЯДОВЫЕ»

Софийского Военного Добровольческого Корпуса России Михаила Тверского (СВДКР (МТ)

На время «СТАЖЕРСТВА» выбираю себе Корпусное Имя _____

КЛЯНУСЬ сохранять в ТАЙНЕ факт и обстоятельства всего, что связано с КОРПУСОМ и моими взаимоотношениями с ним

ПРОШУ применить ко мне все заслуженные наказания и кары за нарушение КЛЯТВЫ тайны КОРПУСА и моих отношений с ним. Их тяжесть осознаю!

_____ След

Дата

Ответьте на вопросы

		Да/Нет	Примечание
1	Готовы ли вы пожертвовать своей жизнью и судьбой ради интересов России		
2	Готовы ли Вы признать Православие объединяющей основой Российского государства		
3	Согласны ли с утверждением: Существующее положение требует качественного развития и улучшения		
4	Согласны ли с утверждением: Только движение вперед, восстановление исторического и справедливого могущества России, может обеспечить ее устойчивое существование		
5	Согласны ли с утверждением: Настоящий патриот главной целью своей жизни ставит Родину, а остальное — после?		
6	Согласны ли с утверждением: Сложность проблем, разнообразие врагов требует терпения и времени, без чего за дело лучше и не браться?		
7	Доверившись единому сообществу единомышленников, готовы ли Вы действовать сообща, руководствуясь мнением и решениями старших?		
8	Способны ли Вы сохранять в тайне свое участие в единой Миссии?		
9	Согласны ли придерживаться общих правил и принципов своего братства, не нарушая их?		
10	Готовы ли Вы посвятить всю свою жизнь России, и в действии, и в ожидании необходимых условий?		

1. Организация групп в Москве и Санкт-Петербурге — порайонная, в регионах — формируются городские дружины Корпуса, с учетом его организационной структуры и системы управления. Оптимальное число дружинников — 25. На особо крупных и стратегически важных направлениях могут создаваться отдельные ячейки. Допускается адресная деятельность заграницей.
2. Группа — 4 Рядовых и — Старшина. Старшина распределяет обязанности между Рядовыми, которые является их постоянным функционалом. В их числе могут быть: Организатор (с функцией финансиста, координатора и связного), Инструктор (реализация целевых задач, медицина), Лектор (информационная работа), Заведующий инвентарем (работа со всеми необходимыми материальными ресурсами), Секретарь (переписки, обеспечение литературой, учет и контроль), Ответственный по активным мероприятиям (боевая работа).
3. Каждого члена своей Группы Старшина подбирает сам и несет за него полную личную ответственность. Решения в Группе принимаются единолично Старшиной. Он же несет за свою Группу полную ответственность перед Командованием.

   Решение о том, прошел ли Кадет-Стажер стажировку, принимает Старшина единолично.

   Решение об исключении из Группы Рядового принимает Лейтенант или иное лицо, определенное командованием, на основании ходатайства Старшины.
4. После того, как член Группы духовно готов создать свою Группу, и получил на это разрешение Командования, он может выйти из старой Группы. Тогда на

его место приглашается новый. Бывший Старшина Группы, не имеет права вмешиваться в деятельность новой Группы и своего бывшего Рядового.

5. Каждая Группа подчиняются Старшине. Три Группы формируют Крону, которой руководит Лейтенант. Три Кроны формируют Строй, руководимый Капитаном, три Строя формируют Батальон, руководимый Майором. Дальнейшая структура познается допущенными к Таинству по решению Командования.
6. Испытательный срок Стажера в Рядовые — два месяца. Испытательный срок в Старшины — четыре месяца. Испытательные срок в Лейтенанты — полгода. Испытательный срок в Майоры — год. Сроки не могут быть сокращены или отменены НИКЕМ.
7. Корпус базируется на Уставе, обязательными сферами выполнения которого являются:

— Регламент по Корпусу;
— Духовное совершенствование;
— Физическое и боевое совершенствование;
— Расширение сферы Познания и Премудрости;
— Развитие материальных возможностей;
— Исполнение Предназначения;

Учеба по Уставу и его исполнение проводится по мере развития Стажера и Бойца.

Старшина обязан организовать работу по изучению и исполнению Устава.

Кодовые слова:

Пароль значение

1. Ольха — 1.1. Ольха 9 — 1.2. Ольха 102 — 1.3. Ольха 203 — 1.4. Ольха 304	Запрос о помощи: — 1.1. В конфликте с возможным применением оружия; — 1.2. В силовом конфликте; — 1.3. Проблемы с властью; — 1.4. Нужно участие деньгами или другими материальными ресурсами
2. Клен — 2.1. Клен 9 — 2.2. Клен 102 — 2.3. Клен 203 — 2.4. Клен 304	Угроза!: — 2.1. Жизни — 2.2. Здоровью, имуществу — 2.3. Свободе — 2.4. Близким
3. Дуб — 3.1. Дуб 9 — 3.2. Дуб 102 — 3.3. Дуб 203 — 3.4. Дуб 304	Сигнал по Организации: — 3.1. Срочный сбор! (далее место, время) — 3.2. Подготовка к участию в БД — 3.3. Имеется угроза Организации — 3.4. Угроза защищаемым организацией ценностям;
4. Каштан — 4.1. Каштан 9 — 4.2.Каштан 102 — 4.3. Каштан 203 — 4.4. Каштан 304	Работа по регионам ответственности — 4.1. Донецк — 4.2. Луганск — 4.3. Украина вне Донбасса — 4.4. За пределами России

Ответ:

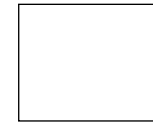
— Зеленый — **да (принимаю)**

— Серый — **нет (не могу — по отдельно докладываемым причинам)**

Верю и принимаю, что:

1. Любая идеология не может быть единой для всей Страны, ибо идеология — продукт мысли, которому противостоят продукты другой мысли.
2. Единой основой всей Страны может быть только Вера, Религия и Справедливость, ибо они — от Бога и от Сердца, а противопоставить Богу и Сердцу невозможно ничего.
3. Способ создания и установления единой основы Страны — Божье Таинство.
4. Границы Страны сейчас непрочны для ее устойчивого развития и не обоснованы Правдой и Справедливостью.
5. Существующие сейчас в Стране механизмы и организации не дают возможности в полной мере достичь Справедливого состояния Страны.
6. Невозможно требовать защиты Страны от ВСЕХ в условиях, когда ВРАГ так всеобъемлющ. Лишь ЛЮДИ, способные отказаться от амбиций и даже жизни, ДОСТОЙНЫ быть допущенными к этому.
7. Участие в Организации не дает прямых льгот и преференций. Дает лишь ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТЬ, ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССОВ И ВЕЩЕЙ.

След

_____

Дата